Десять покушений на Ленина. Отравленные пули

Николай Дмитриевич Костин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга "Отравленные пули" — о русской революции 1917 года и контрреволюции; об известных и неизвестных покушениях на В.И. Ленина.

В книге широко использованы неизвестные и малоизвестные материалы судебного процесса над правыми эсерами 1922 года, а также многие другие архивные источники. Из нее читатель узнает документально аргументированную правду об убийстве В.Володарского, М.Урицкого, о тяжелом ранении В.И.Ленина, о сговоре эсеровского руководства против Советской власти с буржуазными партиями белогвардейцев и иностранных посольств и их разведок, о мятежах, диверсиях, массовых расстрелах рабочих и крестьян в захваченных интервентами городах и селах России. Книга помогает понять, кто повинен в развязывании гражданской войны и сколь правомерно появление красного террора.

В центре повествования — самые драматические события 1918 года, связанные с именем эсерки Ф.Е.Каплан. Автор на протяжении многих лет исследовал и обобщил огромный архивный материал, стремясь воссоздать напряженную атмосферу 1917–1924 годов, смело ввел в научный оборот забытые документы судебного процесса по делу правых эсеров 1922 года и судебного процесса над Б.Савинковым 1924 года. Библиография насчитывает несколько сот источников. Жанр художественно-документального повествования позволил достоверно и непредвзято показать хронологию всех попыток физического устранения В.И.Ленина с арены политической борьбы.

Автор выражает сердечную благодарность и признательность Л.А.Фотиевой, Т.М.Беляковой, В.В.Чикину, В.П.Долматову, Е.П.Костиной, А.М.Синицину, М.А.Земскову, Н.Т.Литвинову, С.Ф.Кривоногову, О.М.Андрееву, А.А.Соловьеву, Л.А.Андреевой, Т.Н.Костиной и работникам Российской Государственной библиотеки г. Москвы за духовную поддержку и большую бескорыстную помощь в сборе, подготовке материалов книги и ее выходе в свет.

- АВТОР И ЕГО КНИГИ О ЛЕНИНЕ
- Пролог. Застрельщики террора
- Разоблачение
- По наклонной лестнице
- Языком револьвера
- Георгины Коноплёвой

- Не дадим себя запугать
- "Рука не поднялась…"
- "Честное" слово Абрама Гоца
- На Дворцовой площади и Хлебной бирже
- Чёрный день августа
- Отравленные пули
- На допросах в ВЧК
- Браунинг N150487
- Берегите Ленина
- "Тихие революционеры"
- "Рыцари" народовластия без фраков…
- В Горках
- В Бутырке
- В логове польской охранки
- Взрыв в Леонтьевском переулке
- В Солдатенковской больнице
- Суд над убийцами
- Эпилог. Белый флаг
- Примечания

Россия — первая страна, которой история дала роль зачинателя социалистической революции, и именно поэтому на нашу долю выпадает столько борьбы и страданий.

В.И.Ленин

АВТОР И ЕГО КНИГИ О ЛЕНИНЕ

Кандидат исторических наук, доцент, член Союза журналистов СССР и Российской Федерации, член комиссии Координационного Совета содружества организаций ветеранов независимых государств, Николай Дмитриевич Костин родился 19 февраля 1924 года в деревне Гренадеры Макушинского района Курганской области. Отсюда — чуть ли не из детства — босоногого, голодного, холодного, впрочем, как и у большинства его сверстников — ушел в Курган, в учлеты 73-ей эскадрильи Аэрофлота СССР. Кто из мальчишек в те далекие годы не мечтал стать летчиком?! В областном центре при редакции газеты "Красный Курган" начал посещать занятия литературного кружка. В "Красном Кургане" Коля Костин и опубликовал свои первые стихи и даже стал лауреатом областного конкурса молодых поэтов. С того времени литературное творчество стало важной частью его жизни. В грозные годы Великой Отечественной войны Николай Костин — комсорг истребительного авиационного полка. За верную и безупречную службу Советской Родине удостоен двадцати трех государственных наград. Война закончилась и надо было снова учиться, чтобы найти место в мирной жизни. Поэтому были Рижское авиационное военно-политическое училище и редакторский факультет Военно-политической ордена Ленина Краснознаменной Академии им. В.И.Ленина. Затем — работа спецкора, заведующего отделов культуры, информации в газетах "Советская авиация", "Доблесть", "На боевом посту", "Защитник Отечества"". Печатался в "Комсомольской правде", "Советской России", "Социалистической индустрии", в журналах "Красный воин", "Пограничник", "На боевом посту", "Крестьянка", "За рулем". Много ездил по СССР и странам Восточной Европы.

В 1969 году Н.Д.Костин защитил кандидатскую диссертацию и перешел на научную работу. Он автор 150 научных работ об Октябрьской революции и ее вожде — В.И.Ульянове (Ленине), о социальной и национальной политике КПСС, о Великой Отечественной войне и ее героях, известных и неизвестных. Уже будучи подполковником, секретарем "Научных трудов Академии" в 1974 году оказался уволенным в запас. Слишком часто пытался высказать свою, отличную от официально принятой точку зрения на коллективизацию, раскулачивание крестьянства, начальный период Великой Отечественной войны. Открытого гонения не было, но все пути к продвижению по служое и к защите докторской оказались перекрыты… Преподавание и научную

работу он продолжил в одном из лучших вузов — Московском Институте Стали и Сплавов…

Ленинская тема в творчестве Н.Д.Костина началась с его кандидатской диссертации: "К вопросу о характеристике образа В.И.Ленина и стиля его работы по документам, материалам и воспоминаниям современников. Март 1918 — январь 1924 гг."

Большую помощь оказала ему Л.А.Фотиева — секретарь Совнаркома и Совета Обороны, проработавшая рядом с Лениным с марта 1918 до января 1924. Автор вспоминает свою первую встречу с Лидией Александровной. Он пришел к ней в парадной форме летчика. Села рядом. Поправила прическу. И, поблескивая молодыми глазами, сказала:

— Великолепно: "Человек с ружьем" по зову сердца и души занялся записью воспоминаний, поиском новых материалов и документов о Владимире Ильиче Ленине. Слова "о Владимире Ильиче" произнесла как-то по-особому тепло, приветливо и весомо. С любовью. Не наигранной. Не показной — искренней.

И с этого времени тема Ленина стала смыслом жизни Н.Д.Костина. Дружба с Л.А.Фотиевой, знакомство с Т.М.Беляковой, медсестрой, ухаживавшей за Владимиром Ильичом в последний год его жизни, помогли ему увидеть Ленина в самые тяжелые дни бойцом партии, до конца сражавшимся за дело коммунизма, за счастье народа, которому он отдал вею свою жизнь без остатка.

В 1967–1996 годах вышли книги: "Из новых воспоминаний о Ленине", "Черты незабываемого образа", "В.И.Ленин о воспитании верности воинскому долгу", "Выстрел в сердце революции", "Суд над террором", "Ленин. Предан при жизни и после смерти", "Под красной Луной", "Грани алмаза", "Год ночей", "Под Красным Знаменем", "Полет сквозь годы".

Н.Д.Костин написал 15 книг. И большинство — о Владимире Ильиче Ленине, о его деятельности на посту Председателя Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Обороны (СТО). О той нечеловечески трудной работе в защите завоеваний Октябрьской революции, которую он взял на себя… О том, как тяжело больной, он до последнего дня жизни работал: учил, советовал, предупреждал об ошибках, боролся с ними… и в каждой книге читатель узнает о В.Ульянове (Ленине) — так он подписывал свои письма, статьи — новое, о чем раньше не говорили, не писали, а значит, и не печатали.

Автор познакомился со многими людьми, работавшими с Лениным (шофер Ленина П.С.Космачев, телефонистки Е.Н.Абрамова, А.Н.Руднева и др., А.Ф.Крулев — первый председатель выборного комитета правительственного гаража…)

Этим людям жизнь подарила великое счастье общаться с Лениным, выполнять его поручения, а значит, но мере сил помогать ему в работе. Их воспоминания просты и правдивы, в душе каждого из них остался образ живого Ильича, великого и простого Человека ("Грани алмаза").

Несомненным достоинством книг Н.Д.Костина является то, что они не "закрывают" поднятые вопросы раз и навсегда. Еще долго придется историкам восстанавливать подлинную историю нашей страны, очищать ее от напластований лжи генсеков и их лакеев, не говоря об откровенной фальсификации врагов. Тем интереснее книга "Ленин. Предан при жизни и после смерти". Сталин сделал Ленина иконой, а чуть позже — "Сталин-это Ленин сегодня". "Предан при жизни и после смерти" вскрывает истоки предательства дела Ленина, дела народа, культа личности Сталина, групповой поруки, номенклатурщины, что в конце концов и привело партию к поражению и краху. Сталин и его псевдоколлективщики делали все с точностью до наоборот. Именно в этом, на наш взгляд, и заключается первопричина развала СССР, сегодняшней трагедии его народов, здесь истоки экономической катастрофы и национальных конфликтов.

И вот на суд читателей автор представляет новый капитальный труд — результат многих лет напряженной работы — "Отравленные пули". Материал для будущей книги Н.Д.Костин начал собирать в начале семидесятых. Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР, Центральный партийный архив института марксизма-ленинизма (ЦПА ИМЛ), закрытые фонды библиотеки им. В.И.Ленина (ныне Румянцевской), десятки томов дела Каплан, сотни — процесса 1922 года над правыми эсерами… Все это, кроме сотен книг о В.И.Ленине, Февральской и Октябрьской революциях, надо было прочесть, понять, осмыслить и оценить.

Три года изучал автор "дело Каплан".И в документе о пользовании этими архивными материалами его фамилия стоит второй; после фамилии Коноплевой. Прочитав книгу, читатель поймет значение этого факта.

Написанная задолго до развала СССР (1970–1975), задолго до "демократического разбоя" в СМИ, истории и политике, в каких только издательствах книга не побывала! И везде находились причины для отказа. Почему?

В книге широко использованы неизвестные и малоизвестные, до последнего времени труднодоступные материалы судебного процесса над правыми эсерами 1922 года, а также многие другие архивные источники. Из нее читатель узнает документально аргументированную правду о партии социалистов-

революционеров, об ее вождях, об убийстве В.Володарского, М.Урицкого, о тяжелом ранении В.И.Ленина, о сговоре эсеровского руководства против Советской власти с буржуазными партиями белогвардейцев и иностранных посольств и их разведок, о мятежах, диверсиях, массовых расстрелах рабочих и крестьян в захваченных интервентами городах и селах России. Книга помогает понять, кто повинен в развязывании гражданской войны и сколь правомерно появление красного террора — так необходимой в ту пору ответной меры на массовый белый террор.

Частями, отрывками регулярно с 1985 года удавалось печатать материалы о покушениях на В.Ульянова(Ленина), о процессах над эсерами и Б.Савинкове только в окружных военных газетах ("За Родину" — ПрибВо, "Фрунзенец" — ТуркВо, "На боевом посту" — ЗабВо, и др.), в газетах "Советская Россия", "Социалистическая индустрия", "Патриот", в журналах "Молодая гвардия", "Дон", "Крестьянка", "На боевом посту"… Но пришло время, и сегодня эти произведения злободневны как никогда, ибо слово и дело Ленина стремятся уничтожить, вытравить из сознания миллионов не достоверными историческими фактами, а версиями авторов-однодневок, фальсификаторов и клеветников. Вместо исторической правды о Ленине, народе, революции — абсурдные мифы и версии дилетантов, сенсационщиков и злопыхателей. Когда-то возвышенный до иконы, В.И.Ленин сегодня сбрасывается с пьедестала истории, а средства и тогда и сегодня — одни, цель — одна. Номенклатурщики и "демократы", "либералы" и "консерваторы" не хотят, чтобы народ знал: у нас был сталинизм, были тоталитарная диктатура, хрущёвская "оттепель", застой времён Брежнева, катастройка Горбачева, "рыночные реформы" Ельцина, но никогда не было того социализма, о котором мечтал Ленин.

На страницах книг Н.Д.Костина читатель познакомится с десятками рядовых членов партии и беспартийных, с теми, кто поверил В.И.Ленину, пошел за ним, вместе с ним в тяжелейшие годы гражданской войны и разрухи строил новое государство, кто вместе с вождем мечтал построить светлый мир свободы и братства — новый мир без рабов и господ.

"Сверять жизнь по Ленину!" — призыв отнюдь не устаревший. Книга Николая Костина служит и этой доброй вдохновляющей цели. Важно сегодня ещё и ещё раз понять, что под руководством Ленина и большевистской партии трудящиеся России впервые в мировой истории свергли власть помещиков и капиталистов, сокрушили эксплуататорский строй. Власть взял в свои руки рабочий класс в союзе с трудовым крестьянством. Русская революция создала новый тип государства — Социалистическую

Республику Советов, новый тип демократии — демократию для трудящихся.

Н.Д. Костин возвращает веру в Ульянова /Ленина/ тем, кто под давлением массированной, злобствующей "демократической" клеветы и фальсификации растерялся. Прочитав книгу, они поймут, что Владимир Ильич Ленин был пламенным революционером, бойцом партии, подчинивший всю свою жизнь служению народу. Великое дело, которым был поглощён без остатка, формировало его самого — человека высшей цельности, патриотизма и революционности. Ленин не создавал социализм по указам сверху. Его духу был чужд казенно-бюрократический автоматизм. Социализм живой, творческий есть создание самих народных масс.

Сегодня, в период идейного разброда и шатаний, неверия в идеи ленинизма книги Николая Костина о Ленине помогут думающему читателю найти верную оценку преходящих событий, увидеть суть обвальной лжи на В.Ульянова /Ленина/ и понять главное: ленинцем не числятся по списку. Ленинцем становятся в борьбе.

Л.Андреева,
А.Соловьев,
гл. редактор газеты "МОСКВА САДОВОЕ КОЛЬЦО"

Пролог. Застрельщики террора

Заходящее солнце золотило кресты замоскворецких церквей. Тускло отсвечивали запыленные стекла цехов завода Михельсона. Только что закончился митинг. В.И.Ленин, попрощавшись с рабочими, направился к автомобилю. И тотчас нагретый воздух разорвало эхо выстрелов…

Все произошло в какие-то считанные секунды. Рабочие, окружавшие Владимира Ильича, на миг оцепенели. Не потерял самообладание только Ленин. Падая, он воскликнул:

— Товарищи, спокойствие!.. Держитесь организованно…

ИЗ БИОГРАФИЧЕСКОЙ ХРОНИКИ В.И.ЛЕНИНА

30 августа 1918 года

"ВЦИК в связи с покушением на Ленина принимает /в 22 час. 40 мин./ обращение: "Всем Советам рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов, всем армиям, всем, всем, всем", которое за подписью Председателя ВЦИК Я.М.Свердлова передается ночью по радио всему миру".

ВОЗЗВАНИЕ ВЦИК О ПОКУШЕНИИ НА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СНК В.И.ЛЕНИНА

30 августа 1918 года

"Всем Советам рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов, всем армиям, всем, всем, всем.

Несколько часов тому назад совершено злодейское покушение на тов. Ленина. Роль тов. Ленина, его значение для рабочего движения России, рабочего движения всего мира известны самым широким кругам рабочих всех стран.

Истинный вождь рабочего класса не терял тесного общения с классом, интересы, нужды которого он отстаивал десятки лет.

Тов. Ленин, выступавший все время на рабочих митингах, в пятницу выступал перед рабочими завода Михельсона в Замоскворецком районе гор. Москвы. По выходе с митинга тов. Ленин был ранен. Задержано несколько человек. Их личность выясняется…

Призываем всех товарищей к полнейшему спокойствию, к усилению своей работы по борьбе с контрреволюционными элементами.

На покушения, направленные против его вождей, рабочий класс ответит еще большим сплочением своих сил, ответит беспощадным массовым террором против всех врагов Революции.

Товарищи! Помните, что охрана ваших вождей в ваших собственных руках. Теснее смыкайте свои ряды, и господству буржуазии вы нанесете решительный, смертельный удар. Победа над буржуазией — лучшая гарантия, лучшее укрепление всех завоеваний Октябрьской революции, лучшая гарантия безопасности вождей рабочего класса.

Спокойствие и организация! Все должны стойко оставаться на своих постах. Теснее ряды!

Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Я.Свердлов."

… Кто покушался на жизнь В.И.Ленина? Одни говорили, что озлобленная и фанатичная эсерка Фанни Каплан стреляла по собственному разумению. На свой страх и риск. Покушение — сугубо личная инициатива одиночки, ответ на Октябрьский переворот и разгон большевиками Учредительного собрания. Другие прямо доказывали, что за гнусным преступлением "одиночки" Каплан скрывается одна из наиболее влиятельных тогда партий — партия социалистов-революционеров (ПСР).

Свой выход на историческую арену социалисты-революционеры ознаменовали громкими террористическими актами. В феврале 1901 года эсер П.В.Карпович смертельно ранил министра народного просвещения Н.П.Боголепова, подписавшего за месяц до этого приказ об отдаче в солдаты 183-х студентов Киевского университета.2 апреля 1902 года в своем кабинете в Мариинском дворце в Петербурге членом боевой организации эсеров С.В.Балмашевым был убит министр внутренних дел Д.С.Сипягин. В мае 1903 года слесарь Уфимских железнодорожных мастерских эсер Е.Дулебов убил генерал-губернатора Н.М.Богдановича. 15 июля 1904 года эсер

Е.С.Созонов недалеко от Обводного канала, на Измайловском проспекте, увидел приближающийся экипаж министра внутренних дел В.К.Плеве, сошел с тротуара и бросил в его карету бомбу. Плеве был убит. Созонов, тяжело раненный, арестован.

В начале 1905 года эсер И.П.Каляев бросил бомбу в Московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, а в конце года по постановлению боевой организации эсеров ее член А.А.Биценко несколькими выстрелами застрелила усмирителя аграрных волнений в Саратовской губернии генерал-лейтенанта В.В.Сахарова.

Террористические акты были совершены против начальника охранного отделения Нижнего Новгорода, губернатора Уфы, градоначальника Москвы, командира Семеновского полка генерала Г.А.Мина. Готовились покушения на полковника Н.К.Римана, министра внутренних дел П.Н.Дурново, генерал-гебурнатора Москвы Ф.В.Дубасова, жестоко подавивших Декабрьское вооруженное восстание.

Все террористические акты совершала Боевая организация при Центральном Комитете ПСР (Партия социалистов-революционеров). С 1902 по 1911 год более двухсот раз рвались в России эсеровские бомбы и раздавались револьверные выстрелы. Объектами террористических актов стали 2 министра, 33 губернатора, генерал-губернатора и вице-губернатора, 16 градоначальников, начальников охранных отделений, полицмейстеров, прокуроров, помощников прокуроров, начальников сыскных отделений, 24 начальника тюрьмы и других тюремных чиновников, 26 приставов, исправников и их помощников, 7 генералов и адмиралов, 15 полковников, 8 присяжных поверенных, 26 шпионов и провокаторов. По эсеровским данным среди участников террористических актов было 62 рабочих, 9 крестьян, 14 представителей интеллигенции и 18 учащихся.

Всякая другая работа, кроме террористической, объявлялась ЦК ПСР несущественной. Только на почве признания террора господствующей формой борьбы с самодержавием расцвела провокаторская деятельность Евно Азефа, как оказалось, еще с 1893 года являвшегося агентом царской полиции. В 1899 году он вступил в "Заграничный союз социалистов-революционеров". Проживая за границей, Азеф учился в политехническом институте в Карлсруэ. Разъезжал по русским студенческим колониям Германии и Швейцарии. Распространял нелегальную литературу, собирал деньги, устраивал кружки. Выставлял себя террористом, придававшим серьезное значение только индивидуальному

террору.

ИЗ КНИГИ А.И.СПИРИДОВИЧА "ПАРТИЯ СОЦИАЛИСТОВ — РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ И ЕЕ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ"

"Эти первые серьезные связи с социалистами-революционерами, послужили для Азефа началом его карьеры и как революционного деятеля, и как агента — "сотрудника" департамента полиции… Редкий эгоист, он руководствовался в своих поступках только личными интересами для достижения которых считал пригодными все средства — до убийства и предательства включительно…"

После убийства Сипягина департамент полиции вызвал Азефа в Петербург. Здесь он узнал о подготовляемых террористических актах, но полиции сразу о них не донес. Наоборот, принял энергичное участие в партийной работе. Организовал Петроградский комитет ПСР. Поставил транспортировку литературы через Финляндию. Близко сошелся с руководителем Боевой организации Г.А.Гершуни, а после его ареста стал его преемником.

В 1905 году Азеф выдал царской охранке почти весь состав Боевой организации, предотвратил покушения на Дурново и Николая II. И так деликатно и умело инсценировал "неудачи" этих террористических актов, что снискал глубокую благодарность эсеровского руководства. Наговоры на него были признаны результатом интриг полиции, которая хочет опозорить и тем обезвредить одного из самых ценных работников партии.

Подозрение пало на разъездного агента Центрального Комитета ПСР Татарова, недавно вернувшегося из ссылки. Расследованием занялась комиссия в составе Баха, Тютчева, Чернова и Савинкова. Татаров заявил, что в центре партии действительно есть предатель, "что этот предатель — Азеф, о чем он узнал через своего родственника, служащего в полиции". Однако словам Татарова не поверили. Азеф остался вне подозрений. Комиссия посчитала, что распространение позорящих слухов о главе Боевой организации, задевает честь партии, в особенности честь каждого из членов Боевой организации, в которую к этому времени входило более тридцати человек: Евно Азеф, Борис Савинков, Владимир Азеф, Борис и

Владимир Вноровские, Борис Горинсон, Абрам Гоц, Владимир Зензинов, Петр Иванов, Всеволод Смирнов, Изот Созонов, Павел Левинсон, Мария Беневская, Рашель Лурье, Ксения Зильберберг, Лев Зальберберг, Александра Севастьянова, братья Иосиф и Игнатий Мацеевские, Максимилиан Швейцер, Николай Блинов и другие…

Предательство Татарова посчитали вполне доказанным и постановили его убить. Азеф, видевший в Татарове большую угрозу для собственной безопасности, весьма искусно содействовал своим авторитетом тому, чтобы убийство было приведено в исполнение. 22 марта 1905 года боевик Назаров приехал в Варшаву и пришел на квартиру Татаровых. В коридор вышли родители Татарова и он сам. Назаров убил Татарова ножом, причем в — происшедшей борьбе с ним и бросившимся защищать сына родителями Назаров ранил выстрелами старуху — мать…

И все же Евно Азеф опасался разоблачения. Частые обыски, аресты членов ПСР, провалы целых переферийных организаций, казалось бы, хорошо подготовленных террористических операций, продолжавшиеся и после убийства обвиненного в предательстве Татарова, вновь и вновь рождали слухи, что в верхах партии не обходится без предательства. Об этом ЦК ПСР предупреждали: осенью 1906 года чиновник политического розыска в Одессе Сорокин и осенью 1907 года — Саратовская организация эсеров. В письме саратовцы сообщали приметы провокатора, по которым можно было узнать Азефа.

ИЗ КНИГИ А.И.СПИРИДОВИЧА "ПАРТИЯ СОЦИАЛИСТОВ — РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ И ЕЕ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ"

> "Письмо… стало известно трем членам Центрального Комитета — Ракитникову, Гершуни и Чернову, но предательство со стороны Азефа казалось настолько неправдоподобным и немыслимым, что ему не было придано никакой веры и его даже не стали расследовать. Азеф считался провиденциальным человеком, единственным незаменимым, стоящим выше всяких подозрений…"

Гершуни, принимавший участие в обсуждении саратовского письма, был более всех возмущен оговором Азефа и считал его

нелепым. В конце заседания, когда все обстоятельства дела были обсуждены, Г.А.Гершуни в глубоком волнении, густо покраснев, сказал: "Это все из-за того, что Ивана Николаевича ни разу не арестовали. Сегодня обвинили его, завтра возведут такую же гнусность на меня, послезавтра на третьего…"

Несколькими месяцами позже Гершуни, уже больной, говоря о письме из Саратова, выражал желание уехать скорее в Россию, чтобы вместе с Азефом убить Николая II. "Я чувствую, — говорил он, — что только этим фактом совместной работы на этом деле и совместной гибели, быть может, можно его реабилитировать". И тем не менее Гершуни поручил расследовать данные письма одному из саратовских социалистов — революционеров. Последний был вскоре арестован, а затем умер Гершуни. Дело о письме саратовцев заглохло. Но в 1908 году, после грандиозного февральского провала Летучего боевого отряда Северной области, в рядах оппозиции уже громко заговорили о том, что кто-то из членов ЦК ПСР находится в тесном контакте с полицией. В.Л.Бурцев, располагая многими данными, указал прямо на Евно Азефа. Но члены ЦК ПСР и, главным образом, первый помощник Азефа по боевой организации Савинков, безгранично верившие Азефу, горячо выступали в его защиту и стали обвинять Бурцева и Парижскую группу в желании дискредитировать партию и ЦК ПСР.

После Лондонской конференции ЦК ПСР создал третейский суд и потребовал от Бурцева доказательств измены Азефа, доказательства были получены от бывшего директора департамента полиции А.А.Лопухина. У него в разное время побывали В.Л.Бурцев и член ЦК ПСР А.А.Аргунов. Лопухин достаточно подробно рассказал о провокаторской деятельности Азефа в рядах партии в качестве руководителя Боевой организации, действовавшей под девизом. "По делам вашим воздается вам".

Когда предательство Азефа отрицать стало невозможно, к нему отправились три делегата, в том числе Б.В.Савинков. Провокатор сильно перепугался. Понял, что делегаты пришли к нему безоружными, осмелел. Ни в чем не признался, а посланцы ЦК ПСР лишь обязали его явиться на другой день в условленное место для дачи повторных показаний, то есть фактически дали ему возможность бежать, что он и не замедлил сделать.

ИЗ ОБЬЯВЛЕНИЯ ЦК ПСР ОТ 26 ДЕКАБРЯ 1908 ГОДА

"Центральный Комитет "Партии Социалистов-Революционеров" доводит до сведения партийных товарищей, что инженер Евгений Филиппович Азеф, 38-ми лет /партийные клички "Толстый", "Иван Николаевич", "Валентин Кузьмич"/, состоявший членом "Партии Социалистов-Революционеров" с самого основания, неоднократно избиравшийся в центральные учреждения партии, состоявший членом "Боевой организации" и Центрального Комитета, уличен в сношениях с русской политической полицией и объявляется провокатором. Скрывшись до окончания следствия над ним, Азеф в силу своих личных качеств является человеком крайне опасным и вредным для партии. Подробные сведения о провокаторской деятельности Азефа и ее разоблачении будут напечатаны в ближайшее время".

В партии социалистов-революционеров дело Азефа вызвало смятение. Она переживала тяжелый кризис. Раздавались требования пересмотреть программу и тактику. Противники террора указывали, что он сыграл свою роль. Сторонники же продолжения террора утверждали, что скомпрометированы только отдельные лица, а террор, как таковой, сохраняет свое значение и нет никаких оснований от него отказываться. Необходимо принять предупредительные меры против тех ударов, которые еще могут быть нанесены по партии и продолжать террористическую деятельность с еще большим упорством и размахом.

О моральной скомпрометированности террора, говорили его горячие сторонники во главе с Борисом Савинковым, не может быть и речи. Могут быть скомпрометированы отдельные лица, непосредственно работавшие с Азефом в той или иной области вообще и, в частности, в области террора. Необходимо, быть может, провести тщательное партийное расследование постановки террористических операций, проводимых Боевой организацией. Но террор как таковой, как метод, но террористические акты прошлого, но герои-товарищи, выполнявшие эти акты, остаются морально неприкосновенными. Необходимость террора диктовалась не соображениями Азефа или тех, кто стоял за ним, а политическим положением страны. Объекты террористической борьбы указывались не Азефом, а партией в связи с их политической ролью в данный конкретный момент. Герои шедшие на акты, шли не ради Азефа, а ради революционного дела, которому они служили до конца, состоя в

рядах ПСР. Террор возник и начат не с Азефом. Не Азефом вдохновлен и не Азефу его разрушать и скомпрометировать.

"Дело Азефа — тяжелый удар для партии и революции, — писал Б.В.Савинков. — Но этот удар тяжел не тем, что подорвано моральное значение террора, — террор Каляева чист, — и не тем, что террор как форма борьбы невозможен: не будет Азеф — будет террор. Этот удар тяжел и страшен другим. В эти темные дни торжества палачей легко упасть духом, легко отречься от старых заветов, легко забыть свое прошлое. Дело Азефа поколеблет слабых, оно может смутить и сильных. Нужна большая любовь, чтобы поднять наше старое знамя, нужна горячая вера. Но ведь вера без дел мертва, честь и победа только за теми, в чьих руках меч".

На V Совете партии эсеров за террор проголосовало 12 человек, против — 4, воздержалось -3. ЦК ПСР, основываясь на решениях своего Совета, решил продолжать террористическую деятельность. В течение 1908 года было совершено всего три террористических акта, в 1909 году — два, в 1911 году — два. В этом же году в Киеве эсером Мордеком Богровым был убит Столыпин. Есть веские основания утверждать, что этот террористический акт был совершен подонком не без помощи Департамента полиции.

И все же, несмотря на все потуги ЦК ПСР реанимировать террор не удавалось. Он постепенно умирал. Провокаторство Евно Азефа "подмочило" репутацию эсеров. Более того, оно убедительно свидетельствовало о внутреннем разложении партии, как результате безоглядного увлечения террором, проповеди индивидуализма, неустойчивости организационных принципов, отхода от классовой борьбы. Среди эсеров, по выражению их лидера В.М. Чернова, господствовали идейный столбняк, состояние растерянности и недоумения. Политические итоги эсеровского террора оказались равны нулю. Сериалы террористических ударов по самодержавию не помешали ни наступлению реакции, ни прекращению карательных экспедиций в деревне, ни смягчению репрессий против прогрессивных сил страны. "*Без рабочего народа,* — писал. В.И.Ленин, — *бессильны, заведомо бессильны всякие бомбы*". Террор — оружие обреченных.

В годы первой мировой империалистической войны группа эсеров во главе с Н.Д.Авксентьевым заняла оборонческие позиции и составила правое крыло партии. Центристов повел за собой В.М.Чернов, рассчитывавший примирить социал-шовинистов /правых/ и интернационалистов /левых/, которых объединяли вокруг себя М.А.Натансон, М.А.Спиридонова и Е.Д.Камков. Вначале эта группа была весьма немногочисленной и слабой,

однако ее вес и авторитет непрерывно росли. В истории революционного движения она стала более известной позднее под именем партии левых социалистов-революционеров интернационалистов.

Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 года всколыхнула партию социалистов-революционеров. В нее устремилась обывательско-мещанская масса, которую привлекали социал-патриотизм и оборончество, рассчитанная на все вкусы аморфная эклектическая программа, рыхлая организационная структура, дававшая право любому именоваться социалистом-революционером. По одним данным ПСР насчитывала тогда около 400 тыс. членов, по другим — около 700 тысяч. Партия издавала 58 газет, в том числе более десятка в Поволжье и около десятка в Сибири. Руководители ПСР поднялись к вершинам политической власти, которую затем добровольно передали буржуазии.

Гибельный путь, на который вступила партия эсеров после Октября 1917 года, начался под знаменем Учредительного собрания. Лидеры эсеров были вынуждены лавировать. Выступать открыто против Советской власти или не выступать? Одни говорили: надо подождать, другие — поторопиться, использовать любой удобный момент для удара по Октябрьской революции, но не обмануться. Умыться, не сделавшись мокрыми. Особую нервозную активность проявлял член ЦК ПСР А.Р. Гоц. Ему казалось, что большевики сидели на трехногом стуле и их легко можно опрокинуть. И ЦК ПСР ждал, пока для этого созреют определенные условия.

Но они почему-то не созревали. Почему? Ответ даёт В.И.Ленин:

> *"Во всем решающем, во всем важном мелкобуржуазная демократия всегда оказывалась в хвосте буржуазии, бессильным придатком ее, послушным орудием…"*

Лозунг эсеров "народовластие" жизнь расшифровала как восстановление диктатуры буржуазии без фиговых листков и либеральной болтовни. Там, где Советской власти не удавалось отбить атаку эсеров, немедленно (в Самаре, Архангельске, в Сибири, на Украине, на Кавказе) эсеровщина способствовала буржуазно-помещичьей реставрации.

Лозунг эсеров "демократические свободы" обернулся для трудящихся масс разгулом белого террора. Соглашательство эсеров с буржуазией неизбежно определяло их двурушничество. Они говорили не то, что думали, и делали не то, что говорили. По

всем линиям обманывали рядовых членов своей партии.

Однажды вступив на наклонную плоскость соглашательства с буржуазией, партия эсеров покатилась неудержимо вниз и докатилась до дна. Провоцировала всех, кто лез "под руку": "Все средства хороши!" — таков был ее девиз в борьбе с Советской властью. Гонорар "за хорошую работу" эсеры получали у монархистов, получали у союзников: англичан, немцев, французов, американцев и японцев. Получали без стеснения у всех, кто давал. Это вошло в привычку. Не случайно 31 августа 1918 года газета "Правда" писала: "Не на живот, а на смерть повели борьбу враги против рабочей революции. На деньги союзного капитала работают правые эсеры и прочая черная сволочь, чтобы задушить костлявой рукой голода, расстроить фронт и тыл революционной армии…"

Октябрьская революция в России была суровой в той мере, к какой ее вынуждали и враги. Она на удар отвечала ударом. На атаку — атакой. Эсеры требовали от большевиков, чтобы они свои ответные удары взвешивали на аптекарских весах. Сами же стремились любыми средствами задержать ход истории, скомпрометировать Советскую власть, физически уничтожить носителей революционных идей — большевиков и, в первую очередь, Владимира Ильича Ульянова (Ленина).

Разоблачение

15 января 1922 года бывшая эсерка Л.В.Коноплева написала заявление в ЦК РКП/б/ и дала показания ВЧК о подрывной и террористической деятельности ЦК партии социалистов-революционеров. Неопровержимыми документами и свидетельствами подтвердила, что вожди эсеров в союзе с капиталистическими правительствами Запада сознательно развязали в России гражданскую войну, обрекли трудящихся на голод и холод, разруху и нищету. Она утверждала, что члены ЦК ПСР А.Р.Гоц и Е.М.Тимофеев, В.Н.Рихтер и Л.Я.Герштейн, Д.Д.Донской и М.А.Веденянин непосредственно руководили покушениями на В.Володарского, М.С.Урицкого, Л.Д.Троцкого. Г.Е.Зиновьева, В.И.Ленина.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ

Письмо Л.В.Коноплёвой ЦК ПСР

"Довожу до сведения Центрального Комитета ПСР, что одновременно с этим мною делается сообщение Центральному Комитету РКП/б/ о военной, боевой и террористической работе эсеров в конце 1917 года по конец 1918 года в Петербурге и Москве. Бывший член ПСР, член РКП/б/

Лидия Коноплева, 15 января 1922 года".

ИЗ ПИСЬМА Л.В.КОНОПЛЕВОЙ Л.П.СЕРЕБРЯКОВУ

"Дорогой Леонид Петрович!

Мне хочется немного поговорить с Вами, поделиться своими мыслями. Весь 1919 год был годом ломки моего старого идеологического мировоззрения. И результат был этот, что и по взглядам своим и по работе фактически я сделалась коммунисткой, но формальное вхождение в РКП считала невозможным, благодаря своему прошлому. Еще будучи в ПСР, а также в группе

"Народ", я считала что долг наш — мой и Семенова — во имя справедливости открыть те страницы в истории ПСР, скрытые от широких масс — Интернационалу. Интернационал должен знать все темные, все скрытые стороны тактики партии в последнюю революцию. Но как это сделать, я не знаю. Вопрос этот, связанный с тяжелым личным моральным состоянием стал перед вхождением моим в РКП. С одной стороны, я чувствовала, сознавала, что не имею морального права войти в партию, перед которой имею столько тяжких грехов, не сказав ей о них, с другой стороны, считала, что не указав фактического положения вещей, связи с прошлой работой в ПСР, персонально ряде лиц, я не могла — слишком все было связано одно с другим. Это же считала неприемлемым со стороны моральной — попросту говоря — предательством старых товарищей по работе. Насколько было приемлемо для меня сообщение о прошлом Интернационалу — объективному судье, настолько неприемлемо Центральному Комитету или иному органу РКП. Политическая партия не судья другой партии, они обе стороны заинтересованные, а не беспристрастные судьи. Таково было мое убеждение. Перед вступлением в РКП и Вам говорила не раз, что мое прошлое мешает войти. Но я решила перешагнуть через прошлое и в партию вошла, имея на мысли дальнейшей работой хоть немного покрыть прошлое, свои ошибки и преступления перед революцией.

Приехав за границу, читая с-р орган "Воля России", старое воскресло с новой силой. Это травля русской революции. Коммунистической партии, которую, если и ведут здесь — эсеры, раздувая и крича об ошибках РКП, стараясь восстановить против нас западноевропейский пролетариат, крича об ужасах ЧК и красного террора, зародили мысль о необходимости во имя революции и партии раскрыть перед пролетариатом и международным, и русским истинное лицо ПСР, ее тактику, ее преступления перед революцией. Я знаю, что все, что в интересах Революции — допустимо и справедливо. Интересы революции — наша правда, наша мораль и когда мы с Семеновым перед отъездом его в Россию обсуждали этот вопрос, то как решили оба — если интересы революции требуют, то мы должны, обязаны это сделать, хотя бы с точки зрения человеческой морали это было неприемлемо… Как за

террористическим актом должна последовать физическая смерть выполнителя, так за этим актом — моральная смерть. А может быть смерть старой морали? Этого я еще не знаю. Все может быть. Одно только знаю — во имя интересов Революции должно быть сделано все!..

Я задавала себе вопрос, старалась проверить себя, что может быть потому так тяжело, так мучительно подавать мне заявление в ЦК РКП что у меня осталось что-то общее с эсерами, какая-то связь. На это ответила себе, отвечаю и Вам — нет, ничего не осталось. Как они являются врагами революции, врагами РКП, так они и мои враги…

Дорогой Леонид Петрович, не знаю, разберетесь ли Вы в моем писании… Я тут совсем одна. Путалась и разбиралась в этом вопросе и откровенно говоря, совсем запуталась в морали…

Всего, всего лучшего. Лида. 15 января 1922 года".

Добавление к письму:

"… Все это я Вам пишу как товарищу, мнение которого я ценю и уважаю, и как человек человеку. Еще раз повторяю, что у меня нет ни тени сомнения и колебания в том, что я должна и обязана, внутренне обязана сделать для революции, но как совместить это с моральной этикой — не знаю, не умею и боюсь. Простите за такое сумбурное письмо и напишите мне. 16 января 1922 года. Лида.

P.S. Во всяком случае уведомите меня… о получении доклада и письма. Это обязательно сделайте".

ИЗ ДОКЛАДА Л.В.КОНОПЛЕВОЙ В ЦК РКП/б/

"Брестский мир я не приняла. Считала, что революционная Россия не может идти ни на какие договоры с капиталистическими государствами. У меня появилась мысль о необходимости террора против Ленина. Его фигура все больше вырисовывалась на фоне революционных событий.

Казалось, что все неудачи эсеров из-за того, что в ЦК ПСР нет такого же Ленина, как в ЦК РКП/б/. Только убрав Ленина с политической арены, эсеры могли добиться победы над

большевиками. Большевики сильны Лениным. Без Ленина эсеры могли вести борьбу с большевиками на равных…

Я безусловно убеждена, что на путь террора партия с. — р. практически бы не стала, не будь конкретных предложений от отдельных членов партии. Отвергнуть их — для этого не было у ЦК ПСР ни мужества, ни воли. Моментами мне казалось, что у ЦК было сознание недопустимости такого метода борьбы, как террор, но по привычке использовать все попадающее на пути в расчете, что авось будет польза, он давал санкцию на террор)…

В феврале 1922 года бывший эсер, руководитель Центрального боевого отряда при ЦК ПСР Г.И.Семенов /Васильев/ опубликовал в Берлине сенсационную книгу "Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1Р17-1318 г.г. "В предисловии к ней он писал, что мысль о необходимости предать гласности одну из темных страниц в деятельности партии социалистов-революционеров за последние годы мучила его уже давно. После тяжелых моральных переживаний он решил все же рассказать об использовании эсерами в борьбе с Советской властью шпионажа, диверсий, экспроприаций, саботажа, индивидуального и массового террора.

По глубокому убеждению Семенова, ПСР с начала февральской революции играла все время контрреволюционную роль. Дергала, по меткому выражению Виктора Чернова, рабочий класс за "фалды" при помощи пушек и пулеметов. Прибегала к методам абсолютно недопустимым и недостойным социалистической партии.

ИЗ КНИГИ Г.СЕМЕНОВА/ВАСИЛЬЕВА/ "ВОЕННАЯ И БОЕВАЯ РАБОТА ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ ЗА 1917–1918 г.г."

…Я постепенно приходил к выводу, что облегчить дело переворота, потрясти советский организм могут террористические удары по Советскому правительству. Я относился к большевикам, как к кучке людей, которая правит насильственно, помимо воли народной. Думал, что большевики губят революцию в настоящем и отодвигают ее в будущем, отталкивая народные массы от революционного движения, заставляя их терять веру в социализм. Я считал, что все способы борьбы с большевиками как с врагами революции приемлемы. Помимо этого, я считал, что террор против большевиков

соответствует сознанию рабочих. Так казалось мне, судя по настроению тех же рабочих, среди которых я вращался, я думал, что проявление действенной боевой силы партии в террористических актах повысит ее авторитет в глазах рабочих масс и поднимет активность этих масс, начинавших разуверяться в возможность серьезных активных действий против большевиков…

Семенов выражал надежду, что его правдивый рассказ о военной и террористической работе партии социалистов-революционеров раскроет глаза трудящимся всего мира на подлинную, неприкрашенную сущность ЦК ПСР и его моральные ценности. Постижение правды о них поможет переходу на сторону Советской власти тем из эсеров, которые уже давно почувствовали фальшь своего двусмысленного положения в ПСР, поняли, что они игрушки в руках кучки запутавшихся политиканов, предающих оптом и в розницу русскую революцию международному капиталу. Семенов призывал эсеров открыто порвать с ПСР, признаться в своих заблуждениях и ошибках и честно слиться с истинными борцами за интересы народа — большевиками.

"Я открыто заявляю, — писал Семенов, — что несу больше чем кто-либо другой ответственность за содеянные ПСР преступления. Я эту ответственность перед Русской Революцией с себя не слагаю и по требованию Верховного Революционного Трибунала сочту себя обязанным вернуться в Советскую Россию и понести заслуженное наказание".

27 февраля 1922 года Президиум Государственного Политического Управления сообщил: "Ввиду того, что имеющиеся в распоряжении ГПУ материалы с несомненностью устанавливают преступление партии с. — р. перед пролетарской революцией, Центральный комитет этой партии и ряд ее активных деятелей предаются суду Верховного революционного трибунала. Государственное Политическое Управление призывает гражданина Семенова/Васильева/ и всех с. — р., причастных к деяниям этой партии, но понявших ее преступные контрреволюционные методы борьбы, явиться на суд над партией социалистов-революционеров".

Разоблачения Григория Семенова и Лидии Коноплевой потрясли советских людей и прогрессивную общественность мира. Не смутили они только главных обвиняемых — членов ЦК ПСР, находившихся под стражей, а также эмигрантские круги ПСР. Они не признавали своей вины, отрицали свою причастность к преступлениям, раскрытым в книге Семенова и письмах

Коноплевой. Более того, они решили предстоящий процесс превратить в трибуну для пропаганды и оправдания политики ПСР в Русской революции. Буржуазная пресса клеветнически утверждала, что Семенов и Коноплева — агенты ВЧК, попросту выполнили "заказ" РКП/б/. Все рассказанное ими о ПСР и ее ЦК — выдумка и потому не заслуживает доверия, а сам суд над эсерами — незаконен. Верховный революционный трибунал якобы уже заранее отштамповал "безвинным жертвам ВЧК" смертный приговор.

В статье "Иудин поцелуй" В.Чернов писал: "Бедного, слепнущего в тюрьме Донского большевистские варвары обвиняют в том, будто он занимался организацией подрывной работы в советском тылу, а на невинного Гоца возводятся обвинения в организации террористических убийств".

"Зачем нужен суд над эсерами? — задавали риторический вопрос меньшевики. — В революции боролись две политические партии, обе применяли одинаковые способы борьбы. Сейчас одна сторона победила. Ну и ладно. Кончено дело. Зачем вспоминать прошлое? Большевики не компетентны судить эсеров. Они — заинтересованная сторона. Партия коммунистов судит другую революционную партию, враждебную ей. Не будет беспристрастного суда." Таким был смысл заявлений всех, кто защищал правых эсеров. В таком плане велась политическая кампания за рубежом.

Советская пресса отвечала, что Верховный Трибунал судит людей, для которых Советская власть является до сих пор объектом ненависти, травли, борьбы "до победного конца". Судит людей, которые по поводу и без повода не устают кричать" о варварстве", хамстве и комиссародержавии "большевиков, которые решили "отомстить", "свести счеты" с представителями старой народнической интеллигенции путем "истребления и казней". Однако Советская власть не руководствуется желанием ни "мстить", ни тем более" истреблять", "казнить" интеллигенцию. В продолжение всей гражданской войны, развязанной контрреволюцией, Республика Советов доказала, что она очень забывчива к прошлым преступлениям своих врагов, если эта "забывчивость" совпадает с требованиями блага трудящихся масс. Тысячи и тысячи людей, вчера еще боровшихся против Советской власти с оружием в руках, благополучно здравствуют поныне и пользуются всеми правами гражданства в пределах РСФСР.

Речь шла о представителях той партии, которая боролась с Советской властью путем восстаний, мятежей, террора, интервенций, шантажа, шпионажа, провокаций, клеветы и обмана. Речь шла о партии, которая до сих пор, особенно ее

зарубежная часть, выступает сторонницей по сути дела тех же методов, форм и средств борьбы, не имеет смелости и мужества сказать о них открыто; она за интервенцию, за террор и шпионаж, в силу природы слоев, ее питающих. О деятельности этой партии в распоряжении Советского правительства поступили материалы, заслуживающие самого серьезного внимания.

Подсудимые члены ЦК ПСР заявили, что их нельзя судить хотя бы уже потому, что в феврале 1919 года они амнистированы Советским правительством. С тех пор якобы не причинили народу никакого вреда и ущерба. Бравируя этим, обратились за поддержкой к "социалистическим партиям всего мира". Совпало так, что в тот период III Коммунистический Интернационал намечал тактику единого рабочего фронта и предложил создать Всемирный конгресс из представителей всех международных объединений рабочего класса для выработки плана совместных действий в борьбе с капиталом. Лидеры реформистских II и II 1/2 /Венского/ Интернационалов воспользовались конференцией трех Интернационалов в Берлине, проходившей в начале апреля 1922 года и взяли правых эсеров под защиту. Они потребовали от делегации Коминтерна в качестве непременного условия соглашения о совместных действиях, согласия допуска на судебный процесс представителей обоих Интернационалов в роли защитников правых эсеров и письменного заверения, что в отношении обвиняемых не будет применена смертная казнь. Представители РКП/б/ в Коминтерне Н.И.Бухарин и К.Б.Радек дали от имени Коминтерна соответствующие обязательства.

Провокационные заявления эмигрантских кругов о незаконности предстоящего суда, ссылки подсудимых — членов ЦК ПСР — на амнистию 1919 года вызвали в ответ заявление народного комиссара юстиции Д.И. Курского. Он решительно заявил, что амнистия касалась лишь тех правых эсеров, которые пересмотрели свое поведение и отказались от продолжения вооруженной борьбы с Советской властью. Те же эсеры, которые от нее не отказались, амнистии не подлежали.

Для участия в процессе в Москву прибыло более 80 корреспондентов советских и зарубежных органов печати. Учитывая историческое значение процесса и размеры той клеветнической кампании, которая развернулась вокруг него, Пленум ЦК РКП/б/ 3 апреля 1922 года обсудил вопрос об агитации за границей, в связи с деятельностью эсеров и меньшевиков и принял решение об организации контрагитационной кампании. В задачу средств массовой информации новой России входил показ того, что большевики не мстят, не сводят счеты с правыми эсерами, а защищают

завоевания Великого Октября.

На скамье подсудимых правые эсеры оказались расколотыми на две непримиримые группы. Первая группа, насчитывавшая 22 человека, заняла на суде явно антисоветскую Позицию. Не отказалась от продолжения борьбы с Советской властью. пыталась использовать проходившие в обстановке широкой гласности заседания Верховного трибунала для контрреволюционной пропаганды и клеветы на партию большевиков и ее руководителей. Ядро этой группы составляли члены ЦК ПСР А.Р.Гоц, Д.Д. Донской, Е.М.Тимофеев, М.А.Еденяпин, Д.Ф.Раков, М.А.Лихач, М.Я.Гендельман-Грабовский, Л.Я.Герштейн, Е.М. Ратнер-Элькинд, Ф.Ф.Федорович, кандидат в члены ЦК ПСР Н.Н.Иванов и другие руководители эсеровских организаций.

Вторую группу подсудимых составляли лица, которые осознали свою вину и стремились правдивыми показаниями облегчить расследование преступлений правых эсеров, в эту группу входили в основном бывшие эсеровские боевики Г.И.Семенов/Васильев/, Л.В.Коноплева, Ф.Ф.Федоров-Козлов, П.Т.Ефимов, И.О.Дашевский, К.А.Усов, П.Н.Пелевин, Ф.Б.Ставская, Ф.В.Зубков, а также бывший член Московского бюро ЦК ПСР Г.М.Ратнер. особняком выделился на процессе правых эсеров бывший член ЦК партии народных социалистов В.И.Игнатьев. Продолжительное время он был связан с некоторыми членами ЦК ПСР и его преступления квалифицировались как индивидуальные. Он подлежал суду за сношения с представителями секретных служб иностранных государств с целью склонения их к вооруженному вмешательству, к организации взрывов железнодорожных путей, за пособничество различным контрреволюционным элементам в борьбе с Советской властью. Кроме того, на скамье подсудимых незримо присутствовали эсер-боевик Н.Сергеев, убивший В.Володарского в Петрограде 20 июня и эсерка Ф.Каплан, совершившая злодейское покушение на В.И.Ленина в Москве 30 августа 1918 года.

Председателем Верховного революционного трибунала был Г.Л.Пятаков, членами: О.Я.Карклин и А.В.Галкин. Запасными членами в состав присутствия входили Н.М.Немцов и Ф.И.Озол.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА ВЦИК РСФСР

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ (Г.Л.Пятаков — ред.): Судебное заседание Верховного Трибунала Всероссийского

Исполнительного Центрального Комитета объявляется открытым…

Слушается дело Центрального Комитета и отдельных членов иных организаций партии социалистов-революционеров по обвинению их в вооруженной борьбе против Советской власти, организации убийств, вооруженных ограблений и изменнических сношениях с иностранными государствами. По данному делу Трибуналом допущены обвинение и защита…

Секретарь оглашает список обвиняемых.

ПЯТАКОВ: Сейчас мы установим наличие всех подсудимых. Обвиняемый Гоц, ваше имя, отчество?

ГОЦ: Абрам Рафаилович.

ПЯТАКОВ: Ваш возраст?

ГОЦ: 41 год, сын московского купца. Образование высшее. Имущества никакого. В Советской Республике не судился. Член ЦК ПСР. Обвинительный акт вручен.

ПЯТАКОВ: Донской.

ДОНСКОЙ: Дмитрий Дмитриевич, 41 год, сын врача. Образование высшее. Имущества никакого. В Советской Республике не судился. Член ЦК ПСР. Обвинительный акт вручен.

ПЯТАКОВ: Герштейн.

ГЕРШТЕЙН: Лев Яковлевич, 45 лет, рабочий. Образование домашнее. Имущества никакого. В Советской республике не судился. Член ЦК ПСР. Обвинительный акт вручен.

ПЯТАКОВ: Лихач.

ЛИХАЧ: Михаил Александрович, 34 года, сын чиновника. Член ЦК ПСР. Образование высшее. Не судился. Имущества никакого.

ПЯТАКОВ: Иванов.

ИВАНОВ: Николай Николаевич, 34 года, мещанин. Образование высшее. Не судился. Кандидат в члены ЦК ПСР.

ПЯТАКОВ: Иванова-Иранова.

ИВАНОВА-ИРАНОВА: Елена Александровна, 37 лет, мещанка. Образование высшее. Имущества никакого, член ПСР. Обвинительный акт вручен.

ПЯТАКОВ: Ратнер-Элькинд.

РАТНЕР-ЭЛЬКИНД: Евгения Моисеевна, 34 года, дочь врача. Образование незаконченное высшее. Имущества никакого. Не судилсь. Член ЦК ПСР.

ПЯТАКОВ: Тимофеев.

ТИМОФЕЕВ: Евгений Михайлович, 36 лет, сын ссыльного поселенца. Образование незаконченное высшее. Имущества никакого. В тюрьме два года без суда. Член ЦК ПСР. Обвинительный акт вручен.

ПЯТАКОВ: Морозов.

МОРОЗОВ: Сергей Владимирович, 34 года, сын чиновника. Имущества никакого. Образование среднее. Три года в тюрьме без суда. Член Московского Бюро ЦК ПСР.

ПЯТАКОВ: Раков.

РАКОВ: Дмитрий Федорович, 40 лет. Крестьянин. Образование высшее. Член ЦК ПСР. В тюрьме два года без суда. Обвинительный акт вручен.

ПЯТАКОВ: Федорович.

ФЕДОРОВИЧ: Флориан Флорианович, 43 года, разночинец из дворян. Образование незаконченное высшее. Член ЦК ПСР.

ПЯТАКОВ: Агапов.

АГАПОВ: Владимир Владимирович, разночинец. Образование незаконченное высшее. Член ПСР. Два года в тюрьме без суда.

ПЯТАКОВ: Артемьев.

АРТЕМЬЕВ: Николай Николаевич, 38 лет, сын крестьянина. Образовани высшее. Член Московского Бюро ЦК ПСР. Два года в тюрьме без суда.

ПЯТАКОВ: Веденяпин.

ВЕДЕНЯПИН: Михаил Александрович, 42 года. Образование незаконченное высшее. Член ЦК ПСР. Два года в тюрьме без суда.

ПЯТАКОВ: Гендельман-Грабовский.

ГЕНДЕЛЬМАН-ГРАБОВСКИЙ: Михаил Яковлевич, 41 год, сын врача. Образование высшее. Член ЦК ПСР. В Советской России два года в тюрьме без суда. Обвинительный акт вручен.

ПЯТАКОВ: Злобин.

ЗЛОБИН: Павел Владимирович, 40 лет, сын чиновника из дворян. Образование незаконченное высшее. Член ПСР. Три раза судился в Советской России. Минским трибуналом был оправдан. Привлекался по делу как редактор журнала "Социалист-революционер".

ПЯТАКОВ: Львов.

ЛЬВОВ: Михаил Иванович, 37 лет, сын священника. Образование домашнее. Не судился. Член ПСР.

ПЯТАКОВ: Альтовский.

АЛЬТОВСКИИ: Аркадий Иванович, 41 год, сын крестьянина, инженер. Член ПСР. Два с половиной года в тюрьме без суда.

ПЯТАКОВ: Горьков-Добролюбов.

ГОРЬКОВ-ДОБРОЛЮБОВ: Григорий Лаврентьевич, 47 лет, крестьянин. Образование среднее. Член ПСР. Не судился.

ПЯТАКОВ: Утгоф-Дерюжинский.

УТГОФ-ДЕРЮЖИНСКИИ: Владимир Львович, 35 лет, сын офицера. Гардемарин морского корпуса. Не судился. Член ПСР. Четыре года в тюрьме при Советской власти без суда.

ПЯТАКОВ: Либеров.

ЛИБЕРОВ: Александр Васильевич, 35 лет, сын сельского дьякона. Образование среднее. Член ПСР. Три года при Советской власти в тюрьме без суда. Судим как член Московского профсоюза служащих. Суд кончился скандалом для Советской власти. Была получена бумага, что дело слушанием прекратить на неопределенное время.

ПЯТАКОВ: Берг.

БЕРГ: Ефим Соломонович, 47 лет, рабочий. Образование — начальная школа. Член ПСР. Привлекался к суду по созыву Всероссийского рабочего съезда в 1918 году. Арестовывался четыре раза, два с половиной года в тюрьме без суда…

Первую группу подсудимых-членов ЦК ПСР — защищали на процессе представители двух реформистских Интернационалов Э.Вандервельде, Т.Либкнехт, К.Розенфельд и небезызвестные дореволюционные адвокаты Н.В.Муравьев и А.С.Тагер, а также правозаступники В.А.Жданов, Г.Б.Патушинский, Г.Л.Карякин и другие.

Защиту второй группы эсеров, отошедших от партии, вели: А.А.Биценко, Н.И.Бухарин, С.Б.Членов, Р.П.Катанян, П.А.Шубин, представители Коминтерна: Ф.Я.Кон, Ж.Садуль, А.Грамши и другие.

Обвиняли подсудимых Н.В.Крыленко, А.В.Луначарский, М.Н.Покровский, видные работники Коминтерна, в том числе А.Муна, Д.Бокани и К.Цеткин.

Первая группа подсудимых избрала А.Р.Гоца тюремным старостой. Еще во время предварительного следствия он попытался лишить Г.И.Семенова его опоры — боевиков. Воспользовавшись тюремным "телеграфом" он отстучал по отопительной трубе в соседнюю камеру: "Я — Гоц. Кто вы?" Ему тотчас ответили: "С вами разговаривает Кононов". Гоц обрадовался Сергею Кононову. Старый член ПСР, рабочий-литейщик. Он организовал после Февральской революции в Петрограде первую боевую дружину эсеров. Гоц знал Кононова лично и потому стучал и стучал по трубе. Кононову поступали все новые и новые вопросы, а главное — указания. Гоц верил, что они будут выполнены, как выполнялись прежде, точно и безоговорочно, но он обманулся в своих надеждах. Переговаривался с ним, как оказалось, не Кононов, а Константин Усов, который 6 мая 1922 года сообщал следователю:

"Гоц задал мне ряд вопросов: "Кто следователь? Как мы держимся на следствии?" Я ответил. Тогда он спросил, что мы показывали на предварительном следствии и рекомендовал от

дачи показаний на суде отказываться, так как от них отказались цекисты. Я ответил, что мы показали все, что делали и отказываться считаем ненужным. Семенов все равно все знает".

Утром Усов опять говорил с Гоцем, который сообщил, что на съезде трех Интернационалов состоялось соглашение, по которому смертных приговоров на суде не будет… На процессе следует помнить, что интересы партии превыше всего… Все должны показывать, что дружина была создана только для защиты Учредительного собрания, а не для "эксов" и террора.

1-го мая разговор произошел через окна. Гоц снова агитировал боевиков за отказ от дачи показаний на суде…

Гоц поступил опрометчиво. Позднее, пытаясь откреститься от подстрекательства, он кричал со скамьи подсудимых:

— Мы докажем, что на этих скамьях слева от нас сидят предатели! Абраму Гоцу ответил Григорий Семенов:

— В предательстве можно обвинить весь народ России, который пошел за большевиками. Мы в этом смысле тоже предатели — пошли вместе с народом за большевиками. Мы предали партию контрреволюции во имя партии подлинной революции. Во имя той народной власти, которую безуспешно пытались сокрушить ПСР со всеми врагами Советов.

Гоц выработал на суде особую линию поведения. Говорил редко и скупо, лишь в тех случаях, когда надо было спасать "чистые ризы" эсеров. Спрашивали — отвечал. Тщательно обдумывал каждое слово. Ревтрибунал — не исповедь, и каждый "лишний" факт дополнительным грузом ложился на весы фемиды. Больше отмалчивался. Говорил полуправду, намекал на тождественность действий ПСР и РКП/б/ в революции.

Большие надежды Гоц возлагал на бывшего адвоката Михаила Гендельмана. Тот хорошо знал юриспруденцию, слыл ловким словоблудом и крючкотвором. В его задачу входило всячески доказывать неправомочность суда над эсерами, особенно над членами ЦК ПСР. С политиками можно только полемизировать, но отнюдь не сажать их за решетку.

По заранее тщательно разработанному сценарию Гендельману вменялось также психологическое воздействие на членов Верховного Трибунала: нервировать, дергать, задавать как можно больше вопросов. Всячески тормозить и затягивать процесс.

Гендельман оказался неистощимым на юридическое "творчество". Пополнял разработанный "сценарий" различными "экспромтами", которые вызывали возмущение не только у состава суда и сидящих в зале, но даже и у части подсудимых первой группы.

Второй фигурой в этой группе подсудимых считался член ЦК ПСР Е.М.Тимофеев, умудрившийся сохранить элегантность даже в тюрьме. На протяжении последних четырех лет он ведал в партии эсеров "иностранными делами". Осуществлял периодические и постоянные контакты с союзными посольствами. Тимофеев считал себя теоретиком революции и на процессе пытался играть роль идейного наставника подсудимых. Старался не упустить ни одной возможности для проповеди ненависти к Советской власти.

Рядом с Тимофеевым сидел член ЦК ПСР Дмитрий Дмитриевич Донской. Стремясь подражать Михаилу Гендельману, он волей-неволей выглядел наивно, а иной раз и карикатурно. Обладая многими сокровенными тайнами ЦК ПСР, он вконец изолгался и растерянно лепетал: "Не знаю" "Не слышал", "Не помню".

Бывший "министр" Самарской Учредилки Веденяпин, как человек прямой и откровенный, нередко называл вещи своими именами и не всегда одобрял высказывания и действия своих соседей по скамье подсудимых. Он нес ответственность за многие преступления партии эсеров, хотя сам в них и не принимал участия.

На скамье подсудимых первой группы находились две женщины: Евгения Ратнер-Элькинд и Елена Иванова-Иранова.

Евгения Ратнер долго работала казначеем ЦК ПСР. Должность весьма престижная и завидная, предназначенная для особо доверенных, фанатично преданных догмам и постулатам партии социалистов-революционеров.

На скамье подсудимых находился и ее брат Григорий, но он оказался по другую сторону баррикад — во второй группе подсудимых, да еще и в лидерах. Выступал на заседаниях Трибунала доказательно и напористо, что выдержки Евгении хватало ненадолго: она вступала с братом в открытую конфронтацию.

Елена Иванова-Иранова — сестра кандидата в члены ЦК ПСР Николая Николаевича Иванова. Обладала редким умением проникать в советские учреждения, обзаводиться новыми "друзьями" и "приятелями". Голос у Елены был надтреснутым и прокуренным. Прозвище "пепельница" прочно приклеилось к ней, но ее это мало смущало. Пользовалась у боевиков уважением, так как постоянно вертелась "наверху", часто встречалась с братом и была в курсе всех событий, происходивших в ЦК ПСР. Не случайно боевик Константин Усов на процессе заявил, что к информации, исходящей из ЦК ПСР через Иванову-Иранову, боевики прислушивались не меньше, чем к той, которой располагал Семенов.

За Ивановой сидел обвиняемый Е.С.Берг. Вел себя шумно и агрессивно. Был единственным эсером — рабочим, разделявшим взгляды и позицию своих "генералов". Поддавшись соблазну прослыть героем процесса, он объявил, что недостаточно остро и усердно вел борьбу с Советской властью и что в этом его ошибка и вина перед мировой революцией.

Гоц острее других членов ЦК ПСР сознавал, что вторая группа обвиняемых ставила первую в тяжелое положение. Если боевики заговорят, то всему миру станет известна тайна из тайн эсеровского ЦК — индивидуальный и массовый террор против членов Советского правительства и руководителей большевистской партии. Всплывут события 1918 года: убийство Володарского и Урицкого, неоднократные покушения на Ленина.

Гоц и Тимофеев решили прежде всего опорочить и очернить перед судом Семенова, Коноплеву и Дашевского. Тем более, что они знали о колебаниях двух последних: имеют ли они моральное право раскрывать эсеровские тайны? Не будет ли это предательством старых товарищей?

Заграничные руководители ПСР, такие как В.М.Чернов, Н.Д.Авксентьев, В.М.Зензинов, надеялись, что Семенов и Коноплева рухнут под таким бременем эсеровской морали, не пойдут дальше "семейного круга".

— Мы решительно и неизменно выступали против контрреволюционного террора, — кричали на процессе эсеровские вожди. — Мы противились ему. Во всем виноваты они, вот эти преступники — боевики, злоупотреблявшие нашим доверием!

Террористы отвечали:

— Вы нас посылали убивать вождей пролетариата. Настоящие убийцы — это вы!

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

ГРИГОРИЙ РАТНЕР.

Мы… имеем за собой много преступлений. Но одного преступления мы признать за собой никоим образом не можем. Мы не были лицемерами, фразерами; мы делали самые тяжкие дела, но мы никогда их не скрывали; никогда не двурушничали, а действовали прямо и решительно; и мы в этом отношении действительно плохо выполняли директивы наших старых

лидеров. Если бы мы тогда же поняли тактику наших верхов, то мы должны были быть прежде всего самыми злостными и лицемерными политиканами. К счастью, мы этому не научились… Сегодня для нас эта картина бесстыдного лицемерия раскрывается с полной ясностью. А с особенной ясностью, это высказалось сейчас, в… речи человека, которого я лично на лицемерие не считал способным. Только что при опросе подсудимых, люди, всегда любившие фразы, кричали с надрывом о том, что они повинны только в том, что они слишком мало сделали для свержения Советской власти… Если бы это было бы прямое и искреннее заявление, поддержанное официальным представителем Центрального Комитета партии Тимофеевым, — мы бы уважали их как контрреволюционных, но честных противников Советской власти. Пусть они ведут вооруженную борьбу, пусть применяют террор и все средства, но пусть они? признаются в этих средствах в открытую… Но когда после наглого, вызывающего мальчишеского ответа на вопрос председателя, мы имеем выдержанную парламентскую речь Тимофеева, такую речь, которую произносят в палате лордов, когда мы видели открещивание от всего и вся, тогда рассыпаются вдребезги все остатки уважения к тем, директивы которых мы когда-то выполняли.

…Я помню, как еще на 8-м съезде партии Чернов говорил золотые слова о том, что если партия вынуждена вести такую дипломатию, если партия должна скрывать свою истинную тактику, — это значит, что партия исторически обречена на политиканство и мелкий авантюризм. Эти золотые слова Чернова напрашиваются сейчас, когда мы, наконец, выяснили, какую линию занимают центровики, и когда мы выяснили, что именно это — та линия скрывания, утаивания и лицемерия, что эта линия взята нашим бывшим Центральным Комитетом. И здесь не обошлось без лицемерия, и здесь представители Центрального Комитета постарались увильнуть от самых больных вопросов, от тех вопросов, которые и тогда нас больше всего волновали и сейчас больше всего волнуют. Они, изволите ли видеть, отложили до судебного следствия эти большие вопросы.

Они /члены ЦК ПСР-Н.К./ должны понять, что для нас вопрос о терроре — это самый больной вопрос, для нас и для тех товарищей, которые непосредственно стреляли и непосредственно грабили. Это первый вопрос. Что же мы, в конце концов, уголовники, убийцы, шпана или мы политические борцы? На это они нам ответа не дали, они только кратко отреклись от тех, которых посылали, они предпочли, не вдаваясь в подробности, которых они не обходили, когда говорили о других

вопросах, просто предать своих партийных исполнителей, лучшие силы своей партии, те рабочие силы партий, которыми она держалась… Они предпочли предать их, объявить уголовными убийцами, шпаной, которую мы встречали в тюрьмах. Но это не случайность. Это предательство своей партийной периферии не случайно. Это, к сожалению, повторялось из раза в раз и даже не столько по злому умыслу отдельных членов Центрального Комитета (среди них много порядочных людей, а потому, что партия поставила себя в такое социальное положение, что она иначе действовать не могла. Этот обман партийных низов повторялся… Вся партийная тактика была построена на этом скрывании, на этом утаивании истинного положения партии от "партийных низов". Нам говорили, что мы имеем право на борьбу о большевиками, ибо мы боремся как с самодержавием, так и с комиссародержавием… Я верил в это, верил глубоко до тех пор, пока мне, волею судьбы и Центрального Комитета, не пришлось объехать всю Россию, объехать те территории, где партии социалистов-революционеров надлежало бы бороться с правыми реакционными кругами. А там, там увы, в Добровольческой армии, в деникинщине, где можно было бы показать, что действительно партия социалистов-революционеров свергнет не только Советскую власть, но и монархических узурпаторов, — там мы застали другую картину. В Екатеринодаре, в этом постоянном центре всех казацких, контрреволюционных и офицерских золотопогонных сгустков, там в этом центре собрались в этот момент лучшие силы партии: туда приехал Руднев и Григорий Шрейдер, ряд местных работников, многие из которых были кооптированы в Центральное бюро, и что же делала там партия?

…И вот что писали они о той Добровольческой армии, с которой, по словам Тимофеева, партия социалистов-революционеров вела непримиримую борьбу: "…При данных условиях Добровольческая армия является необходимым соучастником в той общей работе, которая направлена на оздоровление и возрождение нашей измученной родины. Это прежде всего. Затем, каковы бы ни были тенденции и стремления отдельных ее групп, однако Добровольческая армия глубоко демократична по целям и заданиям, которые формально были поставлены". Точно так же вопрос предрешался не только в Добровольческой армии, о которой указывается, что она демократична. Как вам известно, после смерти Алексеева его сменил генерал Деникин, потом был генерал Врангель, все фигуры, известные по своему "демократизму" очень хорошо. Здесь определенно говорилось не по отношению к буржуазным группировкам, не о кадетах, которые считали себя

республиканцами, а определенно по отношению к монархическим группам.

Я не буду затруднять ваше внимание дальнейшими цитатами; я хочу только констатировать, что та, по большей части, весьма почтенная группа членов партии социалистов-революционеров, как раз тех, которые делали высокую политику…, что эта группа определенно ясно поддерживала Деникина и Добровольческую армию, а не боролась с ней…

Все попытки встать на правильную точку зрения, что единственная возможность борьбы с реакцией, есть поддержка Красной Армии — были осуждены Центральным Комитетом совершенно категорически… Большая часть членов партии, в том числе Семенов и Дашевский, мобилизовавшиеся в ряды Красной Армии, были исключены из партии. Точная формулировка причин исключения: " За мобилизацию добровольцем в Красную Армию".

…Я думаю, что умудренные политический опытом наши высокие политики прекрасно понимали, что всякая борьба в рядах Красной Армии есть борьба на руку Советской власти. Это они отвергали…

И если сейчас, в процессе судебного следствия наши противники /подсудимые первой группы — Н.К./ ко всем своим лицемерным выпадам в прошлом совершат еще последнее предательство своей собственной партии, если они отрекутся от того, что делали партийные боевики по их директивам, если они попытаются сорвать процесс или иным кунстштюком оставить на ответственность, в качестве уголовных преступников, своих бывших исполнителей, — это будет то последнее предательство после которого не будет иной клички партии, как кличка лицемеров и предателей. Мы признали все свои преступления, но это преступление, преступление лицемерия, фразерства и двурушничества, мы категорически отвергаем.

В письме ЦК РКП/б/ Л.В.Коноплева указывала, что партия эсеров всегда была склонна ставить революционную фразу на место революционного действия, не могла выйти из утопических представлений в реальную жизнь, подменила борьбу масс индивидуальным террором.

Такой точки зрения придерживался И.С.Дашевский. Как и Лидия Коноплева, он все еще находился в плену годами выработанных стереотипов. Пытался остаться рыцарем по отношению к своим прежним товарищам по партии. Считал, что на предварительном следствии и на суде, по соображениям революционной этики и личной морали, не должен называть имена и фамилии. Но, прочитав книгу Г.Семенова, письма

Коноплевой, клеветнические статьи Чернова, Зензинова, Керенского в зарубежной прессе, узнав о подпольных связях цекистов с заграничным "Административным Центром", о призыве Гоца и Тимофеева к членам ПСР из тюрьмы не прекращать вооруженной борьбы против Советской власти, Дашевский изменил свои взгляды. Он заявил, что лидер ПСР В.М.Чернов, позволил себе категорически отрицать факты, доподлинно ему известные. Не исключена возможность, что и ответственные руководители ПСР на суде последуют примеру Чернова. А ведь именно эти лица самочинно предприняли организацию террористических выступлений и тем толкнули рядовых работников и всю партию на гибельный и преступный путь борьбы с Советской властью. Поэтому Дашевский решил сообщить на следствии и на суде имена и фамилии участников наиболее важных событий.

Много эсеровских сокровенных тайн знали боевики. На предварительных допросах они показали, что лицо их партии, обращенное к народу, всегда, на первый взгляд, выглядело мирным, но в глубоком подполье накапливались контрреволюционные силы. Они толкали ПСР на террор.

Начало работы Революционного Трибунала РСФСР ознаменовалось политической демонстрацией. Едва Пятаков открыл первое заседание, едва закончил объявление состава присутствия членов суда, как Гендельман от имени первой группы подсудимых, заявил отвод всему составу суда на том основании, что судьи, являющиеся коммунистами, будто бы не могут быть беспристрастными на процессе. По "логике" гендельмановского отвода выходило, что члены РКП/б/ вообще не могут быть судьями по делам о контрреволюционных преступлениях. Гендельман стремился представить дело так, будто Коммунистическая партия и партия социалистов-революционеров — две равноправные стороны в историческом споре, революцией еще не разрешенном.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

ГЕНДЕЛЬМАН: Гражданин председательствующий, ввиду открытия заседания и оглашения списка суда и обвинителей, прошу предоставить мне возможность завить отвод.

ПЯТАКОВ: Отвод кому?

ГЕНДЕЛЬМАН: Отвод всем судьям и обвинителям.

ПЯТАКОВ: Прошу…

ГЕНДЕЛЬМАН: Раньше мы вели борьбу с Коммунистической партией в Советах, теперь она перешла, благодаря изменившемуся положению, в зал суда… Этот процесс, который имеет место, это есть состязание между двумя партиями, нашей партией социалистов-революционеров и вашей партией большевиков-коммунистов… Вот характер процесса… Следственные действия производились по предписанию ЦК РКП/б/…

ПЯТАКОВ: Прошу закончить, потому что достаточно ясен смысл вашей речи…

Г.Л.Пятаков напомнил обвиняемым, что Коммунистическая партия — это партия, стоящая у власти. Революционный Трибунал состоит из коммунистов, он — орудие диктатуры пролетариата. В Советской Республике не стоят на точке зрения надклассовой юстиции. Конечно, коммунисты пристрастны. Пристрастны в сохранности и безопасности рабоче-крестьянской власти. Защищая классовые интересы пролетариата, коммунисты в то же время защищают национальные интересы новой Советской России.

Слово попросил подсудимый Григорий Ратнер.

— Я хотел бы сделать заявление, — сказал он. — Тут только что заявили отвод составу суда… Я же от своего имени и от имени своих товарищей — Игнатьева, Дашевского и других — заявляю, что Верховный пролетарский суд мы признаем полностью, признаем право судить нас за наши преступления. Мы рассматриваем заявление представителя первой группы обвиняемых как попытку сорвать процесс, уклониться от ответственности перед трудящимися массами за преступления, которые были совершены и которые продолжают совершаться.

Едва Григорий Ратнер закончил говорить, как Евгения Ратнер нарочно громко сказала Елене Ивановой:

— И это единокровный брат! Каков мерзавец! Суд он, видите ли, признает…

— Не надо так волноваться, Евгения. Все равно мы процесс выиграем. Ой, смотри-ка, и Ефимов туда же…

— Я от группы обвиняемых боевиков. Заявляю протест против отвода суда, — взволнованно произнес Ефимов. — Мы суду вполне доверяем. А наши руководители, которые, как они только что об этом сообщили, суду не доверяют. И тем самым хотят снять с себя ответственность и свалить ее на нас. Мы против, нам и своей вины хватит с избытком!

Среди цекистов произошло замешательство. Гоц многозначительно покосился в сторону Тимофеева. Тот немедленно попросил слово. Выгодно оттеняя то, что по его мнению нужно было подчеркнуть, произнес: "Позволю себе с вашего любезного разрешения, гражданин Председательствующий, сделать небольшое разъяснение. Мы отнюдь не уклоняемся от суда, как тут только что говорили. Не имея чести знать гражданина Ефимова близко, я все же вынужден констатировать, что он попросту, з в силу своих ограниченных возможностей не способен истолковать наши действия. Он толкует их как попытку отклониться от суда. Полагаю, со мной согласятся, что это звучит по-детски. Как можно уклониться, если мы присутствуем здесь не как гости, а, увы, в ином совсем незавидном качестве? Нет, мы не уклоняемся. Мы жаждем суда. Да, пусть это и звучит парадоксально, но мы желаем суда. Но не этого — нашими судьями будут трудящиеся всего мира!"

Защитник Муравьев потребовал замены Государственного обвинителя. Подсудимых первой группы пугала большевистская принципиальность, высокий профессионализм, эрудиция Крыленко и они попытались обезопасить себя, удалив его из прокурорского кресла.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

ГЕНДЕЛЬМАН: Обвинитель Крыленко и он же Председатель Верховного трибунала. Это несовместимо и недопустимо.

МУРАВЬЕВ: Не может быть обвинителем человек, который является председателем того самого учреждения, в котором судят обвиняемых.

ЖДАНОВ: Представители Трибунала не должны допускаться в качестве обвинителя, ибо это подорвет доверие приговора…

ГЕНДЕЛЬМАН: Гражданин Крыленко является мужем гражданки Розмирович, которая вела предварительное следствие по этому делу.

ПЯТАКОВ: Вопрос ясен. Верховный Трибунал определил, во-первых, председатель Пленума Верховного Трибунала никоим образом не может оказать влияние на судебную коллегию Трибунала во время судебных заседаний; во-вторых, циркуляр N8 говорит о провинциальных трибуналах, к которым в Верховном Трибунале приравниваются отдельные коллегии, а тов. Крыленко не является председателем ни одной из коллегий Верховного

Трибунала, а председателем лишь Пленума Верховного трибунала. Все же остальные соображения, в том числе относительно родственной связи, трибунал признает несущественными… Тов. Крыленко в качестве государственного обвинителя — допустить.

Верховный Трибунал определил: ходатайство о вызове дополнительных свидетелей в основном удовлетворить; подтвердить прежнее решение о недопущении на процессе защитников — меньшевиков…

КРЫЛЕНКО: По вопросу об отводе суда… Отвод суда Ревтрибунала неправомерен со стороны одной группы обвиняемых.

ПЯТАКОВ: Таким образом, вопрос исчерпан.

КРЫЛЕНКО: Вопрос отвода — вопрос формальный, вопрос этот решает суд. Но не гражданин Вандервельде, который ставит вопрос и ссылается при этом /после пяти лет борьбы русского народа за Советскую власть/ на то, как решался бы этот вопрос в Бельгии.

БУХАРИН: Наша группа защитников поднимает перчатку, брошенную гражданином Вандервельде.

Вызывающе повели себя на процессе иностранные защитники первой группы подсудимых: Вандервельде, Розенфельд и Либкнехт. Они не считались с процессуальными нормами советского трибунала. Требовали для себя особых привилегий, а когда получали отказ, демагогически заявляли, будто советская сторона нарушает берлинское соглашение трех Интернационалов.

Н.И.Бухарин, отвечая Вандервельде, заметил, что Верховный трибунал предоставил подсудимым и их защитникам все возможности в рамках советского процессуального права. Лишены оснований и ссылки иностранных защитников на нарушения берлинского соглашения. Напомнил, что оно в сущности уже разорвано реформистами. Они отказались созвать всемирный конгресс, ради чего соглашение и заключалось. Вандервельде обещал стоять только на гуманной точки зрения, а затронул политику. Объявил себя представителем многих тысяч европейских рабочих, идущих за II Интернационалом. Раз Вандервельде выступил с политической защитой обвиняемых, то он взял на себя политическую ответственность за убийство Розы Люксембург и Карла Либкнехта, брат которого Теодор приехал к нам для того, чтобы опозорить Карла, лежащего в могиле.

Раздался голос с места: "Вечная память убитым II Интернационалом"!

Не удержался от реплики Крыленко:

— Господин Вандервельде сказал, что такой Трибунал, как у нас, у них в Бельгии не мыслим. Я с ним совершенно согласен.

В зале засмеялись.

Крыленко напомнил Вандервельде, как весной 1917 года король Бельгии прислал его в Петроград. На рабскую верность лидера II Интернационала рассчитывали все реакционные силы Антанты. И они не ошиблись. Вандервельде призывал рабочих и крестьян России идти умирать на поле битвы, вести кровавую войну до победного конца во имя золотого мешка международного капитала. Рабочие и крестьяне этого не забыли. Стоило поезду, в котором ехали Вандервельде, Розенфельд и Либкнехт, оказаться на железнодорожных станциях Себежа и Великих Лук, как тысячные демонстрации встретили защитников эсеров свистом и криками: "Долой предателей!"

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА:

САДУЛЬ: Неспособные серьезно оспаривать обвинения, выдвинутые против эсеров, деятели II Интернационала с уменьем, в котором больше искусства, чем чести, и больше цинизма, чем мужества, постарались перенести проблему в другую плоскость. Вместо того, чтобы поставить основной вопрос: "Обосновано ли обвинение, выдвинутое против эсеров"? и на него ответить, они отодвигают его на второй план. А на место его выдвигают два утверждения: "Обвиняемые эсеры — герои". "Эсеры обвинители — негодяи". — Иными словами: "Эсеры первой группы "- святые и мученики, эсеры второй группы — предатели и провокаторы".

Истина не так проста и не столь благоприятна для наших противников…

Величайший долг, полагали Григорий Семенов и Лидия Коноплева, — это спасение революции. Вандервельде был не согласен ни с Семеновым, ни с Коноплевой. И это было вполне объяснимо. Этот корыстолюбец играл на бескорыстии других. Лицемеря, он разыгрывал на процессе борца за справедливость.

После девяти заседаний Верховный Трибунал рассмотрел первый период послеоктябрьской деятельности партии социалистов-революционеров, начиная от вооруженного юнкерского восстания в октябре 1917 года и кончая отъездом членов ЦК ПСР летом 1918 года в Самару, Мурманск, Архангельск, Казань, Уфу, Омск и другие крупные города, где

эсеры надеялись свергнуть Советскую власть.

ИЗ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПО ДЕЛУ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА И ОТДЕЛЬНЫХ ЧЛЕНОВ ОРГАНИЗАЦИЙ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ ПО ОБВИНЕНИЮ ИХ В ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЕ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ, ОРГАНИЗАЦИЙ УБИЙСТВ, ОГРАБЛЕНИИ И ИЗМЕННИЧЕСКИХ СНОШЕНИЯХ С ИНОСТРАННЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ

— Надлежит считать установленными:

Партия с. — р. явилась в лице членов ее ЦК инициатором гражданской воины в дни Всероссийского Съезда Советов и Октябрьской революции рабочего класса и ответственна как за гражданскую войну, так и за провоцирование ею наступление на революционный Петроград казацкого генерала Краснова и за жертвы, понесенные рабочим классам при отражении этого наступления…

…Подготовляла и организовывала повсеместно на территории Советской России ряд мятежей и восстаний и оказывала им всяческое содействие в целях свержения Советской власти и восстановления буржуазной собственности…

Все эти данные представляют собой достаточный материал для уголовного преследования против всего состава ЦК партии в целом и, наконец, дополняется еще одними установленными следствием, после опубликования разоблачений ПСР Семенова, фактами об организации партией террористических актов и убийств и вооруженных ограблений, направленных против жизни и деятельности отдельных представителей Советской власти и частных лиц, в нарушение и фактическое опровержение неоднократно объявляемых в печати от имени партии заявлений о ее полной непричастности к указанным убийствам и террористическим актам и ограблениям…

Тщетными оказались попытки эсеров и их адвокатов с запада скрыть антинародную направленность эсеровской политики, тайную войну эсеров против Советского государства. Не случайно адвокаты эсеров из II и II 1/2 Интернационалов покинули процесс, не дожидаясь его окончания. Свой уход Э.Вандервельде, Т.Либкнехт и К.Розенфельд мотивировали тем, что Верховный Трибунал якобы, не разрешил им вести свою стенограмму процесса. В действительности такое разрешение было дано.

После ухода представителей реформистских Интернационалов, процесс покинули и русские буржуазные

адвокаты обвиняемых первой группы — Тагер, Муравьев и другие. Они объявили о своем уходе после решения Трибунала допустить на заседание представителей трудящихся Москвы и Петрограда для оглашения в зале суда их деклараций об отношении к процессу правых эсеров. Появление на суде трудящихся нарушило "нормальный ход процесса". Однако истинная причина ухода адвокатов эсеровских руководителей заключалось в другом: в невозможности доказать невиновность своих подзащитных. Они провоцировали их на излишнюю откровенность, которая могла им дорого стоить. Каждый день пребывания на суде приносил защитникам эсеров все новые и новые политические удары. Суд над эсерами мировая прогрессивная общественность постепенно начала рассматривать как суд над одним из отрядов не только русской, но и международной контрреволюции. Покидая Советскую Россию, Вандервельде вынужден был констатировать, что Советская власть — твердая власть! И не кто иной, как Розенфельд признал: "Я был очень рад, что обвиняемым была дана возможность защищать те стороны, которые должны быть защищены. Я надеюсь, что мне удастся вернуться в Германию, и я сумею там сказать, что действительно обвиняемым дается возможность защищаться".

Обвиняемым на процессе давалось слово не только для защиты. Они, в сущности, имели возможность наносить самые тяжкие оскорбления Советской власти, членам Верховного Трибунала, обвинителям и свидетелям. Ставились бесчисленные ультиматумы, требования, читались декларативные заявления, затевались препирательства, звучали угрозы и демонстрировалась "героическая" развязность. Громко произносились цекистами слова и лозунги, начисто лишенные ходом истории смысла.

Упоенность и бравада цекистов исчезала, как только дело касалось реальных фактов, реальной, а не выдуманной жизни. И совсем поутихли подсудимые первой группы, когда 14 июля 1922 года на утреннем заседании Председатель Верховного революционного Трибунала Г.Л.Пятаков объявил о начале исследования террористической деятельности партии социалистов-революционеров.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

ПЯТАКОВ: Сейчас мы приступаем к исследованию террористической деятельность ПСР. Я предупреждаю стороны,

что в этой фазе процесса Трибунал будет вести дело значительно строже, чем это велось до сих пор. Здесь будут даваться соответствующие показания строго в пределах процессуальных форм. Поэтому охране будет дано соответствующее распоряжение в свое время немедленно докладывать Трибуналу о тех случаях, когда будут происходить подсказывания. И во-вторых, порядок ведения допроса и стенограммы будет строжайше устанавливаться самим Трибуналом. Никаких нарушений в этом отношении быть не может.

КРЫЛЕНКО: Вопрос о терроре ставился в кругах ПСР вслед за свершением Октябрьской революции. Впервые о нем заговорила Евгения Ратнер на IV съезде партии. Свое отношение к террору она сформулировала так: "Партия в целях самообороны вынуждена… перейти к террору". Ратнер оговорилась, что это ее личное мнение. Но на этом съезде она выбрана в члены ЦК, против ее позиции никто не возражал. Отсюда ясно, что вопрос о терроре против советских вождей ставился и обсуждался в руководящих кругах партии.

— В газете "Дело народа" за 30 ноября 1917 года, — говорил Г.А.Пятаков, — было опубликовано письмо А.Р.Гоца Президиуму IV-го съезда ПСР: "… Я верю, что поднявший меч от меча и погибнет и безудержный поток насилия, разливающийся из Смольного, разобьется об организованную волю народных масс, сплотившихся вокруг Учредительного собрания. А если смольные самодержцы посягнут на это завоевание революции, тогда я уверен, партия социалистов-революционеров вспомнит о своей старой испытанной тактике, вдохновлявшейся лозунгом: "По делам вашим воздается вам". С горячим приветом А.Р.Гоц".

— Не кажется ли вам, обвиняемый Гоц, — спросил Крыленко, — что ваше письмо носит явно подстрекательский характер? Вы призывали ваших соратников к террору против "смольных самодержцев", как вы изволили именовать большевиков. Так?!

— Не совсем…

— То есть? Ведь вы же не станете утверждать, что, цитируя ваше письмо исказили текст?

— Нет, разумеется. Но бумага, как говорится, все терпит. А мое письмо — порыв души, дань эмоциям, которые, как известно, не всегда точно отражают то, что человек хотел выразить.

— Не знал, что вы столь эмоциональны. — заметил Крыленко. — До сих пор, судя по вашим действиям, хладнокровно обдуманным и целенаправленным, я считал вас человеком волевым…

В кратком отчете IV-го съезда ПСР на страницах 75–76 была напечатана речь Евгении Ратнер, где в частности говорилось: "Если большевики перейдут от арестов к казням, что почти неизбежно, то партия социалистов-революционеров должна встать на путь террора".

— Обвиняемая Евгения Ратнер, — спросил Крыленко, — верно ли изложены в протоколах ваши слова?

— Приблизительно. Что же из этого?

— Предоставьте возможность задавать вопросы суду… В какой плоскости ставился на съезде вопрос о терроре?

— Он совершенно не ставился. В ответ на террор по отношению к нам, наша партия имеет право на любые средства защиты. Это наша старая позиция и мы от нее не откажемся. Были все данные за то, что в ближайшем будущем придется прибегнуть к террору. Но это мое личное мнение, а не мнение всей партии.

Крыленко удивился.

— Позвольте! Вы же член Центрального Комитета…

— И тем не менее мое личное мнение — партия тут ни при чем.

— Установлено, — сказал Крыленко, — вы были на съезде и слышали речь Чернова. Он призывал к защите Учредительного собрания. Каким путем? Как Чернов предлагал это сделать?

— Наша партия вопроса об отказе от террора не ставила. Ясно, когда Чернов говорил о "всех средствах борьбы", он имел в виду очевидно и террор. Опять — таки это мое личное мнение…

— Оно удивительно совпадает с линией вашего ЦК…

Защитник подсудимых второй группы Членов спросил Евгению Ратнер:

— Были ли идентичными приемы борьбы ПСР с правительствами социалистическими и капиталистическими?

Ратнер нервно тряхнула пышными волосами:

— Мы не считаем вас социалистическим правительством!

— Я — не правительство. Следовательно, вы считаете, что к Советскому правительству применимы любые методы борьбы?

— Отнюдь. Террор есть не программное, а тактическое положение. С идеологической точки зрения мы его принимали…

Заметив, что Евгения Ратнер слишком уж разоткровенничалась, встал Гендельман.

— Прошу высокий суд констатировать, что Государственный обвинитель с защитой навязывают Евгении Ратнер свое толкование речи Виктора Чернова.

Члены Верховного Трибунала стремились выяснить, как речь Чернова на IV съезде ПСР воспринималась ответственными работниками партии. Цекисты, конечно, понимали, насколько это

важно и пытались помешать суду установить истину.

Суд продолжал выяснять отношение к террористическим методам борьбы отдельных лиц. Крыленко спросил Николая Иванова:

— Поддерживал ли ваши взгляды на террор в ЦК ПСР Виктор Чернов?

— Поддерживал.

— Кто из членов ЦК голосовал за террор, кто против?

— Имен не назову. Могу сказать лишь о себе. Я голосовал за террор.

— Что он говорит, что он говорит! — ахнула Елена Иванова. — Сам себе смертный приговор подписал.

Как выяснилось, вопрос о терроре всплывал на заседаниях ЦК ПСР не раз. Судьи спросили об этом Гоца.

— Помнится, как-то зимой кто-то об этом говорил. Обсуждали предложение одной южной организации. Было две точки зрения на террор.

— Об одной только что сказал обвиняемый Иванов, — заметил Крыленко. Гоц закивал.

— Да, да, я слышал. Но он говорил о себе, высказывал собственную точку зрения.

— Похоже, вы тоже не намерены называть имена?

— Ничего подобного! Когда потребуется — назову. Но сейчас этого сделать не могу, так как разговоры шли в кулуарах, а кулуарные высказывания недорого стоят…

— Может быть обвиняемый Донской что-либо помнит? Вы были на этом заседании?

— Был. Но сказать ничего не могу.

— Но вы же присутствовали?

— Я пришел к концу заседания и в памяти ничего не осталось.

На аналогичные вопросы Государственного обвинителя не ответили члены ЦК ПСР Федорович и Лихач, уклонялись от ответа Раков и Веденяпин.

Представитель обвинения Верховного Трибунала А.В.Луначарский заявил, что вся деятельность партии социалистов-революционеров, в особенности начиная с Октябрьской революции, и, можно сказать, самое существование этой партии является сплошным политическим преступлением… Какую роль сыграла партия социалистов-революционеров в отношении правых организаций? Она сыграла роль косметики… Такого рода явление наблюдалось в уфимском, симбирском и архангельском правительствах: косметика, в конце концов, оказывалась не нужна…Безыдейность и беспринципность вели на

практике к революционному авантюризму, к внутренней развинченности, которая и на процессе часто не давала возможности ни Гоцу, ни Тимофееву, ни Гендельману, ни Донскому вразумительно изложить стратегию и тактику партии социалистов-революционеров.

М.Н.Покровский сказал, что названия социалистической партии эсеры не заслуживают. С тех пор, как они связали себя с гнуснейшей буржуазной реакцией и во имя этой буржуазной реакции отменяли и подавляли даже буржуазные свободы там, где они были и где их раньше вводили, вводили только в первые минуты, как приманку, они потеряли всякое право на звание революционной партии.

…Да, Григорий Семенов был прав, когда говорил, что в Октябрьские дни массы были не с Керенским и Гоцем, а с Лениным и Подвойским. В этом слабость эсеров и сила большевиков.

А.Муна, представитель Коминтерна и член Чехословацкой Коммунистической партии заявил, что партия эсеров играла на социал-патриотических чувствах чехословацких легионов, воспользовалась антигерманским настроением, изображая им Советскую власть, как власть германских шпионов и агентов германского империализма. Заставила их восстать против Советов и начать ожесточенную гражданскую войну.

Следовательно, партия эсеров при помощи чехословацких штыков стала ядром, вокруг которого сгруппировалась вся русская контрреволюция. Партия эсеров несет полную ответственность за все жертвы гражданской войны: за кровь рабочих и крестьян, за кровь красноармейцев, пролитую на фронтах гражданской войны. Рабочий класс России и революционный пролетариат Европы, проснувшись от обмана эсеров, уже вынесли свой приговор, не дожидаясь приговора Верховного Революционного Трибунала: "Полная политическая смерть партии социалистов-революционеров!"

Клара Цеткин, обращаясь к высокому Революционному суду, заявила, что эсеры, пытаясь своими ударами поразить революционную власть Советской России, тем самым наносили удары и мировому пролетариату. Они воспрепятствовали полному воздействию на мировой пролетариат могучего русского примера, величайшего акта воли, какой знает история. В этом тягчайшее преступление эсеров, их неискупимый грех. То, что они совершили, есть убийство, тысячекратное убийство нового мира, рожденного Октябрьской революцией. И это не преувеличение, а фактическая реальная действительность.

Д.Бокани, представитель Коминтерна, член Венгерской

Коммунистической партии, обращаясь к эсерам — подсудимым первой группы, сказал;

— Вы не верите, что пролетариат уже созрел для того, чтобы взять власть в свои руки и проложить новые пути к созданию нового общественного порядка. А большевики верят и в этом тайна их победы в октябре. Теперь для меня совершенно ясно, почему эсеры не встали со своих мест на первом заседании в честь нашего Революционного Трибунала.

Верховный Трибунал страницу за страницей листал историю партии социалистов-революционеров. И начали оживать образы эсеровских террористов.

По наклонной лестнице

Просторная, с высокими потолками квартира на Васильевском острове блистала чистотой. Хозяйка Лидия Коноплева, презирая мещанский уют, тем не менее любила свое жилье. В комнатах — тихо. А когда-то было шумно и весело. У зеленой лампы собирались гимназисты, юнкера, реалисты, студенты. Проникновенно читали стихи… Лидия улыбнулась, откинула русую прядь. Подошла к овальному трюмо, отступила на шаг, расчесала пышные, цвета спеющей ржи волнистые волосы, начала было заплетать косу, но энергично тряхнула головой волосы рассыпались по плечам.

Она была на редкость хороша, Лидия Коноплева — эсеровская активистка, человек сложной судьбы. Никто никогда не поверил бы, что эта тургеневская женщина была решительна и беспощадна в суждениях, могла, не колеблясь, застрелить политического противника, выполнить любое, даже самое кровавое задание партии.

Эта красавица знала, что такое смерть. Умела обращаться с оружием и взрывчаткой. Знала толк в бомбах, гранатах, различных детонаторах и взрывателях. Возня с оружием доставляла ей истинное наслаждение — нет, она не хранила у себя бомбы, но если ей случалось держать в руке гранату, бомбу или револьвер, она вся буквально светилась. Ведь оружие может мгновенно повернуть ход событий, бесповоротно решить судьбу врагов ее партии…

Когда Петр Ефимов, бывший прапорщик, политкаторжанин, сидевший в Александровском централе вместе с Гоцем, познакомился с Коноплевой, он сразу вызвался научить ее стрелять.

— Итак, милая Лида, как вас разыскать?

— Я могу зайти к вам.

— Мне утром надо поработать в редакции "Дело народа". Не сочтите за труд заглянуть туда после полудня.

— А это удобно?

— Конечно.

Ефимов читал статью, нетерпеливо поглядывал на часы. Когда Коноплева появилась в полутемном подвале редакции, Ефимов просиял, взял Коноплеву под руку и они поехали на извозчике за город. Всю дорогу он рассказывал о Сибири, об охоте на волков и медведя. Коноплева слушала с интересом, в глубоких глазах вспыхивало детское любопытство.

Извозчика они отпустили. Углубились в лес. Выбрали

подходящую полянку. Ефимов положил на пенек фуражку, отсчитал тридцать шагов, достал револьвер. Вынув тускло поблескивающие продолговатые патроны, повертел барабан, взвел курок, показал как целиться.

— Спусковой крючок нажимайте плавно, Лидия Васильевна. Дергать нельзя, иначе пуля уйдет мимо цели.

— Это меня не устраивает — я должна попадать.

— Разумеется. Итак, не дергайте. Нажимайте плавно. Старайтесь задерживать дыхание…

— Вы хотите, чтобы я задохнулась? — кокетничала Коноплева. — На всякий случай, Петр Тимофеевич, снимите с пня кепи. Боюсь повредить.

— Сие не так-то просто, Лидия Васильевна.

— И все же возьмите, зачем портить хорошую вещь?

— Ради вас я готов на любые жертвы.

— Напрасно, напрасно, рыцарь.

Сухо треснул выстрел. Фуражка слетела с пня. Коноплева насмешливо улыбнулась:

— Каково, господин прапорщик?

— Высший балл!

Впоследствии Ефимов рассказал об этом Гоцу.

— Подумайте, Абрам Рафаилович, ангел, а бьет в мишень с дьявольской точностью. Пулю в пулю всаживает.

— Ты, Петя, Лидию Васильевну недооцениваешь. Впрочем не ты один. У твоего ангела хороший послужной список. Эта учительница руководила солдатским университетом, работала среди моряков на "Андрее Первозванном". Предельно логична, собрана, непреклонна. Она не промахнется ни в буквальном, ни в переносном смысле. Одна стоит десятка сильных и смелых мужчин. Вот каков твой ангелочек, Петюша…

Гоц впоследствии по секрету передал Коноплевой этот разговор. Тогда ему показалось, что Лидия Васильевна осталась недовольна. Абрам Рафаилович не ошибся. С некоторых пор Коноплева стала щепетильной, точнее — после знакомства и дружбы с Борисом Николаевичем Рабиновичем. Поначалу она относилась к нему, как и к прочим товарищам по организации, но постепенно он стал занимать ее воображение все больше и больше.

Особоуполномоченный ЦК ПСР Е.Н.Рабинович, прямо скажем, начинал свою работу в Петрограде с большой неохотой. В столичном городе, не то что в провинциальной Пензе, откуда он приехал, по вызову своего шурина А.Р.Гоца. На каждом шагу — яма. У каждой стены — лестница. Каждый встречный — загадка. Ошибаться нельзя. Цена ошибки — голова. И потому Борис

Николаевич старался быть предельно внимательным и осторожным в знакомствах и встречах, даже с членами ПСР. Исключение составляли два человека, — Гоц и Коноплева. С Абрамом вместе учились, вместе росли. Не один пуд соли съели. Все рассчитано на много ходов вперед. Как в шахматах. С Лидией Васильевной — другой ракурс. Другая раскладка. Над разумом витали личные симпатии. В ее обществе — не закиснешь. Порывиста. До предела обнажена в мыслях народовольческая душа, восторженная и романтическая. Народовластию предана фанатично. В Пензе он таких не встречал. И к нему привязалась. Кажется, искренне. Явно выделяет его среди других. Приглашает запросто на квартиру. Музицирует. Поет. И не плохо. Без фальши. Талант. Ей бы в актрисы податься, а она — в террористы. И в организаторских способностях не откажешь. За что ни возьмется — доводит до конца. Побольше бы ей удачи, как всей партии эсеров. Попутного ветра. Алых парусов. А то ведь с тех пор, как из эмиграции вернулся Ленин — сплошные катаклизмы. Провал за провалом. Катится партия вниз, со ступеньки на ступеньку. ЦК ПСР лихорадит. Один Сунгин чего стоил. Такую промашку дал Веденяпин. Помог Сунгину войти в "кольцо избранных", а тот категорически выступил против применения террора в борьбе с большевиками. Поднял в ЦК ПСР бунт. Пришлось в борьбу включаться Чернову. Не хотел Виктор Михайлович высвечиваться, а пришлось. Нельзя было выпускать из рук ЦК ПСР террор — сильнейшее оружие эсеров. Уступить Сунгину — значило создать прецедент для других. А таких в партии появляется все больше и больше. Некоторые расхрабрились до того, что предлагают сотрудничать с Советами против русской и иностранной реакции.

Коноплева ждала прихода Рабиновича с особым нетерпением. Наконец-то она решилась на индивидуальный террор против Ленина. Долго колебалась. Думала. И вот перешла рубикон. Расскажет обо всем Борису Николаевичу, а тот передаст Гоцу. Соратник Азефа знал толк в терроре. Принимал участие не в одном покушении. Прошел савинковскую школу. Пожимал дружески руки Каляева и Созонова. Собственно, она не очень обременит заботами Абрама Рафаиловича. Нужен всего один-два помощника. Для налаживания слежки. Особенно за выездами Ленина из Смольного. Гоц говорил, что он ездит без охраны. Но редко садится в автомобиль один. Всегда кого-нибудь и куда-нибудь подвозит. Приглашает с собой на митинги иностранных товарищей. И на заводах или в казармах — в окружении рабочих и солдат. Ни гранату, ни бомбу бросать нельзя. Применять можно только револьвер или браунинг…

После подписания Брестского мира поборники

"народовластия" — правые эсеры — призывали рабочих и крестьян аннулировать Брестский мир, возобновить войну с Германией, ликвидировать Совнарком и возродить Учредительное собрание во главе с В.М.Черновым.

— Главным препятствием для осуществления этих задач, — вещал член ЦК ПСР М.Я.Гендельман, — является Советская власть. Поэтому ее ликвидация составляет очередную и неотложную задачу всей демократии.

Активную подрывную работу проводили правые эсеры в деревне. Они использовали продовольственные затруднения в стране. Поддерживали кулаков, провоцировали их на антисоветские мятежи. Выступали против монополии на торговлю хлебом. Организовывали нападение на продотряды. В городах подбивали рабочих на забастовки, внушали им, что большевики не способны победить голод.

В те же дни В.И.Ленин писал: "Меньшевики и правые эсеры ведут себя у нас, как наиболее подвижные, иногда даже как наиболее наглые деятели контрреволюции, ведя против Советской власти борьбу гораздо более резко, чем они позволяли себе вести против реакционных и помещичьих правительств".

Противники большевиков, совершая контрреволюционные, антисоветские акции, отличались друг от друга своими платформами, взглядами, суждениями, методами, но все без исключения сходились в одном: революция погибнет, если погибнет ее вождь — Ленин. И пытались его убить еще до намерений Лидии Коноплевой: сначала в декабре 1917 года, а затем в январе 1918 года.

… Однажды в приемной Совнаркома к М.Н.Скрыпник подошел молодой человек в студенческой форме. Попросил провести его к Ленину. По словам студента, он уже был у Владимира Ильича с письмом от товарища Артема. Прибавил, что Ленин назначил придти к нему в 7 часов вечера.

Говорил студент путано, скороговоркой. Глаза отводил в сторону. И произвел на секретаря Ленина не очень приятное впечатление. И все же Мария Николаевна сочла нужным доложить о посетителе Владимиру Ильичу. В ответ на ее доклад Ленин пожал плечами и сказал:

— Я его не просил приходить… Действительно, он привез письмо от Артема.

Скрыпник сделала движение, чтобы уйти, но Владимир Ильич сказал:

— Студент голодный. Устройте его на работу. Дайте пособие — рублей двадцать пять. Рекомендуйте в Наркопрод.

Мария Николаевна не могла возразить Ленину, хотя душа к

студенту не лежала. Его блуждающие глаза вызывали в ней какую-то неясную тревогу. "А вдруг Артем потерял письмо, и оно было найдено недобрым человеком?" — думала Мария Николаевна. Поборола неприязнь, вспомнив, что студента принимал Владимир Ильич. Проявлял о нем заботу.

Сделалось стыдно, что лихорадочный взгляд и бледное лицо студента вызвали в ней не сочувствие, а подозрительность.

Вручила студенту рекомендательную записку и предложила пособие.

От пособия он отказался, а рекомендательную записку взял пренебрежительным барским жестом.

Мария Николаевна продолжала работать в приемной. И вдруг перед ней снова предстал студент. От его растерянности не осталось и следа. Он заговорил настойчиво и требовательно.

— Я плохо рассмотрел Ленина. Пропустите меня к нему.

Одна пола его пальто топорщилась, и он, глядя на Скрыпник лихорадочно блестящими глазами, неуклюже держал руку на борту пальто. В ответ на категорический отказ студент, с упорством человека, одержимого навязчивой идеей, уселся на стул и устремил глаза на дверь кабинета Владимира Ильича.

Скрыпник боялась, что Ленин может неожиданно выйти из дверей и натолкнуться на студента, который несомненно бросится к нему с рукопожатиями и благодарностью. Она знала, как Владимир Ильич не любил таких сцен и как его раздражали ненужные, пустые встречи… Ведь каждая минута была у него на учете…

Марию Николаевну охватила тревога. Не вступая со студентом в переговоры, она дала знак часовому, который быстро подошел к студенту, взял его под руку и повел к выходу.

"Обыскать нужно было", — запоздало подумала Скрыпник. Но опять вспомнила про письмо, которое он привез от Артема, про рекомендацию в Наркомврод. И все же спокойствие и равновесие не приходило.

Не прошло и получаса после ухода студента, как в приемную буквально влетел Управляющий делами Совнаркома В.Д.Бонч-Бруевич. Взъерошенный, сердитый, он начал упрекать Марию Николаевну за то, что она направо и налево раздает рекомендации неизвестно кому. В частности, дала рекомендацию человеку, который шел к Ленину со взведенным курком револьвера…

Мария Николаевна похолодела. Была близка к обмороку. Какая опасность угрожала жизни Владимира Ильича!

Бонч-Бруевич шел к Ленину с докладом. Через некоторое время он вышел от Владимира Ильича и уже более мягким

голосом рассказал Марии Николаевне, в чем дело. Оказывается, этот студент после того, как его выпроводили из Смольного, остановился у подъезда и пристально всматривался в людей, садящихся в автомобили. На это обратил внимание стоящий в карауле латышский стрелок и направился к нему. Студент сунул руку за борт пальто и раздался выстрел. Террорист тот час же был задержан охраной.

Мария Николаевна разъяснила Бонч-Бруевичу, что дала студенту рекомендацию по поручению Ленина. Однако Владимир Дмитриевич упорно продолжал вертеть перед ее глазами злополучный бумажкой, упрекая в неосмотрительности. Что все это значило по сравнению с тем, что студент не был вторично допущен к Ленину и опасность миновала. Упреки Управляющего делами показались Марии Николаевне несправедливыми и она решила рассказать об этом Ленину.

— На меня студент произвел тоже странное впечатление, — сказал Ленин, выслушав Скрыпник. — Когда я говорил с ним, он вдруг встал, побледнел и зашатался. Я подумал, что он голоден, и предложил ему пособие и работу. Он дико на меня посмотрел и вышел. Мне и в голову не могло придти, что тут что-то неладное…

После небольшой паузы, Владимир Ильич добавил:

— По-видимому, он в первый раз не решился в меня стрелять и пришел вторично…

1 января 1918 года В.И.Ленина ждало еще более тяжкое испытание. Он выступал на митинге в Михайловском манеже. Напутствовал первый отряд социалистической армии, отправлявшийся на фронт. После митинга Ленин сказал шоферу, чтобы он отвез его, М.И.Ульянову и Ф.Платтена в Смольный. Тарас Гороховик тронулся в путь не спеша. Опасался гололеда, снежных завалов, а больше всего тумана. Давно такого не наблюдалось в Петрограде. Густой и тягучий, он заполнил собою улицы, окутал дома и мосты, набережные, проспекты. Но шофер уверенно ориентировался в тумане. Подъезжая к мосту через Фонтанку, чуть-чуть сбавил скорость, просигналил: вдруг кто-нибудь из пешеходов замешкался, не успев отойти в сторону? Наехать на человека в таком тумане можно запросто…

Владимир Ильич в машине шутил, был весел. Отметил, что на улице заметно похолодало. Мороз пробрался в кабину. Проник за воротник пальто. Щипал за нос и открытые уши. Фриц Платтен, слушая Владимира Ильича, улыбался, а Мария Ильинична не на шутку испугалась. "Не околеть бы до Смольного, — говорила она и кутала руки в меховую горжетку. — Хорошо когда сено в стогу, а тепло — в дому!"

Слова Марии Ильиничны Ленин перевел Платтену. Тот повернулся к Ульяновой и согласно кивнул головой. Мария Ильинична благодарно прижалась к брату.

Автомобиль въехал на Симеоновский мост через Фонтанку. Внезапно по кузову забарабанили пули.

— Стреляют! — ахнула Мария Ильинична. Платтен мгновенно пригнул голову Ленина к себе.

— Что вы, помилуйте товарищ Фриц! — воскликнул Ленин и, стремясь успокоить спутников, добавил:- Это вовсе не стрельба…

Шофер Тарас Гороховик не растерялся: прибавил газу, съехал с моста, свернул в переулок и остановил машину.

— Все целы? А то я испугался! Думал — вас уже в живых нет. Счастливо отделались. Если бы в шину попали — нам не уехать.

У Смольного автомобиль осмотрели. Кузов оказался продырявленным в нескольких местах. Одна пуля застряла в кронштейне кареты. Две другие — навылет прошили ветровое стекло.

— Что с вами? — заволновался Ленин, заметив, что рука Платтена в крови.

— Вы ранены? — Мария Ильинична шарила в сумке, нащупывая платок.

— Пустое, царапина.

Пуля задела палец, когда Платтен пригнул голову Ленина…

Участников покушения обнаружить не удалось…

На процессе обвиняемый Н.Н.Иванов рассказал, что в Сибири в 1919 году он слышал от одного из офицеров, бывшего в 1918 году в Петрограде, что в январе 1918 года действительно было организовано покушение на В.И.Ленина какой-то военной группой при участии эсера Тягунова.

Коноплева хорошо знала прапорщика Тягунова, тесно связанного с группой эсеров-боевиков Невско-Заставского района. Высокого роста, стройный, он не однажды бывал у них в доме. Пользовался у гимназисток неизменным успехом. Великолепно танцевал мазурки и вальсы. Тягунов — то и пригласил Коноплеву на митинг в Михайловский манеж. Снабдил пропуском. Намекнул на какой-то "новогодний фейерверк" на Симеоновском мосту.

Сохранилось записки одного из участников террористического акта, некоего Г.Решетова. В них он хвастливо указал даже номер нагана, из которого стрелял по автомобилю Ленина и по минутам передал всю динамику трагических событий далекого январского дня 1918 года.

…Руководитель террористов — "Капитан" — явный черносотенец и приверженец старого порядка, готовил свою "партизанскую шайку" к покушению на В.И.Ленина. Месяцем

раньше он установил контакт с эсеровским руководством. Для разъяснения позиции ПСР на конспиративную квартиру прибыл "Старый эсер".

Эсеровский представитель был полномочным и само его появление у заговорщиков означало, что отныне шайка становится вовсе не "партизанской", вернее не дикой, а переходит в распоряжение партии социалистов-революционеров и обязана подчиняться дисциплине, выполнять приказы.

Получив соответствующие указания и необходимые советы, шайка приступила к активным действиям.

К "Капитану" явился "Технолог", работавший в Смольном, и сообщил, что в Михайловском манеже на проводах сводного отряда Красной Армии на фронт обещал быть Ленин. Капитан сразу дает указание:

— Убьем, когда будет уезжать с митинга. Стараться из револьвера, чтобы не побить народа. Если не выйдет — бомбу.

"На трибуне, среди каких-то незнакомых людей, стоит человек, — писал Г.Решетов, — Он! Разве я могу не узнать его сразу? Плотный. Городское пальто. Руки в карманах. Шапка…"

На улице терпеливо ждали окончания митинга Капитан и его подручные. Время шло, и роковой миг приближался с неумолимой неизбежностью…

"Туман, ночь, минуты — вечность… Автомобиль свернул к мосту. Сюда!.. Кидаюсь вперед — автомобиль медленно движется. Почти касаюсь крыла. Он в автомобиле. Он смотрит, в темноте я вижу его. Бомбу!.. Но почему автомобиль уходит, а бомба в руках? Вот я вижу и знаю, что бомба в руках и автомобиль уходит и что нужно бомбу кинуть, и чувствую ужас того, что не делаю этого и не могу сделать. Словно кто-то связал по рукам и ногам…

Вдруг выстрел. Стреляет Капитан. Капитан дает сигнал! Капитан не отпустит.

И сразу и ночь, и туман, и уходящий автомобиль… проникли ужасом того, что я сделал.

И снова выстрел Капитана, и я слышу как ударила пуля в кузов. Капитан стреляет.

Что я наделал, я не бросил бомбы! Я выхватываю наган и, стреляя, бегу за автомобилем. Что это!? Автомобиль остановился! Я не верю своим глазам. Нагнать и бросить бомбу! Бегу. Но нет, автомобиль не остановился. Это просто сообразительный шофер свернул машину в переулок…"

Не успели в Смольном затихнуть разговоры о новогоднем покушении на В.И.Ленина, как к В.Д.Бонч-Бруевичу явился в приемную бравый солдат:

— Так что, товарищ управляющий делами Совнаркома,

разрешите доложить: Спиридонов, георгиевский кавалер… Мне приказано… как был поскладнее сказать… Ну, словом, я должен выследить и убить Ленина!

— Что-о!?

— Так точно, убить. — Солдат стоял навытяжку. Бонч-Бруевич, овладев собой, предложил посетителю сесть. Позвал помощника и секретаря. Спиридонов осторожно опустился на краешек стула, покашлял:

— Извиняйте, конечно, но я начистоту. Как на исповеди. Затеяно злодейство. Мне двадцать тысяч сулили. Только не будет по-ихнему. Я не продажный.

Я.Н.Спиридонов рассказал, что заговорщики — члены "Петроградского союза георгиевских кавалеров": старший унтер-офицер А.Ф.Осьминин, подпоручик Г.Г.Ушаков /в прошлом адъютант командующего Московским военным округом полковника А.Е.Грузинова/, капитан Зинкевич, военврач М.В.Некрасов /брат бывшего министра Временного правительства Н.В.Некрасова/, вольноопределяющийся Н.И.Мартьянов и другие.

Они узнали, что Ленин часто приезжает к Бонч-Бруевичу на Херсонскую улицу. Поблизости, недалеко от Перекупного переулка, живет приятельница Осьминина — лавочница 0.В.Салова.

— Осьминин хотел меня определить к ней в помощники, — говорил Спиридонов, — чтобы смотреть, значит, когда Ленин к вам в гости наезжает. Но Салова заупрямилась, не схотела. Осьминин мне: "Познакомься с домашней работницей Бонч-Бруевича. У нее узнаешь, когда Ленин приедет". Но и этот номер не вышел. Тогда Осьминин приказал мне определиться дворником при вашем доме. Я согласился. Недельку помахал метлой, но шпионить не стал. Потом и вовсе совесть загрызла — пришел в Смольный…

"Георгиевских кавалеров" накрыла ВЧК. Захватила весь их арсенал: бомбы, гранаты, винтовки. Заговорщики сознались, что действительно замышляли убить В.И.Ленина.

К собственной безопасности Владимир Ильич относился беззаботно. С удивительным спокойствием слушал он сообщение об аресте заговорщиков. Задавал Бонч-Бруевичу множество вопросов, сомневался в достоверности материалов, еще и еще раз требовал перепроверить.

Бонч-Бруевич с большой неохотой доложил Ленину, что заговорщики, которых по логике вещей надо было немедленно расстрелять, обратились к Владимиру Ильичу с просьбой отправить их на фронт. Хотят искупить вину кровью. Ленин моментально наложил резолюцию: "Дело прекратить. Освободить.

Послать на Фронт".

В 75-ю комнату Смольного, в следственную комиссию Бонч-Бруевича — она существовала некоторое время и после создания ВЧК — поступили сведения об арестах офицеров-заговорщиков в Институте Лесгафта, о задержании других террористических групп, получавших помощь извне. В Балтийском море появился германский флот. На границе сосредотачивались контрреволюционные войска. Над Петроградом нависла угроза вражеского вторжения. Связь с другими районами и городами республики могла нарушиться в любой момент. Об этом заявил руководитель только что созданного Военного Совета Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич — старший брат Владимира Дмитриевича, один из первых генералов русской армии, добровольно перешедший на сторону Советской власти.

Проект постановления об эвакуации Советского правительства в Москву В.И.Ленин написал еще 26 февраля 1918 года. Претворить его в жизнь тогда помешало наступление кайзеровских войск. Петрограду угрожала оккупация. ЦК РСДРП/б/, Совнарком организовали оборону города, разгромили интервентов и только после заключения Брестского мирного договора началась подготовка к переезду Совнаркома в Москву.

Организацию эвакуации Совнаркома в Москву В.И.Ленин возложил на В.Д.Бонч-Бруевича. И тут во всю развернулся его администраторский талант, проявились недюжинные способности старого подпольщика — конспиратора. Он сообщил представителям профсоюза железнодорожников /Викжеля/, состоящего в основном из меньшевиков и эсеров, что правительств месяца через полтора переместится из Питера на Волгу. Викжелевцы не замедлили разнести новость по городу. ВЧК усилила наблюдение за правыми эсерами. Не упускало из виду и левых. Это они пускали по городу провокационные слухи: "Большевики продали Питер немцам, а сами бегут в Москву".

Мало кто знал, что происходило на самом деле на Николаевской железной дороге, особенно на ее подъездных путях на юго-восточной окраине Петрограда. Сюда, за Обводной канал / куда обычно подавали товарные составы / подгоняли классные вагоны. Формировался экстренный правительственный поезд N 4001-й.

В курсе всей операции В.Д.Бонч-Бруевич держал только комиссара Николаевского вокзала П.Г.Лебита и представителя исполкома дороги П.О.Осипова. Для переезда Советского правительства они готовили три состава. Легко ли это было сделать, если эсеры открыто угрожали пустить под откос поезд со всеми народными комиссарами во главе с В.И.Лениным!

Эсеровская угроза была реальной. На заседании Петроградского комитета партии социалистов-революционеров его председательница Брюллова-Шаскольская, заявила, что ей стало известно решение Совнаркома об эвакуации в Москву. Откуда такие данные? Известил Камков. Удобный и, быть может, единственный такой случай: все народные комиссары окажутся в одном поезде. Достаточно нескольких шашек динамита… Лес рубят — щепки летят… Ради высшей цели…

Присутствовавший на совещании эсеровский боевик Кононов сказал:

— Да, что толковать… Рванем — и вся недолга.

— Припугнем как следует большевичков, — поддержал боевика Николай Иванов, — демонстрацию устроим. Пусть знают, что их ожидает в будущем. В Москве займемся террористическими актами всерьез…

Враги революции не дремали. В.Д.Бонч-Бруевич осторожничал совсем не напрасно. Все переговоры, совещания, консультации, встречи, касающиеся переезда правительства, велись В.Д.Бонч-Бруевичем не в Смольном, а у себя на квартире. Причем, ответственные — за то или иное дело приходили в разное время и друг друга не видели, не знали в лицо. На тихой платформе "Цветочная площадка", находившейся вдали от посторонних глаз, Бонч-Бруевич бывал только ночью. Он знал, что днем вокзал и прилегающие к нему строения походили на крепости, осаждаемые с утра до вечера огромной вооруженной толпой. Матросы и солдаты старой армии, бросив свои корабли и окопы, разбегались с Западного и Северного фронтов по домам. Они самовольно захватывали поезда и катили кому куда вздумается. В.Д.Бонч-Бруевич на время усилил охрану вокзала революционными рабочими и кронштадскими моряками.

О подготовке к отъезду правительства в Москву знали левые эсеры П.П.Прошьян и А.Л.Колегаев. Однажды, а это было в конце февраля, они зашли в столовую Смольного.

— Товарищ Балтрукевич, — обратились они к буфетчице, — хотите услышать новость?

— Хочу, — ответила Анна Марковна. — Что за новость? Выкладывайте.

— Э, так не пойдет. Задаром такая новость не выкладывается. Есть у вас что-нибудь вкусненькое?

— Найду, — засмеялась буфетчица.

Члены правительства и ответственные работники Смольного хорошо знали Анну Марковну, а Владимир Ильич называл ее "товарищ Нюша". Простая прачка, в феврале 1917 года стала активной сторонницей большевиков, в мае вступила в члены

РСДРП/б/ и вскоре стала работать в Смольнинской столовой.

Накормив Прошьяна и Колегаева, Балтрукевич спросила:

— Где же ваша новость?

— А вот: правительство скоро переедет в Москву. Может желаете переселиться в новую столицу?

Буфетчица заволновалась: только устроилась работать и — на тебе. А может ее попросту разыграли? Анна Марковна спросила об этом Бонч-Бруевича. Он сухо ответил: — ничего не знаю.

Беседа с управляющим делами Совнаркома не рассеяла сомнений Анны Марковны. Она выбрала момент и пошла к Ленину. Он не удивился, буфетчица вечерами приносила в кабинет горячий чай и бутерброды.

— Владимир Ильич, правда ли, что Совнарком переезжает в Москву?

— Кто вам об этом сказал?

— Прошьян и Колегаев.

— Да, правда. Есть решение. Но прошу вас, как члена партии, никому об этом не говорить.

Сняв трубку телефона, Ленин вызвал Бонч-Бруевича.

— Прошьян и Колегаев разболтали о переезде Совнаркома в Москву. Верх безответственности и легкомыслия! Пожалуйста, внушите это болтунам!

Последние дни В.Д.Бонч-Бруевич почти не смыкал глаз. Легко ли переправить тихо и без эксцессов правительство из одного города в другой? Казалось, подгони приличный состав со спальными вагонами, садись и как говорится, езжай с богом… Но Владимир Дмитриевич не забывал об эсерах и меньшевиках, корниловцах, анархистах. Недавно ему сообщили, что возле Александро-Невской лавры задержали двух студентов. Они расклеивали антисоветские листовки. Когда разобрались, оказались, что это не студенты, а переодетые корниловские офицеры.

Конспирация. Строжайшая! Бонч-Бруевич радовался: место формирования правительственного поезда выбрано удачно. Запасные пути. Тупик. Ни одна живая душа сюда не заглядывает. И сторожей нет. Зачем охранять потрепанные на дорогах России, меченые пулями и осколками снарядов товарные вагоны? Даже жулье в тупик не наведывалось — нечем поживиться.

Для окончательной дезинформации тайных и явных врагов Советской власти В.Д.Бонч-Бруевич решил использовать петроградскую прессу. Владимир Ильич, узнав об этом, рассмеялся и дал свое согласие.

10 марта 1918 года в "Известиях" появилось сообщение о том, что "Совет Народных Комиссаров предполагает выехать в Москву

в понедельник, 11 марта, вечером". На самом же деле поезд N 4001-й должен был уйти 10 марта в 22 часа.

После того, как были сформированы три состава, два из них подали на Николаевский вокзал. Здесь в открытую начались погрузка имущества комиссариатов, Управление Делами Совнаркома. Этим В.Д.Бонч-Бруевич отвлекал внимание от третьего поезда, ждавшего своего часа у платформы "Цветочная площадка". С нарочитым шумом он отправлял в Москву поезда с членами ВЦИК, обслуживающим персоналом. В первые вагоны, наиболее в перспективе опасные, поместил видных эсеров — в надежде, что все-таки, своих боевики взрывать поостерегутся, не захотят. Председатель ВЦИК Я.М.Свердлов приехал на вокзал в последние минуты. У всех на виду прошел через вокзал, сел, в первый поезд, а оттуда, уже незаметно, перешел во второй.

10 марта 1918 года поезд N 4001-й был сформирован. Маршрут от Смольного к "Цветочной площадке" разработал В.Д.Бонч-Бруевич. Он непосредственно накануне вручил народным комиссарам пакеты с грифом "Секретно". Они извещались о том, что:

1. Отъезд в Москву состоится 10 марта с.г. в воскресенье, ровно в 10 часов вечера с "Цветочной площадки".
2. "Цветочная площадка" помещается за Московскими воротами. Надо свернуть по Заставской улице налево. Здесь близко от поворота находится платформа "Цветочная площадка", у которой стоит поезд.

Последний раз заседал Совнарком в Смольном. Рассматривались очередные хозяйственные дела: об обороне Петрограда, об ассигновании средств на охрану художественных ценностей, на нужды Института гражданских инженеров.

Спускались сумерки. На "Цветочную площадку" прибыл караул латышских стрелков с пулеметами. Он принял охрану от рабочих — красногвардейцев. Начальник караула выставил часовых на тендере паровоза, в тамбурах вагонов, оцепил территорию платформы.

Из Смольного председателю исполкома Николаевской железной дороги П.Осипову поступила телефонограмма: подать паровоз к поезду N 4001. Осипов позвонил в депо. Никто не отозвался. Потом ответил сторож:

— Все на митинге.

Председатель исполкома дрогнул: срывается рейс особого назначения. Позвонил еще раз. Наконец, трубку взял нарядчик и

заявил:

— Машинисты отказываются ехать. Представитель эсеров на митинге сказал, что они взорвут паровозы.

Осипов отправился в депо с вооруженной охраной…

Бригада железнодорожников и комиссар Николаевского вокзала П.Г.Лебит тщательно проверили весь состав экстренного поезда, обошли вагон за вагоном, перестукали оси, осмотрели буксы. Никто из рабочих-путейцев понятия не имел, зачем, для кого готовится классный состав у безлюдной "Цветочной площадки" соединительных железнодорожных путей…

В 9 часов 30 минут из Смольного вышли В.И.Ленин, Н.К.Крупская, М.И.Ульянова, В.Д.Бонч-Бруевич. Поздоровались с шофером Б.И.Рябовым.

Автомобиль миновал Таврический дворец, дом Калмыковой, где Владимиру Ильичу не раз доводилось бывать. Загородный… Забалканский… Свернули к Обводному каналу. На железнодорожных путях темнели вагоны. Кто-то, мигая карманным фонариком, их встречал. Подошли к неосвещенному вагону.

— Так и будем ехать всю дорогу в темноте? — тревожно спросил Ленин.

— Нет, Владимир Ильич, — ответил Бонч-Бруевич. — Выберемся на главный путь — включим электричество.

В купе Владимира Ильича собрались товарищи. Подали чай. Владимир Ильич, рассказывал о последнем заседании Совнаркома в Смольном, время от времени спрашивал у Бонч-Бруевича: все ли в порядке?

— Все идет по плану, Владимир Ильич.

Тем временем по перрону Николаевского вокзала не спеша прогуливалась женщина в полинялом пальто, в коротких ботинках на стоптанных каблуках. Она ходила взад-вперед уже несколько часов. Замерзли ноги, посинели губы. Лидию Коноплеву было трудно узнать. Куда подевалась вся ее красота!

Подали еще один состав с обшарпанными вагонами и паровозом с покривившейся трубой. Этот?! Коноплева бросила быстрый взгляд на людей, ринувшихся к вагонам. Ничего примечательного: мешочники, рабочие, солдаты. Показался дежурный по станции. Посмотрел на часы. Махнул рукой. Колокола не тронул. Паровоз, не прогудев, дернул состав, лязгнули тарелки буферов. Тут-то Коноплеву осенило: провели, одурачили. Правительство давно уже уехало. Погрузилось где-то в пригороде. Упущена такая возможность. Когда еще представится другая? И представится ли?

Коноплева открыла сумочку, зарыла поглубже теперь уже

бесполезный револьвер. Она была вне себя! Вот что получается, когда дело не подготовлено должным образом. Одни разговоры… Суесловие… Возня. Нет хорошо налаженный разведки и отсюда — нулевой результат. Так продолжаться не может. Придется действовать одной. В таком ответственном деле можно положиться только на себя.

Она вконец продрогла и устала. Вернулась домой. Выпила крепкого чаю и стала ждать Бориса Рабиновича. Он пришел уже за полночь. Обескураженный и расстроенный. Правительственный поезд — он назвал даже номер — 4001 — ускользнул из Петрограда с "Цветочной площадки", что притулилась сбоку у Обводного канала. Придется ехать в Москву…

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

ПЯТАКОВ: Том первый, лист дела 307. Протокол допроса Иванова Николая Николаевича: "Наше намерение путем порчи или взрыва бомбой паровоза помешать спокойному отъезду Совнаркома из Петрограда в Москву в марте 1918 года не осуществилось из-за плохой подготовки дела и преждевременного отъезда Совнаркома в Москву".

КРЫЛЕНКО: Правильно ли изложены ваши показания?

ИВАНОВ: Совершенно правильно.

КРЫЛЕНКО: От кого вам стало известно, что готовился взрыв паровоза?

ИВАНОВ: Вам не надоело задавать такие вопросы?

КРЫЛЕНКО: Нет, не надоело. Попытка не увенчалась успехом из-за неподготовленности дела?

ИВАНОВ: Да. У нас был план, но его не привели в исполнение: времени не хватило и не было средств. Речь, разумеется, не о деньгах.

КРЫЛЕНКО: Как же вы к этому факту отнеслись?

ИВАНОВ: Я говорил, что это довольно нелепая затея.

КРЫЛЕНКО: Вы рассматриваете это как террористический акт?

ИВАНОВ: Нет, просто как намерение демонстрировать волю петроградского пролетариата. /Смех в зале/.

КРЫЛЕНКО: Хороша воля!..

ИВАНОВ: Простите, я прошу вас не изменять моих слов: "взрыв паровоза или пути для того, чтобы помешать спокойному отъезду Совнаркома…"

КРЫЛЕНКО: А взрыв паровоза для того, чтобы помешать отъезду Совнаркома, это не есть террористический акт?

ИВАНОВ: Ни в коем случае! Это есть нежелание дать спокойно уехать тем, кто едет в этом поезде.

КРЫЛЕНКО: Крушение поезда должно было произойти?

ИВАНОВ: Нет, конечно.

КРЫЛЕНКО: Взрыв поезда вызвал бы жертвы…

ИВАНОВ: Ничего подобного!

КРЫЛЕНКО: Но при крушениях бывают жертвы!

ИВАНОВ: Да. Но в данном случае это исключалось. У нас была одна цель — помешать спокойному отъезду людей в Москву.

КРЫЛЕНКО: Когда намечалось взорвать паровоз? Когда люди будут уже в поезде?

ИВАНОВ: Конечно!

КРЫЛЕНКО: И это вы не называете террористическим актом? Об этом акте вы не считали нужным сообщить в ЦК ПСР?

ИВАНОВ: Совершенно не считал нужным.

КРЫЛЕНКО: Вы считали, что это в порядке вещей, сообщать незачем?

ИВАНОВ: Если бы подобный акт нами был бы произведен, ЦК ПСР об этом узнал бы.

КРЫЛЕНКО: Вы, кандидат в члены ЦК ПСР, узнали, что готовится взрыв паровоза поезда Совнаркома и ничего не предприняли, считали это в порядке вещей. Факт вы подтверждаете?

ИВАНОВ: Да, но я его осудил.

ШУБИН /защитник — Н.К./: Вы ведь к вопросам террора были не безразличны?

ИВАНОВ: Да, к вопросам террора, да.

ШУБИН: На какой точке зрения вы стояли?

ИВАНОВ: Относительно чего? Уточните.

ШУБИН: Относительно террора против советских деятелей.

ИВАНОВ: Я лично был сторонником террора.

В разговор вступил защитник Членов и, цитируя показания Иванова на предварительном следствии доказал, что ЦК ПСР знал от Иванова о готовящемся взрыве поезда Совнаркома, о покушении на едущих в нем советских работников во главе с В.И.Лениным.

Иванов все это подтвердил, но тут же оговорился, что ЦК не при чем, все готовилось отдельными лицами и Центральный Комитет не мог отвечать за их деятельность.

А.В.Луначарский усмехнулся и покачал головой: ну и ну! Прямо самосожжение какое-то.

— Меня интересует такой вопрос, — сказал он. — Кровавые планы вынашивались, разрабатывались. У вашего ЦК была возможность их не допустить, остановить. Но он почему-то этого не сделал. Почему?

— Были самочинные террористические акты, о которых ЦК ПСР мог не знать, — выкручивался Иванов.

Он умолк и выразительно посмотрел на Гендельмана, тот не замедлил поспешить на помощь.

— По-моему, Иванов просто оговорился. Он волнуется, его можно по-человечески понять. Он, конечно, имеет в виду не ЦК ПСР, а местные партийные круги, так сказать, самостийную самодеятельность. Допустим, кто-то хотел устроить демонстративную остановку поезда Совнаркома, что же здесь ужасного? Речь идет о не очень умных ура-патриотах. Люди просто не хотели, чтобы Советское правительство уезжало в Москву. Старые петербуржцы, знаете ли, патриоты своего города. Вот о чем можно говорить, а никак не о мифическим взрыве…

— Наивно, обвиняемый Гендельман, — перебил его Луначарский. — Детский лепет. Неужели вам не ясно, что остановить поезд или взорвать его — не одно и то же?

В зале откровенно смеялись и Гендельман сконфуженный — сел.

Чувствуя, что переиграл, притих.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ

Из протокола допроса Л.В.Коноплёвой.

Показала: связи Губкома ПСР с железнодорожниками поддерживались через Шаскольского, который руководил партийной организацией эсеров в селе Рыбацком.

Персональные связи с железнодорожниками поддерживались Коноплевой, Н.В.Брюлловой-Шаскольской и Эстриным, который, как член Губкома ПСР вел переговоры о крушении поезда Совнаркома с А.Р.Гоцем через Е.Н.Рабиновича. Одна из бесед Эстрина с Гоцем происходила на квартире Коноплевой: Васильевский остров, 11-я линия, д.46…

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЩИОННОГО ТРИБУНАЛА

ПЯТАКОВ: Обвиняемый Гоц, вы отрицаете факт разговора с Рабиновичем относительно взрыва поезда Совнаркома?

ГОЦ: Я припоминаю, что действительно у меня был разговор с Н.В.Брюлловой-Шаскольской. Не помню, чтобы разговор ее был приурочен к отъезду поезда Совнаркома из Петрограда в Москву. Что же касается Эстрина, то я смутно помню, что был такой молодой человек, юный студент, который был привлечен к работе в 1917 году. Я узнал, что он работал в Губкоме ПСР. Характера его работы не знал. Встречался с ним раз или два. Не могу припомнить с его стороны никаких предложений…

КРЫЛЕНКО: Позвольте, прежде всего, запротоколировать, что Гоц признал факт разговора с Брюлловой-Шаскольской в марте 1918 года о терроре. Он признал, что ему известен Эстрин, что он с ним встречался один или два раза.

ИЗ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Может быть признано для этого периода совершенно точно установленным:

1. Что партийные организации правых эсеров в этот период в лице их руководящих организаций, а именно ЦК в лице Гоца, Иванова и уполномоченного Рабиновича, а Петроградский Губернский Комитет в лице Брюлловой-Шаскольской и Эстрина замыслили ряд мер по организации покушения на крушение поезда Совнаркома при его отъезде в Москву.
2. Что для этого ими был предпринят ряд организационных шагов.
3. Что об этом готовящемся покушении знали, кроме иных лиц, также Семенов, Коноплева и Тисленко.
4. Что покушение не удалось по независящим от воли данных лиц обстоятельствам.

Перед отъездом в Москву Коноплева виделась с Гоцем. Твердо заявила, что после покушения спасаться не намерена. Вопрос о безопасности — это ее личное дело. Заговорила о револьвере. Рабинович предложил пули отравить.

— В этом случае, — сказал он, — выстрел будет обязательно смертельным…

Рабинович сообщил, что яд кураре Коноплева получит в Москве у В.Н.Рихтера. Отдал ей свой браунинг.

— В Москву поедете не одна, а с опытным боевиком, — заметил Гоц, — с Ефимовым, например. Ведь он вас учил стрелять. Коноплева согласно кивнула.

… Коноплева и Ефимов ехали в Москву в разных вагонах и даже выходя на станциях в надежде купить что-либо съестное, не показывали виду, что знакомы.

В Москве сразу же начались неудачи. На вокзале их никто не встретил. "Из конспиративных соображений" как объяснил потом Рихтер. Коноплева и Ефимов Москву знали плохо и с большим трудом разыскали нужный адрес.

Дверь им долго не открывали. Испуганный мужской голос пытливо расспрашивал, кто они и откуда. Долго щелкали задвижки и запоры. Наконец, дверь приоткрылась, и Рихтер буквально втащил их в полутемную прихожую.

— А вы как думали? В Москве сейчас кого только нет — и анархисты, и дезертиры, и налетчики.

— И все, конечно, наш пароль знают, — ядовито заметил Ефимов.

— Всякое бывает, — виновато хихикнул Рихтер. — Береженого бог бережет.

Действуя по этому принципу, Рихтер у себя гостей не оставлял. Ничего не стал говорить о делах, а предложил с дороги отдохнуть. Квартиру для них снял подальше от себя, предосторожности ради, в Большом Успенском переулке, в доме девять…

— Ах, да, — сказал он театрально, — вы же впервые в Москве! Но мне провожать вас никак нельзя.

Сделали так: Рихтер нанял извозчика, сказал ему, что надо доставить приезжих на Покровку, а там — рукой подать.

Проводил Коноплеву и Ефимова до пролетки, посоветовал разыграть перед хозяйкой квартиры любящую супружескую пару, иначе она может что-нибудь заподозрить…

— У вас как с документами? — спросил он. — Под какими вы именами?

Петр Ефимов был под своим собственным именем, а Лидия Коноплева, поскольку ответственной за террористический акт выделили ее, значилась по документам Анной Петровной Степановой.

Когда устроились на Покровке, Коноплева сказала Ефимову:

— Не нравится мне Рихтер. Почему он увильнул при встрече от делового разговора? Почему назначил встречу в каком-то Пименовском переулке. И глаза у него какие-то бегающие, уклончивые.

— Ладно, — ответил Ефимов. — Давай спать. Утро вечера

мудренее.

На другой день в Пименовском, на конспиративной квартире, Рихтера не оказалось. Боевики застали там Веденяпина. Познакомились. Но и Веденяпин ничего не сказал им толком, а повез на свою квартиру, по Новинскому бульвару, на Садовой. По дороге, как гид, рассказывал о Москве, да и о чем было говорить при извозчике.

В доме по Новинскому бульвару их ждало очередное начальство — Тимофеев. Был он как-то подчеркнуто любезен. Сказал, что Рихтер достал для Ефимова хороший испанский браунинг и разжился ядом кураре. Обстановка сложная. Удалось выяснить, что Ленин живет в Кремле. Где находится его кабинет — точно узнать не удалось. Выезжает в город чрезвычайно редко…

Боевики бесцельно жили в Москве уже вторую неделю. В начале апреля к ним приехал Абрам Гоц. По его мнению, момент для покушения они уже упустили. Коноплева нервничала. Гоц, Тимофеев и Веденяпин успокаивали ее.

— Не огорчайтесь, — снисходительно говорил Гоц. — Момент для покушения на Ленина вам еще представится. Террористические акты необходимы. Они будут помогать нашей партии пробуждать массы от апатии, настраивать их против большевизма…

СВИДЕТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА С.Н.КОНОНОВА

КОНОНОВ: Однажды, я встретил прапорщика Тягунова, весьма правого направления, весной 1918 года на Николаевской удице в Питере, недалеко от его квартиры. Он пригласил меня к себе, где находилось еще несколько человек. Тягунов рассказал тогда, что ими произведено в январе 1918 года покушение на Ленина при переезде его на машине… Сообщение Тягунова произвело на меня неприятное впечатление, так как я считал, что подобный поступок мог быть совершен белогвардейцами и монархистами. Тягунов мне сказал, что это покушение совершено военной организацией партии социалистов-революционеров.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

ПЯТАКОВ: Обвиняемая Коноплева, что вам известно об организации покушения на Ленина?

КОНОПЛЕВА: После того, как для меня определилась необходимость прибегнуть к террору как средству борьбы с большевиками, я обратилась к представителю ЦК ПСР в военной комиссии Б.Н.Рабиновичу частным образом. Предложила организовать покушение на Ленина, беря на себя роль исполнительницы.

КРЫЛЕНКО: Вы считались с серьезностью террористического акта и обратились за санкцией в ЦК ПСР?

КОНОПЛЕВА: Рабинович в царское время работал в боевой организации Поволжья. Он человек с опытом, разбирающийся в психологических вопросах и в этом отношении очень мне помог. После определенного периода проверки заявил мне, что со мной хочет переговорить член ЦК ПСР А.Р.Гоц.

КРЫЛЕНКО: Значит, проверку вы прошли успешно.

КОНОПЛЕВА: С Гоцем говорила с глазу на глаз. Как Рабиновичу, так и Гоцу я говорила, что покушение на Ленина должно носить акт индивидуального террора.

КРЫЛЕНКО: Как понимать "акт индивидуальный"?

ГОЦ: Ну, в том смысле, что объект должен быть индивидуальный и субъект. Не железнодорожные шпалы взрывать… Действовать более целенаправленно… Каждый член партии в конкретных случаях имеет право и должен сам решать, как ему поступать.

КРЫЛЕНКО: Обвиняемая Коноплева, вы согласны с трактовкой Гоца?

КОНОПЛЕВА: Покушение совершается с ведома ЦК ПСР, но если террориста схватят на месте покушения, он ни в коем случае не должен об этом говорить. Всю ответственность за террористический акт принимает на себя. Он обязан молчать даже о том, что является членом ПСР а говорить, что действовал по своей инициативе и разумению.

КРЫЛЕНКО: Когда подготовка к покушению наладилась и Коноплева и Иванова устанавливали путем посещения митингов, где бывает тов. Ленин, Совнарком выехал в Москву. Тогда Рабинович, по совету Гоца, отправился в Москву.

ГОЦ: Я не считал вправе отказать члену партии в его желании узнать мнение авторитетного органа по поводу его предложения и поэтому, между прочим, поручил Рабиновичу

выяснить взгляд ЦК ПСР на предложение Конплевой.

КОНОПЛЕВА: По возвращении из Москвы Рабинович сообщил, что бюро ЦК ПСР считает акт индивидуальным и выделил для руководства работы члена ЦК ПСР В.Н.Рихтера.

ЧЛЕНОВ (Защитник второй группы эсеров отошедших от партии — Н.К.): Готовившееся покушение Коноплевой на Ленина Гоц и Гендельман пытаются представить опереткой… Надлежит ли ставить ее на сцене или не надлежит? Гражданин Гоц и гражданин Рабинович утверждают, что Московское бюро ЦК ПСР сказало — не надлежит. Коноплева и Ефимов утверждают, что результат поездки Рабиновича в Москву был тот, что оперетку ставить можно. Называлась эта оперетка — покушение на Ленина. Хорошая оперетка! От террористического настроения эсеры переходят к действию…

КОНОПЛЕВА: Я получила от Рабиновича деньги на дорогу в размере одной тысячи рублей. Ефимову, который ехал вместе со мной, был перед адрес члена ЦК ПСР В.Н.Рихтера. Выехали в Москву в двадцатых числах марта по новому стилю. Ехали по билетам железнодорожных служащих. Имели на руках командировки в Сибирь через Москву.

ГЕНДЕЛЬМАН: Многое вы в письме ЦК РКП/б/ не писали, а теперь на суде, все выложили. Почему?

КОНОПЛЕВА: Когда писала доклад в ЦК РКП/б/, не думала, что некоторые даже мелкие детали, существенны. Но когда на процессе цекисты начали ставить всякое лыко в строку, стала говорить подробнее.

ГЕНДЕЛЬМАН: Знал ли Ефимов, зачем едет в Москву?

КОНОПЛЕВА: Должен был знать. С ним обо всем говорил Рабинович. О том, что Ефимов саботировал работу по слежке за Лениным, не знала. Хотя замечала, что он к делу покушения в Москве заметно охладел.

ПЯТАКОВ: Обвиняемый Веденяпин, отрицаете ли вы показания Коноплевой в части, касающейся вас?

ВЕДЕНЯПИН: Из Петрограда в Москву я выехал в конце февраля 1918 года. В Москве был введен в бюро ЦК ПСР. Занимался распространением литературы. В Пименовском переулке существовал легально действующий ЦК ПСР. Там же размещались областной и губернский комитеты ПСР. Возможно, в Пименовском переулке и встретил Коноплеву. Знал ее по Питеру. Мог дать ей свой адрес. Это естественно. Я допускаю. Но какого-нибудь разговора в связи с покушением на Ленина, я с Коноплевой не вел. Я это категорически заявляю.

КРЫЛЕНКО: Вы не помните или не вели?

ВЕДЕНЯПИН: Я таких разговоров не вел.

КРЫЛЕНКО: Устанавливаю: Коноплева встретила Веденяпина в Пименовском переулке. Веденяпин жил с Тимофеевым на Новинском бульваре. Весь петроградский период Веденяпин был кассиром ЦК ПСР, а в Москве уже не был. Но об этом члены ПСР могли не знать и за деньгами явились к нему.

ПЯТАКОВ: Обвиняемый Гоц, что вы можете сказать относительно встреч с Коноплевой в Петрограде и Москве?

ГОЦ: Коноплеву я знал. Она не произвела на меня тогда впечатление человека волевого, человека-монолита, человека, охваченного идеей индивидуального террора. Разумеется, Лидия Васильевна не истеричка. Но нервы ее явно расшатаны. Я опасался, что в нужный момент не хватит решимости и силы нажать на спусковой курок или бросить бомбу. К желанию Лидии Васильевны совершить индивидуальный террористический акт я отнесся прохладно…

Отговаривал, а точнее, предостерегал ее от неразумного и опасного шага на пути индивидуального террора.

Очевидно, Коноплева мыслила свою роль не в качестве Жанны Д'Арк, мстящей за национальное поражение, а в качестве Шарлотты Кордэ, мстящей за революцию, которую большевистская власть исковеркала, извратила, прикрываясь именем социализма, толкая ее на путь, которым революция идти не должна. Мотивы, которые толкали Коноплеву на индивидуальный террор, были не национальные, а революционные. Должен сказать о Ефимове… Я знал его как товарища по каторге. Знал, что он работает в нашей организации. Знал, что он никогда не занимал в ПСР ответственных постов и крупной роли не играл. Это был серый, будничной работы человек — для поручений и только. Я не помню, чтобы он проявил себя в каком-нибудь ответственном деле.

КРЫЛЕНКО: Скажите, на заседании ЦК, когда встал вопрос о терроре, лично вы голосовали "за" или "против"?

ГОЦ: Полагаю, личные, субъективные взгляды, высказывать здесь неуместно.

КОНОПЛЕВА: Что бы о нас сейчас с Ефимовым ни говорил Гоц, тогда, в апреле 1918 года, он нас боготворил, назвал героями народовластия. Воодушевленная его поддержкой, я тогда решила, что через некоторое время вернусь в Москву, налажу связи, расширю круг знакомства, соберу нужные сведения о Ленине и снова попытаюсь его убить.

ПЯТАКОВ: Обвиняемый Тимофеев, вы подтверждаете или отрицаете показания Коноплевой?

ТИМОФЕЕВ: Пусть судит Трибунал.

КРЫЛЕНКО: У меня два вопроса.

ТИМОФЕЕВ: Еще два слова. О том, что Рихтер принимал участие в подготовке покушения на Ленина, я абсолютно не слышал. Если бы это дело возглавил ЦК ПСР, то оно должно бы быть поручено мне. Во-первых, как вам известно, я ведал военной организацией. Во-вторых, из состава бюро единственным человеком, наиболее подходящим был я, а отнюдь не Рихтер, который мог великолепно излагать историю итальянских новелл, ни никак не заниматься подготовкой покушений.

ДАШЕВСКИЙ: Почему вы себя выставляете единственном членом ЦК, способным к боевой работе? Были ведь и другие работники в Москве, кто мог бы более успешно руководить, например, Зензинов.

ТИМОФЕЕВ: Ни в коем случае.

ДАШЕВСКИЙ: Почему?

ТИМОФЕЕВ: Он боевик типа Рихтера.

ДАШЕВСКИЙ: Почитайте его воспоминания. Известно ли вам, что этот боевик "типа Рихтера", в 1906–1907 годах входил в состав боевой организации Савинкова?

ТИМОФЕЕВ: Зензинов в эту организацию не входил. Гоц может лучше на это ответить.

ГОЦ: Не припоминаю. У меня плохая память.

ДАШЕВСКИЙ: В.М.Зензинов в "Боевую организацию" ПСР вступил в январе 1906 года. Это он после убийства Петром Куликовым московского градоначальника Шувалова по просьбе А.Гоца написал прокламацию, заканчивающуюся словами: "По делам вашим воздается вам". Гоц возродил этот лозунг в 1917 году, но уже по отношению к большевикам. Вот почему у него вдруг отказала память.

КРЫЛЕНКО: Устанавливаю, что в марте 1918 года член Московского бюро ЦК и член ЦК ПСР Рихтер находился в Москве. Рабинович приезжал в Москву, сообщал бюро о намерении Коноплевой совершить покушение на Ленина и получил на это разрешение.

ЕФИМОВ: На предварительном следствии я не сказал того, что скажу на суде. Приступаю к изложению фактов.

КРЫЛЕНКО: Вы хорошо стреляете?

ЕФИМОВ: Я судился за покушение. Участвовал в боевых делах эсеровских районных дружин. Так что со стрельбой знаком.

КРЫЛЕНКО: Значит, зря ваши руководители говорят, что взялись не за свое дело…

ЕФИМОВ: Брешут… Рабинович при второй встрече сказал, что центр боевой работы переносится в Москву. Туда переехал Совнарком. Сообщил адрес Рихтера. Сказал, что меня хочет повидать Абрам Рафаилович Год. Я знал его по каторге. Мы

встретились в редакции газеты "Дело народа". Разговор был кратким. Он спросил, еду ли я в Москву. Я ответил, что еду не один, а с Коноплевой. Гоц заметил, что мы поступаем в распоряжение В.Н.Рихтера и сообщил его адрес. Хотя адресом меня снабдил еще раньше Рабинович.

… Мы нередко обедали и ужинали вместе с Рихтером. Я спрашивал его, как партия откликнется на акт покушения? Он отвечал, что возможно ЦК партии будет его трактовать, как возмущение большевистскими порядками одного из граждан, партия может покушение открыто не признать. Это меня поразило. Ибо перед отъездом из Петрограда мне было сказано, что на все имеется санкция ЦК ПСР.

КРЫЛЕНКО: Кем было сказано?

ЕФИМОВ: Рабиновичем, после услышанного от Рихтера я долго бродил по Москве. В голове был какой-то туман, Рихтер что-то не договаривал. После того, как Борис Моисеенко отказался принимать участие в покушении на Ленина, мне стало ясно, что дело это не чистое.

КРЫЛЕНКО: Вы слышали, как характеризовали здесь Рихтера?

ЕФИМОВ: Вполне согласен, что это шляпа. Не знаю, почему нам такую шляпу дали в руководители. Да, я упустил вопрос на счет яда кураре. Помню, как Рихтер достал яд. Он находился в небольшой бутылочке с притертой пробкой. Виднелось всего несколько бурых или темно-коричневых кусочков. Позднее этот яд оказался использованным в Петербурге против Володарского, а в Москве против Ленина.

КРЫЛЕНКО: Можете ли вы утверждать категорически, что Гоц знал о покушении на Ленина?

ЕФИМОВ: Я утверждаю безусловно категорически.

ШУБИН: Подсудимый Тимофеев говорит: "Почему по вопросам террора обращались не ко мне? Почему Коноплева приезжала в Москву и обратилась к "шляпе" Рихтеру, а не ко мне? Потому гражданин Тимофеев, что сношения с террористической группой были поручены тем членам бюро ЦК ПСР, которые голосовали за террор. Тимофеев, хотя и знал о цели поездки Коноплевой он беседовал с ней об этом накануне отъезда, лично не очень восторженно относился к этому акту… Тимофеев лично не был за террор. У него были другие планы подрывного характера. Он больше западник. Он больше по части сотрудничества с французской миссией, с которой заключил соглашение о подрывной работе против Советской власти. Вопросами террора Тимофеев лично не занимался. Не к нему направлялись исполнители покушения, поэтому — то он все на

себя сейчас тянет. Не вам, Тимофеев, ЦК ПСР поручил руководить террористической работой. Этим занимались другие лидеры эсеров. Вы говорите — Рихтер — "шляпа", не занимался военной работой. Вот в том-то и дело, что Рихтер принадлежал не к тем цекистам, которые вели подрывную работу, он был больше на поверхности, больше встречался с коммунистами, больше был связан с той средой, где можно было получить сведения о тов. Ленине…

Тимофеев объяснил, что обстановка была такова, что комиссаров можно было бить походя. Конечно, в такой обстановке Рихтер был полезен, чтобы узнать, где кого можно было найти, чтобы не компрометировать военной организации, чтобы непосредственно с ней не связать Коноплеву, идущую на индивидуальный акт. И если к этому прибавить, что Рихтер, вероятно, был в числе членов бюро ЦК ПСР, которые голосовали на февральском пленуме за террор, то все загадки, которые здесь задавали цекисты, разгаданы вполне.

ИЗ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

"В… покушении на Ленина в марте 1918 года принимал участие: во-первых, Рабинович, в качестве прикомандированного от ЦК к Военной комиссии руководителя работы последней, привезшего специальную санкцию на акт из Москвы; во-вторых, в качестве непосредственного руководителя, назначенного ЦК и передавшего Коноплевой яд кураре — член ЦК /правых эсеров — Н.К./ Рихтер, в-третьих, члены ЦК Тимофеев, Гоц и Веденяпин, знавшие о поездке Рабиновича в Москву за санкцией. Коноплева и Ефимов устанавливаются в качестве исполнителей.

Итак, четыре члена ЦК: Рихтер, Гоц, Тимофеев и Веденяпин уличаются этими данными в официальном если не в руководстве, то полной осведомленности о готовящемся покушении. Форма, в которой имел быть совершен террористический акт, устанавливается как акт индивидуальный, не связанный с деятельностью партии /правых эсеров — Н.К./ как таковой, но тем не менее совершенный с ведома партии, ее благословения и под ее руководством.

Языком револьвера

Вернувшись из Москвы в Петроград, Лидия Коноплева была приятно удивлена: под руководством Григория Семенова ЦК ПСР в ударном порядке создавал глубоко законспирированный Центральный боевой отряд для выполнения особо важных партийных заданий. Вербовали в него не всех, а только годами проверенных террористов. Естественно, Коноплева встретилась с Семеновым и вопрос о ее членстве решился как бы сам собой. Григорию Ивановичу нужен был энергичный и надежный помощник, а Коноплева не нуждалась ни в рекомендациях, ни в согласованных в "верхах". Ее там давно и хорошо знали. Вся предыдущая биография ставила Коноплеву в первый ряд эсеровских активистов-боевиков.

Лидия Васильевна уже пять дней не выходила из дому. Приболела. Не то простудилась, не то ослабла. Все еще сказывались на самочувствии последствия московских передряг. В полдень позвонил Семенов. Спросил, можно ли собраться у нее на квартире. Потолковать. Попить чайку. Послушать музыку. Не раздумывая, Коноплева ответили:

— Буду ждать. Угощу пирогами.

Лидия Коноплева знала Григория Семенова как человека стальных нервов. Он благополучно выходил сухим из самых, казалось бы, невероятных переделок. С четырнадцатилетнего возраста ходил с бомбой за пазухой и спал с револьвером под подушкой. Григорий Семенов родился в 1891 году в городе Юрьеве Лифляндской губернии в семье чиновника. Первый раз попал в царскую тюрьму в 1907 году. Последовали побег, ссылка, снова побег и эмиграция во Францию. Оттуда вернулся в Петроград в феврале 1917 года. Окунулся в самую гущу событий. Сколачивал эсеровские боевые дружины. Производил экспроприации. Расстреливал бывших жандармов. Агитировал солдат за продолжение войны до победного конца.

На IV съезде ПСР Григория Семенова избрали членом военной комиссии при ЦК ПСР. Он развернул бурную деятельность: направил на подрывную работу в наиболее революционные войска Петроградского гарнизона опытных эсеровских агитаторов Леппера, Усенко, Бианки, Ковалева, Фалунина. Они создали эсеровские ячейки в Семеновском, Преображенском, Гренадерском, Измайловском полках, в моторно-понтонном, химическом и саперном батальонах, в 5-ом броневом дивизионе.

И все же результаты лихорадочного труда не удовлетворяли

Семенова. Солдатские массы не шли за эсерами. Военная работа ПСР приобретала характер согласованных действий только с белогвардейцами и на белогвардейцев. Эсерам приходилось отдавать кадетам громадный опыт подпольной борьбы, систему явок, конспиративных квартир, "окна" для переправы "нужных" людей за границу и на внутренние фронты.

Пресмыкаясь и унижаясь, эсеры усердно выполняли за кадетов всю черную и неблагодарную "работу". Расстреливали рабочих в городах, пороли непокорных крестьян в селах, вешали коммунистов на фонарных столбах и ссылали их на острова в Северное море. За одно только слово "товарищ" бросали в тюрьму. За переход на сторону Красной Армии уничтожали целые семьи.

На юге, в Закаспийских степях, эсеры И.И.Седых и Ф.А.Фунтиков организовали вместе с английскими интервентами подлое убийство 26 бакинских комиссаров во главе со Степаном Шаумяном. В Грозном эсеры учинили дикий большевистский погром. Более 10.000 рабочих и крестьян, оставшихся верными Советской власти, уничтожили в Терской области.

На Украине эсеры Фрумкин и Зарубин призывали генерала Скоропадского к активной вооруженной борьбе с Советской Россией.

Эсеры Руднев и Бунаков помогли Деникину создать Добровольческую армию. Чернов и Год тайно санкционировали применение в борьбе с большевиками терроры, это, как им казалось, старое, испытанное оружия эсеров.

Террор как политическое оружие имел чрезвычайно странный вид в арсенале мелкой буржуазии, выразительницей интересов которой выступала партия эсеров. Террор использовался социалистами-революционерами не как социалистическое оружие против буржуазии, а как контрреволюционное оружие против социалистического государства и его руководителей.

Лидеры эсеров ненавидели большевизм даже больше, чем царизм. Склонные ко всякого рода авантюрным "мероприятиям", они с исключительной быстротой, заслуживающей лучшего применения, стали создавать при ЦК ПСР боевой отряд, который должен был заняться "делами" сомнительного свойства во имя корыстных интересов узкой кучки лидеров заблудившейся партии.

Кого поставить во главе конспиративного отряда? Конечно, личность среди боевиков незаурядную — двадцатисемилетнего Григория Ивановича Семенова. Он не однажды оказывал партии чрезвычайные услуги. Воплощал в себе образец эсера — террориста. Был достаточно тщеславен и не допускал мысли, что ему есть равный боевик в партии. Впрочем, ЦК ПСР и сам не знал

ему равных.

В отличие от многих, Семенов неплохо владел английским и немецким языками. Бывал по партийным делам за границей. Верил в непогрешимость эсеровских догм. С большим уважением относился к ЦК ПСР, а с Гоцем дружил особенно крепко, старался даже кое в чем ему подражать. Не терпел пустопорожних разговоров. Предпочитал противника разить не словами, а револьверными пулями…

Раздался звонок. Первым пришел террорист Федоров-Козлов. На вид ничем не примечательный, однако хорошо известный в эсеровских рабочих кругах. Отличился в дни Февральской революции. Проявил завидное мужество и решительность. Опознал на улице закоренелого черносотенца Лаврова и тут же его убил. Козлова хотели судить: рабочие Невско-Заставского района взяли его на поруки.

— Первая ласточка, — улыбнулась Коноплева. — Входите, Филипп Федорович, не стесняйтесь.

— Благодарствуем, — Федоров-Козлов осторожно сел на краешек стула и сразу как бы слился со стеной. Он удивительно умел выбирать места. На партийных совещаниях и митингах всегда стоял в стороне. Не выделялся, не обращал на себя внимания. Коноплева подумала, что если бы ей пришлось описать внешность и деловые качества Федорова-Козлова, она просто не смогла бы этого сделать. Он какой-то безликий. И совершенно не похож на террориста. Филипп Федорович не любил распространяться о совершенных "подвигах", зато охотно говорил о… цветах. Знал о них все досконально. Восторженно описывал их красоту, подробно объяснял как выращивать рассаду, когда нужно ее пересаживать из горшков в почву. Голос боевика, тусклый и сиповатый, когда он говорил о цветах, становился мягким и бархатным.

— Взять мяконькой землицы. Потомить ее в печке. Спрыснуть колодезной водой. Дать водице впитаться. В грунте ямочку выдавить, опустить в нее разбухшее семечко, присыпать землицей и накрыть влажной тряпочкой. Утром тряпочку осторожно снять: росток нежный, как дитя, долго ли до беды…

Заматеревшие на экспроприациях и покушениях боевики от "лекций" Федорова-Козлова балдели и называли его не иначе, как "блажной". Диву давались, как он в их компанию затесался. Но Коноплева знала, что Семенов включил "садовника" в Центральный боевой отряд (ЦБО) не спроста. Семенов сто раз обдумает, прежде чем что-либо решит. Взял Федорова-Козлова, значит были на то у Григория Ивановича свои основания и притом веские.

Федоров-Козлов был фаталистом. Хотя, пожалуй, не знал смысла этого слова. Во всем и всегда он покорялся судьбе. Бояться смерти глупо. Она человека хоть под землей разыщет, коли пришел его час. А коли так, никакие опасения не страшны. Суждено человеку погибнуть, к примеру, сегодня в полночь, значит, приберет его смерть в указанное время, минуту в минуту — ловчить с костлявой бессмысленно. Доморощенная философия сделала Федорова-Козлова абсолютно невосприимчивым к вещам, которые его сообщникам казались губительными и страшными. "Садовник" был готов идти куда угодно и на что угодно. Ему безразлично, на каком расстоянии взрывать бомбу — вблизи или подальше от себя. Если не суждено умереть — в руках разорвется и жив останешься, а написано на роду — не спасешься, хоть зашвырни за версту.

Накинув узорную шаль, Коноплева подошла к окну: лето, а она зябнет. Нервы!?

Снова позвонили, пришли сразу трое — Зеленков, Иванова и Усов. Едва поздоровались, явился Семенов, а с ним щуплый, но очень подвижный, по виду мастеровой, боевик Сергеев. В прихожей Семенов, незаметно для спутника, коснулся руки Коноплевой. Она зарделась: Григорий скуп на ласки. Но и это мимолетное, едва ощутимое прикосновение значило для Лидии Васильевны очень много…

— Все в сборе, Григорий Иванович.

— Очень хорошо. Начнем…

К белому террору Семенов пришел не сразу. Мысль о терроре против большевистских руководителей зрела постепенно, подспудно, и, наконец, оформилась в нечто конкретное. Большевики захватили власть насильственно. Правят против воли народа. Губят революцию, режут ее крылья, значит они — злейшие ее враги. Следовательно, большевиков надо уничтожить, в борьбе с ними хороши любые средства, в том числе и индивидуальный террор. Проводить террористические акты нужно под флагом Учредительного собрания, используя недовольство Советами значительной части общества, особенно интеллигенции и бывшего царского офицерства.

Мысли о терроре теснились в голове, мутили душу Семенова, и он решил поделиться ими с видным членом ЦК ПСР Дмитрием Дмитриевичем Донским. К этому его побудила Елена Иванова. Узнав о сомнениях Семенова относительно индивидуального террора, она посоветовала побеседовать с Донским, который, по ее выражению, "просто бредит индивидуальным террором".

Иванова оказалась права. Донской решительно поддерживал индивидуальный террор. Семенов воспрянул духом. Раньше ему

казалось, что время террористов-одиночек, стреляющих в лидеров противника, безвозвратно миновало.

Не ограничившись разговорами с Донским, Семенов нагрянул в издательство "Революционной мысли" к Гоцу. Правда, Абрам Рафаилович держался почему-то покровительственно и чрезвычайно официально, но когда речь зашла об индивидуальном терроре, Семенов снова увидел Гоца таким, каким он был всегда: решительным, жестким, неуступчивым. Потеплевшим голосом, доверительно сказал:

— Большинство членов ЦК — за террор.

— А Чернов?

— И Виктор Михайлович тоже.

Семенов помолчал и, считая вопрос решенным, спросил в упор:

— С кого начать?

— С Володарского. Он — душитель свободы слова и печати. К тому же — превосходный оратор. После его выступления немало наших переметнулись к большевикам.

Итак — Володарского! Все без исключения противники Советской власти считали его последовательным проводником в жизнь ленинского Декрета о печати, принятого Совнаркомом на третий день Октябрьской революции 27 октября 1917 года.

> "**В тяжкий решительный час переворота и дней, непосредственно за ним следующих, —** говорилось в Декрете, — **Временный революционный комитет вынужден был предпринять целый ряд мер против контрреволюционной печати разных оттенков…**"

Немедленно со всех сторон поднялись крики о том, что новая власть посягнула на свободу слова и печати. На самом же деле, Советское правительство обращало внимание трудящихся на то, что кадетская, меньшевистская и эсеровская пресса отравляет умы и вносит смуту в сознание народных масс. И потому невозможно целиком оставить это оружие в руках врага в то время, когда оно не менее опасное. чем бомба и пулеметы. Экстренные меры пресекут потоки грязи и клеветы, в которых охотно потопила бы великую победу народа желтая и зеленая пресса… Считаясь, однако, с тем, что стеснение печати, даже в критические моменты, допустимо только в пределах абсолютно необходимых, Совет Народных Комиссаров постановил, что закрытию подлежит лишь органы прессы, призывающие к открытому сопротивлению Рабочему и Крестьянскому правительству, сеющие смуты путем явно клеветнического извращения фактов. Закрывались и те органы прессы, которые

подстрекали к деяниям явно преступного, т. е.уголовно наказуемого характера. Обращалось внимание, что запрещение органов прессы, временное или постоянное, проводится только по постановлению Совнаркома. Ставилось в известность, что постановление имеет временный характер и будет отменено особым указом с наступлением нормальных условии общественной жизни.

Удивительно, сколь либерален был Декрет о печати в отношении враждебной прессы. Запрещению подлежали только печатные органы сугубо контрреволюционного направления. Отнюдь не за критику, не за высказывание взглядов, противоречащих политике партии и правительства, не за "инакомыслие", а за призыв к вооруженной борьбе против Советской власти.

В 1917–1918 годах было закрыто 337 буржуазных и мелкобуржуазных газет. Цифра сама по себе весьма незначительная, так как только в одной Москве, где политическая жизнь не была столь бурной, как в Петрограде, выходило около 600 подобных газет. Интервенция и гражданская война, мятежи и заговоры заставили Советскую власть ускорить принятие мер для окончательной ликвидации реакционной прессы в Москве. К концу 1918 года в столице молодого Советского государства было закрыто 150 буржуазных и мелкобуржуазных изданий, выходивших тиражом около 2 млн. экземпляров. Эти меры мешали контрреволюционерам использовать органы печати, находившиеся под их влиянием, в антисоветских целях.

Для проведения Декрета в жизнь создавались специальные комиссариаты по делам печати. В Петрограде комиссаром по делам печати, пропаганды и агитации стал член Петроградского совета В.Володарский. Под этим псевдонимом был известен в большевистской партии Моисей Маркович Гольдштейн. В апреле 1917 года он вернулся в Россию из Соединенных Штатов Америки. В мае месяце оказался уже в Петрограде, примкнул к "межрайонцам", колебавшимся между меньшевиками и большевиками, затем вступил в ленинскую партию. И вскоре стал ее талантливейшим пропагандистом и агитатором.

В цирке "Модерн" на митинге от большевиков выступал Володарский, к тому времени член Петербургского комитета РСДРП/б/. Говорили, что Юлий Мартов, идеолог меньшевиков, подошел к Моисею Марковичу после его речи и прочувствованно сказал: "Вы далеко пойдете, молодой человек". Сказано это было серьезно, без иронии. Популярность Володарского росла не по дням, а по часам. В городской комитет то и дело поступали заявки: "Пришлите к нам на митинг Володарского, митинг будет

многолюдным, нужен хороший оратор". "У нас сильны меньшевики, но дайте нам Володарского и мы ручаемся за победу". Ручались не зря. После июльских событий, на Путиловском заводе Володарский один сумел убедить колеблющуюся десятитысячную массу рабочих принять большевистскую резолюцию.

27 мая 1918 года, выступая по делу газеты "Новый вечерний час", Володарский говорил, что окопавшиеся в этой газете люди под видом опечаток распространяли лживые, провокационные слухи. Создавали в массах нервное, агрессивное настроение. С помощью сенсаций пытались поколебать умы. Нанести удар в спину Октябрьской революции. Подорвать основы Советской власти. В тяжелый момент, когда общественного спокойствия и так мало, когда жизнь каждую минуту хлещет трудящихся по нервам, красть это неустойчивое спокойствие, воровски подкладывать поленья в костер, на котором и без того достаточно жарко;- колоссальное преступление. Обращаясь к эсерам и меньшевикам, Володарский говорил:

— Печать — оружие огромной силы, и если вы сознательно им пользуетесь против Советской власти, мы вырвем его из ваших рук…

Никто не обратил внимание на маляра Сергеева, который необычайно внимательно слушал комиссара Володарского. В закапанной красной куртке, он скромно сидел в сторонке, чтобы не испачкать соседей — видимо, прямо с работы. Лицо у него было круглое и добродушное. Курносый нос усеян рыжими конопушками…

В июне 1918 года В.Володарский стал часто бывать на митингах у рабочих Обуховского завода. Семенов установил за ним постоянную слежку. Наметил, где лучше стрелять: у часовни, на повороте дороги.

Глухое место, пустырь, за ним — река. Чтобы остановить автомобиль, именно на этом месте, предполагалось набросать на дорогу гвоздей, битого стекла, в крайнем случае, бросить гранату.

Семенов обратился к Гоцу: считает ли ЦК ПСР возможным перейти к немедленным действиям? Гоц попросил Семенова еще и еще раз все проверить, прорепетировать, рассчитать. Дело не шуточное. Володарский есть Володарский. Недопустима никакая кустарщина — слишком многое ставилось на карту…

Семенов наметил непосредственных исполнителей террористической акции. Устранить Володарского должен рабочий. Только рабочий. Это вызовет определенный резонанс. Не студенты, не интеллигенты, а пролетарии стреляют в своих рабочих вождей! Сергеев, как никто другой, подходил для

исполнения воли ЦК ПСР. Конопатый маляр обрадовался: пришло время громко заявить о себе…

Путь в эсеровские боевики лежал у Сергеева через воскресную школу. Верховодили там восторженные девицы. Горячо проповедовали идеи народовластия. "Сладкое слово" "свобода" постоянно звучало в ушах маляра, отождествлялось со словами "самопожертвование", "подвиг" "подвижничество". Он мечтал, как сказано было в одной из народовольческих книг" положить жизнь на алтарь Отечества"…

Несколько раз Сергеев присутствовал на занятиях в марксистском кружке. Не увлекло… Не захватило… Социал-демократы толковали про забастовки и стачки, призывали сокрушить царское самодержавие. А кого призывали? Народ. Массы. Толпу… А где же героическая личность? Марксисты показались Сергееву чрезмерно осторожными, лишенными личной отваги и мужества, уповающими на "безликую коллективность". Такие не ринутся, очертя голову, на врага. Где же "безумство храбрых", воспетое Горьким?

Сергеев жил одиноко. Родственников не имел. Никто ему не помогал, да он и не нуждался в помощи, зарабатывал прилично, а перед войной и вовсе зажил неплохо. Однако не пил, не гулял, зато на книги тратиться не стеснялся. Букинисты его заприметили, кланялись и снабжали весьма щедро редкими книгами.

После Февральской революции Сергеев сначала прибился к анархистам. Ему нравились бесшабашные речи, желание разрушить все старое до основания, полное пренебрежение к законам общества — уж там-то героическая личность может себя проверить. Делай что хочешь во имя свободы. Анархия — мать порядка!

И все же Сергеев не прижился среди анархистов. Постепенно черные знамена с рахитичными костями и оскаленными в мертвой улыбке черепами, пьяные дебоши, истерические завывания анархистских горлопанов набили оскомину мечтательному маляру. Он начисто разочаровался в недавних своих товарищах, на деле оказавшимися грабителями, насильниками, бандюгами и наркоманами…

Долгими вечерами Сергеев слонялся по Питеру и однажды забрел в шалый кабачок, где не только ели и пили, но и читали стихи, произносили "революционные" речи. Сергеев впервые увидел живых поэтов, писателей и глядел на них, как на иконы. Здесь он и познакомился с Григорием Семеновым. Чутьем понял, что попал в компанию человека умного, понимающего слабости ближнего. Григорий Иванович оказался не барином, не

белоручкой. Таким же, как и он, рабочим, жаждущим борьбы за народ. Пострадал за революцию. Хлебнул каторги и ссылки. Скитался по чужим углам в эмиграции. И главное: ценил в человеке личность, индивидуальность, неповторимую в другом. Личность может многое, вплоть до вступления в единоборство с любым правительством, в том числе и с большевиками. Повод к тому веский. В самом деле, большевики разогнали ни с того ни с сего Учредительное собрание. И ничего, сошло с рук.

Сергеев соглашался со своим другом. Большевики зарвались. Придется с ними столкнуться в борьбе за Учредительное собрание — опоры свободы и демократии в России. Большевики думают, что они его прихлопнули, а оно возрождается на Волге, Урале и в Сибири. Любые способы борьбы за Учредительное собрание допустимы, вплоть до террора.

Семенов и Сергеев симпатизировали друг другу. Они покинули кабачок и шли по набережной Невы. Часто останавливались, говорили, будто знали друг друга давным-давно. Восторженная душа Сергеева ликовала. Наконец-то он отыскал настоящего борца за свободу. Перед ним открывались широкие возможности проявления индивидуальных качеств героической личности.

Сергеев говорил и говорил. Семенов слушал, все больше убеждался в том, что отряд боевиков-террористов, которым он руководил, пополнится еще одним боевиком, готовым к самопожертвованию во имя партии социалистов-революционеров.

Маляр окончательно был покорен, когда Семенов рассказал ему о том, как убили Григория Распутина, царского фаворита и сибирского конокрада. Семенов особо подчеркнул, что убийцы Распутина — князь Юсупов и помещик Пуришкевич — настоящие герои, сильные личности, имена которых уже вошли в историю.

— Глава союза "Михаила Архангела" — Пуришкевич, — говорил Семенов, — подсыпал Распутину в фужер с вином цианистый калий…

— А дальше? Что было дальше? — тормошил Семенова взъерошенный Сергеев. — Выпил Распутин отравленное вино?

— Выпить-то выпил, но яд на него не подействовал, — ответил Григорий Иванович. — Здоровенный был мужик. И духом крепок. Одним слово — яркая личность. Но и те, кто решился его убрать, тоже были выдающиеся индивиды. Не отступили — пошли ва-банк. Застрелили "старца"… Пули оказались вернее яда…

— Григорий Иванович, — спросил Сергеев, — какую роль играет террор в революции?

— Террор, — просвещал Семенов подопечного, —

радикальное средство борьбы. Но применять его надо с умом: он не терпит промашки. Террор, как горячие угли: схватишь голыми руками — обожжешься.

Семенов рассказывал. Сергеев слушал. Он весь горел. Террор — лекарство от спячки. Революционеры обязаны его применять. Скажем, так же, как то или иное правительство применяет смертную казнь. Читал Семенов специальное исследование о смертной казни. Чего только не придумали люди для уничтожения самих себя! Виновных /а может и безвинных/ четвертовали, колесовали, гильотинировали, отрубали им головы на плахе; варили живыми в кипятке, масле, в вине; сжигали на кострах и в паровозных топках; вздергивали на деревьях; закапывали в землю, подвешивали за ноги, засекали плетьми, батогами, шпицрутенами; сбрасывали в пропасть; травили газом, ядом, дымом; гноили в застенках; заливали глотки расплавленным металлом; вспарывали животы; замораживали; морили голодом, бессонницей; замуровывали в стены; сажали на кол…

— Разумеется, — говорил Семенов, — все это подло, мерзко и гнусно. Врагов нужно уничтожать, не мучая, без пыток. Для этого и существует индивидуальный террор — благородная форма борьбы.

Довольные друг другом, Семенов и Сергеев расстались. Сергеев уходил полным надежд: наконец-то он встретил человека, за которым можно идти в революцию, не оглядываясь назад. Отныне он посвящает себя индивидуальному террору во имя свободы и народовластия. Отныне он эсер и член Центрального боевого отряда при ЦК ПСР.

Сергеев вступил в партию социалистов-революционеров и стал одним из самых активных членов Центрального боевого отряда. Семенов поручил ему наблюдение за Володарским. Маляр преуспел: изучил расписание рабочего дня, возможные маршруты поездок, выявил круг близких друзей Володарского. По крупице собирал ценную информацию, которая накапливалась в Центральном отряде при ЦК ПСР.

Сергееву, как могла, помогала Елена Иванова. Она несколько дней подряд прогуливалась возле Смольного. И однажды услышала, как Володарский приказал шоферу подготовить машину для поездки на Обуховский завод. Иванова тотчас же побежала к Семенову и доложила:

— Володарский собрался ехать на Обуховский завод. Слышала, как он об этом говорил шоферу.

— На Обуховский завод? — переспросил Семенов. — Если поедет по дороге мимо часовни, тут ему и крышка. Там сегодня

дежурит боевик Сергеев.

Трудно себе представить окраину города, более безотрадную и унылую, чем та, которую облюбовал Сергеев для покушения. Заброшенность, безлюдье. Крутой поворот дороги. Часовня. Старые дома. Глухие заборы. Овраги. Заболоченные берега речушки…

— Как поступить, — спросил Сергеев, отправляясь на задание, — если представится удобный случай убить Володарского?

— В таком случае надо действовать, — ответил Семенов.

Как обычно в четверть десятого утра шофер гаража N 6 Гуго Юргенс подал "Бенц" к подъезду гостиницы "Астория", на Большой морской улице, где жили ответственные работники Петроградских партийных и советских учреждений. Володарский поехал в редакцию "Красной газеты". До Галерной недалеко, добрались за несколько минут… В половине одиннадцатого Юргенс отвез Володарского в Смольный. Там Моисей Маркович пообедал в столовой — все та же пшенка с селедкой, ломоть ржаного, остистого хлеба. Потом отправились на Васильевский остров, в трамвайный парк, оттуда — на Средний проспект в районный Совет и снова в Трамвайный парк, и опять в Совет, и на часок-другой в Смольный. Оттуда — на Николаевский вокзал, где проходил митинг. Страсти здесь бурлили во всю. После Володарского (его то и дело прерывали) на трибуну один за другим поднимались железнодорожники. Какие-то явно подставные лица кричали: голодаем, жрать нечего, детишки пухнут от голода! Володарский успокаивал людей. Снова и снова объяснял в чем загвоздка с хлебом. Слушать его не хотели. Было ясно, что от дальнейших разговоров проку не будет. Рабочие требовали, чтобы на митинг немедленно приехал председатель Петроградского Совета Зиновьев. Володарский пообещал. Пошел было к машине, но его не пропустили. Подоспел большевик — железнодорожник и вывел к машине черным ходом.

— Ни в коем случае Зиновьеву здесь выступать нельзя, — говорил озабоченный Володарский.

— И то правда, — согласился шофер. — Осатанел народ.

— Зиновьева надо предупредить. Давай в Смольный…

Елизавета Яковлевна Зорина и Нина Аркадьевна Богословская, сотрудницы секретариата Совета, сказали, что он на Обуховском заводе.

— Давайте искать его вместе, — предложил Володарский. Зорина и Богословская согласились и сели в машину. По дороге заехали в Невский районный Совет. Володарский пошел справиться о Зиновьеве. Обе женщины остались в машине.

Показался встречный автомобиль, еще издали Богословская узнала Луначарского. Выскочила из автомобиля, подняла руку:

— Вы с Обуховского, Анатолий Васильевич? Нет ли там Зиновьева?

— Григорий Евсеевич сейчас выступает. Но поторопитесь, можете не застать.

Луначарский уехал. Вышел Володарский и, узнав, что Зиновьев на Обуховском заводе, сказал шоферу:

— Поехали.

Машина рванулась вперед, но через несколько минут замедлила ход и остановилась.

— Вот незадача — кончился бензин, — обескуражено сказал шофер.

— О чем ты раньше думал? — рассердился Володарский. Шофер начал оправдываться: рассчитывал, что горючего хватит на целый день…

— Ладно, стой тут. Я пойду позвоню — на Обуховский и в гараж, чтобы прислали горючее.

— Моисей Маркович! Я попробую зайти в этот домик. Кажется, там какое-то учреждение. От них и позвоню. — Зорина вышла из машины и направилась к дому, но заметив на калитке замок, вернулась. В этот момент раздались выстрелы…

В Прямом переулке, в доме N 13, квартировал некий обыватель с диковатой фамилией Пещеров. От нечего делать, с полудни баловался чайком. Чаёк у него был настоящий, дореволюционный, и к нему вишневое, без косточек, варенье, сдобные лепешки, испеченные соседкой. Павел Михайлович вдовствовал, а Мария Ивановна имела на него виды. Продукты же Пещеров добывал у спекулянтов в обмен на золотишко, которым запасся, когда сдуру (не иначе — бес попутал) примкнул к банде анархистов. Страшновато было, зато выгодно. Анархистов прихлопнули. Пещеров — уцелел — не тронули. Прикинулся в ВЧК дурачком, подержали двое суток и выпустили.

Жил Пещеров в страхе… На всякий стук вздрагивал. Людей в дом не впускал. Хранил золотишко в старом валенке, завернутым в домотканые портянки. И частенько поглядывал в окошко — не отираются ли поблизости налетчики? Вдруг кто-нибудь из прежних собутыльников объявился? Смотрел, смотрел и дождался: с полдня у часовни торчал парень, похоже, мастеровой. На вид — беззаботный простак. А может чекист? Нет, не похож, и чего чекисту тут болтаться? Не иначе ворюга, жулик, напарника дожидается…

Солнце припекало, тень от часовенки перемещалась, следом переходил и Сергеев. Скучно. "Ждать да догонять — самое

муторное дело, — размышлял боевик. — Если меня сцапают чекисты — финтить не стану. Гордо назову себя социалистом — революционером. Хотя Семенов почему-то делать этого не советовал. Террорист — одиночка. Сильная личность. За что боролся? За попранные идеи народовластия. И я не одинок. Греметь и греметь выстрелам в Петрограде. До тех пор, пока вы, большевики, не выкинете белый флаг!"

Хотелось пить. "Зря колбасы наелся, — подумал Сергеев. — Она из конины и переперченная сильно." В доме напротив окошко открылось. Самовар на столе поставили. Не чаю бы, а квасу стакан осушить. Может пойти, попросить хоть воды? Нет, оставить пост ни на минуту нельзя. Кажется, автомобиль гудит. Точно! Сергеев зашел за часовню, проверил браунинг, вставил в гранаты запалы… На всякий случай…

Сергеев выглянул из-за часовни. Солнце слепило глаза. Но он все же разглядел автомобиль Володарского. Сам комиссар на переднем сиденье, рядом с шофером, а позади — две женщины…

Машина остановилась недалеко от часовни. Шофер начал копаться в моторе. Володарский с наслаждением разминался, потирал онемевшую ногу. У него приятная, располагающая внешность. Правильные черты доброго лица. В черных, широко открытых глазах светится ум. Строго очерченный подбородок свидетельствует о твердом характере.

Сергеев несколько минут разглядывал Володарского. Затем вышел из-за часовни и направился к машине. Шофер все еще возился с мотором и Сергеева не видел.

Володарский, заметив незнакомца, направился к нему. Сергеев выхватил револьвер. Прогремел выстрел. Испуганно закричали женщины, кинулись к Володарскому. Не успели сделать несколько шагов, как раздались новые выстрелы. Богословская почувствовала, как Володарский толкнул ее локтем и она отлетела в сторону. Отбросив портфель, Володарский сунул руку в карман, но выхватить револьвер не успел… У автомобиля застыл ошеломленный шофер.

Богословская, увидев человека, стрелявшего в Володарского, истошно закричала:

— Держите его, держите!

Из окошка перепуганный Пещеров видел, как террорист побежал вверх по Ивановской улице. За ним погнались случайные прохожие. Сергеев метнул в них гранату. Перелез через высокую ограду и скатился кубарем вниз, к реке. Привязанная к старой коряге лодка оказалась на месте. Облегченно вздохнул. Перерезал веревку и оттолкнулся от берега…

Опомнившись, Богословская и Зорина бросились к

Володарскому. Он лежал навзничь, широко раскинув руки. На груди все явственнее проступало кровавое пятно.

Минут через пять подъехал Зиновьев. Склонился над Володарским. Тихо сказал шоферу Гуго Юргенсу:

— Возьмите у нас немного бензина. Труп немедленно отвезите в ближайшую больницу.

Труп! Богословская содрогнулась. Только сейчас она осознала происшедшее.

Сергеев бежал, задыхаясь, глухими переулками. Петлял как заяц. Путал следы, хотя погони за собой больше не слышал. Но памятуя наставления Семенова, бежал из последних сил. Стремился во что бы то ни стало оторваться от несуществующего "хвоста".

Не страх подгонял его. Бодрила, добавляла сил бившаяся в воспаленном мозгу мысль: сделано, сделано, совершен подвиг! Еще вчера он — маленький, никому не известный маляр, а теперь его имя узнают люди и простая русская фамилия "Сергеев" запестрит в газетах всего мира!

Сергеев беспредельно гордился содеянным и спешил доложить своему кумиру, что особое задание выполнено. Он расскажет товарищам о своей невероятной удаче, о сказочном везении.

Показалась Невская застава. Сергеев неплохо ориентировался в темноте. Удачно избегал патрулей. Прятался от милиции. А вот, наконец, и дом боевика Федорова-Козлова. Еще с порога, срывая пересохшую глотку, Сергеев прохрипел:

— Срезал я его! Володарского! Наповал!

Козлов, весь вечер беспокойно выглядывавший в окно, прислушиваясь к долетавшим с улицы звукам, вскочил, опрокинув табуретку, поспешно закрыл форточку. Сергеев тараторил без умолку: на ловца и зверь бежит. Автомобиль его остановился, испортилось что-то видать, а может бензин кончился — мне-то один черт. Ну, вышел Володарский из машины и направился пряма ко мне! — горячо блестя глазами, рассказывал Сергеев. — Как от такого фарта отказаться?! Стрельнул я, сколько раз — не помню. За мной погнались прохожие. Едва ушел. Нева помогла…

— Молодец, Никита, большое дело ты совершил. Пойдем к Семенову. Ему надо подробно доложить. Он базируется у Морачевского.

Через час — полтора Сергеев негромко постучал в окно дома, где квартировал начальник Центрального боевого отряда при ЦК ПСР. На условленный сигнал никто не отозвался. Постояли несколько минут. Посмотрели молча друг на друга. В доме кто-то

был. Теперь постучал не в окно, а в раму Федоров-Козлов. Отодвинулась занавеска. Террористы увидели лицо Лидии Коноплевой. За ней стоял Семенов.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

КРЫЛЕНКО: Что же, Коноплева осталась с вами?

ФЕДОРОВ-КОЗЛОВ: Про Коноплеву не помню, но Семенов остался.

КРЫЛЕНКО: А утром пошли?

ФЕДОРОВ-КОЗЛОВ: Утром я пошел к себе в район. Сергеев — не знаю. Он, кажется, в этот же день или на следующий — был на квартире Томашевича в Лесном.

КРЫЛЕНКО: А Семенов куда пошел?

ФЕДОРОВ-КОЗЛОВ: Семенов не знаю куда пошел.

Семенов утром отправился к Рабиновичу. Особоуполномоченный ЦК ПСР, ближайший помощник Гоца вставал на заре и сразу же принимался за работу. Спокойные утренние часы он отводил на составление различных писем, отчетов, партийных документов — голова свежая, пишется легко. Потом начинались всевозможные дела в городе, которые нередко затягивались до поздней ночи. Рабинович не любил, когда ему мешали в эти часы, но Семенов — не рядовой боевик и из-за пустяков беспокоить бы не стал.

— Ранняя пташка! Кто рано встает, тому бог подает. Не так ли Григорий Иванович? — шутливо начал Рабинович, но посмотрев на усталого, озабоченного Семенова, посерьезнел. Выслушал короткий доклад начальника Центрального боевого отряда. Изменился в лице:

— Ты понимаешь, что твои боевики натворили? 0тдаешь отчет? Не могли подождать?

— Зачем?

— Зачем, зачем… Нам в ЦК виднее, зачем! Заварили кашу, черт вас всех подери, а на носу выборы в Петроградский Совет. Ну что теперь делать?

Раздраженный до крайности, взволнованный Рабинович быстро собрал со стола бумаги, запихнул их в папку, втиснул в ящик и запер его на ключ. Он куда-то очень заспешил, и Семенов вдруг почувствовал себя всего лишь маленьким винтиком в огромном механизме партии, вернее пешкой, которая

передвигается только по приказанию свыше. "Что-то сделали не так, — угрюмо подумал Семенов, — спутали ЦК ПСР какие-то карты? Высокая политика, дипломаты, будь они прокляты! Говорят одно, делают другое, а замышляют третье. Мы для них просто исполнители. Не более".

— Я тебя скоро разыщу, Григорий Иванович. Жди указаний. И никакой самодеятельности — головой отвечаешь!"

СВИДЕТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА ШОФЕРА В.ВОЛОДАРСКОГО ГУГО ПЕТРОВИЧА ЮРГЕНСА

Г.П.Юргенс сообщил, что он является шофером гаража N6. Выехал к Володарскому на автомобиле "Бенц" N 2628. Было четверть десятого утра. Подъехал к "Астории". Поехали с Володарским на Галерную 40. Там он пошел в редакцию "Красной газеты". С Галерной отвез одну даму в Смольный, а Володарский оставался в редакции и велел шоферу из Смольного заехать за ним. Юргенс приехал на Галерную снова в половине одиннадцатого. Поехал с Володарским в Смольный. Пообедали и около четырех часов выехали на Васильевский остров в Трамвайный парк, где пробыли минут пять. Поехали в Совет, где были минут пять. Поехали опять в Трамвайный парк, где прибыли полчаса. Из Трамвайного парка поехали в Смольный, где задержались около часа. Из Смольного поехали на Николаевский вокзал, где проходил митинг.

Г.П.ЮРГЕНС: Против Володарского выступали усиленно. Он не мог подойти к мотору. Железнодорожник провел его через другие ворота тайком от митинга. Я поехал кругом, к Смольному за Зиновьевым, предупредить его, чтобы он на товарной станции не выступал, ибо настроение там у людей опасное. В Смольном узнали, что Зиновьев на фарфоровом заводе. Из Смольного около семи часов вечера поехали на фарфоровый завод. Я перед этим сказал Володарскому, что у меня мало бензина, на то он ответил: "Доедем и там достанем".

Мы приехали в районный Совет около фарфорового завода. Туда зашел Володарский и находился там минут восемнадцать. Мимо нас проехал Луначарский. Одна из женщин, сопровождавших Володарского, остановила Луначарского и о

чем-то с ним говорила. Потом вышел из Совета Володарский и женщина сказала ему, что Зиновьев на фарфоровом заводе. Мы поехали дальше: Володарский и с ним две женщины. Едва доехали до "Кассы" — бензин кончился. Я сказал об этом Володарскому. Он вышел из машины с женщинами и хотел идти в районный Совет.

Когда мотор остановился, я заметил шагах в двадцати от мотора человека, который на нас смотрел. Был он в кепке темного цвета, темно-сером открытом пиджаке, темных брюках. Сапог не помню. Бритый, молодой. Среднего роста, худенький. Костюм не совсем новый, по-моему, рабочий. В очках не был. Приблизительно 25–27 лет.

Когда Володарский с женщинами отошел от мотора шагов тридцать, то убийца быстрыми шагами пошел за ними и догнав их, дал с расстояния приблизительно трех шагов три выстрела. Направил их в Володарского и женщин, которые с тротуара убежали к середине улицы, а убийца побежал за ними. Женщины побежали к Совету, а Володарский, бросив портфель, засунул руку в карман, чтобы достать револьвер. Но убийца успел к нему подбежать совсем близко и выстрелить… в грудь.

Володарский, схватившись рукой за грудь, направился к мотору, а убийца побежал по переулку по направлению к полям. Когда раздались первые выстрелы, то я испугался и спрятался за мотор. У меня не было револьвера.

Володарский подбежал к мотору. Я поднялся к нему навстречу и поддержал его. Он стал падать. Подбежали его спутницы. Посмотрели, что он прострелен в сердце. Потом я слышал где-то за домом был взрыв бомбы.

Володарский скоро умер. Минуты через три. Ничего не говорил, ни звука не издавая.

Через несколько минут к нам подъехал Зиновьев, мотор которого я остановил.

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА Н.А.БОГОСЛОВСКОЙ

…Когда я увидела, что Володарский уже мертв, я подняла голову, оглянулась и увидела в пятнадцати шагах от себя и в нескольких шагах от конца дома-кассы по направлению Ивановской улицы, стоящего человека. Этот человек упорно смотрел на нас, держа в правой руке, поднятой и согнутой в локте, черный револьвер…

Был он среднего роста, плотный, приземистый, в темно-сером

полотняном костюме и темной кепке. Лицо у него было очень загорелое, скуластое, бритое. Ни усов, ни бороды. На вид лет тридцати. Кажется, глаза не черные, а стального цвета. Брюки, мне показалось, были одинакового цвета с пиджаком. Навыпуск. Как только он увидел, что я на него гляжу, он моментально сделал поворот и побежал. Я закричала: "Держите!" Вскочила и побежала за убийцей по Ивановской улице. Услышала крик нашего шофера: "Караул!…

Увидела впереди себя сначала двух, а потом нескольких человек. Показывала им, куда бежать. Кричала: "Налево! Держите!" Все побежали к дверям дома-кассы и в калитку этого дома. В калитке встретила чиновника и откуда-то слышала голос: "Не беспокойтесь, уже позвонили".

Я вернулась к Володарскому. Едва я успела склониться над ним, как к нам вплотную подъехали два автомобиля. На одном из них — Зиновьев, а на другом — какие-то солдаты. Тело Володарского положили в последний автомобиль и повезли в амбулаторию Семянниковской больницы. Там нас долго не пускали. Дверь открыли только через 10–15 минут. Вышел человек в военной форме. Взглянул на Володарского и сказал: "Мертвый. Чего же смотреть…"

Мы все запротестовали. Потребовали докторского осмотра. Носилки. После долгих споров вышла женщина — врач, едва выглянула и сказала: "Да, умер, надо везти". Я горячо настаивала на осмотре ран. Кое-как расстегнув костюм, докторша осмотрела рану в области сердца. Пыталась установить, навылет ли прострелен Володарский. Результата я не услышала.

Я не помню, чтобы Володарский после первого выстрела обернулся и бросил ли портфель.

Предъявленный мне шофер Петр Юргенсон имеет большое сходство с убийцей: лицом, особенно скулами, глазами и взглядом, ростом и всей его фигурой. Несмотря на большое сходство, я не могу утверждать, был ли убийцей Петр Юргенсон.

Предъявленного мне мальчики Ивана Федоровича Никифорова решительно не признаю за убившего, также не видела его во время убийства и погони за убийцей по улице.

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ П.М.ПЕЩЕРОВА

Допрошенный Павел Михайлович Пещеров заявил:

"…Выглядел бегущий молодой человек так: среднего роста, в темном пиджаке и рыжеватой кепке. Какие на нем были сапоги, я не запомнил. Но штаны были тоже темные. С виду он казался молодым, лет 22-х — не больше… Похож он был на рабочего. Еще я видел из окна, как он бросил бомбу, но саму бомбу не видел, а видел взрыв, после чего я бегущего больше не видел. Мария Ивановна, жительница по Ивановской улице знает больше, ибо видела происходящее лучше…"

Георгины Коноплёвой

…Гоц вышел из ванной посвежевший, тщательно выбритый. Благоухал запах дорогого одеколона. Настроение великолепное. Давно не ощущал такого прилива сил. Дела не отягощали, большей частью они совершались чужими руками.

Абрам Рафаилович постоял перед шифоньером. Неторопливо перебрал галстуки. Темносиний в белый горошек, пожалуй, будет в самый раз. Гоц старался следить за собой. Питер — не сибирская каторжная тюрьма, где ходили в бесформенных балахонах из мешковины и голова, выбритая по-каторжному наполовину, мерзла. В Питере больше встречают по одежке…

Хлопнула дверь, ввалился взлохмаченный, похожий на попа-расстригу, эсер С.П.Постников.

— Убили! Убили Володарского!

Свершилось! Гоц резко отвернулся к зеркалу. Долго и тщательно завязывал галстук. Поправлял отложной воротничок. Отступал на шаг, любовался собой. Постников смотрел на него, как на сумасшедшего.

— А я только вчера столкнулся случайно с ним у Смольного! Вы что-нибудь понимаете, Абрам Рафаилович?

— Вам следует успокоиться, — сухо произнес Гоц, уже овладевший собой. — Эмоции губительны. Относительно всей этой истории я достаточно осведомлен. Ничего из ряда вон выходящего, обыкновенный порыв страстей. Какой-то рабочий, да — состоящий в нашей партии — случайно встретил этого большевистского Цицерона. Не стерпел — как же, ведь перед ним узурпатор и насильник — и разрядил в него револьвер.

Конечно ужасно, но рабочий оказался исключительно нервным, чувствительным. Безусловно действовал в состоянии аффекта. Наверняка какой-нибудь исступленный правдоискатель…

— Н-да. Прискорбно, — горячо отозвался Постников. — Тем более, что на нашу партию может пасть подозрение.

— Партия к этому не имеет ровным счетом никакого отношения. Рабочий попросту одержим идеей террора и действовал на свой страх и риск. — Гоц твердо чеканил слова, но руки его слегка дрожали.

Гоц, что называется, ваньку валял перед Постниковым. Не понимает, что задавать такие вопросы официальному лицу, члену Центрального Комитета, неприлично. Избегая пытливого взгляда Постникова, Гоц закончил мягко, стремясь убедить собеседника:

— Месть. Месть несознательного рабочего. Запутался в трех

соснах, не разобрался.

Гоц тут же продиктовал Постникову заявление в газеты о непричастности ПСР к покушению на Володарского. Однако у Постникова осталось впечатление, что Гоц хитрит и, похоже боится случившегося. Возможно, что Абрам Рафаилович и шокирован. Переживает за партию…

Сидевший в это время в Бутырской тюрьме член Московского бюро ЦК ПСР Григорий Ратнер узнал, кто повинен в смерти Володарского. Его сестра, Евгения Ратнер, член ЦК ПСР на свидании шепнула: "Наши"… Очутившись на свободе, Григорий Ратнер при первой же встрече с Донским — главой московских эсеров — спросил:

— Является ли убийство Володарского партийным актом?

Донской тонко улыбнулся:

— Было дело…

В тот же день в Московском саду "Сокольники", в клубе, напоминавшем церковь, перед рабочими Сокольнического района выступал Владимир Ильич Ленин.

— Вы знаете, — говорил он, — как за последние месяцы и даже недели подняла голову контрреволюция. Эсеры и меньшевики обвиняют Советскую власть в предательстве России германскому империализму. Пытаются свергнуть Совнарком. Это у них не выходит. Они стреляют из-за угла.

Вы все знаете, что в Питере убит товарищ Володарский. Быть может, им удастся убить и других активных деятелей Советской власти. Но ничто не спасет от гибели врагов рабочей революции.

ИЗ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Володарский был убит 20 июня 1918 года. Однако организация его убийства началась гораздо раньше. На этот раз организатором его убийства был Семенов, вернувшийся в Петроград из Москвы.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

СЕМЕНОВ: Пули, которыми стрелял Сергеев в Володарского, я отравлял ядом кураре на квартире Федорова-Козлова.

ЛИХАЧ: Убийство Володарского — случайность. Оно произошло без ведома ЦК ПСР. Боевая группа Семенова действовала стихийно, на свой страх и риск.

СЕМЕНОВ: Боевым отрядом руководил я — член Военной комиссии при ЦК ПСР. Все указания по организации покушения на Володарского я получал от члена ЦК ПСР Абрама Гоца.

КРЫЛЕНКО: Прошу приобщить к делу N 130 "Петроградской правды" за субботу 22 июня 1918 года. В разделе хроники помещено извещение ЦК ПСР, касающееся убийства Володарского. Текст его чрезвычайно существенный и важный: "В редакцию" Петроградской правды" поступило следующее извещение: "Петроградское бюро ЦК ПСР заявляет, что ни одна из их организаций партии к убийству комиссара по делам печати Володарского никакого отношения не имеет…"

СЕМЕНОВ: Я был возмущен поведением ЦК ПСР. Я считал необходимым, чтобы партия открыто заявила, что убийство Володарского — дело ее рук.

То же думала Центральная боевая группа. Отказ партии от акта был для нас большим моральным ударом. Моральное состояние всех нас было ужасно.

ПЯТАКОВ: В "Голосе России" N 901 за 25 января 1922 года напечатана статья под заглавием "Иудин поцелуй", подписанная Виктором Черновым. По поводу покушения на Володарского написано следующее: "Убийство Володарского произошло в самый разгар выборов в Петроградский Совет. Мы шли впереди всех… Большевики проходили только от гнилых местечек, от неработавших фабрик, где были только одни большевистские завкомы…

Наша газета "Дело народа" пользовалась огромным успехом в массах. И вот неожиданная весть: выстрелом убит Володарский. Это величайшая ошибка…

В присутствии С.П.Постникова… по его предложению было составлено заявление о непричастии партии эсеров к этому акту…"

Раскрыв утром газеты, Семенов остолбенел: на первой полосе сообщение Петроградского бюро ЦК ПСР: ни одна из организаций партии к убийству комиссара по делам печати Володарского никакого отношения не имеет.

Семенов рассвирепел. Трусы! Негодяи! Бедный Никита, если его поймают… Осудят, как уголовника, а он выполнял решение ЦК ПСР, повиновался партийной дисциплине. Эх, Сергеев, Сергеев, как мечтал прославиться! Какие подлецы! Теперь парня надо спасать.

Коноплева застала Семенова в ярости. Едва поздоровавшись, он протянул ей газету, мятую, порванную:

— Читала?! Экое паскудство! Эти чинуши открещиваются от нас!

— Читала, не горячись, Григорий. У ЦК ПСР свои планы. Мы о них, возможно, не знаем.

Семенов нервно ходил по комнате. В таком состоянии Коноплева его еще не видела. Захотелось подойти, прижаться лицом к широкой груди Григория. Но вместе этого она сухо сказала:

— Тебя срочно вызывает Рабинович.

— Я уже виделся с ним! О чем еще говорить?! Впрочем, я ему выскажу свое отношение к их писанине! Дать в газетах опровержение! Да еще от имени Петроградского бюро ПСР! Ну разве это не подлость? Кто их уполномочивал?

— Рабинович ждет тебя возле Александринки в час пополудни.

— Ладно, приду, приказ есть приказ. Заставлю выслушать все. Какая мерзость!

Питер бурлил, люди выхватывали у мальчишек-разносчиков газеты, толпились у витрин, возбужденно переговаривались. Семенов прислушался:

— Подкараулили, сволочи! Наверняка эсеры.

— Они! Кто же еще?

— Переловить да перестрелять как бешеных собак!

— Храм божий не постеснялись осквернить. Кровопролитие у часовни устроили.

Глас народа — глас божий. Семенов усмехнулся. Но почему все так уверены, что это мы. Почерк… Да и вожди наши — идиоты, поспешили публично отречься. На воре шапка горит…

Рабинович прогуливался в сквере у памятника Екатерине Великой. Поздоровался холодно.

— Вам необходимо исчезнуть. Немедленно. Уезжайте в Москву.

— Что за спешка? Не вижу смысла… Нам ничто не угрожает.

— Позвольте об этом судить нам. И давайте обойдемся без дискуссий. Вас Гоц предупреждал, что нужно подождать, не послушались, впредь придется вас за ручку водить.

— Обойдемся без поводырей- огрызнулся Семенов. — А в Москву, пожалуй, отправим одного Сергеева.

— Вы стараетесь спасти одного боевика, а мы — любой ценой сохранить Центральный боевой отряд! Дискутировать не советую: это решение ЦК. Не подчинившись, вы поставите под удар нашу партию. Ясно?

— Яснее не бывает. А что я скажу боевикам? Что скажу Сергееву?

— Не мне вас учить, Григорий Иванович.

— Мы же погубим боевой отряд. Люди разбегутся. Кому захочется жить уголовником.

Рабинович не ожидал, что разговор перейдет в такую плоскость. В самом деле: боевики идут на самопожертвование, а партия от них открещивается. Но стоило ему вспомнить про разговор с Гоцем, как все колебания улетучились.

— В данный момент, — твердо сказал Борис Николаевич, — партия не может взять на себя ответственность за террористический акт против Володарского. Со временем — это возможно. Сергеев должен понять. Набраться мужества. Ждать.

— Выходит, — тихо, как бы про себя заметил Семенов, — каждый на этом свете не только судья, но и подсудимый.

— Выходит так, понять надо — судьба партии на сломе, а вы о судьбе Сергеева заботитесь.

После встречи с Рабиновичем разбитым и подавленным вернулся Семенов на явочную квартиру, где скрывался Сергеев. Идеал вступил в противоречие с практикой террора. Вернее — с жизнью. В разговоре с Сергеевым ему придется переступить через свою сволочную порядочность. Террор и мораль. Не стыкуются. Не вписываются в большевистскую революцию.

— Что же это, Григорий Иванович, что же это? — встретил Семенова растерянный Сергеев. — Отказались от меня наши вожди, сами благословили, а теперь хвост на бок: я не я и лошадь не моя?!

Иссиня бледный, Сергеев был жалок, трясся, как голый на морозе, уничтоженный, раздавленный. Его можно было понять — человек мечтал о подвиге, хотел прославить свое имя в веках, войти в историю и вдруг такой афронт! Глядя на едва не плакавшего боевика, Семенов сжал кулаки: до чего довели парня!

— Крепись, Никита, что поделаешь, коли перестраховщики сидят в ЦК.

Настроение у них паническое, о своей шкуре пекутся.

— А я! Что со мной будет?!

— Поедешь в Москву. Отряд выезжает завтра.

— Но я же теперь простой убийца, уголовник! Можете вы это понять, Григорий Иванович?! Обманули! Поманили, посулили, а сами — в сторону!

— Успокойся, возьми себя в руки. В Москве начнем большое дело, и тебе найдется работа, поважнее, чем питерская… Сейчас не признали, потом признают. Я верю в это, Никита.

Сергеев по-мальчишески шмыгнул носом, на котором сразу

проступили все веснушки, вытер глаза — в них засветилась надежда…

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСАДАНИЯ ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

ЗУБКОВ: Прогремел выстрел и был убит большевик Володарский. Партия эсеров отреклась от Сергеева и его акта. Здесь некоторые "цекисты" наводили тень на него, что он убил Володарского из любви к искусству. Я знал Сергеева хорошо, он ни одного шага в революции не делал без разрешения ЦК ПСР. Так что напрасно бросать тень на Сергеева. Он убил Володарского от имени боевой организации, которой руководил ЦК ПСР.

СЕМЕНОВ: Все показания Гоца и иже с ним — сознательная ложь. Гражданину Гоцу больше всего известно, что санкция покушения на Володарского была дана ЦК ПСР. Параллельно с подготовкой покушения на Володарского в ЦК ПСР ставился вопрос о покушении на Урицкого в Петрограде и на Ленина — в Москве.

КРЫЛЕНКО: Гоц не хуже, чем Семенов, был посвящен во все детали подготовлявшегося убийства… Так обстояло дело с убийством Володарского "раньше времени", несмотря на запрещение Гоца… Мотив запрещения убийства был тот, что акт повлияет на выборы и власть обрушится репрессиями. Гоц возражает: "Это совершенно не повлияло на выборы, наша фракция после убийства с 20 человек, которые были уже выбраны, выросла до 70". В газете, которая приобщена к делу, имеются данные об этих выборах… Там, гражданин Гоц, указано, что цифра выборщиков от эсеров была не то 2, не то 3. Если я ошибаюсь, суд восстановит истину, посмотрев газету, но ни 70, ни 20 там не найдете. Лишнее доказательство того, чего стоят показания Гоца.

ИЗ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

После свершения убийства вся группа выехала, действительно, немедленно из Петрограда…Не подлежит, таким образом-, никакому сомнению, что руководящие члены ЦК, начиная с Чернова, знали о деятельности Центрального боевого

отряда и одобряли террор… В убийстве Володарского принимали участие и были во всяком случае о нем осведомлены: Гоц, Донской, Евгения Ратнер, Григорий Ратнер, Рабинович, Семенов, Коноплева, Сергеев, Федоров-Козлов, Усов, Зейман, Морачевский и Елена Иванова, причем член ЦК Гоц указал лиц, подлежащих убийству…

Хоронили Володарского на Марсовом поле, рядом с могилой жертв Февральской революции — рабочих и солдат. Шпалерами стояли революционные полки, матросские отряды, красногвардейцы. Венки и цветы одновременно легли на могилу — последнее подношение друзей и товарищей. На траурном митинге ораторы требовали возмездия убийцам — эсерам. Никто почему-то не сомневался, что гибель Володарского — дело их рук…

26 июня 1918 года Ленин писал: "Тов. Зиновьев! Только сегодня мы "услыхали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы /не Вы лично, а питерские чекисты или пекисты/ удержали! Протестую решительно!

Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, тормозим революционную инициативу масс, вполне правильную.

Это не-воз-мож-но!

Террористы будут считать нас тряпками. Время архивоенное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего решает. Привет! Ленин".

Подумав, добавил, еще несколько слов. Приписал наверху: "Также Лашевичу и другим членам ЦК".

Позвонил Дзержинскому, прочитал содержание письма по телефону. Вызвал дежурного секретаря и велел тотчас же отправить письмо в Петроград.

Почти одновременно с письмом Ленина на стол Зиновьева легла многостраничная анонимка. Начиналась она так: "Господину народному комиссару Зиновьеву, Смольный институт.

Настоящим доводим до Вашего сведения, что тов. Володарский убит моим другом, но ввиду того, что при перемене правительства, я могу за выдачу убийцы быть сам расстрелян, то могу вам доложить только то, за что он убит: тов. Володарский говорил на митинге около Невских ворот, где делали ему возражения некоторые из товарищей, но находящаяся партия матросов, яро аплодировавших Володарскому, не позволила говорить никаких возражений и хотела даже арестовать

возражавших Володарскому, то один рабочий сказал, что… Володарскому осталось жить одни сутки. И действительно, через сутки он был убит.

Я со своей стороны усматриваю несправедливость со стороны Советской власти, которая задалась целью фальши. Это озлобляет народ против власти. Тов. Ленин по приезде из Германии говорил, что там подготовлена революция, что мы начнем, нас поддержат во всем мире: мы начали, а нас никто не поддержал. Это обман народа. Вы, большевики, мира не заключаете, ведете войну, обманываете народ. Голодной смертью морите, грабите, отдаете землю Германии. Вы разоблачали тайные договоры династии Романовых, а где же тайные договоры Брестского мира. Почему их не печатаете? За какую марку вы продались германцам?..

Володарский ходил с сыщиками и все же убили. Ленина, Урицкого и Вас ждет та же участь. Вот что значит — сколь веревочку не вей, а кончик будет. Всем большевикам то будет, что и Володарскому…

Ваш бывший друг по партии и злой враг Урицкого — В.М.М.

Неважно кто написал это письмо — малограмотный, политический слепец или психически неуравновешенный человек. Суть в том, что корявым, суконным языком, изложены "претензии" к Советской власти. Точно такие же, разумеется, в ином стиле и иных выражениях высказывались неоднократно противниками диктатуры пролетариата. Особенно близка "платформа" автора письма, эсерам.

Характерно, что автор даже не угрожал адресату и его сторонникам. Он как бы предупреждал, рассматривая террор против руководителей Советского правительства как нечто само собой разумеющееся. В этом его взгляды полностью совпадали со взглядами социалистов-революционеров.

Безвестный аноним назвал себя "злым врагом Урицкого" Да, у Председателя Петроградской ЧК, равно как и у самой Советской власти в то грозное время врагов хватало. Злобное карканье анонимного ворона оказалось, увы, пророческим.

Подготовка покушения на Урицкого началась еще ранней весной 1918 года и велась параллельно с подготовкой убийства Володарского.

Однако выследить Урицкого было не просто. Работал день и ночь. Постоянно бывал в разъездах, на заводах, фабриках, в воинских частях. Домашний адрес заговорщики не знали.

Дело подвигалось туго, в ЦК ПСР выражали неудовольствие. Рабинович обещал помочь. Посоветовал Семенову связаться с эсером Зейманом, но тот не знал, где квартирует Урицкий. После

убийства Володарского почти вся группа Семенова выехала в Москву. Крайне раздосадованный Семенов, прощаясь с Коноплевой, просил ее довести слежку за Урицким до конца.

— Не сомневайся, Григорий. Обещаю.

Семенов обнял Лидию и вскочил в вагон на ходу. Настроение было скверное, хотя позицию ЦК ПСР Семенов понимал и оправдывал. Памятное "опровержение" Петроградского бюро ПСР — просто хитрый тактический ход. По-человечески он сочувствовал Сергееву: парень все еще не оправился от полученного удара. Теперь вот приходится уезжать, не закончив дело с Урицким, оставлять его Коноплевой. Спихнул ответственейшее поручение женщине! Впрочем, у ЦК ПСР найдутся и другие исполнители…

Семенов и его боевики уехали. "Работа" в Москве предстояла опаснейшая, но игра стоила свеч: в Москве — Ленин!

В Петрограде Коноплева замучила, затерзала боевика Василеостровского района Зеймана: может, Урицкий вообще не имеет квартиры, ночует в кабинете? Зейман неуверенно возражал, он не раз видел по утрам его машину. Она подъезжает к ЧК в одно и то же время, и из нее выходит Урицкий…

— Может вы хотите, чтобы я пошла к нему в кабинет? — рассердилась Коноплева. — Вы удивительно нерасторопны, Зейман! В конце концов кто из нас — баба?

— Простите, Лидия Васильевна, но ваш лексикон, как бы точнее сказать, не соответствует вашей внешности…

— Ах, оставьте! Вижу — на вас надеяться нечего. Придется браться за дело самой…

— Как угодно, — Зейман облегченно вздохнул. Одобряя на словах эсеровскую тактику, он старался держаться от террористов подальше.

Коноплева продолжала упорно искать дом Урицкого. Неизвестно чем бы закончились поиски, но помогла вездесущая "пепельница" — Елена Иванова. Услышав в телефонной трубке ее хриповатый голос, полусонная Коноплева с трудом оторвала голову от подушки — легла поздно, долго не могла уснуть, думала, читала.

— Лидушенька, душенька, это я, Лена! Ты не можешь представить, какой у меня для тебя сюрприз! Всем сюрпризам сюрприз, — тараторила Иванова, попыхивая папироской. Она причмокивала, сосала размякший мундштук, с наслаждением затягивалась. В прокуренном горле что-то похрустывало, поскрипывало. Коноплева явственно ощутила едкий махорчатый дымок и рассмеялась. Представила себе встрепанную Иванову: в засыпанном пеплом и перхотью несвежем халате, развалившуюся

на диване, когтящую бурыми, от постоянного курева, пальцами телефонную трубку.

— Возьми карандашик, Лидуша, и листок бумаги. Взяла? Пиши, деточка…

— Послание? — шутливо осведомилась Коноплева. — Кому же?

— Адресок, душенька. Искомый. Долгожданный.

— Чей! — у Коноплевой перехватило дыхание, ее волнение передалось Ивановой. Стало вдвойне радостно, дельце сделано, никому не удалось, а ей удалось. Вот так!

— Его, Лидушенька, его. Твоего долгожданного, богоданного. Нет, старая каторжанка — "пепельница" не воображала, что телефон "на крючке". В те далекие годы о таком не слыхивали. Все было значительно проще. Иванова звонила от соседки — молоденькой вдовушки и притворялась, что содействует подружке. Помогает свадьбой завершить любовный роман. Вдовушка — сдобная толстушка, круглила птичьи глаза, завистливо вздыхала. Вот счастье-то привалило девице: нашла своего суженого.

Коноплева не шла — летела. Вот и 8-я Линия Васильевского острова. проверив по бумажке номер дома и квартиры, она вошла в подъезд. Поднялась по лестнице. Остановилась на площадке передохнуть. Когда откроют дверь — что-нибудь придется наговорить. Такое хорошо удается экспромтом. Конечно, не самое лучшее что она пришла без предварительной разведки. Чем черт не шутит, когда бог спит? Вдруг сам Урицкий дверь откроет? Но она подготовилась: оделась провинциальной барышней.

Ищет старую тетушку. Лучшего не придумала.

На двери табличка: имя, отчество, фамилия зубного врача. Может, не сюда? Нет, номер тот. Коноплева решительно нажала кнопку звонка. Прошла минута. Щелкнул замок. Звякнула цепочка. Приоткрылась дверь. Средних лет дама любезно улыбнулась.

— Вы на прием? Проходите пожалуйста…

Коноплева, снимая шляпу в прихожей, приметила: в квартире еще несколько больших комнат. Хозяйка стала протирать спиртом инструменты, развлекая пациентку беседой.

— Прекрасная погода. Давно не было дождей. Так жарко, что даже герань приходится поливать дважды в день, а она все же сохнет…

— А у меня георгины — бездумно вторила Коноплева, оглядывая зубной кабинет хозяйки.

— О, у вас есть сад! Наверное, ужасно трудно его содержать. Садовника теперь не наймешь. А георгины — это чудесно!

— Сада, к сожалению, у меня нет, — отвечала Коноплева и чувствовала, что перехлестывала. Но отступать было поздно. Вспомнился вдруг свой "садовник" — Федоров-Козлов. Она улыбнулась.

— Георгины я выращиваю в горшочках… Мой сад?… Был да сплыл.

Коноплева осмелела: вовремя подвернулась эта гусыня, увешанная кольцами.

— Да, да — тараторила врачиха… Ужасное время. Так вас понимаю, милая. У меня тоже… Тсс! — хозяйка приложила палец к губам. Повела бровью в сторону прихожей. Дала понять, что она не одна живет в квартире. И что вести доверительный разговор крайне опасно.

— Ну-с, какой зуб у вас болит?! — Давайте-ка посмотрим… Так, так. Хм, хм… Великолепные зубы! У меня просто опустились руки. Зубы у вас в полном порядке.

"Вот так номер! Нужно уходить, а я еще ничего не выяснила", — соображала Коноплева. — Как же быть?"

— Извините, Мария Лазаревна, — имя врачихи Коноплева прочитала на табличке.

— Неудобно обращаться к вам с подобной просьбой, но…

— Ради бога, ради бога! — всплеснула Мария Лазаревна толстенькими руками. И снова — пальчик к губам…

— Вы как женщина поймете меня…

Ужас заплескался в выпуклых глазах Марии Лазаревны. Она пугливо оглянулась на дверь и трагически прошептала:

— Это не по моей части…

И снова метнула затравленный взгляд на одну из закрытых дверей…

— Нет, нет, — рассмеялась Коноплева. — Вы меня неправильно поняли. Видите этот зуб? Его надо… — Коноплева на мгновение задумалась и решительно закончила — вырвать!

Помертвевшая было Мария Лазаревна ожила.

— Этот? Передний. Но зачем же?!

— Видите ли, — с жаром импровизировала Коноплева. — Выдам вам тайну. У меня есть жених, мы помолвлены, но… он… ему не нравится мой зуб! И он ставит условие… Словом, он готов выполнить свои обязательства лишь в том случае, если я расстанусь с этим зубом. -

Коноплева с трудом сдерживала смех, буквально задыхалась — более идиотской причины выдумать не смогла. Но Мария Лазаревна возмущенно сверкая глазами, ни на — у не усомнилась в услышанном:

— Какой негодяй! Какой мерзавец! Минуту смотреть

возлюбленной в зубы — он, случайно, не цыган?

— Насколько мне известно, чисто русский человек. Дедушка его из Турции…

— Вот, вот, вот… Мой бог, чего не сделаешь во имя любви! — Мария Лазаревна была покорена. Пока она, возбужденная, кипятила инструменты, Коноплева, в детстве удалявшая зуб, поняла, что нужно торопиться: потом не поговоришь…

— Вам, вероятно, трудно в такой тесноте, Мария Лазаревна. Врачу необходимы условия…

— Ах как вы правы. Но что поделаешь, такой страшный век. Совсем недавно квартира принадлежала мне, а теперь приходится ютиться в этом закутке. Раньше здесь жила прислуга… Ее пришлось рассчитать — ушла управлять государством. Вы ж понимаете!

— Ой! — Коноплева жеманно подчеркнула плечиком, сморщила точеный носик. -Значит, вас уплотнили? И, конечно, какие-нибудь… пролетарии?

— Если бы — врачиха вновь перешла на трагический шетпот. — Среди них попадаются вполне приличные люди. Мне чинит бормашину Николенька, токарь, слесарь, я знаю кто он там? И поверите — не пьет…

Выхватив пинцетом из никелированной ванночки дымящиеся щипцы, Мария Лазаревна размахивала ими, остужая. Коноплева пошла ва-банк.

— Так кто же у вас поселился?

— Если бы вы знали! Чекист! Чекист! — Мария Лазаревна повращала негритянскими белками. — Самый главный!

Коноплева едва не подскочила в кресле, удачно изобразив удивление и тотчас превратилась в провинциалку:

— А, слышала, как же. Рыжебородый такой, Барташкевич…

— Барташкевич?! Урицкий его фамилия. Урицкий, чтоб мне так жить!

Коноплева в изнеможении откинулась в кресле. Мария Лазаревна склонилась над ней:

— Теперь вы понимаете, какое я имею соседство?!

Коноплева слабо кивнула, шприцы замаячили перед глазами и ей стало страшно…

Итак, адрес Урицкого известен. Но это еще частица того, что нужно узнать, прежде чем заряжать пистолеты. И Коноплева кропотливо собирала сведения, крупицу за крупицей. Для этого ей пришлось снова превратиться в скромную барышню и подыскать жилье по-соседству с председателем Петроградской ЧК. Удалось снять комнату в малонаселенной квартире в доме напротив. Комната выходила окнами на подъезд. Коноплева

завесила окно, укрывшись за портьерой, часами наблюдала за подъездом, отмечая шифром в блокноте, когда приезжает и уезжает машина. Не смыкала глаз, пока не услышит знакомый рокот мотора, не блеснут за темным окном автомобильные фары. Через три недели полетела в Москву зашифрованная телеграмма. Получила ее кассирша Ярославского вокзала Калашникова, подружка Елены Ивановой: у "пепельницы" всюду находились приятели, знакомые знакомых. В тот же день телеграмма очутилась у Семенова.

Но вышло не так, как задумала Коноплева. Неожиданно в Петроград приехал Семенов и увез ее в Москву. Покушение на Урицкого отложили, но слежка за ним продолжалась — ее поручили Зейману. Коноплева предупредила: от Зеймана толку не будет. Семенов не огорчился: исполнители найдутся — была бы жертва. Опыт по этой части у партии эсеров велик. Но малость подзабытый. Молодые партийные кадры, вступившие в ПСР после Февральской революции, сильно склонились к кабинетному, бумажному стилю работы, а бумагой, как известно, скорее усыпишь, нежели побудишь массы к действию. Следовательно, сетовал Семенов, стало игнорироваться первое правило эсера — идти в массы, будоражить их, поднимать на боевые дела.

Семенов считал, что террористическая работа требует от боевика чрезвычайной выдержки и самоотдачи. Ведь за несколько минут перед выстрелом боевик переживал целую жизнь, не похожую ни на какую другую. Душа боевика не должна быть замутнена обыденностью. Иначе он не сможет нести в народ правду очищения. Потеряет дистанцию загадочности своей личности. Утратит тайну волшебства террор. А тайна и волшебство должны пронизывать его во все времена. Только тогда революция станет подвижной, как ртуть: со страстью и порывом масс, с их эмоциями и желаниями, с их совестью и мечтой.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

КРЫЛЕНКО: Здесь был спор и разговоры, кто приостановил и как приостановил подготовку покушения на Урицкого. Ясно, что это было решено в Москве ввиду постановленного на очередь более серьезного дела — покушения на т. Ленина…

Контрреволюционные действия эсеров и меньшевиков поддерживали их газеты, которые лгали и клеветали на

Советскую власть. Особенно отличалась меньшевистская газета "Вперед". Многочисленные предупреждения не пошли впрок. 10 мая 1918 года ВЧК закрыла газету. Меньшевики попытались возродить ее под названием "Всегда вперед". Первый ее номер, полный злобных инсинуаций, был конфискован, а выпуск приостановлен. Проект резолюции о закрытии газеты соглашателей написал Ленин. Он отметил, что газета окончательно доказала свое контрреволюционное направление.

Ленин разъяснял коммунистам, как быстрее и решительнее прекратить деятельность антисоветских печатных органов. Участник событий тех лет большевик А.Я.Аросев, который занимался этой работой, рассказывал, что Ленин не раз подробно его инструктировал.

В июне-июле 1918 года прекратили свое существование такие лживые рупоры мелкобуржуазной печати, как "Наш голос", "Газета-друг", "Земля и воля", "Воля труда", "Дни", "Друг народа", "Дело рабочего", "Знамя борьбы"… Всего Ревтрибунал за период с декабря 1917 года по июнь 1918 года рассмотрел 66 дел о преступлениях буржуазных издателей.

Аросев доложил Ленину о введении монополии на продажу печатной продукции. Частные редакции распускались, а их сотрудники переходили на службу в органы печати Советской власти. Выслушав Аросева, Ленин неожиданно спросил:

— А что вы думаете об эсерах?

Аросев, застигнутый врасплох, быстро ответил:

— Они социалисты, нам с ними вместе работать…

Ленин потер лоб, поглядел на Аросева удивленно, проговорил с досадой:

— Да, ведь эсеры против Советской власти заговоры устраивают! А скоро просто начнут стрелять в нас!

Вряд ли, говоря это, Ленин думал о собственной судьбе…

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

КРЫЛЕНКО: Партия с. — р. до революции террор признавала. Следует поставить вопрос: Как же смотрела она на террор после революции?

…Два взаимно друг друга исключающих мнения, которые принадлежат двум членам ЦК партии с. — р. Это, о одной стороны, точка зрения обвиняемой Евгении Ратнер, по ее мнению,

террористические акты должны быть применимы и против социалистического правительства…

Противоположная позиция выдвинута членом ЦК Сунгиным. На заседании ЦК в феврале/1918 г. — Н.К./ Сунгин утверждал, что с момента революции террор партии с. — р. изжил себя навсегда; следовательно, он не мог быть вообще применяем…

Из показаний Святицкого, Розенблюма и Буревого с совершенной точностью устанавливается, что главный вождь и лидер ЦК партии с. — р. Виктор Чернов не только теоретически в своих выступлениях на съезде и конференции, но и практически, в частности в споре с Сунгиным, ставил вопрос о терроре, как о вполне приемлемом в определенных условиях методе борьбы.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ

ИЗ ОТКРЫТОГО ПИСЬМА ЛИДИИ КОНОПЛЕВОЙ ВИКТОРУ ЧЕРНОВУ

"Виктор Михайлович, прочитав Вашу статью в "Голосе России" от 25 февраля под заголовком "Иудин поцелуй", где Вы отрицаете причастность ЦК ПСР к террору и боевым актам летучего боевого отряда, организованного Григорием Семеновым, открыто заявляю Вам, что Вы лжете, сознательно лжете…

А.Гоц дал санкцию на убийство Володарского…

А.Гоц и Д. Донской дали санкцию на убийство Ленина… На убийство Ленина санкция ЦК ПСР была дана боевому отряду с заверением, что отказа партии от акта покушения не последует…

Не дадим себя запугать

7 мая 1918 года в Москве начал работу VIII Совет партии правых эсеров. С докладом выступал Евгений Михайлович Тимофеев. Филолог и журналист умел увлечь аудиторию. В самом начале его речи в зал вошла скромно одетая женщина. Нерешительно осмотрелась. Отыскала свободное место и села. Стала слушать. Это была Фейга Хаимовна Каплан — Фанни Ефимовна, как она себя называла.

— Основными целями и задачами русской демократии, — говорил Тимофеев — мы полагаем аннулирование Брестского мирного договора, возобновление войны против Германии. Для этого необходима ликвидация власти Совета Народных Комиссаров и возрождение в России подлинных органов народоуправления во главе с Учредительным собранием.

"Туманно" — , подумал Семенов. Кто-то выкрикнул с места: "Просим уточнить!"

— А что, собственно, уточнять? — переспросил Тимофеев. — Я достаточно ясно выразился: необходимо решительно приступить к ликвидации так называемых Советов…

— Вы поняли Тимофеева? — спросил Семенов у рядом сидящего Сунгина.

— Чего тут не понять, — рассмеялся тот. — Тимофеев не хочет расставаться ни с кадетами, ни с Антантой.

У кадетов — связи и кадры. У Антанты — деньги и оружие.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

КРЫЛЕНКО: В первые же дни кровавой гражданской войны, которую повела против пролетариата буржуазия, эсеры оказались в первых рядах тех сил, за которыми шли тяжелой поступью батальоны буржуазии…

Эсеры оказались в этой войне в качестве вождей и застрельщиков на стороне буржуазии.

К.ЦЕТКИН:… Они поднимали восстания, устраивали экспроприации, террористические акты, направленные против вождей революции, взрывы поездов и железнодорожных мостов и т. д.

ПОКРОВСКИЙ: Мы должны твердо и ясно сказать, что на

скамье подсудимых нет социалистов, здесь есть только буржуазные заговорщики.

А.МУНА:…Партия с.р. — партия мелкобуржуазная. С самого начала русской революции она выступает как контрреволюционный фактор.

На трибуне Тимофеева сменил член ПК ПСР М.Я.Гендельман-Грабовский.

— Когда предыдущий оратор сказал, что мы отвергаем возможность какого бы то ни было объединения и даже косвенного сотрудничества с большевиками, из зала подали реплику — а как же быть с Советами?

Жизнь показала, что после Октябрьского переворота, после узурпации власти большевиками, Советы полностью утратили свой социалистический характер. Они переродились, едва успев появиться. Поэтому ближайшая наша цель — восстановление полноправного Учредительного собрания.

Из обвинительного заключения

…. VIII Совет партии эсеров поставил на первое место работу по немедленной вооруженной ликвидации Советской власти.

Донской голосовал за эту резолюцию, хотя и сознавал ее полную абсурдность.

"Перед кем играем в прятки? — раскалял себя. Даже не в прятки, а по-детски кричим из под маминой юбки — ау! ау! О чем речь? О каких лозунгах Учредительного собрания, когда оно приказало долго жить? Да у нас нет и своего печатного органа. Закрыли, а вернее, прихлопнули большевики наши газеты и журналы. А что им оставалось делать, если с каждой газетой и журнальной страницы Гоц и Чернов, Авксентьев и Зензинов, Гендельман-Грабовский и Веденяпин призывали трудящиеся массы к саботажу, спекуляции, забастовкам, шантажу, скрытому и открытому сопротивлению Советской власти. Сеяли в народе пораженческие настроения, неверие в победу над интервентами и белогвардейцами. Вступление войск Антанты на российскую территорию. Это, видите ли, не оккупация, не грабеж среди белого дня, а временное соглашение с союзниками, которые не будут вмешиваться во внутренние дела. Их задача — помочь силам демократии победить большевиков. — Белиберда. Фиговый листок… Казуистика. Зачем же тогда Совет ориентировал партию на консолидацию антисоветских движений? Нацелил на создание

органов демократического представительства на окраинах России?

По решению 8-го Совета партии для общего руководства работой в Москве оставались Евгения Ратнер, Тимофеев и Гоц. В Вологду, для установления контактов с союзными державами, направился Рудаков. В Сибирь, на которую возлагались особые надежды, поехали Зензинов, Аргунов и Авксентьев. В Поволжье — тоже весьма перспективный район — Веденяпин, Буревой, Гендельман-Грабовский, Коган-Бернштейн, Раков и Чернов В Киев, налаживать отношение с Центральной Радой, — Рихтер и Герштейн.

Из стенограммы заседания Верховного революционного трибунала

Р.МАРШАН: Французский консул придавал большее значение связи с социалистами- революционерами, с Савинковым. Предполагалось, что в новом русском правительстве после свержения Советской власти, руководящее значение будут иметь социалисты — революционеры, причем во главе министерства должен был стать В.Чернов.

Партия социалистов-революционеров получала довольно часто значительные субсидии от французского консульства через Эрлиха для работы своих боевых дружин. Эрлих и Шарль Дюма выдвинули в 1918 году проект взрыва при помощи социалистов-революционеров флота в Кронштадте…

26 июля 1922 года на утреннем заседании Ренэ Морисович Маршан рассказал верховному Трибуналу, что во французском консульстве он ведал делами печати, давал информацию, переводил с французского языка на русский и наоборот. Имел широкий доступ к совершенно секретным материалам. Вся деятельность французской миссии в России была направлена на свержение Советской власти. Французское генеральное консульство имело своих платных агентов во всех русских социалистических партиях, которые боролись против большевиков, против Ленина. Связь с меньшевиками держал бывший депутат социалистического департамента Алье Шарль Дюма; связь с кадетами, с научным миром — профессор, бывший член Французского института в Петрограде, Мазон; связь с Борисом Савинковым была поручена Анри Готье; связь с ЦК ПСР — Эрлиху и Шарлю Дюма. С монархическими партиями

контактировал граф де Шовиньи. Одновременно он регулярно встречался с членами ЦК ПСР Тимофеевым и Донским — в Москве, с известным поклонником Керенского, бывшим комиссаром Временного правительства при Ставке в корниловские дни М.М.Филоненко — в Петрограде.

Р.МАРШАН: Кормился во французском посольстве Борис Савинков. Об этом Маршану говорил Гекье. Нуланс согласовал с Савинковым мятеж в Ярославле с высадкой союзных войск в Архангельске. Но все карты им перепутали большевики. И мятеж в Ярославле и высадка десанта союзников в Архангельске в конечном счете закончились и для Нуланса, и для Савинкова полным крахом.

В.И.Ленин подчеркивал, что как только массы убеждались, куда привели их меньшевики и правые эсеры, последние оставались без поддержки масс. "Их оставляют, — писал Владимир Ильич. — Тогда они в последней надежде прибегают к спекуляции на голоде, а когда и это не выходит, они не брезгуют такими приемами, как убийство из-за угла".

Из постановления ВЦИК от 14 июня 1918 года

"Принимая во внимание, что Советская власть переживает исключительно трудный момент, выдерживая одновременно натиск как международного империализма всех фронтов, так и его союзников внутри Российской Республики, не стесняющихся в своей борьбе против Рабоче-крестьянского правительства никакими средствами от самой бесстыдной клеветы до заговоров и вооруженных восстаний…, исключить из своего состава представителей партии социалистов-революционеров и меньшевиков и предложить всем Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов удалить их из своей среды.

Недолго просуществовал блок большевиков и с левыми эсерами. В марте 1918 года в знак протеста против заключения Брестского мира левые эсеры вышли из правительства.

Вскоре к разногласиям между большевиками и левыми эсерами по вопросу о Брестском мире прибавились другие. 9 мая 1918 года ВЦИК принял декрет о продовольственной диктатуре. Народный Комиссариат по продовольствию получил чрезвычайные полномочия в борьбе с кулаками, которые прятали хлеб, спекулировали им. Местные органы власти получили право изымать у кулаков хлебные излишки и распределять их среди

бедноты. В сложившейся ситуации левые эсеры открыто перешли на сторону сельской буржуазии и выступили как идеологи кулачества.

Что же не нравилось левым эсерам в продовольственной политике большевиков? Что являлась для них неприемлемым? Они отрицали продовольственную диктатуру, реквизиционные отряды, образование в деревне комитетов бедноты.

Левые эсеры вели широкую агитацию против продовольственных мероприятий Советской власти. Стремились подбить крестьянство взяться за оружие.

Обо всех этих перипетиях борьбы левых эсеров в деталях знал Дмитрий Донской и втайне радовался. Его не смущали крикливые социальные декларации левых эсеров. Левые, правые — все равно эсеры. Все равно в конечном итоге и те и другие — против Советской власти в ее большевистском одеянии.

Говорят, бывают сны и видения, которые сбываются. Донской никогда не был не религиозен, ни суеверен. Иногда, правда, ему хотелось поверить в собственное пророчество, если бы он не понимал, что вовсе не озарение свыше, а просто понимание реальности происходящего приводит человека к трому или иному предвидению. И все же вступая в Февральскую, а затем и Октябрьскую революции, он не предвидел, что судьба вознесет его так высоко — до члена ЦК и руководителя Московской организации эсеров. Приступая к выполнению своих нелегких обязанностей, Дмитрий Дмитриевич счел нужным сказать ближайшему окружению:

— Мы очистим Москву от большевиков без единого выстрела руками рабочих. Московские заводы и фабрики откажут в доверии Ленину и станут нашей опорой в возрождении народовластия…

Теперь реальным противником Донского в Москве становился Дзержинский. Боевикам Семенова будут противостоять чекисты. Конечно, в масштабном плане, главной целью эсеров становился Ленин. Дзержинский, при всей его значимости, был в окружении Ленина только одним из самых талантливейших и преданных его соратников и учеников.

Дзержинский… Он сидел за столом и машинально набрасывал на лист бумаги неведомый профиль. На душе было тревожно. Слухи о готовящемся покушении на германского посла росли, их подтвердил из Наркоминдела Л.М.Карахан.

— Феликс Эдмундович, на графа Мирбаха готовится покушение.

— Откуда это известие?

— Сведения получены из германского посольства. Там

утверждают, что против Советской власти готовится заговор… Есть фамилии, адреса…

СВИДЕТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ

Из показаний Я.Г.Блюмкина по делу убийства германского графа Мирбаха

"Германский посланник в Советской России граф Вильгельм Мирбах был убит в Москве, в Денежном переулке, в одной из гостиных посольского здания около 3-х часов дня 6 июля 1918 года. Убийство было совершено при посредстве револьвера и толовой бомбы бывшим членом ВЧК, членом партии левых эсеров Яковым Блюмкиным и фотографом подведомственного ему отдела ВЧК, также членом партии Л С Р Николаем Андреевым".

III съезд партии левых эсеров проходил в Москве.

Он постановил "разорвать революционным способом гибельный для русской революции Брестский мир".

Подготовка к убийству Мирбаха была поспешной. За два дня до террористического акта Блюмкин не имел ни малейшего представления о покушении. Но ему приказали, и он выполнил решение диктаторской тройки ЦК. Подпись Ксенофонтова подделал Блюмкин, а подпись Дзержинского — один из членов ЦК ПСР. Александрович поставил печать. Шофер автомобиля не был посвящен в курс дела. В германском посольстве были в 2 часа 15 минут.

— Я ответственный сотрудник ВЧК, — надменно процедил Блюмкин, — а это, — указал на Андреева, — член революционного трибунала. Нам необходимо видеть посла по весьма важному делу.

Блюмкин и Андреев предъявили удостоверения, подписанные Председателем ВЧК Ф.Э.Дзержинским и секретарем И.К.Ксенофонтовым. На удостоверении стояла печать Всероссийской Чрезвычайной Комиссии.

— Я — доверительное лицо господина посла и уполномочен вести любые, в том числе и секретные переговоры, — заявил доктор Рицлер. Блюмкин упрямо качнул головой:

— Мы должны говорить с графом Мирбахом. Дело касается

только его. Граф Мирбах осторожничал. Долго советовался с помощниками. В конце концов уступил: как-никак представители высоких государственных органов. Принял их в каминной. Здесь же находились лейтенант Мюллер и советник Рицлер.

— ВЧК недавно арестовало венгерского офицера Роберта Мирбаха, — сказал Блюмкин. — Вашего племянника, посол. Что вы думаете по этому поводу?

Мирбах удивленно поднял бровь:

— Не имею чести знать этого офицера, а родственников в России у меня нет.

— И все же, это ваш племянник, — настаивал Блюмкин.

Мирбах холодно произнес:

— Судьба этого человека меня не интересует.

— Полагаю, господин посол хотел бы знать какие меры мы примем, — произнес Блюмкин условную фразу.

Террористы выхватили револьверы. Загремели выстрелы. Лейтенант Мюллер схватился за плечо. Посол бросился к двери. Блюмкин за ним. Выстрелил послу в затылок. Швырнул гранату и выпрыгнул из окна на улицу. Граф Мирбах был убит наповал. Лейтенант Мюллер и советник Рицлер ранены.

Это случилось в 14 часов 32 минуты. Дзержинскому позвонил Ленин. Инцидент чреват серьезными политическими осложнениями: убит посол, ранены его ближайшие сотрудники. Убийцы назвали себя официальными представителями ВЧК. Хрупкий мир, так нужный Советской республике, повис на волоске.

Дзержинский немедленно отправился в Германское посольство. Лейтенант Мюлллер с рукой на перевязи холодно поклонился:

— Ну, что вы теперь скажете, господин Дзержинский?

— Провокация! Наши противники хотят поссорить Германию с Россией.

— Но это же сделано по вашему указанию, господин Дзержинский! Террористы — ваши сотрудники. Вот их мандат. Не угодно ли взглянуть?

"Это не забывчивость, не спешка террористов… Специально оставили как вещественное доказательство причастности к покушению ВЧК", — подумал Дзержинский, а вслух сказал:

— Бланк и печать подлинные, но этот документ я не подписывал…

Дзержинский подошел к окну. Внимательно рассмотрел удостоверение.

— Подписи перерисованы, скопированы…

Приехали в германское посольство В.И.Ленин и

Я.М.Свердлов. Выразили искреннее соболезнование. Заверили, что по делу будет проведено тщательное расследование. Виновные понесут суровое наказание. Вернувшись на Лубянку, Дзержинский вызвал своих помощников.

— Имена покушавшихся установлены: Яков Блюмкин, начальник секретного отдела ВЧК, Николай Андреев, наш фотограф. Оба эсеры. Найти и немедленно арестовать!

— Блюмкин сейчас находится в отряде Попова, — сказал комиссар А.Я.Беленький. — Я только что оттуда.

— Отправляйтесь обратно и арестуйте Блюмкина, — распорядился Дзержинский.

С тремя чекистами Беленький уехал к Попову, но вскоре вернулся и сообщил, что Блюмкина в отряде уже нет. Дзержинский резко отодвинул кресло:

— Еду к Попову!

В эти часы в Москве начался лево-эсеровский мятеж. Попов первым примкнул к мятежникам. Эсеровское руководство возлагало на его отряд особые надежды. Расквартированный у Покровских ворот и в районе Трехсвятительского переулка, он стал опорой ЦК левых эсеров, заседавшего в бывшем особняке Морозова: сюда и приехал Дзержинский. Попов встретил его настороженно, хотел даже отрапортовать. Дзержинский прервал его:

— Где Блюмкин?

— Он… Уехал в больницу… Повредил ногу.

— В какой он больнице?

— Не знаю…

Дзержинский нахмурился. Попов побледнел:

— Честное слово революционера…

На столе лежала шапка Блюмкина. Дзержинский покосился на нее

— Проверим, что стоит слово революционера… Товарищ Хрусталев, останьтесь здесь. Остальные — за мной.

Дзержинский вышел в соседнюю комнату. Следом за ним — чекисты А.М.Трепалов и А.Я.Беленький. Позади их плелся Попов. В одной из комнат к ним подошли члены эсеровского ЦК ПСР П.П.Прошьян и В.А.Карелин, окруженные десятком вооруженных до зубов матросов.

— Дзержинский, вы напрасно ищете Блюмкина, — сказал Карелин. — Блюмкин убил Мирбаха по заданию нашего ЦК. Всю ответственность мы берем на себя.

— Ах вот как! В таком случае вы арестованы. Попов, взять их под арест. Если вы не выполните моего приказа — застрелю как предателя!

Попов растерялся. С Дзержинским шутки плохи. Прошьян и Карелин притворились, будто повинуются и бросились в соседнюю комнату, где оказались почти все члены лево-эсеровского ЦК: Д.А.Черепанов, Б.Д.Камков, М.А.Спиридонова, В.А.Александрович, Ю.В. Саблин. Дзержинского окружили матросы.

— Сдавайте оружие, — потребовал Саблин.

— Неужели вы допустите, чтобы на ваших глазах разоружили Председателя ВЧК? — бросил Дзержинский матросам.

Саблин и Прошьян подошли к Феликсу Эдмундовичу вплотную. Дзержинский отшатнулся:

— Товарищи моряки, вас обманывают! Я прислан сюда Совнаркомом. Попытка отнять у меня оружие будет означать, что вы объявили войну Советской власти!

Матросы колебались. Ю.В.Саблин, П.П.Прошьян и помощник Попова Д.Д.Протопопов схватили Дзержинского за руки и отняли револьвер. Матросы разоружили Трепалова и Беленького.

— Брестский мир сорван! — выпалил Саблин. — Война с Германией неизбежна.

— Вовлекая страну в войну, вы помогаете англо-французским империалистам и контрреволюции. Вы предатели! — бросил в лицо мятежникам разгневанный Дзержинский.

— Нет, это вы изменники! — крикнула Мария Спиридонова. — Вы, большевики, лакеи Мирбаха.

Чекистов втолкнули в маленькую комнату. Приставили вооруженную охрану. Вошел Попов. Дзержинский презрительно бросил:

— Предатель?

— Я всегда подчинялся вашим приказам, Феликс Эдмундович, — ответил, заикаясь, Попов. — Теперь с этим покончено. Выполняю приказы только своего ЦК.

Увидев вошедшего в комнату Д.А.Черепанова, Попов приободрился:

— Большевики снюхались с немцами. Декреты СНК написаны под диктовку германского посла. Больше он вам ничего не продиктует: кончилось ваше время!

— Верно, — добавил Черепанов. — У вас были октябрьские дни, а у нас — июльские.

Эсерам удалось захватить отдельные советские учреждения, арестовать несколько ответственных работников — большевиков: заместителя Председателя МК М.Я.Лациса, Председателя Московского Совета П.Г.Смидовича и других — всего 27 человек. Член ЦК левых эсеров П.П.Прошьян обосновался на Центральном телеграфе и передавал оттуда воззвание эсеров. Член ЦИК

Всероссийского почтово-телеграфного союза левый эсер В.В.Лихобадин издал приказ, в котором объявлял левых эсеров "правящей в настоящее время партией" и требовал задерживать все телеграммы, подписанные Лениным и Свердловым.

Над революцией и Советской властью нависла серьезная опасность. Эсеры вели страну к новой войне с Германией. Создавшуюся ситуацию могла использовать и внутренняя контрреволюция.

Подавлением мятежа руководил В.И.Ленин. По его совету большевики поднимали на борьбу верные Советской власти воинские части. Проводили мобилизацию коммунистов на заводах и фабриках. Задержали в Большом театре до особого распоряжения всех левоэсеровских делегатов У Всероссийского съезда Советов во главе со Спиридоновой. Под вооруженную охрану брались все столичные вокзалы, банки, телеграф, сберегательные кассы, больницы, гостиницы, почта.

ДАНИШЕВСКИЙ: Все эти дни и ночи, пока шла борьба, вместе с московским пролетариатом бодрствовал и Владимир Ильич. Из штаба Муралова, из штаба Латышской дивизии на его частые запросы все время давались пояснения о передвижении наших частей и подготовке решительного удара по мятежной банде. Голос Владимира Ильича по телефону звучал решительным приказом ускорить операции.

Владимир Ильич с группой ближайших друзей ночью сам обходил военные посты по Кремлевской стене и всматривался и прислушивался к тому, что делается в городе.

ВАЦЕТИС: Около полуночи я отправился в автомобиле в Кремль представиться В.И.Ленину и поручить от него указания… Быстрыми шагами он подошел ко мне, поздоровался и задал вопрос:

— Товарищ, выдержим до утра?

… Я поручился за успех операции своей головой… Я действительно был убежден в нашей победе.

НИКОЛАЕВ: Отряд Попова занял телефонную станцию. Меня из Кремля отправили с латышским отрядом ее отбивать. Мы отправились на грузовиках с пулеметами к телефонной станции… Первый телефон, который после выключения всей станции был "оживлен", — это телефон Владимира Ильича в его переговорной будке. Звоню туда. Слышу "алло" Владимира Ильича. Докладываю ему о взятии станции и сообщаю, что пока работает только его телефон, все остальные молчат. "Немедленно включайте по списку наши телефоны…" Почти до утра один за другим включались "наши" телефоны.

И.М.Вацетис действовал в Москве на основании ленинской

директивы: восстание левых эсеров ликвидировать не позднее двенадцати часов 7 июля 1918 года. Около десяти часов командир первой бригады Дудин донес Вацетису: 1-й Латышский и Образцовый полки отбросили противника в Трехсвятительный переулок и подошли к храму Владимира. Батарея Э.П.Берзина заняла позиции недалеко от особняка Морозова, где засело "правительство" мятежников, 2-й Латышский полк занял Покровские казармы. Успешно продвигался к штабу мятежников 3-й Латышский полк

Загремели пушки. Мятежники не выдержали и побежали. Они бросились к вокзалам. Надеялись ускользнуть из Москвы. В.И.Ленин дал телефонограмму всем волостным, деревенским и уездным Совдепам Московской губернии: "Разбитые банды восставших против Советской власти левых эсеров разбегаются по окрестностям. Убегают вожди всей этой авантюры. Принять все меры к поимке и задержанию дерзнувших восстать против Советской власти…"

Возвратившись в ВЧК, Дзержинский принял решительные меры к задержанию членов левоэсеровского ЦК. На Курском вокзале поймали успевшего загримироваться Александровича. В тот же день он вместе с другими двенадцатью бандитами из отряда Попова по приговору ВЧК был расстрелян.

Дзержинский поспешил в Кремль. Председателя Совнаркома на месте не оказалось. Он уехал в Трехсвятительский переулок осматривать особняк Морозова, где заседал штаб заговорщиков. Дзержинского встретил Я.М.Свердлов.

Феликс Эдмундович, потрясенный вероломством, лицемерием и наглостью левых эсеров, возмущенно рассказывал Свердлову о своих злоключениях в эсеровском плену.

— Почему они меня не расстреляли? — восклицал он. — Жалко, что не расстреляли, это было бы полезно для революции.

Горячо любивший Дзержинского, близко знавший его, Свердлов обнял расстроенного друга за плечи и сказал:

— Нет, дорогой Феликс, хорошо, очень хорошо, что они тебя не расстреляли. Ты еще поработаешь на пользу революции.

В.И.Ленин назвал левоэсеровский мятеж в Москве как "бессмысленную и преступную авантюру", которая послужила сигналом для восстаний левых эсеров в Петрограде, Витебске, Владимире, Жиздре, Ярославле, Казани, Симбирске.

Для ликвидации очагов контрреволюции Совнарком и ВЧК приняли срочные и радикальные меры. Левоэсеровские мятежники и террористы получили по заслугам. Выяснилось, что руководил мятежниками и заговорами "Союз защиты родины и свободы". Докладывая Владимиру Ильичу о его разгроме, Феликс

Эдмундович заметил:

— Штаб союза располагался в Молочном переулке.

— Это, кажется, на Остоженке, — заметил Ленин.

— Верно, Владимир Ильич. В доме номер два. Для прикрытия деятельности штаба заговорщиков доктор Григорьев открыл медицинский кабинет, где постоянно дежурил кто-нибудь из руководства "Союза".

Ленин слушал Дзержинского заинтересованно. Прерывал редко. А когда председатель ВЧК доклад закончил, спросил:

— Что способствовало успеху Савинкова в организации "Союза защиты"?

Дзержинский, не задумываясь ответил:

— Обстановка в Москве. Здесь оказалось много бывших офицеров. Более 38 тысяч. Они не смирились со своим поражением. Савинков сделал их ядром заговорщической организации.

— Какова их дальнейшая судьба?

— Арестовало ВЧК около пяти тысяч. Собраны в манеже бывшего Алексеевского юнкерского училища в Лефортове. Ума не приложу, Владимир Ильич, что с ними делать?

— Отправиться к арестованным офицерам с товарищем Араловым. Подробно с ними побеседовать, проверить.

Дзержинский посмотрел на заведующего оперативным отделом Наркомвоена. Недоуменно пожал плечами. Это не ускользнуло от Ленина.

— Думаю, — сказал он тихо и мягко — что не ошибусь, если выражу полную уверенность, что среди пяти тысяч бывших офицеров найдется немало честных, правдивых людей, патриотов своей Родины и они согласятся служить в Красной Армии.

Владимир Ильич говорил о судьбе бывших офицеров-заговорщиков с таким искренним участием, что казалось за две-три минуты до этого совершенно не слышал рассказа Дзержинского о подготовке на него покушения. Одна из групп офицеров установила за ним слежку. К счастью, чекистам удалось разрушить этот зловещий замысел.

— Знаете, — сказал Ленин, обращаясь к Дзержинскому, — как-то я беседовал с командиром Вяземского 4-го латышского полка Я.Я.Лацисом в присутствии Семена Ивановича.

— Помню, хорошо помню эту беседу, Владимир Ильич, — отозвался Аралов.

— Так вот, с большим огорчением я узнал, что Лацис окончил только приходскую школу, а в старой армии был унтер-офицером. Для командира полка — это маловато. Командир полка отвечает за судьбы сотен людей, решает сложные тактические задачи.

Верно я говорю?

— Безусловно, Владимир Ильич, — ответил Дзержинский.

— Командиру полка, — продолжал Ленин, — необходимы глубокие знания, высокая культура, солидный управленческий опыт. У кого их Лацис получит? У старых военных специалистов. Посоветовал командиру полка всегда и везде учиться. Учиться военной науке у офицеров — генштабистов, а также у противника в ходе боев.

С.И.Аралов, вспоминая о своих встречах с Владимиром Ильичем, писал, что он с большой иронией и неодобрением отзывался о тех, кто отрицал необходимость изучения военной науки или относился к чей дилетантски, пренебрежительно. Он указывал, что можно спорить, не соглашаться с военными специалистами, но нельзя огульно отрицать военную науку. Аралову было известно, какое удивление Ленина вызвала телеграмма И. В.Сталина о взятии Красной Горки. В телеграмме Сталин писал: "Морские специалисты уверяют, что взятие Красной Горки с моря опрокидывает морскую науку. Мне остается лишь оплакивать так называемую науку". Против этого места в телеграмме Владимир Ильич поставил три восклицательных знака и написал: "Красная Горка взята с с у ш и". Ленин восторженно приветствовал победу над мятежниками, но, судя по замечаниям на телеграмме, не одобрял высокомерного и презрительного отношения к науке.

— Если нам, — говорил Ленин, — удастся из пяти тысяч бывших офицеров-заговорщиков спасти, сохранить для революции большую часть, какая это будет огромная польза для наших Лацисов!

Дзержинский собрался уходить. Вид у него был озабоченный и сумрачный. Проводив Феликса Эдмундовича до двери, Владимир Ильич заметил:

— Тучи сгущаются грозные. Но Советская республика выстоит.

— Поостеречься бы вам, Владимир Ильич. Не ездите на заводские митинги и собрания без охраны. Эсеры что-то затевают. А что — пока не знаем… Экспроприация пяти миллионов рублей в Центросоюзе — дело их рук.

— Дорогой, товарищ Феликс. Будем жить и работать. Не дадим себя запугать.

Закрылась дверь за Дзержинским. В кабинете воцарилась тишина. Владимир Ильич прищурился. Подошел к белой кафельной печи. Потрогал ее руками.

— В кабинете жарко, — заметил он, — а печь — холодная. Вот и нам, большевикам, надо оставаться хладнокровными в это

жаркое лето. Не сбиваться с намеченного пути. ВЧК крепко держит внутренний фронт. Раскрывает козни самых законспирированных контрреволюционных организаций. История за это чекистам минус не поставит.

Что касается арестованных ВЧК в Москве пяти тысяч бывших офицеров-заговорщиков, вышло так, как говорил Ленин. Многие офицеры: моряки, пехотинцы, артиллеристы, саперы, кавалеристы охотно согласились служить в Красной Армии. И служили ей не за страх, а за совесть: обучили тысячи красных бойцов и командиров военному делу, сами доблестно сражались на фронтах гражданской войны на стороне Советской власти.

Паутина антисоветского заговора плелась эсерами в союзе с подручными Локкарта — главы специальной английской миссии в Советской России. Локкарт знал, что из Петрограда в Москву приехали отборные эсеровские боевики и отдал распоряжение своим людям снабдить их через посольские представительства дружественных Англии стран взрывчаткой, оружием, продуктами. Помог подыскать надежные и удобные для посещения явки. Такими стали квартира врача Винтерфельда в районе Смоленского рынка и дача в Томилино по Казанской железной дороге. Подрывные снаряды изготовлялись эсерами в фотоателье на Долгопрудной улице, а взрывчатые материалы привозились из Голицыно.

Через Тимофеева — самозваного эсеровского дипломата, Локкарт поддерживал тесную связь с Московским бюро ЦК ПСР. Знал, что там осваивают маршруты Ленина на крупнейшие заводы и фабрики Москвы, в рабочие заставы и поселки. Устанавливают точные адреса и номера домашних телефонов руководящих работников ЦК ВКП/б/, Совнаркома и Моссовета.

В списке смертников Локкарта, как и Московского бюро ЦК ПСР, Председатель Совнаркома значился первым. Поэтому английский резидент пытался определить узкий круг лиц, которые могли бы иметь беспрепятственный допуск в Кремль и встречаться с Лениным. В центре внимания Локкарта оказался Эдуард Петрович Берзин — командир латышского особого легкого артиллерийского дивизиона. Локкарт встретился с ним 14 августа 1918 года на частной квартире по Басманной улице, в Хлебном переулке, в доме номер девятнадцать.

Беседа длилась не менее часа. Локкарт уточнил детали заговора, назначил время выступления латышей. Определил порядок захвата Совнаркома, ареста и убийства Ленина.

— Да, да, — подчеркивал Локкарт. — Надо в самом начале убрать Ленина. При живом вожде большевиков наше дело будет проиграно.

Локкарт заявил Берзину, что связь с ним будет поддерживать представитель английской миссии Константин Рейс.

Берзин, проинструктированный лично Дзержинским, встретился на Цветном бульваре с Константином Рейсом, а на самом деле — с Сиднеем Рейли.

— Начало акции — первые числа сентября, — сказал английский агент. — Захватите в полном составе Совнарком и в первую очередь — Ленина.

Все арестованные члены СНК должны быть отправлены в Архангельск. Сидней Рейли высказал сомнение против отправки туда Ленина.

— Ленин обладает удивительной способностью подходить к простому человеку. Можно быть уверенным, что за время поездки в Архангельск он сумеет склонить на свою сторону конвойных, и те освободят его. Поэтому было бы наиболее верным Ленина немедленно после ареста расстрелять.

Предполагалось захватить Государственный банк. Центральные телефонную и телеграфную станции, здание ВСНХ. Ввести военную диктатуру и под страхом смертной казни запретить какие-либо собрания до прибытия в Москву английской военной администрации.

"Рейс" в деталях обрисовал проведение в Москве всенародных молебствий и церковных проповедей в защиту контрреволюционного переворота.

— Согласие высшего духовенства Москвы получено, — с гордостью заявил "Рейс" и передал Берзину в пачках 700 тысяч рублей на "мелкие расходы".

22 августа — новая встреча. "Рейс" передал Берзину еще 200 тысяч рублей и ознакомил в деталях с планом захвата рабочих кабинетов Ленина и Аралова, а также руководителей отделов Высшего Совета Народного Хозяйства.

— В кабинетах Ленина и Аралова, — поучал "Рейс", — возьмите такие документы, опубликование которых могло бы спровоцировать войну между Германией и Советской Россией.

В докладе на имя Я.М.Свердлова Э.П.Берзин писал: "Узнав о грозящей товарищу Ленину опасности, я сейчас же поехал к нему, доложил о дьявольских планах негодяев и предупредил, чтобы он был осторожным…"

На третьей встрече Константин Рейс вручил Берзину еще 300 тысяч рублей. Предложил поехать в Петроград. Установить контакты с английской миссией.

Берзин выехал в Петроград. На переговорах с руководителями английской военной миссий узнал, что к заговору против Советской власти привлечено белое подполье

Тамбова и Нижнего Новгорода.

Положение становилось угрожающим, В ночь с 24 на 25 августа 1918 года ВЧК арестовала более 100 человек активных участников белогвардейского заговора. Изъяла массу документов и перехватила переписку с руководителями переворота на местах. Сиднею Рейли в самый последний момент удалось ускользнуть от чекистов. Арестовали Локкарта. На допросах в ВЧК начальник британской миссии не отличался ни скромностью, ни молчаливостью.

И все же словоохотливый "дипломат" ни словом не обмолвился о той гнусной роли, которую играли лидеры эсеров в подготовке захвата Кремля, ареста членов Совнаркома и физического уничтожения его председателя В.И.Ленина.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ

Из беседы В.И.Ленина с сотрудникам "Известий ВЦИК" по поводу мятежа левых эсеров 7 июля 1918 г.

"Нас провоцируют на войну с немцами, когда мы не можем и не хотим воевать. Этого грубого попрания народной воли, этого насильственного толкания в войну народные массы левым эсерам не простят.

И если кто и радовался выступлению левых эсеров и злорадно потирал руки, то только белогвардейцы и прислужники империалистической буржуазии. А рабочие и крестьянские массы еще сильнее, еще ближе сроднились в эти дни с партией коммунистов-большевиков, истинной выразительницей воли народных масс".

Из заключения обвинительной коллегии Верховного Революционного Трибунала при ВЦИК Советов по делу о контрреволюционном заговоре ЦК л.с. — р. против Советской власти и революции

"Партия л.с. — р. отказалась ратифицировать мир. Партия л.с. — р. не могла порвать с породившей ее средой — мелкой буржуазии, унаследовала от неё и веру в революционную фразу, и теорию героев и толпы, и неумение и бессилие подняться выше в нужный момент над интеллигентским преклонением перед словесным фетишем".

Своим выходом из правительства, партия л.с. — р. избавила Правительство от излишнего балласта, тормозившего его деятельность…

ИЗ ПРОТОКОЛА СОЕДИНЕННОГО ЗАСЕДАНИЯ ВЦИК, МОСКОВСКОГО СОВЕТА, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ И ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ

29 июля 1918 г.

"Соединенное заседание ВЦИК, Московского Совета, профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов, заслушав доклады представителей центральной власти постановило:

1. Признать Социалистическое Отечество в опасности.
2. Подчинить работу всех Советов и иных рабочих организаций основным задачам настоящего момента: отражению натиска чехословаков и успешной деятельности по сбору и доставке хлеба в нуждающиеся в нем местности.
3. Провести самую широкую агитацию в рабочих массах Москвы и других местностей по выяснению критического момента, переживаемого Советской республикой, по выяснению необходимости и в военном и продовольственном отношении очищения Волги, Урала и Сибири от всех контрреволюционеров.
4. Усилить бдительность по отношению к буржуазии, всюду становящейся на сторону контрреволюционеров. Советская власть должна обеспечить свой тыл, взяв под надзор буржуазию, проводя на практике массовый террор против нее".

"Рука не поднялась..."

Успешная борьба Советской власти с мятежниками, с голодом и разрухой, упрочение союза рабочего класса с крестьянством выбивали почву из-под авантюристической политики эсеров, делали безнадежными их попытки открытой вооруженной борьбы против большевиков. Часть эсеров, убедившись в неправоте и бесперспективности своего дела, прекратила борьбу против революции, остальные, уйдя в подполье, готовили новые авантюры, призвав на помощь старое, испытанное средство борьбы — индивидуальный террор.

Убийство эсерами В.Володарского было своего рода "генеральной репетицией". Теперь в Москве они торопливо готовили покушение на вождя революции. Эта акция требовала напряжения всех сил и средств Центрального боевого отряда при ЦК ПСР. Боевики тщательно изучали маршруты поездок председателя Совнаркома, систематически тренировались в стрельбе…

ИЗ КНИГИ Г.СЕМЕНОВА /ВАСИЛЬЕВА/ "ВОЕННАЯ И БОЕВАЯ РАВОТА ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ ЗА 1917–1918 г.г."

"… В Москву стали стягиваться петроградские боевики… Я решил задержать их временно в Москве… Я считал, что они будут нужны при подготовке покушения на Ленина… Боевиков собралось человек пятнадцать. В Москве у нас были две конспиративные квартиры. Кроме того, мы снимали две дачи под Москвой /одну по Казанской, другую по Николаевской железной дороге".

… Из Питера в Москву приехали Федор Зубков и Елена Иванова, из Саратова — Константин Усов. Пополнился отряд и москвичами: Гвоздом, Зеленцовым, Новиковым, Корольковым и Киселевым.

На станции Удельная, в тридцати километрах от столицы, обосновался на конспиративной даче член ЦК ПСР А.Р.Гоц. С ним находился Б.Н. Рабинович.

Понимая, что боевому отряду предстоит осуществить на редкость трудную акцию, Семенов старался делать все, чтобы она завершилась удачно. Он долго искал конспиративную квартиру, наконец, выбрал дом принадлежавший владельцу фотоателье, дальнему родственнику одного из террористов. Дом стоял на

Долгоруковской улице между Садовым кольцом и Селезневкой. Рядом — угрюмое здание Бутырской тюрьмы. Однако место подходящее; у фотографа постоянно толкучка, на посторонних не обратят внимания. Вокруг — приземистые деревянные домики, огражденные проломанными заборами. В случае необходимости можно легко скрыться.

Основная база группы размещалась в деревушке Хлыстово, прилепившейся к дачному поселку Томилино. Здесь тихо, удобно. Москва в двадцати пяти верстах от станции Томилино. До деревни — полчаса ходу. Кругом дачи — местные жители привыкли к чужим. Томилино — не глухая деревня, где приезжий возбуждает всеобщее любопытство.

Владелец дачи — мужик угрюмый, сильно пьющий, бессемейный. Ничем, кроме денег и выпивки, не интересовался. Перебрался в сарай, и там пил с утра до ночи.

Дачу снял Михаил Александрович Давыдов, тридцативосьмилетний филолог — учитель Московской гимназии, прапорщик царской армии, член партии социалистов-революционеров. Ему, человеку в глазах Советской власти лояльному /он читал лекции на курсах агитаторов и инструкторов при ВЦИК/, приказали разместить здесь группу террористов-подрывников из Центрального боевого отряда.

Группа невелика: Глебов, Штальберг, Жидков, Кочетков, Зобов, Гаврилов, Даненберг. Все старые члены партии, проверенные, надежные. К началу августа на чердаке оборудовали склад оружия. Здесь под сеном хранились ручные граниты английского производства, пять русских гранат, несколько запасных запалов, два сухих элемента и части для адской машины, десятизарядный маузер в кожаной кобуре. Через французскую миссию приобрели адскую машину, запалы, шнур, пироксилин. Все это зарыли в огороде, притрусив сверху вялой картофельной ботвой. Воспользоваться оружием и боеприпасами не довелось…

В Томилине Лидия Коноплева, блистая познаниями — не напрасно просидела в Питере в неотопленной Публичной библиотеке, — читала коллегам лекцию о яде кураре. Положив перед собой на листке бумаги темно-бурые зернышки, рассказывала:

— Кураре индейцы Южной Америки приготовляют из смеси соков растений. Смесь варится, выпаривается на солнце и только на солнце, ни в коем случае ни на очаге — и получатся кусочки. Индейцы используют кураре дли охоты на зверье и птиц, смазывают ядом стрелы. Если порошком посыпать ружейные и револьверные пули, предварительно сделав надрезы, яд окажет

необходимое воздействие. Для человека смертельная доза — сотые доли грамма, пылинка… Смерть наступает мгновенно.

После Лидии Коноплёвой перед боевиками предстал Абрам Гоц. Начал издалека.

— И так мы начинаем… Выходим на передний край борьбы с большевиками. Пускаем в ход наше грозное оружие…

Коноплева поморщилась: к чему патетика? Сейчас она просто выглядит фальшивой. К кому Гоц адресуется?

Гоц обладал хорошей интуицией. Догадался о чём думала Коноплева. И продолжал:

— Прошу всех запомнить непременное условие: если боевика задержат с поличным, он не должен называться членом партии социалистов-революционеров. Ни в коем случае! Он обязан твердо и решительно заявить советским органам власти, что действовал на свой страх и риск. За Центральным комитетом остается неоспоримое право — признать акцию партийной сразу после покушения или через некоторое время.

Тщеславный, склонный к театральных жестам, Абрам Год предпринимал отчаянные усилия к организации покушения на Ленина в марте 1918 года. И все же оно тогда не состоялось.

"Другое дело теперь, в августе, — думала Коноплева. — Руководит террористами не какой-нибудь слабонервный Рихтер, а испытанный боевик, член военной комиссии ЦК ПСР Григорий Семенов. Подготовительную работу ведет напористо, уверенно, с размахом… Ленин уже побывал на прицеле".

… Рабочий, эсер Константин Усов пришел в Алексеевский народный дом убить Ленина. Митинг еще не начинался, но рабочих собралось полторы-две тысячи. Разгорелся жаркий спор об Учредительном собрании, в который встрял Усов. Инструкция запрещала боевику — исполнителю вступать в политические разговоры. Не стерпел. Заступился за Учредилку. Никто его не поддержал. Все рабочие, с которыми он спорил, были за Советы.

И вдруг над головами зашумело:

— Ленин приехал! Владимир Ильич!.. Товарищу Ленину — пролетарское ура!..

Радость и воодушевление охватили всех рабочих. Что пережил, что передумал Усов? Он был ошеломлен. Ленин — кумир всех рабочих! Вырвать бога у миллионов масс, он, безусловно, не решился. Стрелять в Ленина не стал. Он слушал его речь, не проронив ни слова. Ленин говорил об Учредительном собрании и Советах. И говорил так, что впервые в понимании Усова Учредительное собрание поблекло. Оно отказалось утвердить декреты Советской власти о земле и мире. А ведь эти декреты одобрила вся трудовая Россия. Он ушел с митинга.

Вернулся на явочную квартиру, бросил револьвер:

— Не мог. Рука не поднялась… Я, рабочий среди тысяч рабочих — и вдруг убить Ленина? Не мог…

Коноплева метнула враждебный взгляд на Константина Усова. Убийцей Ленина, по замыслу ЦК, обязательно должен быть рабочий. Это произвело бы во всем мире фурор и дало бы эсерам повод для открытого выступления против Советской власти.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

УСОВ: В пятницу — это стало быть, за неделю до ранения Ленина — мы отправились для исполнения террористического акта.

В буфете, в ожидании митинга, сидя за чаем, я со многими рабочими познакомился и вступил в споры по политическим вопросам. Нам это было категорически запрещено, но я нарушил запрет. Тема, обсуждавшаяся рабочими, была самой жгучей темой для меня: о власти и полномочиях Учредительного собрания, о власти и полномочиях Советов. Мне хотелось разобраться — где правда? На стороне Учредительного собрания? Прослушав речь Ленина, я понял — на стороне Советов. За них стояли все рабочие.

Мне стало понятно, почему с такой легкостью было разогнано Учредительное собрание. В нем за эсеров голосовали такие элементы, которые не носили в себе духа революции и которые не могли творить революции. Учредительное собрание было отвергнуто народов и уступило свое место Советам…

Усов не выстрелил в Ленина. Не оправдал эсеровских надежд. Рабочая рука Константина Усова не поднялась. Пальцы отказались нажать на спусковой крючок револьвера…

Коноплева яростно обрушилась на Усова. Она подозревала его в большевизме, в малодушии, в предательстве. И ошибалась. Сын рабочего Константин Усов просто не верил, что убив Ленина, совершит "святое" дело во имя революции.

— Поймите, — отвечал Усов боевикам, — убить царского генерал-губернатора или министра — это одно. Совсем другое — идти с отравленными пулями против Ленина. Здесь тебя ждет не благодарность, а проклятие всего мира.

Не отрицаю — дрогнул. Дрогнул перед собственной рабочей совестью.

— Ты просто испугался, Костя, — вспыхнула Коноплева, — выветрился из тебя эсеровский боевой дух на большевистском митинге.

— Не перебивай, — зло огрызнулся Усов. — Нутром чую, что убийство Ленина — дело не святое… Раньше царских тиранов и деспотов убивали. А Ленин — разив он тиран? Он тоже социалист, как и мы, только по-иному Россию перекраивает. В интересах рабочего класса и трудового крестьянства.

Кроме Коноплевой, Каплан и Новикова никто из боевиков не осудил Усова за отказ стрелять в Ленина. Все молчали. Мрачные. Насупившиеся. Подавленные.

"Притворное равнодушие. На лицах — непроницаемые маски. Играют в непробиваемых, — подумала Коноплева. — Не верят, что убийство Ленина — святое дело. Не дрогнут ли, как Константин Усов? Впрочем, таких как Усов, в отряде немало".

Федор Зубков из рабочей семьи. С 14 лет на фабрике. Активный участник событий 9 января 1905 года, эсеровский боевик. Царские тюрьмы, каторга, побеги. В октябре 1917 года подружился с Виктором Черновым. Защищал Учредительное собрание. Подбивал на выступление против Совнаркома матросню минной эскадры в Кронштадте. И все же на Зубкова положиться нельзя. — думала Коноплева. — Рабочий. Случай с М.В. Родзянко, с генералом А.И.Крымовым весьма и весьма красноречив…

В Февральские дни 1917 года Федор Зубков стал товарищем председателя Военного Комитета в Луге. Из Ставки поступила телеграмма: "Пропустит ли Луга императорский поезд из Пскова в Петроград?"

Зубков ответил отрицательно. Да еще пригрозил расстрелом Николая II и его свиты, если будут пытаться пробиться через Лугу.

Родзянко каким-то образом узнал об этом инциденте и прислал телеграмму: "Луга. Военный Комитет. Если придет императорский поезд, задержите и дайте мне знать, я приеду".

Зубков ответил председателю Государственной Думы: "В вашем приезде не нуждаемся. Поезд к нам не придет".

Вместо императорского поезда в Лугу пожаловал с казачьими полками генерал Крымов. С ним лужане выдержали настоящее сражение. Зубкову пришлось применить артиллерию. Крымова арестовали и доставили в Петроград. Там он и застрелился.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

ЗУБКОВ: Октябрьский переворот Лужский гарнизон поддержал. Вскоре к нам в Лугу заявился теперь сидящий здесь подсудимый Семенов. От имени "Комитета спасения родины и революции" обратился с просьбой, чтобы ему дали отряд солдат для борьбы с питерскими рабочими. Соломон Беленький ответил Семенову, что на Гатчинский фронт, для борьбы с рабочими, Луга не даст ни одного солдата… Драться с рабочим Петроградом мы не желаем. Вот был наш ответ, который не откажется подтвердить Семенов.

….Гоц срочно вызвал меня из Луги в Гатчину. Я сформировал отряд из 25 проверенных членов партии социалистов-революционеров и выехал. В поезде со мной ехали Чернов и Фейт. Когда прибыли в Гатчину, то там уже тлели одни головешки. Офицеры Красновского гарнизона намеревались арестовать Керенского, как путающегося у них под ногами и утратившего реальную власть политика. Я спросил Гоца и Чернова, каковы функции моего отряда? Как хотят его использовать? Оказалось, охранять во дворце Керенского. Он располагался на втором этаже. Он был членом партии эсеров и мы должны были его спасти от ареста. И мы под руководством Семенова устроили Керенскому побег. Переодели его в матросскую форму, посадили на гоночную машину и отправили в Лужский уезд, где он и скрывался почти до самого открытия Учредительного собрания…

Действия Федора Зубкова казались Коноплевой необъяснимыми. То он с Черновым в Петрограде, то охраняет Керенского в Гатчине и помогает бежать, то вместе с большевиком Соломоном Беленьким разоружает казачьи полки в Луге.

Не верит Коноплева рабочим. Непонятна их психология. Впрочем, по-настоящему она в нее никогда не вникала. Стремилась быть на гребне революционной волны. Предугадывать и опережать события. Ее влекли заговоры, закулисная борьба, эффективные террористические акты. Они создали вокруг эсеров, особенно в среде молодежи, ореол героев, пекущихся о благе народа. В партии эсеров можно было одним выстрелом открыть доступ в элиту избранных.

"Зубков — ненадежен, — размышляла Коноплева. — Песенка Усова спета. Семенов не сможет ему доверять… Из рабочих остался один Филипп Козлов, случись осечка — наступит моя очередь выполнить долг перед партией.

Если эсеры хотят возвратиться к власти, нужно убрать с их пути Ленина. Только с его гибелью погибнет и Советская власть".

Свет из окна упал на продолговатое лицо Фанни Каплан. "Какая же она страхолюдина! — Злорадно улыбнулась Коноплева. — Крючковатый нос.

Большие уши. Длинная и тонкая шея. Ощипанная Акатуем гусыня. И чего нашел Новиков в этой узкогрудой фанатичке? — злилась Коноплева. — Таскается за ней по всей Москве. В отряде недавно, а ей уже доверили роль исполнительницы акта покушения. Рекомендуя террористку Семенову, член Военной комиссии при Московском Бюро ЦК партии Иосиф Дашевский многозначительно сказал: "Вполне надежна".

Острый кадык Фанни прикрыт глухим воротником серого клетчатого платья. Сутулая спина, худые плечи. На фоне посветлевшего окна она казалась нахохлившейся птицей. И все же Коноплева понимала, что этой некрасивой, издерганной жизнью и болезнями женщине нельзя отказать в чистоте веры в непогрешимость вождей эсеровской партии, в самоотречении во имя идей народовластия. В глубине и цельности характера. В готовности первой шагнуть навстречу смерти…

СВИДЕТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ

ИЗ СТАТЕЙНОГО СПИСКА N 132, СОСТАВЛЕННОГО В КИЕВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ТЮРЕМНОЙ ИНСПЕКЦИИ 30 ИЮЛЯ 1907 ГОДА

ИМЯ, ОТЧЕСТВО, ФАМИЛИЯ ИЛИ ПРОЗВИЩЕ И К КАКОЙ КАТЕГОРИИ ССЫЛЬНЫХ ОТНОСИТСЯ?

Фейга Хаимовна Каплан. Каторжанка.

КУДА НАЗНАЧАЕТСЯ ДЛЯ ОТБЫТИЯ НАКАЗАНИЯ? — Согласно отношения Главного Тюремного Управления от 19 июня 1907 года N 19641, назначена в ведение Военного Губернажора Забайкальской области для помещения в одной из тюрем Нерчинской каторги…

СЛЕДУЕТ ЛИ В ОКОВАХ ИЛИ БЕЗ ОКОВ? — В ручных и ножных кандалах.

МОЖЕТ ЛИ СЛЕДОВАТЬ ПЕШКОМ? Может.

ТРЕБУЕТ ЛИ ОСОБО БДИТЕЛЬНОГО НАДЗОРА И ПО КАКИМ ОСНОВАНИЯМ? Склонна к побегу.

СОСТАВ СЕМЕЙСТВА ССЫЛЬНОГО. Девица.

РОСТ. 2 аршина и 3 1/2 вершка.

ГЛАЗА. Продолговатые, с опущенными вниз углами, карие.

ЦВЕТ И ВИД КОЖИ ЛИЦА. Бледный.

ВОЛОСЫ ГОЛОВЫ. Темно-русые.

ОСОБЫЕ ПРИМЕТЫ. Над правой бровью продольный рубец сант. 2 1/2 длины.

ВОЗРАСТ. По внешнему виду 20 лет.

ПЛЕМЯ. Еврейка.

ИЗ КАКОГО ЗВАНИЯ ПРОИСХОДИТ? — По заявлению Фейги Каплан она происходит из мещан Речицкого еврейского общества, что по проверке, однако, не подтвердилось.

ПРИРОДНЫЙ ЯЗЫК. Еврейский.

ГОВОРИТ ЛИ ПО-РУССКИ? Говорит.

КАКИМ СУДОМ ОСУЖДЕНА? Военно-полевым судом от войск Киевского гарнизона.

К КАКОМУ НАКАЗАНИЮ ПРИГОВОРЕНА? К бессрочной каторге.

КОГДА ПРИГОВОР ОБРАЩЕН К ИСПОЛНЕНИЮ? — 8 января 1907 года.

… Фанни Каплан попала в отряд к Григорию Семенову не сразу, хотя всегда активно боролась за идеи партии социалистов-революционеров, попранные, по ее твердому убеждению, большевиками в Октябре 1917 года. Еще на VIII Совете ПСР она, преодолевая робость, с помощью старого эсера Алясова познакомилась с бывшим депутатом Учредительного собрания Вольским.

Она подошла, назвалась каторжанкой из Акатуя, попросила дать ей какое-нибудь стоящее дело. Пояснений для Вольского не требовалось: дело на языке эсеров, еще со времени их предшественников, обозначало никак не пропаганду, не агитацию, не организационную работу, но только террор. Вольский это понимал. И Каплан понимала. И Алясов понимал. Вольский предложил Каплан встретиться после окончания работы VIII Совета. И снова Каплан пришлось преодолевать робость и еще раз подходить к понравившемуся ей Вольскому. И снова он высказался неопределенно, туманно. Сказал, что для громких дел не пришло еще время. Центральный комитет и он, Вольский, непременно вспомнят о ней, когда нужно будет послужить революции делом…

У Вольского хватило чуткости спросить, откуда она приехала в Москву, как устроена с жильем, где питается, на какие средства

существует? Узнав, что она приехала из Симферополя и в Москве находится, что называется, на птичьих правах, определил ее на квартиру к юристу К.И. Рабиновичу. Константин Исаакович к делам Фанни Каплан да и к ней самой повышенного интереса не проявлял. Иногда, правда, заходил в ее комнату, они обменивались приветствиями, вели общие разговоры. Большую часть времени хозяин пропадал в юридической конторе, а дома отсиживался в своем кабинете за чтением судебных материалов.

Не сошлась близко Каплан и с хозяйкой квартиры. Старалась избегать с ней разговоров, не оставаться подолгу наедине, не задавать никаких вопросов и не разглагольствовать о своем прошлом. Вообще не хотела быть для хозяев квартиры навязчивой и, тем более, обузой. Рабиновичи не обижались. Понимали — перед ними человек трудной судьбы. За плечами 11 лет каторги. Взяли ее на содержание. Оплатить это помощью по хозяйству Каплан не могла. Никогда им не занималась. Позавтракав на скорую руку, она уходила в город. Отдельные дни проводила в Сокольническом саду, спешила наверстать упущенное за долгие годы тюрем — вдоволь надышаться свежим воздухом и насладиться общением с природной.

Вспоминая осторожничанье Вольского и других руководителей партии эсеров, с которыми она разговаривала в Москве, Каплан недоумевала: почему ей не дают задания, не привлекают к активной борьбе с большевиками? Не верят?! В таком случае остается действовать самой. Слава богу, кроме эсеров, в Москве есть и другие патриоты…

Каплан трудно пережила разгром Учредительного собрания. Горела желанием свершить возмездие. Убить Ленина. Поддержки у Вольского не встретила и, обуреваемая жаждой действий, еще до встречи с Семеновым, создала в Москве свою террористическую группу. Завербовала старого каторжанина Павла Пелевина, бывшего матроса, без четких мыслей и прочных убеждений. Привлекла Владимира Рудзиевского, присяжного поверенного с белогвардейским оттенком и эсерствующую девицу Марусю, не знавшую своей подлинной фамилии, истинное дитя панели.

Представление о терроре у сподвижников Фанни Каплан было совершенно диким. Пелевин считал возможный отравить Ленина, вложив что-нибудь соответствующее в кушанье. По мнению Рудзиевского, к Ленину надо было подослать врача, который привил бы ему опасную болезнь. Маруся намеревалась убить Ленина кирпичом из-за угла.

Конкретного плана покушения террористы не имели, но на всякий случай обзавелись бомбой. Хранилась она у Каплан.

Позднее Фанни передала бомбу Семенову на явочной квартире в Сыромятниках…

Коноплева про себя отметила, что у Каплан одно плечо выше другого. Природа словно умышленно обошла вниманием эту женщину. Впрочем, когда она усталым движением бледной руки сняла косынку, на костлявые плечи упала тугая волнистая коса. Коноплева даже вздрогнула. Черная змеевидность косы еще резче подчеркнула отчужденность и замкнутость Каплан.

Пожизненную или как ее называли "вечную" каторгу Каплан отбывала с Марией Спиридоновой и Еленой Ивановой в Мальцевской тюрьме, а затем — в Акатуе. Здесь она окончательно порвала с анархистами и примкнула к эсерами После Февральской революции получила амнистию. Жила некоторое время в Москве, потом уехала в Крым, жила у подруги — каторжанки Фанни Ставской. Вернулась в Москву. Повстречала немало знакомых — бывших политкаторжан. Ни с кем из них близко не сошлась, а включилась в террористическую работу. Вскоре выяснилось, что на этом поприще не оказалось ей равных…

В тусклых глазах Каплан — ни огонька, ни мысли. Почти не выпускает из тонких бескровных губ папиросу. Куда девалась ее былая живость? Понимала ли она опасность, навстречу которой шла? Безвестная, некрасивая, больная, она была нужна только партии. Кто убьет Ленина? Кто может остановить этого колосса? Только Каплан. Ее рука не дрогнет. Она не намерена ни спорить, ни обсуждать эту тему.

Каплан знала, что самым яростным противником Ленина является Абрам Гоц. От одной мысли, что Ленин стал Председателем Совета Народных Комиссаров, он приходил в бешенство. Малейший успех большевиков раздражал и мучил. Гоц принимал отчаянные попытки устранения Ленина от руководства революцией. Все они заканчивались провалами. И вдруг в отряде Семенова появилась Каплан. Находка для партии эсеров. Семенов твердо уверовал в новоявленную Шарлотту Кордэ и рассказал о ней Абраму Гоцу и Дмитрию Донскому.

По совету Гоца глава московских эсеров Донской решил встретиться с Фанни Каплан. Не похудеет же он от того, что лишний раз назовет Каплан "надеждой революционной России", "звездой народовластия". Возвеличит уголовное убийство до "героического акта" во имя Родины и Свободы. Нет, не похудеет…

У Смоленского рынка, там, где за недостатком мест в торговых помещениях еще недавно продавали прямо с возов разнообразную снедь, торговали вразнос бойкие лотошники, а сейчас примостилась барахолка. На бульварчике, покрытом

тусклой пылью, усеянном шелухою от семечек, на облезлой лавочке сидели трое.

Никто не обращал внимания на этих людей, ничем не выделявшихся из тутошней публики. Один, это был Семенов, — обликом похож на мастерового из удачливых — усики в ниточку, жесткий котелок на голове. При кожанке, а вместо манишки — сатиновая косоворотка. Ну и пусть, если так ему хочется. Другой — в офицерском френче, но, кажется, с чужого плеча. Не видно, чтобы спарывались погоны. Когда их спарывают, остается невыгоревший след. В офицерских ремнях с портупеями, в фуражке без кокарды, в безоправном пенсне, не "чеховском", с дужкой, а простом. И, наконец, то ли барышня, то ли дама, она близоруко щурилась и то и дело перекидывала с груди на спину черную длинную косу.

Лавка была простецкая, без спинки, изрезанная перочинными ножами. Семенов сел так, чтобы видеть бульвар и рынок. Прошел какой-то оборванец с тоскливой, чахоточной обезьянкой на руках. Спросил, не купят ли ее почтенные господа. Услыхав отказ, смачно выругался. "Чего только на Руси не увидишь", — сказал Семенов, лишь бы что-то сказать. Разговор не клеился. Все трое почему-то испытывали неловкость. Ее разрядил Донской, как самый старший, что ли? Он поправил портупею, чиркнул сделанной из винтовочной гильзы позеленелой зажигалкой — курил не махорку, папиросы — и кратко, повелительно приказал, чтобы Фанни Ефимовна рассказала о себе.

Готовая к этому неизбежному вопросу — уже довелось "исповедоваться" и Коноплевой, и Семенову — она потеребила тяжелую косу, моргнула близорукими глазами и с неожиданной откровенностью начала:

— Родилась в большой семье. Какая бывает семья у бедного еврейского учителя? Детей полна куча. Нужда — непролазная. Но отец — Каплан вдруг застенчиво улыбнулась — дал мне приличное домашнее образование. Пристально посмотрела на Донского и со значением добавила:

— "Университет" я закончила на каторге.

И умолкла. Заметила нетерпеливое переглядывание Донского и Семенова. Поняла: надо сокращаться. И, разом переменив тон, сказала:

— В 1906 году вместе с Маней Школьник и Ароном Шпайзманом готовила покушение на киевского генерал-губернатора.

— На Клейгельса покушалась, — перебил ее Донской. — Знаю, что струсили ваши коллеги.

— Вот уж нет, — возразила Каплан, — просто переменили

почему-то план. Меня в свои намерения не посвятили. Вместо Клейгельса убили черниговского губернатора Хвостова…

— Не убили, а ранили, — поправил Семенов.

— Да, — согласилась Каплан. — Ранили. Арончика Шпайзмана повесили, а Мане Школьник дали двадцать лет каторги…

Донской досадливо поморщился. Кажется, она намерена рассказывать всю историю эсеровского движения.

— Нельзя ли покороче, — мягко сказал Дмитрий Дмитриевич. — Поближе к сути…

— Хорошо, — ответила Каплан, сникая. — У меня получилось нелепо: в комнате, где я квартировала в Киеве, вдруг ни с того ни с сего взорвалась припрятанная бомба. Не знаю почему.

— Понятно почему, — сказал Семенов, — не иначе, как хранили со вставленным запалом, так?

— Так, — подтвердила Каплан.

— Кислота разъела оболочку запала, и случился взрыв, — пояснил Семенов, будто при этом присутствовал.

— Возможно, — согласилась Каплан.

— И? — спросил Донской.

— И — смертная казнь, — гордо сказала Фанни. — Заменили пожизненной. Отбывала в Нерчинске. А точнее — сперва в Мальцевской тюрьме. Ее знаете?

— Знаю, знаю, создали в седьмом году, а в десятом прикрыли, — откликнулся Донской. Дальше…

— Дальше — перевели в Акатуй.

— Традиционная народническая тюрьма, — одобрительно сказал Семенов.

Каплан понравилась Донскому как боевик, как человек с твердой волей и крепкими эсеровскими традициями. Донской понравился Каплан как энергичный, смелый руководитель и, прежде всего, как человек "дела". Он сумел оценить ее безогладный героический порыв, с которым она выступала против Ленина. Каплан гордилась, что ее воодушевил и благословил на подвиг руководитель Московского бюро, член ЦК ПСР. Она шла на покушение от имени своей партии, от имени всех эсеров, защищавших народовластие.

— Ваше имя, Фанни, станет знаменем свободы, — сказал Донской террористке. — Ваш подвиг отзовется в сердце каждого социалиста-революционера.

Особенно тронули Каплан слова Донского о добре, о краткости человеческой жизни. Поэтому надо спешить делать добро. "Как можно жить, не совершая добра!" — восклицал Дмитрий Дмитриевич и восторженно глядел на Фанни. И в самом

деле, думала она, что важнее для нее: личное маленькое счастье или счастье всех граждан России? Что есть отдельная человеческая жизнь? Это всего лишь едва заметная искорка в гигантском костре революции. Она может разгореться и может погаснуть. Но как? Тратя тепло только на одну себя или отдавая его другим? Каплан, расставаясь с членом ЦР ПСР Д.Д.Донским, твердо решила отдать тепло своей души другим. Если бы выпала удача выстрелить в Ленина…

СВИДЕТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

СЕМЕНОВ: Это произошло в конце мая. Я встретился с Фанни Каплан, которая произвела на меня хорошее впечатление на первом же свидании. Сделал ей предложение войти в нашу группу. У нее было 4 человека.

ДАШЕВСКИЙ: Фанни Каплан работала при Московском бюро ЦК ПСР в технической области. Выполняла отдельные поручения. Каплан одно время была у меня помощницей. Я передал Семенову, что есть старая революционерка, очень хороший товарищ, одержимая мыслью — убить Ленина. Предложил Семенову познакомиться с Каплан, заявить ей, что он имеет определенные полномочия на организацию того дела, к которому ее неудержимо влечет.

КОНОПЛЕВА: Покушение на Ленина расценивалось, как акт политический. Мы старались путем слежки установить часы и дни выездов Ленина. Слежка велась за въездом в Кремль, военным комиссариатом и разными военными учреждениями… Дежурили мы в несколько очередей… Кроме того, мною велась слежка в деревне Тарасовке, по Ярославской железной дороге. Я поселилась там под именем Лидии Николаевны Поповой. На даче жил тогда В.Д. Бонч-Бруевич, у которого бывали видные большевики.

На одном из собраний отряда был поставлен вопрос, на кого первого делать покушение — на В.И.Ленина или на Л.Д.Троцкого. Решено было сделать покушение на того, кто первый будет встречен в благоприятной для террористического акта обстановке…

ЧЛЕНОВ: Само собой понятно, что в партии социалистов-революционеров создалось такое настроение, при котором они считали, что объявить открытый террор по тем или иным соображениям нежелательно, но если в тот или иной момент то или иное лицо, связь которого с партией нельзя доказать, убьет кого-нибудь из господ большевиков, то мы должны этому только радоваться, ибо это покажет всей Европе и всей России, как их ненавидит пролетариат.

И вот отсюда постоянно повторяющиеся, как лейтмотив, разговоры: убить должен рабочий. Отсюда Сергеев убивает Володарского, отсюда в Москве намечаются в числе исполнителей Федоров-Козлов и Усов, и только когда на них получилась осечка, пришлось, скрепя сердце, двинуть на это дело Каплан.

"Честное" слово Абрама Гоца

Семенов не мог не видеть, что с тех пор, как Центральный Комитет ПСР не взял на себя ответственность за покушение на Володарского, боевики заколебались. У рядовых исполнителей террора пошатнулась вера в правильность действий своих духовных наставников. Никому из боевикой не хотелось прослыть зеурядным убийцей с большой дороги.

В Центральном боевом отряде не было ни одного человека, который бы остался равнодушен к поступку Константина Усова. Большинство его осуждало, рабочее меньшинство — поддерживало, но хранило молчание. Усову бросали в глаза обидные слова: "Как же ты тогда не пошел в ЧК и не заявил на нас всех?" Когда идешь рядом с людьми не месяцами, а годами и когда вдруг убеждаешься, что эти люди завели тебя бог знает куда, ты должен поставить перед собой жесточайший вопрос: что важнее личные переживания или требования революции? Для настоящего революционера этот вопрос в конечном итоге предрешен: интересы пролетариата, интересы революции превыше всего. У Константина Усова происходила тогда только внутренняя ломка взглядов, и он продолжал оставаться с теми людьми, с которыми ему уже было не по пути.

Большое влияние на Усова оказывал Григорий Семенов. Он горячо убеждал боевиков, что после убийства Ленина не будет таких заявлений, как после убийства Володарского. ЦК ПСР, партия признают террористический акт немедленно или через некоторое время. Нельзя не считаться с красным террором большевиков.

Кого убивать первым? Ленина или Троцкого? Мнения разошлись. Донской и Тимофеев предлагали убить Троцкого. Гоц — Ленина.

Этот спор Дмитрия Донского и Евгения Тимофеева с Абрамом Гоцем хорошо запечатлелся в памяти Григория Семенова.

С убийственной иронией Абрам Гоц разглагольствовал о том, что Троцкий никогда не верил в социальную революцию рабочих и крестьян. Он — позёр и охотно бы умер, сражаясь за Россию, при условии, однако, чтобы при его смерти присутствовало достаточно большая аудитория. И добавлял:

— Диктатура пролетариата с Троцким для эсеров лучше, чем без него. Надо прежде всего убить Ленина и обезглавить Советскую власть. Семенов возразил Гоцу.

— Политическая обстановка не созрела для подобных террористических актов. Покушение на Ленина надо производить

при начинающемся развале Советов. Развала же пока не наблюдается. Большевики, особенно Ленин, пользуются огромной популярностью среди народных масс. Покушение необходимо отсрочить.

Гоц яростно обрушился на Семенова. Доказывал, что для террора политический момент созрел. Убийство Ленина надо осуществить немедленно.

— Поймите, Семенов, — захлебывался Гоц, — сейчас август 1918 года. Что это значит? На Волге и на Урале — эсеры, меньшевики и Антанта. В Приуралье успешно действуют Иванов и Герштейн. В районе Ижевского и Боткинского заводов прочно обосновался Тетеркин. Но — и это уже подтверждено жизнью — нашей гордостью является Среднее Поволжье. Здесь сосредоточены лучшие наши кадры: Климушкин, Брушвит, Фортунатов, Вольский, Нестеров, Маслов, Алмазов, Филипповский, Раков, Веденяпин, Абрамов, Лазарев. В меру сил им помогают испытанные бойцы народовластия Касимов, Жигалко, Подиков. В Поволжье у нас своя армия, свое государство, свое правительство, свои законы и порядки.

— Что верно то верно, — согласился Семенов. — А как обстоят наши дела в Сибири, на Украине и других областях России?

— Лучше и желать нельзя! — воскликнул Гоц. — В Сибири — эсеры, кадеты и Антанта. На Украине — генерал Скоропадский, кадеты и Германия. На Кубани — генерал Алексеев, эсеры и Антанта. В Закавказье — эсеры, кадеты и Антанта. В Архангельске — эсеры, меньшевики и Антанта.

Такого момента партия эсеров давно ждала. 30 августа в Петрограде будет убит Урицкий и мы там станем хозяевами положения. В этот же день надо обязательно убить Ленина и в наших руках может оказаться Москва и все окружающие ее города…

По техническим причинам Ленина убить гораздо проще, чем Троцкого. Маршруты его поездок известны. Троцкий же редко бывает на заводах. Ездит с охраной на броневике.

Смерть Ленина активизирует работу всех демократических и народных партий против большевизма в России. Они пойдут за социалистами-революционерами.

Семенов спросил членов ЦК, возьмет ли партия на себя ответственность за убийство Ленина? Признает ли она террористический удар политической акцией? Если партия и ее Центральный Комитет намерены отказаться от признания акта покушения на Ленина, как это было после убийства Володарского, то боевики вряд ли согласятся продолжать боевую

работу в Москве.

Гоц ответил:

— Ввиду большой политической важности готовящихся актов на Ленина, Урицкого, Дзержинского и Свердлова ЦК не заявит о непричастности партии к ним. Возможно, по тем или иным практическим соображениям ЦК замедлит признание актов делом партии, но с тем, чтобы через некоторое время декларировать их открыто.

…Вспоминалось обо всем этом Григорию Семенову без радости. "Голова кругом, — думал он. — Гоцу хорошо в Удельной на даче. Он не видит пытливых, сверлящих и нетерпеливых глаз боевиков. Характеры у всех разные, а лица какие-то одинаковые…

Семенов решительно качнул головой, откинул витой чуб:

— Достаточно ли беседы с тремя членами ЦК дли гарантии партийной законности террористических актов?

За всех ответил Козлов:

— Покушавшийся в случае ареста обязан заявить, что террористический акт является делом партии. Центральный Комитет обязан немедленно открыто признать своей политической акцией любой террористический удар по Советам, нанесенный боевиками Центрального боевого отряда.

Новиков и Зеленков молчали. Спорили Усов, Зубков и Коноплева. Каплан не проронила ни слова. Только стала еще больше дымить папиросой. Наконец, после долгих прений боевики решили, что точка зрения Абрама Гоца в основном приемлема. Но поскольку Гоц не дал никаких официальных обещаний от имени ЦК ПСР, у боевиков должны быть более определенные и более официальные гарантии партийной законности террористических актов на руководителей Советского правительства.

Состоялась еще одна встреча с Гоцем. Семенов подробно проинформировал его о настроении боевиков. Попросил дать официальный ответ: гарантирует ли он от своего имени, что ЦК ПСР не отречется от актов покушения на Ленина, Дзержинского, Урицкого, Свердлова.

— Даю честное слово, — воскликнул Гоц. — Центральный Комитет не заявит о непричастности и признает акты открыто немедленно или через некоторое время.

И как-то особенно доверительно сказал Семенову:

— Все будет хорошо. Партия вас ценит, Григорий Иванович… Надеется на вас…

Скрываясь от ВЧК на даче в Удельной, куда один за другим приезжали функционеры ПСР, Гоц чувствовал себя полноправным вождем и в то же время не хотел единолично брать на себя

ответственность за предстоящие события, а они надвигались неотвратимо…

В Сыромятниках начинало светать. Семенов подошел к окну, закурил. Террористы сидели молча, ждали указаний. Усов, Коноплева, Зубков, Ефимов, Новиков, Королев, Пелевин, Федоров-Козлов, Сергеев, Каплан, Иванова… Семенов хмурился — угрюмые лица товарищей не радовали… Он делал все от него зависящее, чтобы покушение на Ленина совершил рабочий. Гоц и Донской рассчитывали на грандиозный фурор. Нужен был такой рабочий, в котором не было бы ни единой крупинки мелкобуржуазного элемента. Семенов нашел такого рабочего в Центральном боевом отряде — Константина Усова, но пролетарий не оправдал доверия.

Сергеев после убийства Володарского ослаб духом и не был способен повторить террористический акт в Москве. Федоров-Козлов? Но какой из него рабочий, когда за каждым поворотом улицы видит свою деревню. Осталась одна надежда — Фанни Каплан…

— Григорий Иванович, — обратилась она к Семенову, — все боевики в сборе…

— Прошу извинить, — встряхнулся Семенов. — Питер вспомнился.

— Питер — не Москва, — бросил реплику Зубков. — Питер был к нам добрее…

— Верно, — заметил Козлов. — Но в Питере мы "охотились" не за Лениным..

— Кончай разговоры, — строго отрезал Семенов. — Слушайте внимательно. Для "глухих" дважды повторять не буду.

Помолчал. Потрогал чью-то фуражку, лежавшую на столе. Кивнул на дверь…

— Все в порядке, — ответил Сергеев. — В дозоре Новиков.

— Друзья! — начал Семенов. — Мы, боевики — исполнители воли нашей партии. Мы постоянно находимся на передовой линии фронта. Постоянно ведем бой с узурпаторами власти — большевиками. Член ЦК Абрам Рафаилович Гоц заверил, что на этот раз от нас не откажутся: партия признает террористический акт на Ленина. Гарантия — честное слово Гоца!

Террористы обрадовано загудели, а Семенов продолжал:

— В пятницу — 30 августа 1918 года Ленин будет выступать на митингах. Чтобы на этот раз не сорвалось — я раскинул сеть пошире. Помните, меткими выстрелами в Ленина, мы изменим ход исторических событий в России. Вернем их на путь народовластия.

Коноплева улыбнулась. Руководителем —

единомышленником, боевиком без страха и сомнения, Семенов ей нравился больше.

Семенов подробно проинструктировал террористов, потребовал железной дисциплины.

— Боевику Усову, — сказал в заключение Семенов, — проявившему малодушие, на заводах делать нечего.

Усов побледнел, молча положил на стол револьвер.

— Оружие оставь, — рявкнул Семенов. — Пойдешь дежурить в Петровский парк. Разослав дежурных боевиков-разведчиков, Семенов оставил на явочной квартире только террористов-исполнителей: Фанни Каплан, Лидию Коноплеву и Филиппа Козлова.

— По три пули, — почти прошептал Семенов, — в каждом из ваших револьверов отравлены ядом. Даже при легком ранении яд должен сработать безотказно.

"Хитер, — подумал Козлов. — Не рискнул сказать про яд при всех".

Из Сыромятников Коноплева поехала на Александровский вокзал, Филипп Козлов подался на Хлебную биржу. Фанни Каплан — в Замоскворечье, на Серпуховскую площадь.

Оставшись один, Семенов долго сидел за столом с закрытыми глазами. Он как бы прокручивал в голове отдельные моменты закончившегося заседания партийного ядра Центрального боевого отрада при ЦК ПСР. Кто знает, что теперь в голове у каждого? Убить Ленина… Страшно подумать, не то что вслух произнести. Кажется, он точно определил день и час покушения. Территориально разделил Москву на три условных района. В каждый из них назначил ответственного исполнителя. На каждом крупном митинге будет находиться дежурный боевик, который в случае приезда на митинг Ленина, известит исполнителя. Исполнители… Козлов, Коноплева, Каплан. Усова отстранил. Сказать по правде, никому из них по-настоящему Семенов не доверял, даже Коноплевой. Полагал, что Лида чрезмерно прямолинейна, ей недостает гибкости, недостает порою трезвого разумения, тех качеств, которые Григорий Иванович ощущал в себе. Он был тщеславен и не скрывал этого даже от себя. Был самолюбив — и того не прятал. Был хладнокровен, чем гордился:

Семенов с надеждой думал только о Фанни Каплан. Как только он впервые увидел ее на явочной квартире и побеседовал, сразу почувствовал к ней доверие, даже больше того — увидел в ней родственную душу…

Предложил вступить в Центральный боевой отряд. Свел ее с руководителем Московской организации эсеров. С тех пор Каплан пользовалась неизменным покровительством Донского и особым

доверием Семенова. Как-то она проявит себя 30 августа на заводе Михельсона, куда по всем данным должен приехать на рабочий митинг Ленин?…

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

СЕМЕНОВ: Тимофеев сообщил мне адрес Гоца. Встреча с ним состоялась на даче в Удельной. Там оказался и Рабинович. Говорили о терроре. "Теперь развернем работу, — сказал Гоц. — Террор будет иметь колоссальное значение в момент наступления Народной Армии Комитета членов Учредительного собрания на Волге".

После этого разговора с Гоцем, который я лично для себя считал вполне достаточным, начал подготовку покушения на Ленина.

ГЕНДЕЛЬМАН: Зачем вы встречались с Донским?

СЕМЕНОВ: Донской как член ЦК ПСР хотел познакомиться с одной из исполнительниц покушения на Ленина.

ГЕНДЕЛЬМАН: Для Каплан вопрос о санкции ЦК ПСР такой роли не играл, как для вас. Правильно?

СЕМЕНОВ: Нет, играл. Вопрос о санкции ЦК ПСР имел колоссальное значение. Я имею в виду самое важное: не формальное признание, а моральную санкцию партии. Каплан знала, что ЦК ПСР признавал необходимость террора.

УСОВ: Помню слова Ивановой, которая сказала, что для ЦК ПСР очень важно, чтобы исполнителем убийства Ленина обязательно был рабочий. Все боевики высказались за мою кандидатуру. Иванова даже похвалила меня, как честного члена партии — рабочего, самоотверженно борющегося с врагами революции. Для партии эсеров врагом революции являлся Ленин.

ИЗ КНИГИ М.Н.ПОКРОВСКОГО "ЧТО УСТАНОВИЛ ПРОЦЕСС ТАК НАЗЫВАЕМЫХ "СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ"

"Семенову… была вымыта голова, и он был выкинут со своими дружинниками из Петрограда за несвоевременное убийство Володарского.

И вот, через два месяца, тот же Семенов приходит к тому же Гоцу и спрашивает, как ни в чем ни бывало: "А теперь линия ЦК в этом вопросе не изменилась?" Гоц отвечает: "Не изменилась, а впрочем, поговорите с Тимофеевым: я теперь не в курсе дела".

Спрашивается: можно ли себе представить, чтобы в партии, которая не применяет и не собирается применять к своим противникам методов террористической борьбы, происходили такие разговоры между руководителем партийной работы и одним из руководимых, можно себе представить, чтобы к тов. Ленину пришел тов. Дзержинский с вопросом: "А нельзя ли устроить покушение на Пуанкаре?" А Ленин бы ему ответил: "ЦК до сих пор этого избегал, а, впрочем, я теперь в отпуску, подите поговорите с Рыковым, он в курсе дела". Можно себе такую чепуху представить? А вот в партии эсеров такие разговоры велось как совершенно нормальные.

ИЗ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

После санкции ЦК, переданной Гоцем Семенову, последний сообщил об этом членам боевой организации… и последние тогда потребовали, чтобы ЦК определенно заявил, что он не откажется от актов. Согласно этому решению, Семенов снова отправился к Гоцу на дачу и предложил дать официальный ответ, гарантирует ли он от имени ЦК, что ЦК не отречется от акта. Гоц дал от имени партии честное слово, что ЦК не заявит о непричастности партии и признает акт открыто немедленно или через некоторое время.

На основании этого показания устанавливается: во-первых, связь боевой группы непосредственно с ЦК через Семенова, во-вторых, осведомленность об этом членов ЦК Гоца и Донского, в-третьих, полная уверенность боевиков, что они действуют с санкции ЦК, в-четвертых, формальная гарантия, данная ЦК о том, что он на этот раз не отречется от акта".

На Дворцовой площади и Хлебной бирже

Утром 30 августа на Дворцовой площади Петрограда появился велосипедист. Это был молодой человек в клетчатой кепи, кожаной куртке, бриджах и щегольских желтых крагах. В таких ходили разбогатевшие на войне интенданты царской армии. Он небрежно поставил велосипед у стены здания и уверенно вошел в подъезд Комиссариата внутренних дел.

Леонид Канегиссер вошел в подъезд той половины дворца Росси, которая идет от арки к Миллионной улице. Урицкий всегда приезжал на службу к этому подъезду. Каким образом узнал это Канегиссер? Возможно, что он в предыдущие дни следил за народным комиссаром. У него могли быть сообщники. Помощники. Мог он и запросто узнать у первого попавшего служащего, в котором часу, к какому подъезду приезжает Урицкий.

Риск? Конечно. Но кто не рискует в молодости?

— Товарищ Урицкий принимает? — спросил швейцара Канегиссер.

— Еще не прибыли…

Канегиссер отошел к окну, выходящему на площадь. Сел на подоконник. Снял фуражку и положил рядом с собой. Долго глядел в окно. О чем он думал? О том, что еще не поздно отказаться от страшного дела? Еще можно вернуться на Саперный. Попить чаю с сестрой. Взять реванш в шахматы у отца. Продолжить чтение "Графа Монте-Кристо". О том, что жить осталось несколько минут, что он больше не увидит ни этого солнца, ни этой светлой площади, этого расстреллиевского дворца? О том, что не пора ли снять затвор с предохранителя? О том, что швейцар начал странно коситься на него? Уж не заподозрил ли?

Все это могло так и быть. Ощущения вполне вписывались в психологический настрой террориста. Он напряженно ждал. Люди проходили по площади, а Урицкий все не появлялся. И те двадцать минут его отсутствия показались Канегиссеру вечностью…

Почему же доступ в дом N 5, где помещалась Петроградская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, оказался свободным для велосипедиста в кожаной куртке и желтых крагах? И для всех тех посетителей, что сидели в вестибюле? Все дело было в том, что сразу же после назначения М.С.Урицкого

комиссаром, он приказал охрану у подъезда дома N 5 немедленно отменить!

Председатель Петроградской ЧК медленно вошел в подъезд, приветливо кивнул швейцару, не спеша пересек вестибюль и направился к лифту. "Велосипедист" встал с подоконника. Выхватил из-за пазухи кольт. И почти в упор выстрелил в затылок Урицкому. Комиссар упал. Сидевшие в вестибюле люди ахнули и, толкая друг друга, бросились к дверям. Вместе с ними выбежал на улицу и убийца. Если бы Канегиссер надел фуражку, положил в карман оружие и спокойно пошел пешком налево, он, вероятно, легко бы скрылся. Ему стоило свернуть под аркой на Морскую и затеряться в толпе Невского проспекта. Но он сел на велосипед и помчался, что есть силы.

За преступником бросился комиссар Дыхвинский-Осипов. Он трижды выстрелил в "велосипедиста" из браунинга, но не попал. Преступник беспрепятственно удалялся.

В это время из-под арки Главного штаба выехала автомашина германского консульства. Комиссар Дыхвинский-Осипов не растерялся. Вместе с подоспевшими на помощь красноармейцами из охраны решительно преградил автомобилю путь.

— Временно машину конфискуем, — заявил Дыхвинский-Осипов. Вскочил в кабину и приказал растерявшемуся шоферу догнать мелькавшего впереди велосипедиста. Тот уже поворачивал на Дворцовую набережную и мог скрыться из виду. Красноармеец, лежавший на крыле автомобиля, открыл огонь из винтовки. Велосипедист сделал несколько ответных выстрелов и свернул в Мошков переулок /ныне Запорожский/. Затем выехал на Миллионную улицу /ныне Халтурина/, бросил велосипед и вбежал в дом Северного английского общества.

На помощь комиссару Дыхвинскому-Осипову подоспели еще три автомобиля с сотрудниками Центральной комендатуры революционной охраны Петрограда во главе с ее комендантом Шатовым. Из бывших Преображенских казарм, тоже находившихся на Миллионной улице, бежали поднятые по тревоге красноармейцы. По команде Шатова они быстро оцепили дом, в котором скрылся убийца. Шатов приказал прекратить стрельбу и преступника взять живым.

Из окруженного красноармейцами и чекистами здания вышла женщина и сказала, что человек в кожаной куртке спрятался в одной из квартир верхнего этажа. Шатов и два его сотрудника вошли в дом. Чтобы избежать жертв, красноармейцы соорудили из шинели рядового Сангайло подобие чучела, поместили его в лифт и подняли наверх в расчете на то, что преступник через дверь лифта расстреляет все патроны, приняв чучело за

красноармейца. Но провести террориста не удалось. Он открыл лифт, взял шинель и надел ее на себя. Спустился вниз по лестнице и попытался незаметно проскочить улицу. Чекистам, охранявшим подъезд, сказал:

— Тот, кого вы ищите, там, наверху.

Казалось, что уловка сработала. Красноармейцы было кинулись вверх по лестнице. Но Сангайло опознал свою шинель. Преступника тут же схватили и обезоружили.

Личность велосипедиста вскоре установили. Двадцатидвухлетний студент 4-го курса Политехнического института. В недавнем прошлом — юнкер Михайловского артиллерийского училища. Член партии народных социалистов. В училище — председатель секции юнкеров-"социалистов". Одно время был комендантом Выборгского района. Активно участвовал в заседании штаба эсеров за Невской заставой.

А.В.Луначарский указывал на суде, что Канегиссер был членом организации М.М.Филоненко — поручика царской армии, известного издевательским отношением к "низшим чинам" и заслужившим ненависть солдат. Он был человеком огромного честолюбия, карьеристом, склонным к авантюрам. Это был тот Филоненко, которого Керенский назначил военным комиссаром Временного правительства при 8 — й армии генерала Л.Г.Корнилова — претендента в военные диктаторы России. И Филоненко не замедлил стать его ближайшим советником и сподвижником. Не случайно Корнилов намечал его членом правительства военной диктатуры. Он участвовал в расстреле 26 бакинских комиссаров.

После Октябрьской революции Канегиссер вращался среди антисоветски настроенных офицеров и юнкеров, участвовал в подпольных военных группировках, создававшихся в Петрограде Филоненко и Савинковым, Гоцем и Авксентьевым. Он был одним из активных сторонников террористической борьбы против Советской власти. Эрудированный, не без способностей, Канегиссер был сыном богатых родителей, подлинным представителем "золотой" молодежи буржуазно-помещичьей России. Эсеры держали его до поры до времени в тени, и вот наступил день и час его действий: Председатель Петроградской ЧК Моисей Соломонович Урицкий пал, сраженный пулями Канегиссера.

Следователь Антипов, допрашивая Канегиссера, внутренне поражался: убийца Урицкого рассказывал о себе без утайки. Но ни словом не заикнулся о главном — сообщниках, руководителях террора. Выходило, что их вроде бы и не существовало. Об этом же свидетельствует и официальный документ. В нем сказано:

"При допросе Леонид Канегиссер заявил, что он убил Урицкого не по постановлению партии или какой-либо организации, а по собственному побуждению, желая отомстить за аресты офицеров и за расстрел своего друга Перельцвейга, с которым был знаком около 10 лет. Из опроса арестованных и свидетелей по этому делу выяснилось, что расстрел Перельцвейга сильно подействовал на Леонида Канегиссера. Узнав о расстреле, он уехал из дому на несколько дней — место его пребывания за эти дни установить не удалось".

Запись следователя весьма противоречива. Она наводит на многие вопросы, на которые следствие должно было ответить и не ответило. По признанию следствия "точно установить путем прямых доказательств, что убийство Урицкого было организовано контрреволюцией, не удалось". Значит, прямых доказательств не нашли, а косвенных было предостаточно? Да и могло ли быть простым совпадением убийство Урицкого в Петрограде и тяжелое ранение Ленина в Москве в один и тот же день — 30 августа 1918 года? Почему это не насторожило следствие? Почему эта "случайность" не фигурирует в следственных материалах, а всячески обходится следователями? На фоне злодейского покушения эсерки Каплан на Ленина, видимо, как-то сглаживалась острота восприятия убийства Урицкого в Петрограде.

Следствию так же не удалось точно установить, когда было решено убить Урицкого. Но о том, что на него готовится покушение, Урицкий знал. "Его неоднократно предупреждали и определенно указывали на Канегиссера, — говорится в следственных документах, — но т. Урицкий слишком скептически относился к этому. О Канегиссере он знал хорошо по той разведке, которая находилась в его распоряжении".

Петербург 1918 года кишел заговорщиками — монархическими и республиканскими. С кадетской и эсеровской примесью. С немецкой ориентировкой и союзной. Удары тех и других направлялись против большевиков. Петроградская ЧК не успевала разоблачать одних врагов революции, как появлялись другие. В одну из облав попал близкий друг Леонида Канегиссера — некто Перельцвейг. Суд был коротким и однозначным — расстрел. Сам Канегиссер оказался не схваченным и не арестованным по чистой случайности. Он ходил вооруженным с головы до ног и публично грозился отомстить за смерть друга взрывом Смольного.

В дни, предшествовавшие покушению на Урицкого, мать Леонида Канегиссера часто видела сына за беседой с Германом Лопатиным. О чем они так оживленно и заинтересованно

говорили, она не знала. При ее приближении они замолкали. Но однажды она слышала, как Лопатин говорил Леониду:

— Есть, Леонид, обязательная воинская повинность. Но нет обязательной революционной повинности. Все революции обыкновенно творятся добровольцами.

По какому поводу были сказаны эти слова, мать Канегиссера не знала. Но они ее насторожили. Безусловно, речь шла о каких-то высоких замыслах. О жертвенности во имя революции. Во имя свободы. Более жертвенно настроенного человека, чем Лопатин, хозяйка дома не встречала. Ее сын буквально боготворил Германа и впитывал в себя каждое произнесенное им слово. Нелестно отзывался народоволец об Урицком. По его мнению, мещанин из города Черкасс, комиссионер по продаже леса, меньшевик, перекрасившийся в большевика, беспардонно распоряжался свободой и жизнью нескольких миллионов людей Северной Коммуны.

Белоэмигрантский писатель Марк Алданов вспоминал, что после смерти Урицкого, коммунистическая печать изобразила его беззаветным рабом идеи, фанатиком большевистского корана. Выразил сомнение, что это было именно так. Фанатик — комиссионер по продаже леса! И меньшевистское прошлое не тянуло на фанатика. Да и в сам "коран большевизма" он уверовал только за несколько месяцев до своей кончины.

У меньшевиков Урицкий никогда не считался крупной величиной. Самое большее, чего он достиг и что ему зачтется историей — это личное секретарство у Г.В.Плеханова.

Но справедливости ради заметим, что в 1912 году Моисей Соломонович все же был избран в организационный комитет РСДРП/меньшевиков/. Оказывается, серый, да не совсем.

В дни Октябрьского вооруженного восстания Урицкий стал членом ВРК, затем — комиссаром по делам Учредительного собрания. И в этой должности проявил себя решительным сторонником Ленина. Хотя до этого многожды был им бит, так как по вопросу о Брестском мире стоял на позициях "левого коммунизма".

Почему М.С.Урицкий избрал для себя полем деятельности чрезвычайную комиссию? Перед ним были открыты и другие дороги. И надо признать, что мест у власти освободилось много, а людей компетентных было мало. Характер отдельных лидеров большевизма сказался самым непосредственным образом в сделанном ими выборе. Ленин взвалил на свои плечи всю полноту власти. Троцкий облюбовал место, которое должно было сразу стать на виду у всего мира — народный комиссар по иностранным делам. В военные гении смело шагнул Крыленко.

Урицкий воевать не любил. Говорить красиво не умел. Партия предложила ему пост главы Петроградской ЧК. Партии, к которой он только что примкнул, — отказать было нельзя. И на него сразу, обвалом свалилась вдруг и власть — громадная, настоящая власть. Не стесненная ни законами, ни формами суда — ничем, кроме "революционной совести"…

Весьма необычен и тот факт, что за несколько дней до покушения — Канегиссер разговаривал по телефону с Урицким.

— Знаете с кем я говорил сегодня? — сказал Леонид Герману Лопатину.

— С кем?

— С Урицким.

О чем говорил Канегиссер с Урицким — осталось неизвестным…

Мать убийцы М.С.Урицкого продержали в тюрьме сравнительно недолго. Как только сына казнили, ее выпустили. Вернувшись домой, она узнала, что в больнице умирает Герман Александрович Лопатин. Не откладывая на завтра, Р.Л.Канегиссер поехала в Петропавловскую больницу. Германа Александровича застала еще в полном сознании.

— Счастлив увидеть Вас перед смертью, — сказал он. — Думал, Вы на меня сердитесь.

— За что?

— За гибель Вашего сына…

— Чем же Вы в ней виноваты?

Герман Александрович промолчал. Не сказал больше ни слова. Он умер через несколько часов и унес свою тайну в могилу.

Что же происходило 30 августа 1918 года в Москве? Секретарь МК РКП/б/ В.М.Загорский, получив известие об убийстве М.С.Урицкого в Петрограде, немедленно послал В.И.Ленину записку. Предупредил о грозящей ему опасности, просил воздержаться от поездок на митинги.

Записку Загорского передал телефонист Верхнего Кремлевского коммутатора П.Д.Дмитриев. Владимир Ильич прочитал ее, взглянул на часы и спокойно сказал:

— Позвоните товарищу Гилю в гараж. Поедем на Хлебную биржу.

За обедом Мария Ильинична пыталась отговорить Владимира Ильича от поездки на митинги. Ленин отшучивался, посмеивался над опасениями сестры.

Зазвонил телефон. Мария Ильинична взяла трубку.

— Тебя, Володя.

— Я слушаю, кто говорит?

— Людвинская, Владимир Ильич. Звоню по просьбе товарища

Загорского.

— И какая у него просьба, товарищ Таня?

— Да вот… — смутилась Людвинская. — Он хотел напомнить вам о решении бюро МК, чтобы вы временно воздержались от выступлений на митингах. Она хотела сказать: "В связи с участившимися случаями террористических актов врагов революции", но Владимир Ильич прервал ее:

— Что? Что? Вы хотите прятать меня в коробочке, как буржуазного министра?

Людвинскую у телефона сменил Загорский.

— Обстановка тревожная, — говорил секретарь МК. — Пролетариат должен оберегать своего вождя. Просим вас сегодня на митинги не ездить…

— Товарищ Загорский, — сердито возразил Ленин, — я отказаться от выступления на Хлебной Бирже и на заводе Михельсона не могу, во-первых, потому, что обещал быть на собрании; во-вторых, считаю принципиально важным в настоящее время выступать на рабочих собраниях. И положил трубку телефона.

Мария Ильинична с минуту выждала, а потом тихо спросила:

— Все-таки едешь?

— Бог не выдаст… — примирительно улыбнулся Владимир Ильич.

— Ты удивительно беспечен, Володя. В таком случае — я еду с тобой…

— Сегодня не получится. В другой раз — обязательно поедем вместе, обещаю.

Мария Ильинична вздохнула: ни под каким предлогом задержать невозможно. С тревогой прислушивалась к удаляющимся шагам Владимира Ильича, гулко раздававшимся в сводчатом коридоре старинного здания Совнаркома.

… За 2–3 часа до начала митинга на Хлебной бирже секретаря Басманного райкома Е.М.Ямпольскую вызвали в МК партии и сообщили, что в связи с тревожным положением В.И.Ленину предложено сегодня не выступать. Понятно, как дороги были трудящимся выступления Владимира Ильича. Как все стремились послушать его, какой это был праздник для всего района. Но в обстановке того времени Ямпольская все же почувствовала облегчение, что Ленина на митинге не будет…

На Хлебную биржу для выступления на митинге приехало несколько видных работников партии. Среди них были А.М.Коллонтай и Емельян Ярославский.

Помещение Хлебной биржи имело только один вход с широкой лестницы, которая вела непосредственно с площади в

зал, на второй этаж.

Против входа в зал находились грубо сколоченные подмостки, на которых стоял стол для президиума и откуда выступали ораторы. Митинг начался вовремя. Первой слово попросила А.М.Коллонтай. Слушателей было достаточно. Большинство — рабочие, работницы и красноармейцы. Ямпольская, убедившись, что все идет хорошо, прошла центральным проходом и остановилась в конце зала у окна. Оно выходило на Гавриковскую площадь. Взглянув в окно, она увидела, что по площади к зданию Хлебной биржи бегут люди. Особенно ее поразили женщины. Они на ходу снимали фартуки и спускали закатанные рукава кофточек и платьев. Ничего не понимая, Ямпольская двинулась было к выходу, но увидела, что со сцены в проход спрыгнул Емельян Ярославский и быстро пошел кому-то навстречу. В зал Хлебной биржи входил В.И.Ленин и за ним толпа людей. Ярославский обнял Владимира Ильича за плечи и повел вперед, к трибуне. Раздались бурные, восторженные аплодисменты. Владимир Ильич несколько раз пытался успокоить собравшихся, но овации еще более усиливались. Террорист Федоров-Козлов, захваченный волной энтузиазма, вместе с рабочими неистово кричал пролетарскому вождю "Ура!" Потом вдруг опомнился и затих…

В.И.Ленин выступал с речью "Две власти /Диктатура пролетариата и диктатура буржуазии/". Призывал рабочих к революционной бдительности, к беспощадной борьбе с контрреволюцией на Кавказе, Украине, в Сибири и на Волге, где Советы свергнуты и "большевистские деятели отданы на растерзание чехословацким наймитам и российским белогвардейцам".

— У нас один выход, — говорил Ленин, — победа или смерть!

В.И.Ленин говорил не больше двадцати минут. Он никогда не скрывал от народа правду, как бы тяжка она ни была. Так было и на этот раз. Но, говоря о различии между пролетарской и буржуазной диктатурой, Владимир Ильич подчеркивал силу пролетарской диктатуры, опирающейся на массы и проводящей в жизнь политику в интересах народа.

Владимир Ильич предостерегал об опасности для Советской власти со стороны внутренней контрреволюции и начавшейся иностранной военной интервенции. К этому времени в Архангельске успели уже высадиться английские и американские войска, на Урале и в Поволжье восстал чехословацкий корпус. В Самаре образовалось контрреволюционное правительство из бывших членов Учредительного собрания. На Дону и Кубани

генералы Краснов и Каледин формировали полки и дивизии из казаков и офицеров. Украина, Белоруссия и Прибалтика захвачены германскими войсками… Ленин призвал трудящихся для защиты Советской власти идти в ряды Красной Армии.

— Как бы небыли велики переживаемые трудности, — говорил Ленин, — они носят временный характер и будут преодолены.

Много было задано Владимиру Ильичу вопросов. Всем хотелось услышать ответ от Ленина, от человека, которому доверяли больше, чем себе, и тогда, казалось, легче будет перенести, преодолеть те трудности, о которых он только что говорил и которые сулило надвигающиеся осень и зима.

Федоров-Козлов напряженно ловил каждое слово Ленина о рабочих, о их роли в революции, об их исторической ответственности за судьбы социализма в России.

В толпе, окружавшей Ленина, Ямпольская заметила спешно пробирающегося к выходу члена райкома Федора Шабловского, которому было поручено охранять Владимира Ильича на митинге и проводить затем до Замоскворечья. Но Владимир Ильич вежлива отказался от его услуг. Федоров-Козлов слышал, как Ленин сказал:

— Не беспокойтесь, мы с шофером знаем дорогу. Спасибо, сопровождать меня не надо.

Федоров-Козлов пришел на Хлебную биржу убить Ленина. Не убил. Не решился на такой ответственный шаг. Шаг можно было сделать, но поправить нельзя. И он не решился. Подавленный вышел на улицу. Подошедшему к нему Зубкову сказал:

— Не мог. Рука не поднялась.

— Правильно сделал, — ответил Зубков. — Никто из рабочих не будет стрелять в Ленина. Я выхожу из партии эсеров.

— Не партия, — злобно буркнул Федоров-Козлов, — а банда политических убийц.

— Это ты в точку попал, — горячо заметил Зубков. — Не знаешь, куда поехал Ленин с Хлебной биржи?

— На завод Михельсона.

— На завод Михельсона? Туда же назначена исполнительницей Фанни Каплан, — встрепенулся Зубков. — Дежурным боевиком у нее сегодня Василий Новиков. Они убьют Ленина. Я — в Замоскворечье. Может, еще успею помешать…

Не успел…

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

БИЦЕНКО: Федоров-Козлов и Зубков — рабочие-боевики. Оба — бывшие члены партии эсеров… Но была ли у Федорова-Козлова и Зубкова самая простая, твердая, спокойная уверенность в том, что они творят святое дело? Был. ли тот обязательный для сознательного боевика порыв, с которым он бросается в "бой кровавый, святой и правый". Нет, не было. Зубков рассказал, как он делился своими сомнениями с Каплан, как относился к тому, что Усов, а затем Федоров-Козлов не стреляли в товарища Ленина. Он объяснил это тем, что в глубине души рабочие сознавали, что нельзя поднимать руку на социалиста.

ЗУБКОВ: Обстановка, в которую мы попали в боевой организации, была такова, когда говорят: вот вам санкция ЦК и честное слово Гоца на разрешение покушения на Ленина. Но когда убьете Ленина или Володарского, то не называйте себя членами партии социалистов-революционеров.

БИЦЕНКО: Естественен вопрос: что же они, Козлов, Зубков, действительно такие слабые, поскользнувшиеся, как выражался… Гоц обо всех боевиках, которые от них ушли. Ничего подобного. Они не верили, что, убивая Ленина, совершают святое дело во имя революции.

КРЫЛЕНКО: Мы установили, что Усов и Козлов не стреляли, что Зубков не хотел стрелять: они были убеждены, что выстрелить не могли, потому что у них рука на Владимира Ильича не поднялась. Так поступили рабочие. Так было до трагического дня 30 августа…

Чёрный день августа

Замоскворечье. Серпуховская площадь. Завод Михельсона. Председатель завкома Николай Иванов озабоченно посматривал на часы: пора открыть помещение для митинга. Рабочих приглашать не приходилось. Ждали Ильича.

Митинги на заводе всегда проводились в Гранатном корпусе завода, немного похожим на сарай. На этот раз к михельсоновцам пришли не только жители окрестных улиц, многие притопали из Даниловской и Симоновской слобод. Увидеть Ленина и услышать его хотелось каждому. Рабочие искали у него ответа на самые тревожные и самые сложные вопросы жизни.

Председатель завкома распахнул двери, рабочие дружно хлынули в зал. Только заядлые курильщики остались у входа и просили товарищей занять местечко поближе к трибуне, чтобы можно было получше рассмотреть Ленина.

Гранатный корпус завода Михельсона после Октября 1917 года как единственное вместительное здание в Замоскворецком районе, находившееся в самой глубине Москвы, было приспособлено рабочими для митингов и собраний. Они были здесь удивительно многолюдными тогда, когда приезжал Владимир Ильич Ленин.

Со двора в Гранатный корпус вела довольно шаткая лесенка. Свет в зал проникал сверху — окна находились под потолком. Стулья и скамейки подступали к невысокому деревянному помосту, на котором стоял массивный стол президиума.

На помост бесцеремонно забрался какой-то верзила в матросском бушлате и бескозырке. В развалку, вихляющей походкой подошел к столу… Взял графин с водой. Взболтнул. Наполнил стакан. Жадно выпил. Вытер рот рукавом и, спрыгнув с помоста, скрылся в толпе. Возле помоста шныряли ребятишки. Председатель завкома цыкнул на них — дети присмирели. И они терпеливо ждали приезда Владииира Ильича.

Внимание Иванова привлекла незнакомая женщина. "Не заводская, — подумал председатель завкома. — Может, из редакции?"

Незнакомка, читая газету, то и дело беспокойно поглядывала по сторонам. Прислушивалась к разговорам рабочих. Иванов хотел подойти, спросить, откуда она, но его окликнул старый слесарь, сосед по квартире.

— Не видать Ильича… Приедет ли?

— Обещал. Ждем с минуты на минуту.

Незнакомка встрепенулась, убрала газету в портфель и

направилась к выходу. Верзиле — матросу, курившему у двери, шепнула:

— Должен приехать…

Замосквореченцы все подходили и подходили. Появилась в зале и кастелянша Петропавловской больницы Попова. Она пришла на митинг не только для того, чтобы увидеть Ленина, но и сказать ему хоть несколько слов. Вдруг об этом напечатают в газетах? Обомлеют на работе приятельницы. Прибегут с расспросами соседки. О ее разговоре с Лениным узнает вся Москва!

Гранатный корпус завода гудел. Людей набралось великое множество. Кастелянша упорно протискивалась вперед, то и дело оглядываясь. Она сообразила, что лучше всего поджидать приезда Ленина у трибуны. И с новыми силами устремилась вперед сквозь толпу. На нее шикали, толкали в спину, но кастелянша не сдавалась. Наступала кому-то на ноги, толкала. Ее тоже не щадили.

Один за другим сменялись на трибуне ораторы. Попова машинально им аплодировала. Вместе с рабочими кричала: "Мир хижинам, война дворцам". И все поглядывала в сторону входной двери, которую загораживал верзила-матрос…

Степан Гиль отметил: Ленина во дворе завода никто не встречал. Он вышел из автомобиля, постоял, огляделся и быстро направился в Гранатный корпус. Он не раз уже здесь бывал и знал, где проходили митинги.

Гиль развернул машину. К нему подошли какие-то женщины. Одна из них спросила:

— Кажется, товарищ Ленин приехал?

— Не знаю, — сухо ответил Гиль.

Женщина рассмеялась:

— Как же так? Шофер и не знаете, кого привезли?

Гиль нахмурился, но ответил сдержанно:

— Какой-то оратор. Сколько я их перевозил по заводам? Всех не упомнишь…

Женщина пожала плечами и решительно направилась к распахнутой двери Гранатного корпуса, откуда доносился плеск аплодисментов. Шофер недоуменно посмотрел ей вслед: чего привязалась? Прилипла, как репей.

Гиль вышел из машины. Походил по двору. Подумал: "Слишком дамочка любопытна. Впрочем, любопытными хоть пруд пруди. Куда ни приедешь — лезут с расспросами. Возможно, он резковат, на что поделаешь — служба".

… Бурей восторженных аплодисментов встретили рабочие Ленина. Поднявшись на помост, он на ходу снял пальто, присел

на свободный стул в президиуме.

Председатель митинга объявил:

— Слово предоставляется товарищу Владимиру Ильичу Ульянову — Ленину. Долго длилась овация. Наконец, аудитория притихла, Владимир Ильич вышел к трибуне.

— Нас, большевиков, постоянно обвиняют в отступлении от девизов равенства и братства. Объяснимся по этому поводу начистоту. Какая власть сменила царскую? Гучковско-Милюковская, которая начала избирать в России Учредительное собрание. Что же в действительности скрывалось за этой работой?

Ленин говорил уверенно, просто и доходчиво:

— Возьмем Америку, самую свободную и цивилизованную демократическую республику. И что же? Там нагло господствует кучка миллиардеров, а народ — в рабстве и духовной неволе. Фабрики, заводы, банки и все богатства страны принадлежат капиталистам, а трудящимся — беспросветная нищета. Спрашивается, где тут хваленые равенство и братство? Нет их! Где господствуют демократы, там неприкрытый, подлинный грабеж. Мы знаем истинную природу так называемых демократий.

— Верно! Правильно!

— Согласитесь… — продолжал Ленин, — кто трудится, имеет право пользоваться благами жизни. Тунеядцы, паразиты, высасывающие кровь из трудящегося народа, должны быть лишены этих благ. И мы провозглашаем: все рабочим, все трудящимся!

Каплан тревожно озиралась по сторонам. Ей стало жутко: рабочие пойдут за Лениным и большевиками до конца. Не остановятся на полпути. Повернулась и стала торопливо пробираться к выходу. Пришло ее время…

Заканчивая выступление, Ленин обратил внимание рабочих на контрреволюционный мятеж чехословаков. Их восстание — дело рук международного капитала. Владимира Ильича заглушили гневные голоса рабочих:

— Долой империалистов! Мы, как один, направимся на защиту революции! Мы — за Советскую власть!

В президиум посыпались записки от рабочих, желающих добровольно идти на фронт. Их набралось более двухсот. Но были и другие записки: "Довольно, большевики, поцарствовали, не больше недели вам жить осталось". "Будут шкуры в вас, большевиков, содраны и высушены на переплетную кожу".

Ленин огласил одну из таких записок и, переждав гул возмущения, сказал:

— Если кто-нибудь из рабочих не согласен с нашей политикой, может здесь открыто выступить. Но я вижу, что эти записки писала не рабочая рука. Это писали те, кто стоит на страже интересов капиталистов. У них не хватает мужества выступить здесь с трибуны и заявить открыто, что они хотят восстановить капиталистический строй и возвратить заводы капиталистам… Но рабочие Москвы, которые завоевали свободу, которые славно дрались на Октябрьских баррикадах, не сдадут своих завоеваний.

Владимир Ильич извинился: ответить на все поданные в президиум записки не может — очень спешит на заседание Совнаркома.

— Обязательно отвечу на записки в другой раз, — заверил Ленин рабочих и направился к выходу.

Образовался живой коридор. По нему пошел Ленин. Рядом с ним мелькнул платок кастелянши Поповой. Какой-то гимназист подал Ленину записку. Владимир Ильич не останавливаясь, взял ее. Едва миновал матроса, стоявшего у двери, как тот ахнул и упал под ноги рабочим. Образовалась пробка. Основная масса рабочих не успела выйти во двор.

Почти у самой машины Ленина остановила кастелянша Попова и пожаловалась на несправедливость работников заградительных отрядов на железных дорогах.

— Почему они, — говорила Попова, — отбирают хлеб, который люди везут из деревни от родственников? Ведь издан декрет, чтобы не отбирали.

— Заградотрядчики иногда поступают неправильно, — согласился Ленин. — Но эти явления — временные. Снабжение Москвы хлебом скоро улучшится.

Разговор Владимира Ильича с кастеляншей Поповой и еще с одной женщиной продолжался одну-две минуты. И когда он сделал последний шаг к машине, взялся за ручку двери, раздался первый выстрел…

Шофер Гиль, сидевший за рулем, вздрогнул и обернулся. Из-за спин рабочих, провожавших Ленина, высовывалась женская рука с револьвером. Раздались один за другим еще два выстрела. Шофер выскочил из машины и бросился к террористке.

Окружавшие Ленина рабочие на какое-то мгновение оцепенели. Все произошло в считанные секунды. Владимир Ильич пошатнулся и стал медленно оседать на землю. Он не видел, кто в него стрелял. Пытался повернуться…

Гиль устремился за террористкой, а потом спохватился: Владимир Ильич — один!

— Убили! Убили! — кричала в испуге какая-то женщина.

Шофер вернулся к машине. Ленин лежал на земле. Гиль наклонился над ним и услышал:

— Поймали его или нет?

Владимир Ильич думал, что в него стрелял мужчина.

— Молчите. Вам тяжело говорить, — задыхаясь от волнения выдавил Гиль и увидел матроса, бегущего к автомобилю.

Заслонив собой Ленина, направил на матроса револьвер.

— Стой! Стреляю!

Матрос резко метнулся в сторону и скрылся за воротами.

К шоферу подбежала пожилая женщина и, приняв Гиля за террориста, в ужасе закричала:

— Что вы делаете! Не стреляйте! Это же Ленин!

— Это свой, свой! — успокаивали ее подоспевшие из Гранатного корпуса рабочие.

Красноармеец Сафронов пытался узнать у Гиля, кто стрелял в Ленина. Тот ничего вразумительного сказать не мог. Помогли дети, игравшие во дворе. Во время революции они уже привыкли к выстрелам и не испугались.

— Та, которая стреляла, — сказали они, — побежала на стрелку к трамваю. Услышав эти слова, помощник военного комиссара 5-й Московской Советской дивизии С.Н.Батулин бросился за террористкой вдогонку.

Когда раздались револьверные выстрелы, Батулин поначалу принял их за выхлопы автомобильного двигателя. Но когда люди во дворе в панике бросились врассыпную, он увидел Ленина, ничком лежавшего на земле. И не помня себя закричал:

— Держите убийцу товарища Ленина!

Батулин бежал по Серпуховке, обгоняя перепуганных людей. У трамвайной стрелки увидел женщину с портфелем, прячущуюся за деревом.

— Зачем вы стреляли в товарища Ленина?

— А вам зачем это знать? — зло отрезала женщина, затравленно озираясь.

Интуиция не подвела Батулина. Подбежавшие рабочие опознали в задержанной женщине террористку. Он еще раз спросил задержанную:

— Вы стреляли в товарища Ленина?

Женщина ответила утвердительно, но отказалась назвать свою фамилию и принадлежность к какой — либо партии.

Из толпы по адресу террористки, закрывавшей лицо рукой, неслись бранные слова и проклятия.

— Нечего закрываться. Умела стрелять, умей людям и в глаза смотреть!

Террористку доставили в Замоскворецкий Военный

Комиссариат. Здесь ее допросил председатель Московского Революционного Трибунала А.М. Дьяконов. Преступница назвалась Фанни Ефимовной Каплан. Подчеркнула, что под этим именем она отбывала каторгу в Акатуе.

Председатель Московского ревтрибунала попросил трех женщин обыскать покушавшуюся на жизнь В.И.Ленина террористку Ф.Е.Каплан и подозреваемую соучастницу в преступлении М.Г.Попову. Обыскивавшие арестованных З.И.Легонькая, Д.Бем, З.И.Удотова оставили письменные свидетельства.

Зинаиде Ивановне Легонькой было 23 года. Родилась она в Екатеринославской губернии, в поселке Юзовка, в семье рабочего. Окончила городское реальное училище. Вышла замуж. Муж — на фронте. Не видела его четыре года. До Февральской революции 1917 года работала кондуктором трамвая. В 1917 году вступила в РСДРП/б/. После Октябрьской революции, в начале 1918 года стала письмоводителем регистрационной части особого отдела 13-й Армии. В эти дни находилась в Москве, являлась слушателем школы красных офицеров и сотрудником Замоскворецкого Военного Комиссариата /чекистом-разведчиком/.

Занятия в школе красных офицеров проходили с семи часов вечера до девяти. После первого перерыва /читалась лекция/ прибежал один из курсантов школы и сказал, что на заводе Михельсона ранен Ленин. Зинаида Легонькая, будучи чекистом-разведчиком, поспешила в Замоскворецкий Военный Комиссариат. В дверях встретила Председателя Московского ревтрибунала А.М.Дьяконова. Он ее хорошо знал и попросил руководить проведением обыска Каплан и Поповой.

В Военном Комиссариате Легонькая встретила, кроме Дьяконова, Иосифа Косиора, Жукова, Наджарову, Саусского и сотрудника ВЧК Замоскворецкого района Григория Федоровича Александрова, впоследствии ставшего комендантом Московской ЧК.

З. И.ЛЕГОНЬКАЯ: Дьяконов сказал мне: "Вы обязаны исполнить поручение: обыскать преступницу, которая покушалась на тов. Ленина…" Вооруженная револьвером, вместе с двумя другими женщинами, я приступила к обыску… У дверей стояли красноармейцы в количестве трех человек. Обыск происходил на третьем этаже по правую сторону, в отдельной комнате в помещении Военного Комиссариата Замоскворецкого района. После обыска в комнату вошли т.т. Беленький, Дьяконов, члены ЧК Замоскворецкого района т.т. Захаров, Степной, Осовский и др. Они допросили Каплан и приказали отвезти в ВЧК на Лубянку.

Доставка арестованных Каплан и Поповой на Лубянку была поручена члену коллегии ВЧК А.Я.Беленькому. В деле Ф.Каплан сохранился мандат за N 23514 от 30 августа 1918 года. Мандатом предписывалось: "Забрать арестованных, стрелявших в тов. Ленина из Замоскворецкого комиссариата…"

В одном автомобиле с Каплан поехал Александров, в другом, грузовом /из Красного Креста/, поехала с Поповой Зинаида Легонькая. Сдали арестованных в ВЧК. "При мне, — писала Легонькая, — Каплан спросили, какой она партии? 0ответила: была раньше членом социалистов-революционеров, но после покушения в Киеве, которое ей было поручено, была сослана в ссылку как анархистка. На вопрос: почему вы покушались на тов. Ленина? Она ответила: вам ничего не скажу…

Ровно через год, в сентябре 1919 года на З.И.Легонькую поступил в ВЧК донос Горячева. Он писал: "Работая по делу готовящегося восстания в Москве, слышал, как гр. Нейман говорил, что в покушении на тов. Ленина участвовала некая Легонькая Зинаида, причем эта Легонькая якобы и произвела выстрелы".

ВЧК, ознакомившись с материалом гр. Легонькой З.И. и делом Фанни Каплан, постановила: гр. Легонькую З.И. задержанию не подвергать. Дело доследовать в смысле допроса свидетелей, указанных в деле Легонькой. Мерой пресечения избрать подписку о явке в особый отдел ВЧК по первому требованию.

Видимо, наверстывая упущенное, чекисты попросили З.И.Легонькую вспомнить, что она нашла, когда обыскивала Ф.Каплан 30 августа 1918 года в Замоскворецком Военном Комиссариате. Зинаида Ивановна ответила, что в портфеле у Каплан были найдены: "Браунинг, записная книжка с вырванными листами, папиросы, билет по ж.д., иголки, булавки, шпильки и т. п. всякая мелочь… А во время того, когда ее совсем раздевали наголо, то не могу вспомнить нашли чего-нибудь или нет…"

В протоколе допроса Д.Бем, обыскивавшей Ф.Каплан вместе с З.И.Легонькой, говорилось, что она обнаружила в ботинках оберточную бумагу, четырехугольный конверт со штампом Российской Советской Федеративной Республикой Военного Комиссариата СР и СД Замоскворецкого района". (31 августа 1918 года на допросе в ВЧК Ф.Каплан заявил Скрыпнику, что бумажки, найденные в её ботинках, дали ей в Замоскворецком Военном Комиссариате, когда она попросила чего-нибудь, чтобы подложить, потому? что в ботинках оголились гвозди, а стелек не было.)

Обнаружено также 8 головных шпилек, две английских

булавки и одна брошка.

Допрос Д.Бем проводил заведующий отделом контрразведки ВЧК А.Н.Скрыпник.

Третьей женщиной, обыскивавшей Каплан 30 августа 1918 года в Замоскворецком военном комиссариате, была Зинаида Удотова. Она засвидетельствовала: "Мы Каплан раздели донога и просмотрели все вещи до мельчайших подробностей. Так рубцы, швы просматривались нами на свет, каждая складка была разглажена. Были тщательно просмотрены ботинки, вынуты оттуда и подкладки, вывернуты. Каждая вещь просматривалась по два и по нескольку раз. Волосы были расчесаны и выглажены. Но при всей тщательности обнаружено что-либо не было. Раздевалась она частично сама, частично с нашей помощью".

Удотовой Зинаиде Ивановне было в то время 19 лет. Она была членом РКП/б/. Имела членский билет за N 772. Работала в политотделе Замоскворецкого военного Комиссариата.

После обыска, указывала З.И.Легонькая, Ф.Каплан допрашивали "т.т. Дьяконов, Беденький и еще другие, которых я первый раз видела". На вопрос Дьяконова, по поручению какой партии Каплан покушалась на жизнь В.И.Ленина, она ответила, что стреляла в Ленина по собственному убеждению. Сколько раз стреляла — не помнила. Систему револьвера не назвала.

— Подробности меня не интересуют, — бормотала Каплан.

Она утверждала, что не знала женщин, разговаривавших с Лениным у автомобиля. Кастелянша Попова, оказавшаяся раненой вместе с Лениным, ей незнакома.

— Решение убить Ленина созрело давно, — глухо говорила Каплан. — Я считаю, что Ленин подрывает у трудящихся веру в народовластие.

— Каким образом? — спросил Дьяконов.

— Объяснять отказываюсь. Считаю себя социалисткой. Сейчас ни к какой партии себя не отношу.

Каплан машинально отвечала на вопросы Дьяконова, что-то отрицала, подтверждала. Что? Ее охватил ужас: не сказала ли чего лишнего? Не нанесла ли вреда Центральному боевому отряду партии? Нет, нет… Буду говорить только о второстепенном… Только о себе… О главном молчать, молчать… Она все еще плохо слышала… Только звон в ушах. Звуки выстрелов. Гул разъяренной толпы… Каменно-чугунные слова: "Стерва… Сволочь… Контра… Падаль…"

— Сколько вам лет? — услышала Каплан и вздрогнула, как от пушечного выстрела. Разом слетело сковывавшее нечеловеческое оцепенение. Закрыла глаза. Перед ней пронеслись мгновенные видения: заводской двор, автомобиль с открытой дверцей.

Невысокий человек, с бородкой и добрыми, с прищуром, глазами. И револьвер, бьющийся в ее ослабленной руке…

— Сколько вам лет? — повторил Дьяконов вопрос.

— Двадцать восемь… Родилась в Виленской губернии…

Свои показания Каплан подписать отказалась. Просила в них исправить. что она не анархистка, а лишь сидела в Акатуе как анархистка.

Дьяконов внес в текст протокола эти исправления и попросил их заверить С.Н.Батулина, И.Ф.Пиотровского и рабочего завода Михельсона Андрея Уварова, который под протоколом написал: "Показания Фанни Каплан сделаны при мне".

Было 11 часов 30 минут вечера 30 августа 1918 года.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ

ИЗ ПОКАЗАНИЙ П.К.ГИЛЯ

Живет в Кремле. Офицерский корпус, 16. Шофер В.И.Ленина. Сочувствует коммунистам. После окончания речи В.И.Ленина, которая длилась около часа, из помещения, где был митинг, бросилась к автомобилю толпа…

"Вслед за толпой вышел Ильич, окруженный женщинами и мужчинами, и жестикулировал рукой… Когда Ленин был уже на расстоянии трех шагов от автомобиля, я увидел сбоку, с левой стороны от него, в расстоянии не более трех шагов, протянувшуюся из-за нескольких человек женскую руку с браунингом, и были произведены три выстрела, после которых я бросился в ту сторону, откуда стреляли. Стрелявшая женщина бросила мне под ноги револьвер и скрылась в толпе…

Поправлюсь: после первого выстрела я заметил женскую руку с браунингом".

ИЗ ПОКАЗАНИЙ С.Н.БАТУЛИНА

"В момент выхода тов. Ленина из помещения завода Михельсона, в котором происходил митинг на тему "Диктатура буржуазии и диктатура пролетариата", я находился от тов. Ленина на расстоянии 15–20 шагов. На лестнице при выходе

присутствовавших на митинге, стремительно бросившихся к выходу, образовался затор, но мне после больших усилий все же удалось быстро выйти на улицу.

Подойдя к автомобилю, на котором должен был уехать тов. Ленин, я услышал три резких сухих звука, которые я принял не за револьверные выстрелы, а за обыкновенные моторные звуки. Вслед за этими звуками я увидел толпу народа до этого спокойно стоявшую у автомобиля, разбегавшуюся в разные стороны, и увидел позади кареты автомобиля тов. Ленина, неподвижно лежавшего лицом к земле. Я понял, что на жизнь тов. Ленина было произведено покушение. Человека, стрелявшего в тов. Ленина, я не видел. Я не растерялся и закричал: "Держите убийцу тов. Ленина!" И с этими криками выбежал на Серпуховку, по которой одиночным порядком и группами бежали в различном направлении перепуганные выстрелами и общей сумятицей люди.

… Позади себя, около дерева, я увидел с портфелем и зонтиком в руках женщину, которая своим странным видом остановила мое внимание. Она имела вид человека, спасающегося от преследования, запуганного и затравленного. Я спросил эту женщину, зачем она сюда попала. На эти слова она ответила: "А зачем вам это нужно?" Тогда я, обыскав ее карманы и взяв ее портфель и зонтик, предложил ей пойти за мной. В дороге ее спросил, чуя в ней лицо, покушавшееся на тов. Ленина: "Зачем вы стреляли в тов. Ленина?". На что она ответила: "А зачем вам это нужно знать?". что меня окончательно убедило в покушении этой женщины на тов. Ленина. В это время ко мне подошли еще человека три-четыре, которые помогли мне сопроводить ее. На Серпуховке кто-то из толпы в этой женщине узнал человека, стрелявшего в тов. Ленина. После этого я еще раз спросил: "Вы стреляли в тов. Ленина?" На это она утвердительно ответила, отказавшись указать партию, по поручению которой она стреляла…

В Военном Комиссариате Замоскворецкого района эта задержанная мною женщина на допросе назвало себя Каплан и призналась в покушении на жизнь тов. Ленина".

ИЗ ПОКАЗАНИЙ РАБОЧЕГО ЗАВОЗА МИХЕЛЬСОНА Б.БЛИНККОВА

"Когда я выбрался из цеха во двор и вышел за ворота, то увидел Иванова, Уварова — рабочих завода Михельсона и еще нескольких товарищей, фамилий которых я не знал. Они вели по

Арсеньевскому переулку террористку, которую огромная толпа рабочих готова была казнить на месте преступления. Но сознание, что преступница предстанет перед пролетарским судом и понесет должное наказание, предостерегло рабочих от свершения самосуда…"

ИЗ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЯ А.А.САФРОНОВА.

Увидев т. Ленина лежащим, я подошел оказать помощь т. Ленину. Мы посадили его в автомобиль. Я его спросил: "Ранены ли вы, товарищ?" Он ответил, что ранен в руку. Я перевязал ему руку носовым платком…, чтоб не было кровотечения.

Б.Строгоновский пер., д. 24, кв.18. Работаю в 81 эвакуационном госпитале. Фельдшер".

ИЗ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

"Семенов показывает, что… на завод Михельсона он послал старого эсера — боевика Новикова, а Каплан дежурила недалеко от завода, на Серпуховской площади. Усов подтверждает фактическую сторону покушения и то, что при Каплан в качестве разведчика был Новиков.

Коноплева показывает, что Ленин приехал на завод Михельсона, и дежурный там боевик Новиков дал знать Каплан, которая при выходе Ленина в него стреляла…"

Отравленные пули

Каплан задержали, а на ее сообщника — дежурного боевика Новикова никто не обратил внимания. Террорист загипнотизировал рабочих матросской формой и сказался вне подозрений. Он попытался исправить ошибку Каплан. Кинулся с револьвером к упавшему Ленину, но его успел заслонить собой шофер Гиль. Новикову ничего не оставалось, как скрыться за воротами в толпе и воспользоваться пролеткой с рысаком, приготовленной им для Каплан.

Жизнь Владимира Ильича на заводе Михельсона подверглась смертельной опасности. Но он этого не сознавал. Когда красноармеец Сафонов спросил его, куда он ранен, Ленин ответил: "В руку". Подошла сотрудница Московского горкома партии Гончарова и стала успокаивать Владимира Ильича. Помогла Гилю. Сафронову и Полуторному усадить его в автомобиль. Он сел, как всегда, на заднее сиденье.

Раньше, чем взяться за руль, Гиль посмотрел на Владимира Ильича. Лицо его было бледно, глаза полузакрыты. Весь он как-то притих. Сердце Гиля сжалось, как от физической боли, к горлу что-то подступило… Он вдруг осознал, что Ильича можно не довезти до Кремля. Навеки потерять. Но предаваться горю было некогда. Надо было действовать, так же как действовал фельдшер Сафронов. Он остановил кровотечение. Сделал перевязку. Жизнь Владимира Ильича должна быть спасена.

Гиль слышал, как Сафронов спросил у Ленина: нет ли в машине индивидуального пакета? Владимир Ильич ответил, что он воевать не собирался. Гиль подумал, что прав Сафронов — индивидуальный пакет должен находиться в таком автомобиле, которым пользуется глава правительства. Это его, Гиля, упущение, что в критическую минуту в машине не оказалось даже индивидуального пакета, не то что аптечки.

Гиль поехал в Кремль очень быстро, как только позволяла дорога.

У Серпуховских ворот Владимир Ильич забеспокоился. — Страшно горит рука, — сказал он, — нельзя ли посмотреть, что с рукой?.. Сопровождавшие Владимира Ильича товарищи, увидев на рукаве рубашки кровавее пятно, предложили заехать на Большую Полянку, в Иверскую общину — для перевязки.

— Нигде не останавливаться, — решительно ответил Владимир Ильич. — Ехать прямо в Кремль.

В пути Гиль несколько раз оглядывался на Владимира Ильича. С половины дороги он откинулся всем туловищем на

спинку сиденья. Не стонал, не издавал ни одного звука. Только лицо его становилось все бледнее и бледнее. Сафронов слегка поддерживал Владимира Ильича там, где дорога оказывалась особенно тряской.

Въехали в Троицкие ворота Кремля. Гиль не остановился, а только крикнул часовым: "Ленин!" И повернул к зданию Совнаркома. Чтобы не привлекать внимание прохожих у парадного подъезда, он оставил машину у боковых дверей, за аркой.

Полуторный и Сафронов помогли выйти Владимиру Ильичу из автомобиля. Гиль обратился к нему:

— Мы вас внесем, Владимир Ильич…

Ленин наотрез отказался. Гиль, Полуторный и Сафронов стали просить и убеждать его, что ему трудно и вредно двигаться, особенно подниматься по лестнице. Никакие уговоры не помогли. Владимир Ильич твердо сказал:

— Я пойду сам. — И, обращаясь к Гилю, прибавил: — Снимите пиджак, так мне будет легче идти.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ

ИЗ СПРАВКИ С.К.ГИЛЯ ОТ 31 ОКТЯБРЯ 1960 ГОДА

Дана в том, что я ГИЛЬ СТЕПАН КАЗИМИРОВИЧ, 1888 года рождения, проживающий в г. Москве, по Измайловскому бульвару, дом 9, кв.24, много лет работавший шофером на автомашине Владимира Ильича Ленина, подтверждаю тот факт, что 30 августа 1918 года, когда Владимир Ильич был ранен на заводе Михельсона /ныне завод им. Владимира Ильича/ эсеркой Каплан, то тов. Сафронов Андрей Андреевич, 1893 года рождения, проживающий в настоящее время в г. Москве, по Мытной улице, дом 23, корпус 9, кв.398, поднял в машину раненого Владимира Ильича, оказал ему первую медицинскую помощь и сопровождал его в Кремль, где помог Владимиру Ильичу выйти из автомашины и дойти до квартиры.

Текст справки и подпись руки С.К.Гиля заверена Государственным нотариусом Алексеевым: реестр N 2-11629.

В неизданных воспоминаниях, хранящихся в семье

Сафроновых, Андрей Андреевич писал: "Когда мы ехали по тряской мостовой, Владимир Ильич кашлял и сплевывал кровь. Тогда я стал осматривать Владимира Ильича и нашел над правой лопаткой другое ранение, но выходного отверстия не было. Мне стало страшно. Я понял всю серьезность положения и я стал просить шофера, чтобы он заехал в первую попавшуюся больницу, но он категорически отказался и поехал в Кремль.

За время пути от Замоскворечья до Кремля по тряской дороге Владимир Ильич не издал ни одного стона и слова жалобы на боль. Я был поражен огромной силой его воли, так мужественно переносившим тяжелое ранение.

Когда мы подъезжали к квартире, я сказал Владимиру Ильичу, что пойду за носилками, но он ответил, что носилки не нужны.

— Потихоньку дойдем."

На лестнице Владимира Ильича и сопровождавших его товарищей встретила Мария Ильинична.

— Что случилось? — испуганно спросила она.

— Успокойся, Маняша, ничего особенного. Немного ранен в руку… Мария Ильинична в недоумении смотрела то на Гиля, то на незнакомых ей Полуторного и Сафронова, то на Владимира Ильича без пиджака и с перевязанной рукой.

Когда Владимира Ильича провели в спальню и положили на кровать, Мария Ильинична попросила Гиля позвонить Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу, а сама побежала в Совнарком сообщить собравшимся на заседание членам правительства, что Ильич ранен.

Квартира Ленина в Кремле стала средоточием быстрых и неотложных действий его родных, друзей и соратников. У руля Страны Советов стал Я.М.Свердлов. В.Д.Бонч-Бруевич взял на себя все заботы о раненом. Владимире Ильиче. Под его присмотром Владимира Ильича уложили в постель, и возле него стал хлопотать доктор А.Н.Винокуров. Вскоре подоспели врачи В.А.Обух и Б.С.Вейсброд.

Предупрежденная о случившемся, по лестнице, задыхаясь, поднималась Крупская. В квартире уже толпился народ. На вешалке в прихожей висели чужие пальто. У двери в комнату Ильича, непривычно распахнутой настежь, стоял озабоченный и удрученный Яков Михайлович Свердлов. Надежда Константиновна побледнела: все кончено… Машинально вошла в спальню… Кровать, выдвинутая на середину комнаты… Виноватые глаза Владимира Ильича. Лицо без кровинки… Забинтованная рука… Увидев жену, Владимир Ильич невнятно проговорил:

— Ты приехала, устала…

Надежда Константиновна вздрогнула: речь бессвязная, глаза затуманены… Вышла из комнаты, чтобы не волновать Ильича. Встала у двери.

К Ленину подошел Луначарский. Стоял, глядел на него испуганно. Владимир Ильич вздохнул:

— Ну, чего уж тут смотреть…

Для детального обследования ран Владимира Ильича нарком здравоохранения Н.А. Семашко пригласил Владимира Николаевича Розанова — руководителя хирургического отделения Солдатенковской больницы.

Розанов немедленно направился в Кремль. Всю дорогу беспокоился. Думал о том, какая огромная ответственность неожиданно свалилась на его плечи…

У дверей квартиры Розанова встретили Свердлов и Семашко.

— Эсеры, — сказал Яков Михайлович, — совершили гнусное предательство. Выстрел в Ленина — это выстрел в сердце революции. Дорогой доктор, Владимира Ильича нужно спасти. Он должен жить, только жить…

Розанов склонился над Лениным, нащупал пульс. Владимир Ильич слабо пожал руку доктора.

— Ничего, зря врачи беспокоятся.

— Вам нельзя разговаривать, Владимир Ильич. — Убедительно прошу молчать.

Ленин слабо улыбнулся.

Розанов приложил ухо к стетоскопу, нахмурился: сердце сдвинуто вправо, тоны отчетливые, но слабые. Сделал легкое выстукивание — вся левая половина груди давала тупой звук. Произошло кровоизлияние в левую плевральную полость. Кровь сместила сердце…

Осторожно ощупал раненую руку Ленина. Обнаружил перелом плечевой кости. Выпрямился, многозначительно взглянул на стоявшего рядом врача В.А.Обуха.

— Пожалуйста, Владимир Ильич, не двигайтесь и не разговаривайте.

Врачи вышли в прихожую. Розанов сказал Крупской:

— Тяжелое ранение, Надежда Константиновна, очень тяжелое, но организм у Владимира Ильича сильный. Будем надеяться на лучшее…

Врачи пришли к мнению, что пуля, к счастью, не задела больших сосудов шеи. Пройди она чуть левее или правее… Другая пуля пробила верхушку левого легкого слева направо и засела около грудно- ключичного сочленения. Третья пробила навылет пиджак под мышкой, не причинив Владимиру Ильичу

вреда.

— Полагаю, извлекать пули сейчас не будем, — подытожил Розанов.

— Пожалуй, повременим, — согласился Обух…

После консилиума врачи вернулись к Владимиру Ильичу. Возле него сидела Надежда Константиновна. Увидев вошедших, Ленин хотел что-то сказать, но Розанов предупреждающе поднял руку.

— Нет, нет. Никаких вопросов!

Ленин робко улыбнулся:

— Ничего, ничего. Это со всяким революционером может случиться.

Родным и близким, членам ЦК РКП/б/, наркомам, собравшимся в квартире, состояние здоровья Ленина внушало тревогу. Догадывался и он, что положение критическое. Попросил всех, кроме Вейсброда, уйти.

— Вы член партии, доктор?

— Да, Владимир Ильич… Коммунист.

— Тогда скажите откровенно, скоро ли конец? Если да, то мне нужно кое с кем обязательно поговорить.

Вейсброд успокаивал Ленина.

— Нужно смотреть правде в глаза, — заметил Владимир Ильич, — какой бы горькой они ни была.

Правда действительно была горькой.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ N 1

30 АВГУСТА 1918 ГОДА. 11 ЧАСОВ ВЕЧЕРА

"Констатировано 2 слепых огнестрельных поранения; одна пуля, войдя над левой лопаткой, проникла в грудную полость, повредила верхнюю долю легкого, вызвав кровоизлияние в плевру и застряла в правой стороне шеи, выше правой ключицы; другая пуля проникла в левое плечо, раздробила кость и застряла под кожей левой плечевой области, имеются налицо явления внутреннего кровоизлияния. Пульс 104. Больной в полном сознании. К лечению привлечены лучшие специалисты — хирурги".

На квартире В.И.Ленина в Кремле находились врачи В.М.Минц, Б.С.Вейсброд, Н. А.Семашко, М.И.Баранов, В.М.Бонч-Бруевич/Величко/, А.Н.Винокуров, В.Н.Розанов, В.А.Обух и другие. Они констатировали необычайно слабую деятельность

сердца, холодный пот и плохое общее состояние. Это как-то не вязалось с кровоизлиянием, которое было не таким сильным, как ожидалось. Врачи высказали предположение: не вошел ли в организм Владимира Ильича вместе с пулями какой-либо яд. У больного появились признаки одышки. Поднялась температура. Ленин впал в полузабытье. Иногда произносил отдельные слова.

Ни один из врачей не ушел из помещения Совнаркома. Они беспрерывно дежурили около комнаты Владимира Ильича, отрядив на первую ночь наблюдающим врачом у постели больного Веру Михайловну Бонч-Бруевич.

Грустно и глубоко печально протекали тревожные часы для Якова Михайловича Свердлова. Он сидел, в кремлевском кабинете за столом Владимира Ильича Ленина, склонившись над бумагами. Несколько поодаль бодрствовали З.А.Аванесов, А.И.Рыков и Л.Б.Каменев.

Первым заговорил Каменев, вторым — Рыков. Они, растерявшись и разуверившись в скором выздоровлении Ильича, поставили вопрос об избрании временного председателя Совнаркома.

— Согласия на подобные предложения я не дам никогда, — непреклонно заявил Яков Михайлович, — и буду самым категорическим, самым решительным образом возражать против каких бы то ни было попыток избрать кого-то другого на пост, принадлежащий Ильичу. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы не допустить подобного решения, а ответственностью пугать меня нечего. Ответственности я не боюсь. Меня поставила сюда партия, народ, и перед партией, народом я отвечу за каждое свое решение, за каждый поступок.

Яков Михайлович умолк. Через несколько минут успокоился и уже более миролюбиво добавил, что организм у Ильича крепкий. Сердце выносливое. Он и мысли не допускает о смерти Ленина.

Но в первую ночь был грозный момент, когда не только родные, члены Совнаркома, но и врачи дрогнули: в области плевры скопилось так много крови, что она шла из грудной клетки во время кашля. Врачи беспокоились, не получил ли ранение пищевод. Это означало бы неизбежной трагический исход. Был немедленно проведен консилиум, который не подтвердил опасений. Опасный симптом оказался, выражаясь медицинским термином, "фокусом" в правом легком, который профессор Н.Н.Мамонов объяснил затеканием крови в здоровое легкое из пораженного при отхаркивании.

В бюллетене N 2 отмечалось, что общее положение Ленина серьезное. Но уже в бюллетене N 3 говорилось, что он чувствует

себя бодрее. Вечером 31 августа в бюллетене N 4 сообщалось, что непосредственная опасность для жизни Владимира Ильича миновала.

Врач В.А.Обух сказал на заседании Исполкома Моссовета, что нормальная деятельность сердца у Владимира Ильича почти восстановилась, самочувствие его значительно улучшилось.

Управляющий делами СНК В.Д.Бонч-Бруевич о состоянии здоровья В.И.Ленина по прямому проводу в Царицын сообщал: "Состояние здоровья вполне "удовлетворительное… Доктора, в первый раз после ранения, дали ему выпить молока. Спит спокойно. Шутит. Стремится разговаривать, но ему категорически это запрещают. Недоволен, что не дают газет и книг. Спрашивает о положении на фронте. Конечно, политических разговоров никаких не ведет.

Сегодня будут делать снимки рентгеновскими лучами. Пули находятся совершенно под кожей, так что их вынуть очень легко, но пока их не трогают, чтобы дать немного окрепнуть Владимиру Ильичу. Боли уменьшились. Левое легкое начинает дышать. Процесс рассасывания крови, как говорят врачи, идет вполне благополучно. Непосредственная опасность для жизни миновала, но все-таки три или четыре дня тревожно, так как именно в эти дни может произойти осложнение, но врачи единогласно утверждают, что процесс болезни идет очень благополучно. Владимир Ильич получает множество телеграмм со всей России".

По истечении недели после покушения на В.И.Ленина нарком здравоохранения Н.А.Семашко в интервью московским газетам изложил историю его болезни и попытался сделать более определенные предположения на счет будущего. Непосредственными опасностями после покушения были: продолжавшееся кровоизлияние и слабая деятельность сердца. На устранение этих опасений и были направлены заботы врачей.

Как видно из медицинских бюллетеней, эта непосредственная опасность миновала лишь через несколько дней. Кровоизлияние остановилось. Пульс стал лучше. Но присутствие крови в плевре являлось теперь главным обстоятельством, требующим особого внимания. Сохранялась постоянная опасность заражения. Правда, всасывание крови шло очень успешно. Поэтому пока и не возникала надобность в искусственном отсасывании крови. Тем не менее, опасность заражения организма существовала.

Многие тогда задавались вопросом, почему врачи не спешили с извлечением пуль?

Прежде всего, пули вели себя вполне "пристойно": они не беспокоили больного. Отечность около них значительно уменьшилась. Ни субъективных, ни объективных неприятностей

Ленину они не доставляли. Немедленное же извлечение пуль сопрягалось с некоторыми сложностями: беспокойство больного / которого врачи должны оберегать от всяких волнений/, неизбежность кровотечения, хотя бы и небольшого, а главное, возможность инфицирования открытой раны и, следовательно, инфицирования крови в плевре.

Н.А.Семашко заметил, что Ленин поправится скорее, чем можно было предположить по характеру ранения.

Что касалось доследования покушения, то этим занималась ВЧК.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

КРЫЛЕНКО: Мы переходим к моменту трагического дня 30-го августа… Для революции, для истории мировой революции, для спасения России и русской революции этот трагический день является одним из самых опасных дней, которые когда — либо переживала Россия. Переживал русский рабочий класс. Переживала русская и мировая революция. В этот день эсерка Каплан стреляла во Владимира Ильича Ленина. Если бы не было в нашей революции, в частности, в той борьбе, которую мы вели и ведем за спасение и сохранение России и русской революции, Владимира Ильича, не было бы его светлого, ясного ума, не было бы его железной воли, то самарские ужасы и здесь, в Москве, имели бы место, и вся эта проклятая буржуазная сволочь терзала бы трупы тысяч русских рабочих и тысячи русских крестьян.

ЖАК САДУЛЬ: Эсеры дезорганизовывали, убивали, разоряли, бросали в объятия голода свою несчастную родину, которой отведено столько места в их программе и так мало места в их собственных сердцах.

ИЗ БИОГРАФИЧЕСКОЙ ХРОНИКИ В.И. ЛЕНИНА

1918, сентябрь, 1.

Я.М.Свердлов сообщает в 11 час. 45 мин. в Петроград, что состояние здоровья Ленина несколько улучшилось. Больной шутит, заявляет врачам, что они ему надоели, не хочет

подчиняться дисциплине, шутя подвергая врачей перекрестному допросу, вообще "бушует". Сегодня мы все окрылены надеждой.

Решающие дни по ходу болезни, однако, еще впереди.

На допросах в ВЧК

Летом 1918 года эсеры захватили власть в Самаре. Здесь 8 июня, в день захвата Самары чехословацким корпусом, был создан Комитет членов Учредительного собрания /Комуч/. Рабочие и крестьяне презрительно окрестили его "Самарской учредилкой". Сюда перебрались почти все члены ЦК ПСР и стали издавать свои газеты "Дело народа", "Земля и воля".

Вначале эсеры вели игру в "демократию". Буржуазия поддержала" Самарскую учредилку", но лишь до поры до времени. Втайне она была недовольна игрой в "демократию" и ждала подходящего момента для установления "сильной" власти, считая эсеровское правительство переходным, временным явлением.

Недовольство Комучем открыто высказывали и трудящиеся. "Народная армия" таяла. Крестьяне прямо заявили, что защищать "Самарскую учредилку" не намерены. Эсеры перешли к репрессиям. В июле 1918 года, при подавлении крестьянского восстания в Бугурусланском уезде Самарской губернии они расстреляли 500 человек. Были расстреляны 900 новобранцев, отказавшихся следовать из Самары за отступающей "Народной армией". На станции Чишма /Самаро-Златоустовская ж.д./ полковник Виноградов, ставленник эсеров, расстрелял 121 пленного красноармейца. Учредиловский генерал Ханжин за отказ крестьян служить в "Народной армии" Комуча спалил целый Кустанайский уезд. В докладе о деятельности агитационно-вербовочного отдела штаба "Народной армии" по Уфимской губернии отмечалось, что добровольчество в деревне не пользуется успехом. "Нужно сказать определенно, — говорилось в докладе, — что запись в Добровольческую армию дает ничтожные результаты". Уездный агитатор — организатор по Белебеевскому уезду той же Уфимской губернии 1 сентября 1918 года сообщал: "Приток добровольцев слабый. Через бюро с 3 августа 1918 г. прошло 9 человек. В некоторых волостях, особенно на севере уезда, добровольцев нет". По всей Уфимской губернии за июль — август 1918 года числилось всего 44 добровольца. Терпение учредиловских демократов кончилось и дни объявили мобилизацию. Превратили территорию Комуча в военный лагерь. За уклонение от мобилизации — расстреливали.

Самарская тюрьма была рассчитана на 800 мест. В середине июня 1918 года в ней находилось уже около 1700 заключенных. В городе Симбирске числилось в тюрьмах и арестантских домах 557 человек. В Бузулукской уездной тюрьме находилось 500 человек,

в Хвалынске — 700, в Сызрани — около 600.

Эсер Б.К.Фортунатов возглавил специальный особый отдел, который стал бороться не с буржуазией, а с большевиками и со всеми, кто им сочувствовал.

Бывший министр труда Самарского правительства И.М.Майский говорил: "Мы мало стеснялись в средствах борьбы против большевиков. Все тюрьмы Самары были переполнены большевиками. Их было арестовано и репрессировано более двух тысяч".

Эсер Святицкий утверждал: "Бушевал настоящий террор как со стороны эсеров, так и со стороны чехословаков и черносотенного офицерства. Процветали казни, издевательства, карательные экспедиции, массовые расстрелы… И это, по утверждению Гоца, Тимофеева, Веденяпина и Донского, был не террор, а всего-навсего "защита" народовластия. Подлинная же правда гласила: так называемые "социалисты-революционеры", снедаемые лютой ненавистью к Советской власти, к Ленину, к большевикам, вешали и расстреливали в своем поволжском "государстве" без суда и следствия тех, кто отказывался пополнять поредевшее войско учредиловцев.

Как отнеслась "Самарская учредилка" к известию о покушении на В.И.Ленина? Она буквально захлебывалась от радости. Своеобразно реагировал на покушение проходивший в Самаре Пленум ЦК ПСР. Он выслушал сообщение о покушении в порядке информации и принял его к сведению. Порицания злодейского акта не последовало. Зато было горячее одобрение. Газета "Земля и воля" писала, что покушение — не месть, а наказание. "Ленин… на время, а может быть и навсегда /судя по тому, что пуля повредила легкое/ выбыл из строя. Удар нанесен в самое сердце Советской власти… Акт произошел после рабочего собрания. Можно предполагать, что и Ленин, как и Володарский, покаран рабочим".

Сестра двух офицеров, казанская белогвардейка, узнав о покушении на В.И.Ленина, записала в своем дневнике: "Вчера много радости принесли газеты. Во-первых, Ленин в Москве ранен и притом безнадежно".

Газета меньшевиков "Рабочее дело", выходившая в Казани, вещала: "Большевики идейно давно изжили себя, и именно это создало впечатление, что он — большевизм и Ленин — одно и то же, и что с уничтожением последнего уничтожится и первый… Ленин должен был погибнуть и погиб…" Так откликнулись эсеры и меньшевики на выстрел во Владимира Ильича Ленина. Руководители эсеровский и меньшевистской партий полагали, что террористический акт вызовет панику и смятение,

замешательство и разброд в рабочем классе и крестьянстве, породит у народа сомнение в правильности политики Советского правительства и подорвет его авторитет. Они рассчитывали, что смерть Ленина активизирует борьбу всех контрреволюционных сил в России против большевизма и приведет эсеров и меньшевиков к власти.

Просчитались. Не случилось ни паники, ни замешательства, ни разброда, ни смятения. Проявив железную выдержку, трудящиеся массы, еще крепче сплотились вокруг ленинской партии и ответили на белый террор красным террором… Советская власть по единодушному требованию трудящихся масс, приняла решительные меры для защиты своих вождей и завоеваний Великого Октября. Рабочий класс и трудовое крестьянство Советской Республики с необычайной ясностью осознали, что покушение на В.И.Ленина — это апогей двурушничества, обмана, лжи, лицемерия, провокаций и политического бандитизма всего мелкобуржуазного революционеризма и показатель его бессилия. Они заклеймили партию эсеров вечным позором. В резолюции Московского Совета Рабочих и Крестьянских депутатов говорилось: "Пуля, направленная в нашего вождя предательской рукой изменника, стремилась поразить сердце и мозг мировой социалистической революции".

Весть о ранении В.И.Ленина подняла бурю гнева в сердцах трудящихся. Они требовали строгого наказания террористов, клялись делом доказать преданность вождю, новыми победами на фронте и в труде "быстро залечить его раны", чтобы он снова встал к рулю Советского государства.

На заводах и фабриках стихийно возникали митинги. Рабочие массы буквально осаждали Президиум Московского Совета. Стремились хоть что-то узнать о состоянии здоровья своего вождя.

Советский правительственный аппарат работал особенно интенсивно. При первой же возможности был налажен выпуск медицинских бюллетеней, в которых извещалось о ходе болезни Владимира Ильича. Управляющий делами Совнаркома В. Д.Бонч-Бруевич по прямому проводу сообщал в Петроград все подробности покушения на Ленина, составил описание происшедшего на заводе Михельсона и послал эти сведения во все московские и петроградские газеты, передал их правительственному телеграфному агентству для передачи по всей стране. В Петрограде было установлено круглосуточное дежурство в Совете и туда сообщались все новые сведения почти каждый час. Пока не удавалось выяснить, были ли у Каплан

соучастники. Она настойчиво убеждала следствие, что действовала в одиночку, на свой страх и риск. Всякую связь в покушении со своими однопартийцами — правыми эсерами и их Центральным Комитетом — отрицала.

В сложной и напряженной обстановке проводило ВЧК следствие. 20 июня был убит комиссар Петроградского Совета по делам печати, пропаганды и агитации В.Володарский. В начале июля 1918 г. подавлен левоэсеровский мятеж в Москве, Рыбинске и Муроме, а 22 июля — белогвардейский мятеж в Ярославле. 2 августа последовала высадка в Архангельске английских, американских и французских интервентов. 4 августа англичане оккупировали Баку. Осуществлялась операция ВЧК по ликвидации заговора Локкарта.

За несколько дней до покушения на В.И.Ленина секретарь Совнаркома Л.А.Фотиева в приемной обнаружила письмо. Некто, предпочитая остаться неизвестным, угрожал: "Раздастся выстрел в Петрограде, эхо его отзовется в Москве".

Угроза была осуществлена. Утром 30 августа в здании Петроградской ЧК Леонид Канегиссер убил председателя ЧК М.С.Урицкого. Не успел Ф.Э.Дзержинский с группой чекистов доехать до Петрограда для расследования убийства Урицкого, как Фанни Каплан осуществила в тот же день вечером вторую угрозу — стреляла в Ленина и тяжело его ранила.

Как только заместителю председателя ВЧК Я.Х.Петерсу стало известно, что террористка находится в Замоскворецком военном комиссариате, он приказал немедленно доставить ее на Лубянку. По тихим ночным улицам две машины без остановок помчались к центру Москвы, к зданию ВЧК. Здесь их ждали нарком юстиции Д.Н.Курский, член коллегии этого же наркомата М.Ю.Козловский, секретарь ВЦИК В.А.Аванесов, Я.Х.Потерс, Н.А.Скрыпник — заведующий отделом ВЧК. Позднее к ним присоединился В.Э. Кингисепп — член ВЦИК и член коллегии ВЧК. В течение четырех дней — 30, 31 августа, 1 и 2 сентября 1918 года — следователи и чекисты допросили более 40 свидетелей покушения.

Список свидетелей, прибывших в Военный Комиссариат Замоскворецкого района 30 августа 1918 года:

БОГДЕВИЧ ИОСИФ АНТОНОВИЧ — завод Михельсона, Даниловская улица, д.1.кв.7.

ХВОРОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ — Б.Серпуховская, Д.Щипковский пер., д.6, кв.3.

ГРУЗДЕВ ПАВЕЛ СЕМЕНОВИЧ — Даниловский рынок, Хавский пер., д.6, кв.3.

ИЛЬИН ВАСИЛИИ ВАСИЛЬЕВИЧ — фабрика Волк, М.Татарская, д.16, кв.223

ТИТОВ СЕМЕН ИВАНОВИЧ — товарищество Жемочкина, 1-й Дербеневская улица, д.3, кв. при заводе Жемочкина.

МАМОНОВ ЕФИМ ЕФИМОВИЧ — 3-й Щипковский пер., д.2, кв.2.

ПРОХОРОВ МИХАИЛ ЗАХАРОВИЧ — 2-й Серпуховский проезд, д.9, кв.1

СУХОТИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ — Павловская ул, 2-й Павловский пер. д.6, кв. 10.

КАЛАБУШКИН ИВАН НИКОЛАЕВИЧ — Б.Серпуховская, д.9, кв.2

РОМАНЫЧЕВ ДМИТРИЙ АНДРЕЕВИЧ — Зацепа, д.23, кв.16.

АЛЕКСАНДРОВ ИГНАТ АЛЕКСАНДРОВИЧ — 3-й Павловский пер., д.19, кв.14

ГРОМОВ ВАСИЛИЙ МИХАИЛОВИЧ — Шаболовка, д.41/43, кв. 10

РУМБАЕВСКИЙ ГЕНРИХ ЯКОВЛЕВИЧ — Лужницкая, д.17, кв. Особняк.

БЫЧКОВ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ — Б.Калужская, в 3-й квартире при ремесленном училище.

СЫРОМОЛОТОВ ВАСИЛИЙ ЕФИМОВИЧ — Озерковская набережная, д.3, кв. 11.

ЩЕПОТКИН ВАСИЛИЙ ЛЕОНИДОВИЧ — красноармеец 1-го конного советского полка.

БАТУЛИН СТЕПАН НИКОЛАЕВИЧ.

ДЬЯКОНОВ.

СПИСОК ЛИЦ, ПРИВЛЕЧЕННЫХ ПО СЛЕДСТВЕННОЮ ДЕЛУ Ф.Е.КАПЛАН:

1. Каплан Ф.Е. 2. Конциновская М.С 3. Легонькая З.И. 4. Московкина К.С. 5. Никишин В.Д. 6. Попова М.Г. 7. Попова О.Н… 8. Попова Н.М. 9. Попова М.Я. 10. Пигит Д.С. 11. Пигит А.С. 12. Тарасова В.М. 13. Радзиловская Ф.Н. 14. Семичев Н.С., 15. Штальтерброт Вера.

На квартире Давида Савельевича и Анны Савельевны Пигит, где остановилась в Москве Каплан, чекисты долго не снимали засаду. Но никто по адресу арестованных не пришел. После расстрела Фанни Каплан и окончания следствия ВЧК сочло возможным освободить из-под ареста всех подозреваемых: Д.С.Пигит, А.С.Пигит, В.М.Тарасову, Ф.Н.Радзиловскую,

В.Штальтерброт — эсеров, знавших Каплан по тюрьмам и каторге, встречавшихся с террористкой в Москве. Освобождены были Поповы и их знакомые: К.С.Московкина, домашняя портниха и подруга М.Г.Поповой; Н.С.Семичев — знакомый М.Г.Поповой; В.Д.Никишин — племянник Д.И.Семичева. Была освобождена М.С.Конциновская, квартировавшая у брата и сестры Пигит.

В следственном деле Ф.Е.Каплан было прошито и пронумеровано 124 листа, листы 52, 76, 102 повторены дважды; 1, 78 — по одному разу, листы дела 11, 84, 87, 94 — отсутствуют.

ИЗ СООБЩЕНИЯ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ПО ДЕЛУ ПОКУШЕНИЯ НА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СНК В.И.УЛЬЯНОВА /ЛЕНИНА/

"Из предварительного следствия выяснено, что арестованная, которая стреляла в товарища Ленина, состоит членом партии правых социалистов-революционеров черновской группы… Упорно отказывается давать сведения о своих соучастниках и скрывает, откуда получила найденные у нее деньги… Из ее показаний видно, что она недавно приехала из Крыма и последнее время жила в Москве… Принимаются все меры к выяснению всех обстоятельств дела. Задержано несколько человек. Следствие ведется по всем районам Москвы.

Зам. председателя следственной комиссии
Петерс".

Каплан на Лубянке первым начал допрашивать Д.И.Курский. Он внимательно смотрел на женщину, сидевшую на стуле в напряженной позе. Она словно приготовилась к прыжку.

— Кто вы?

Молчание. Курский повторил вопрос. Арестованная нервно дернула плечом:

— Отвечать отказываюсь.

— Вы не хотите назвать свое имя? Причины?

— Отвечать отказываюсь.

— Где вы взяли оружие?

— Не имеет значения.

— Вам его кто-нибудь передал?

— Не скажу.

Каплан говорила короткими рублеными фразами. Ни одного

лишнего слова. Кратковременное пребывание в камере помогло ей, видимо, собраться.

— С кем вы связаны? С какой организацией или группой?

Молчание… Курский повторил вопрос.

Каплан будто не слышала. Главное для нее — не выдать своих связей с партией, с членами Центрального Комитета.

— Отвечать не желаю.

Курский задал еще несколько вопросов. Каплан молчала.

К допросу террористки приступил Петерс. Каплан продолжала упорствовать.

— Кто ваши сообщники? С какой партией вы связаны? Кто руководил подготовкой покушения?

Террористка упорно молчала, а если и отвечала, то ответы были односложными и короткими: "Нет. Не окажу. Не знаю. Не желаю отвечать". Категорически отрицала даже то, что в ее портфеле нашли профсоюзный билет на имя Митропольской и железнодорожный билет до Томилино.

Чекист Илья Фридман, охранявший Каплан, вспоминал, что во время ее допроса заместителем председателя ВЧК Я.Х.Петерсом присутствовал председатель ВЦИК Я.М.Свердлов.

Петерс: Ваша фамилия?

Каплан не ответила.

Вопрос Петерсом повторился и снова остался без ответа.

Петерс: К какой политической партии принадлежите?

— Молчание.

Петерс: Какая организация поручила вам совершить террористический акт против вождя рабочего класса Ленина?

Вместо ответа Каплан резким броском головы прикрыла лицо распущенными волосами. Всегда спокойный Я.М.Свердлов, возмущенный наглым поведением террористки, ударил кулаком по столу, вскочил и резко сказал:

— Я, как председатель высшего исполнительного органа Советской власти — ВЦИК, требую от вас, стрелявшей в товарища Ленина, ответа. Кто вы?.. Кто поручил вам совершить это неслыханное злодеяние против вождя рабочего класса России? Говорите! Вы эсерка?..

— Я сидела в царских тюрьмах, жандармам ничего не говорила и вам ничего не скажу. В Ленина я стреляла…

Вскочила со стула и истерически закричала:

— Убила я его или нет? Жив он или нет?

Я.М.Свердлов своим чеканным голосом, видимо уже взяв себя в руки, твердо ответил:

— Да, да, наш дорогой товарищ Ленин жив и будет жить!

Илья Фридман увел Каплан в камеру. Председатель

следственной комиссии Наркомюста М.Ю.Козловский сказал:

— Несомненно, это дело рук организации эсеров.

— Характерная черта их тактики, — заметил Петерс. — Напакостить и нырнуть в кусты.

— Эсеры давно охотились за Ильичем, — откликнулся Свердлов. — Для борьбы с Советской властью они используют самые подлые средства. И террор — в том числе.

— Беда в том, — грустно сказал Петерс, — что Владимир Ильич не прислушался к нашим предупреждениям. Когда Берзин рассказал ему о планах мерзавца Локкарта, он расхохотался и воскликнул:

— Совсем как в романах. Это почище Конан-Дойла. Какая-то пинкертоновщина.

— Надо организовать личную охрану Ильича, — обратился Свердлов к Петерсу. — Обдумайте это в ВЧК и внесите предложение во ВЦИК.

31 августа к допросам Каплан подключился следователь по особо важным делам Верховного Трибунала РСФСР и ВЧК В.Э.Кингиссепп. Он разыскал в Москве бывшую каторжанку Веру Михайловну Тарасову-Боброву и та охотно посвятила его в немудрую внешне биографию террористки Фанни Каплан.

…Тарасову-Боброву судили в 1906 году за хранение взрывчатых веществ. Приговорили к четырем годам каторги. Наказание отбывала в Нерчинске. Знала многих каторжан, в том числе и Каплан. Обратила на нее внимание потому, что она в январе 1909 года ослепла.

Трудно сходившаяся с людьми, ослепшая каторжанка прониклась к Тарасовой симпатией и уважением. Безропотно принимала от нее поддержку и помощь. Рассказала о своей террористической работе в киевской полуанархистской, полуэсеровской организации. Жалела, что так и не встретилась с Гершуни — создателем и диктатором боевой организации ПСР. Ведь это по его планам и указаниям она принимала участие в подготовке покушения на генерала Клейгельса в Киеве. И не могла смириться в тем, что не успела совершить на воле ничего героического во имя революции и народовластия. Вечная каторга убивала здоровье, надежду на освобождение, на светлую и радостную жизнь.

Каплан ослепла не раньше и не позже — 9 января, в четвертую годовщину "кровавого воскресения". Она и прежде теряла зрение, но не надолго — на два-три дня. На этот раз ее прозрение длилось почти три года. Тюремные врачи потерю зрения Фаней Каплан связывали с резкими головными болями, которыми она жестоко страдала на каторге.

После отбытия каторги Вера Тарасова некоторое время находилась за границей. Вернулась в Россию в июле 1917 года. С Каплан встретилась случайно, весной 1918 года в Москве, в трамвае. О подготовке покушения на Ленина она ей не рассказывала.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА В.М.ТАРАСОВОЙ-БОБРОВОЙ

… Я вернулась из-за границы в июле 1917 года. Фанни Каплан… встретила в этом году /в 1918 — Н.К./, не ручаюсь за память, в апреле или около этого в вагоне трамвая "Б", кажется, у Каретно-Садовой. Я к ней подошла и имела с ней весьма короткий разговор. Это был обычный разговор про наших каторжанок, как кто поживает и т. д. Я не могу категорически утверждать, что не встречала до или после этого у Пигит…

Мне неизвестно, чтобы Фанни Каплан когда-либо носила другую фамилию.

Допрашивал В.Кингисепп.

Вооруженный сведениями, добытыми Кингисеппом у Веры Тарасовой, Петерс снова вызвал Каплан на допрос. На этот раз она разговорилась. Рассказала о себе. Назвала свое имя. Вообще держалась проще, раскованней.

Да, она Фанни Каплан. До 16 лет носила фамилию Ройдман. Родилась на Волыни. Семья в 1911 году уехала в Америку. У нее — четыре брата и три сестры.

Допрос шел ровно, без осложнений, тщательно записывалось все сказанное. Каплан неохотно, но все же рассказала о своем детстве и о семье, о вступлении в киевскую организацию анархистов, где она впервые приобщилась к террору. И не сообщала ничего вразумительного о своем участии в покушении на В.И.Ленина. Как она узнала о митинге михельсоновцев? Кто ею руководил и помогал вести слежку? Кто снабдил ее деньгами и оружием? Об этом — ни слова.

— Где вы остановились в Москве? — спросил Петерс, пододвинув к себе лист бумаги.

— У знакомой каторжанки Анны Пигит. Мы с ней вместе

приехали в Москву из Читы.

— Где проживает Пигит?

— Большая Садовая, дом десять, квартира пять…

ИЗ ПОКАЗАНИЙ АННЫ ПИГИТ.

Я заявляю, что предъявленная мне для опознания содержащаяся под стражей во Всероссийской Чрезвычайной Комиссии женщина, называющая себя Фанни Каплан, есть действительно Фанни Каплан…

КАПЛАН: У Анны Пигит жила не больше месяца. Потом уехала в Евпаторию. В санатории политических амнистированных находилась два месяца. Потом срочно выехала в Харьков на глазную операцию и прожила там до февраля 1918 года…

Каплан замолчала. Петерс не удивился. Террористка вела себя на допросах абсолютно непредсказуемо. Петерс и Каплан пристально рассматривали друг друга. Присутствовавший на допросе начальник секретного отдела Скрыпник не подавал голоса. Его будто и не было в комнате. Растворился в воздухе. А между тем он внимательно следил за поединком.

Эти двое напоминали ему кобру и мангуста. Скрыпник таким и запомнил Петерса. Белая косоворотка. Спокойное усталое лицо. Густая грива аккуратно причесанных волос со снежно-сизоватой проседью. Чуть заметный наклон головы в сторону Каплан. Негромкий голос. Ни угроз. Ни обещаний. Ни заигрывания. Пытливый, пронизывающий взгляд.

— Кто был ваш отец по профессии?

Каплан встрепенулась. Вопрос был неожиданным и никак не вязался с ее террористическим прошлым и настоящим. Петерс уловил, что какая-то искорка света мелькнула в ее глазах.

— Отец мой был еврейским учителем.

Петерс одобряюще улыбнулся, приглашая Каплан к продолжению разговора. Террористка заявила, что окончательно оформила свои идейные взгляды на политическую борьбу в тюрьмах и на каторге.

КАПЛАН: В Акатуе порвала с анархистами и стала социалисткой-революционеркой. Убеждения изменила потому, что попала на каторгу очень молодой. Плохо разбиралась в политических группировках. Увлеклась анархизмом, а потом в нем разочаровалась. Твердо стала на позиции эсеровского народовластия. По течению в партии больше примыкала к

Виктору Чернову.

Курский: Связан ли ваш социализм со Скоропадским?

Каплан: Отвечать не намерена.

Курский: Слыхали ли вы про организацию террористов, связанную с Савинковым?

Каплан: Говорить на эту тему не желаю.

Курский: Есть ли у вас знакомые среди арестованных Чрезвычайной Комиссией?

Каплан: Не знаю.

Курский: Как вы относитесь к теперешней власти на Украине?

Каплан: Отрицательно.

Курский: Как вы относитесь к Самарской и Архангельской власти?

Каплан: Не хочу отвечать.

Курский: Почему вы стреляли в Ленина?

Каплан: Стреляла по убеждению.

Курский: Сколько раз вы стреляли в Ленина?

Каплан: Не помню.

Курский: Из какого револьвера стреляла?

Каплан: Не скажу. Не хотела бы говорить подробности.

Курский: Были ли вы знакомы с женщинами, разговаривавшими с Лениным у автомобиля?

Каплан: Никогда их раньше не видела и не встречала. Женщина, которая оказалась раненой при этом же событии, мне абсолютно незнакома.

Петерс: Просили вы Биценко провести вас к Ленину в Кремль?

Каплан: В Кремле я была один раз. Биценко никогда не просила, чтобы попасть к Ленину.

Курский: Откуда у вас деньги?

Каплан: Отвечать не буду.

Курский: У вас в сумочке обнаружен железнодорожный билет до станции Томилино. Это ваш билет?

Каплан: В Томилино я не была.

Петерс: Когда вы видели последний раз Биценко?

Каплан: Встретила ее на улице около месяца тому назад.

Петерс: Где вас застала Октябрьская революция?

Каплан: Октябрьская революция застала в Харькове, в больнице. Этой революцией я осталась недовольна. Встретила ее отрицательно. Большевики — заговорщики. Захватили власть без согласия народа. Я стояла за Учредительное собрание и сейчас стою за него.

Петерс: Где вы учились? Где работали?

Каплан: Воспитание получила домашнее. Занималась в Симферополе. Заведовала курсами по подготовке работников в волостные земства. Жалованье получала /на всем готовом/ 150 рублей в месяц.

Петерс: Как же все-таки вы оцениваете Самарское правительство? Курскому вы не ответили.

Каплан: Самарское правительство принимаю, всецело и стою за союз с союзниками против Германии.

Петерс: Стреляли в Ленина вы? Подтверждаете?

Каплан: Стреляла в Ленина я. Решилась на этот шаг еще в феврале. Эта мысль созрела в Симферополе. С тех пор готовилась к этому шагу.

Петерс: Жили ли вы до революции в Петрограде и Москве?

Каплан: Ни в Петрограде, ни в Москве не жила.

Скрыпник: Назовите полностью свое имя, отчество и фамилию?

Каплан: Меня зовут Фанни Ефимовна Каплан. По еврейски мое имя Фейга.

Скрыпник: Кто был ваш отец по профессии?

Каплан: Отец мой был еврейским учителем.

Скрыпник: Что вы скажете по поводу членской карточки профсоюзов конторских служащих, обнаруженной у вас?

Каплан: Правление союза этой карточки мне не давало. Эту карточку я просто нашла. Воспользоваться ею не думала. Она лежала в кошельке. Не придавала ей значения.

Скрыпник: Подпись в профсоюзном билете поддельная?

Каплан: Не знаю. Я случайно его нашла.

Скрыпник: Когда вы приобрели железнодорожный билет Томилино-Москва?

Каплан: Не помню.

Протоколы допросов, составленные Я.Х.Петерсом и Н.А.Скрыпником 31 августа 1918 года, арестованная террористка подписала:

"Ф.Е.Каплан".

1 и 2 сентября 1918 года Я.Х.Петерс продолжал убеждать Каплан признаться, рассказать обо всем чистосердечно и этим самым смягчишь свою непомерную вину перед рабочим классом и социализмом. Террористка или плакала, или зло ругалась. Решительно отказалась давать какие-либо показания. Она глядела на Петерса с вызовом. Глаза ее лихорадочно блестели ненавистью. Одетая в длинную черную юбку и пеструю клетчатую кофту, нахохлившись, молча сидела и нервно комкала в руках черный жакет, который почему-то не надевала.

Петерс, обладавший железной выдержкой, сорвался:

— Расскажите всю правду. Я не могу поверить, что вы это сделали одна!

Худые плечи Каплан затряслись. Она зарыдала и несколько раз крикнула:

— Уходите! Уходите! Я ничего не скажу!

Каплан отвели в отдельную камеру внутренней тюрьмы ВЧК. К Петерсу вошел Кингисепп.

— Что нового? — спросил он.

— Участие других лиц в покушении Каплан отрицает. Говорит, что действовала одна. Ведет себя крайне неуравновешенно.

— Не верю, — убежденно сказал Кингисепп, — это дело рук правых эсеров. Сейчас поеду с товарищем Юровским на место происшествия. Проведу эксперимент. Сделаю снимки. Опрошу очевидцев.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ

ИЗВЕСТИЯ ВЦИК. 3 СЕНТЯБРЯ 1918 ГОДА

"Каплан проявляет признаки истерии. В своей принадлежности к партии эсеров она созналась, но заявляет, что перед покушением будто бы вышла из состава партии".

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

КОНОПЛЕВА: По протоколам допросов в ВЧК на Лубянке, мы знаем, что Каплан нервничала. Вела себя агрессивно. Впадала в истерику. Отказывалась давать правдивые показания о том, кто ей дал оружие. Кто поручил убить Ленина. Каплан можно понять. Она своим молчанием, своей истерикой, слезами затягивала следствие. Спасала Центральный боевой отряд. Уводила партию эсеров из-под удара красного террора. И на смерть ей было тоже не легко идти. Она ведь на нее шла не Шарлоттой Корде, а безвестной, издерганной жизнью террористкой, поднявшей руку на вождя пролетариата. Каплан была одна из немногих террористов в отряде ЦК ПСР, беззаветно веривших в "святое дело

"Гоца. Стреляя в Ленина, она думала, что совершила подвиг во имя русской революции.

ПЕТЕРС: Обезглавить революцию — эту цель поставила себе партия социалистов-революционеров.

КОНОПЛЕВА:… Члены ЦК партии социалистов-революционеров Гоц, Тимофеев и Донской внушали нам, что без устранения Ленина с политической арены большевиков не победить. И мы этому безоговорочно верили.

ЗУБКОВ: Гоц, Тимофеев, Донской, Лихач, Гендельман и другие цекисты стремились на суде обрисовать Каплан истеричкой и больной. Искажали ее предсмертные показания. Внушали судьям, что раз она не хотела называть себя социалисткой-революционеркой, значит, она не член партии эсеров. Смысл показаний Каплан для меня очень понятен. Я их расшифровал. Почему она на первом допросе говорила, что ни к какой партии не принадлежит? На последующих же допросах сказала, что является социалисткой-революционеркой черновского толка.

По неписаному закону того времени, идя на ответственное дело, в кармане нельзя было ничего иметь, кроме оружия. У Каплан случайно завалялся билет до станции Томилино. Она сразу почувствовала, что этот билет может привести чекистов в Томилино. Вот почему она долго и упорно отказывалась отвечать на вопросы следователей. Она выигрывала время, давала боевикам возможность скрыться из Томилино.

Браунинг N150487

Террористы в Томилино собирались сделать налет на Лубянку и освободить Каплан. Они не знали, что ее по распоряжению секретаря ВЦИК В.А. Аванесова перевезли с Лубянки в Кремль. Варлаам Александрович вызвал коменданта Кремля П.Д.Малькова и сказал:

— Немедленно поезжайте на Лубянку и заберите Каплан. Поместите ее в Кремле под надежной охраной.

Мальков выполнил указание В.А.Аванесова. Перевез Каплан с Лубянки в Кремль. Поместил ее в полуподвальной комнате. Она была с высоким потолком, гладкими стенами, с зарешеченным окном, которое находилось метрах четырех от пола. Не заглянешь в него, не дотянешься до рамы рукой.

Возле двери и на всякий случай у окна. Мальков поставил усиленные посты. Часовых проверял ежечасно. Не спускал глаз с заключенной. Больше всего Мальков боялся, как бы кто-нибудь из охраны не отправил террористку на тот свет раньше времени. Каплан вызывала у латышских стрелков брезгливость и ненависть.

Террористка отказалась от завтрака. Первые часы пребывания в камере ни на минуту не останавливалась. Все ходила и ходила от стены до стены. Приезжал с Лубянки Петерс. Когда на допросы вызывать перестали, затихла. Присела на табурет. Озабоченный, усталый взгляд. Глубокая поперечная морщина, прорезавшая лоб у переносицы, придавала лицу несвойственное ему выражение обреченности. Не было раньше этой морщины и этой безысходной обреченности. Три дня и три ночи, проведенные на Лубянке в поединках с чекистами и наедине с собой, вытряхнули из нее что-то очень существенное и невосполнимое: безрассудное, необъяснимое, полное восприятие жизни, когда все — и неудачи, и беда, и сомнения, и огорчения — все благодать!

Каплан прислушалась к себе. Ядовитым туманом клубился внутри страх. Опалило сознание бессилия. Рок неудач преследовал ее и после каторги. Сковывал волю. Сколько ей можно убегать, кого-то догонять, быть в конечном итоге битой?

Каплан ходила по камере. С трудом переставляла ноги. Куда ни повернется — серая стена. О нее тупо ломался взгляд. Будто она никогда не видела солнца. Не кипела в половодье революции. Откуда эта серая стена? Какая дьявольская сила забросила ее в одно из подвальных помещений Кремля?

Каплан надеялась, что ее больше не будут вызывать на допросы. Она боялась встреч с Петерсом. Уцепится за ниточку —

размотает весь клубок. Она уже на пределе. Скорей бы конец. Взаимные прощупывания, пробные атаки и контратаки, истерики, уход в глухую защиту, обманные маневры поведения. С чем все это сравнишь?

Память Каплан распахнула в минувшее одну из своих бесчисленных дверок и она услышала голос Петерса:

— Я думаю, у вас есть еще много что сказать…

По спине пробежали мурашки.

— Я сказала все, — выдавила Каплан и отвернулась. Мутным, нехорошим взглядом уставилась в окно. В глазах бродило что-то этакое… Мысль? Воспоминание?

— Я не ошибаюсь, — сказал Петерс. — Вы утаиваете главное — сообщников и руководителей покушения… Вам предстоит очная ставка…

— С кем?

— С Верой Тарасовой.

— Зачем? Зачем эта канитель с очными ставками? Я подпишу все, о чем рассказала.

— Нам нужна полная правда.

Вошла Вера Тарасова. Остановилась. Собралась с силами.

— Послушай, Фаня, — голос Тарасовой прерывался. — Как ты могла?.. Ну почему?

Тарасова подождала ответа и, убедившись, что не получит его, добавила:

— Трудилась бы, как все. Имела бы семью…

— Очевидно, я не такая, как все, — голос Каплан завибрировал от напряжения.

— Фаня, — с горечью сказала Тарасова, — Ты сама себя загнала в тупик. Разве об этом ты мечтала в Акатуе?

Каплан откачнулась назад, будто ударенная, и впервые посмотрела в лицо Тарасовой — потерянно поомотрела. Слепо.

— Акатуй — совсем другая жизнь, — бормотала Каплан. Осеклась от невозможности хоть что-то объяснить Тарасовой, искренне горюющей о ней. Махнула обреченно рукой:

— Эх, Верочка!

После ухода Тарасовой Каплан продемонстрировала один из резких скачков перемены настроения. Петерс ни разу не видел Каплан обмякшей и безоружной. И все же она ни в чем не раскаялась. Ни в чем существенном не призналась. Задумчиво стряхивала с правого плеча невидимую пушинку. Но та, вероятно, не исчезала. Тогда Каплан сняла ее пальцем, отвела в сторону и проследила, как она медленно падала вниз…

Каплан подняла к Петерсу лицо с грустными глазами.

— Я была на заводе Михельсона одна…

Петерс тяжело вздохнул. Чуя перемену, Каплан беспокойно всматривалась в Петерса, пока тот делал какие-то записи в протоколе допроса.

— Где здоровый рассудок? — едва слышно спросил Петерс.

В голосе чекиста звучало сочувствие. Не наигранное — настоящее. Откровенность не ему одному нужна. Ей самой. Петерс провел рукой по горлу: нельзя запираться. И застыли два профиля друг против друга. Глаза в глаза. Петерс, упершись грудью о стол, подался вперед, словно притянутый. Признание, казалось ему, было у Каплан уже на языке…

— Я не скажу… Не могу…

Взгляд ее потух. Она сгорбилась. И сразу постарела на десяток лет…

Тусклое лицо. Бормочущий осевший голос. Маска, внешняя оболочка. Защитная окраска. Вроде бы все правильно. И однако Петерс чувствовал, что-то здесь не то, определенно не то. Что же должна чувствовать эта маска? Что такое сокровенное и тайное призвана она столь упорно защищать от следствия?

… Каплан все ходила и ходила по камере. Трудно оказать почему, но у нее было такое ощущение, что дело движется к развязке. Так оно и было. Сознавая это, Каплан почему-то впервые со времени выхода на свободу с неподдельной теплотой подумала о каторге в Акатуе. Ведь там она, как это кажется ни странно, умерла бы в кругу близких ей по духу товарищей. А здесь, в Москве, ей придется умирать в глухом остервенелом одиночестве. Память о себе ей помогут оставить выстрелы в Ленина, но самой-то ее уже не будет.

Ненадолго, всего на пять-шесть минут к Каплан зашел Петерс. Он ни о чем не спрашивал. Ничего не уточнял. Не записывал. Смотрел на нее и о чем-то сосредоточенно думал… Каплан так и осталась для него за семью замками со своей трагической судьбой и загадочной психологией.

Жизнь Каплан подходила к последней черте. Да и была ли у нее в сущности жизнь? Что она видела? Что познала? Кто ее любил? Кого она одарила своей любовью? Кому поверила сокровенное? Кто ей открывал свою душу? Чье сердце она обогатила мечтой? Детство она почти не помнила. Юность ее растворилась и заглохла в обшарпанных стенах пересыльных тюрем, в кошмарных снах, горьких и беспросветных думах… На каторге Каплан сгорала от внутренней сосредоточенности. Растворялась в бесплодных затереотизированных спорах, вера в торжество добра над злом. Ощущение тревоги не покидало ее ни на один день. А тут еще глаза… Отказывались видеть белый свет — единственное, что ее всегда радовало. Страдала ужасно. И если

бы не Мария Спиридонова и Вера Тарасова — наверняка сошла бы с ума. Они не давали окончательно упасть духом, вселяли надежду. Целых три года длилось тяжкое испытание, и она прозрела…

И, как удар грома, неожиданная свобода… Пока добиралась из Акатуя до Читы — отшумела бурями Февральская революция. И вдруг снова заболели глаза. Скиталась по госпиталям и больницам. Зрение то пропадало, то восстанавливалось. Случалось такое и раньше. Но тогда она не била тревоги. Не жаловалась на судьбу. Малая беда не заслоняла большую — вечную каторгу… Потерю зрения воспринимала, как еще один удар из-за угла… Пошла на риск. В Харькове ей сделали более или менее удачную операцию. Хоть и плохо, но все же стала видеть. Воспрянула духом. Вернулась в Москву. Партия эсеров находилась в бегах, на полулегальном положении. С ходу ринулась в бой. Не хотела выключаться из борьбы даже на короткое время… События разворачивались с невероятной быстротой… Вскоре она оказалась в самом центре "святого дела" ЦК ПСР — заговора против Ленина.

Почему она его не убила? Ведь стреляла отравленными пулями? И ни одна из них не оказалась смертельной? Глаза… Всему виной глаза. На расстоянии трех шагов не попала… Фигура Ленина почему-то расплывалась. Голова, в которую она целилась, ускользала в сторону. Бежали секунды… Подходили рабочие. И тогда она начала палить в его спину…

Почти никто из боевиков не знал, какую операцию Каплан сделала в Харькове. Даже Семенову она не сказала, что стала плохо видеть. А ведь ему она верила. У нее с ним одна точка отсчета — возмездие. Он один из немногих сумел глубоко заглянуть в ее противоречивую душу. Догадывался или не догадывался, почему она под разными предлогами отказывалась одна ходить на ведение слежки? Ее постоянно сопровождали то Зубков, то Усов. Чаще всего — Новиков. Молча несла свой крест. Отчаянно торопилась встретить Ленина. И судьба, наконец-то, над ней смиловалась. В роковую пятницу — 30 августа 1918 года он приехал на завод Михельсона…

После выстрелов смутно видела, как Ленин медленно оседал на землю… Как из кабины выскочил шофер и бросился за ней… Швырнула ему под ноги револьвер и кинулась в толпу бегущих к воротам женщин. Забыла, что для ее побега в ближайшем переулке стоял наготове рысак с пролеткой. Забыла, как Новиков сказал ей:

— После выстрелов бегите к извозчику. Он вас быстро умчит отсюда.

Ей бы только свернуть в переулок… А она, ошеломленная содеянным, куда-то бежала. Потеряла ориентировку. Растерялась. Прислонилась на тротуаре к развесистому дереву. Перевела дух. Загнанная и затравленная, обратила на себя внимание какого-то военного комиссара…

Каплан не питала иллюзий на снисхождение Советской власти. Слишком велико и чудовищно было ее преступление. Знала — пощады не будет. Мучилась и казнилась только одним: могла ли она скрыться после покушения? Могла. Лихач — извозчик, нанятый по распоряжению Семенова дежурным боевиком, ждал ее наготове у завода в условленном месте. Но Каплан, да и Семенов, придерживались той точки зрения, что исполнитель после свершения террористического акта не должен бежать и скрываться. И Каплан, помня об этом, сыграла свою роль до конца, создав впечатление, что эсеровские террористы по-прежнему, как и при царизме, — герои, рыцари без страха и упрека, без колебания жертвуют жизнью за святое дело… И все же, видимо, Каплан рассчитывала на побег. Не случайно при обыске у нее был найден железнодорожный билет до станции Томилино, где находилась одна из явочных квартир членов Центрального боевого отряда при ЦК ПСР.

Угнетали Каплан не столько мысли о предстоящей смерти, сколько сообщение Свердлова о том, что она Ленина не убила, а только ранила. Значит, вождь большевиков будет жить, а вместе с ним будет жить и Советская власть. Вспомнила о бомбе. Она до последнего дня настаивала на ее применении в террористическом акте против Ленина. И только колебания Семенова, сопротивление Коноплевой, Зубкова, Козлова и Усова заставили заменить бомбу браунингом.

После Каплан на квартире у Рабиновича, где она жила вместе с Коноплевой, осталась бомба. Значит, не исключалось, что для покушения Каплан использует бомбу.

С минуту на минуту Каплан ожидала прихода коменданта Кремля. не появлялся. Каплан не могла знать, что его вызвал к себе секретарь ВЦИК В.А.Аванесов и предъявил постановление ВЧК: Каплан — расстрелять. Приговрр привести в исполнение коменданту Кремля П.Д.Малькову.

— Когда? — коротко спросил комендант Аванесова…

— Сегодня…

Круто повернувшись, Мальков вышел от Аванесова и отправился в комендатуру. Вызвал несколько человек латышей — коммунистов, которых хорошо знал. Обстоятельно их проинструктировал, и они отправились за Каплан.

В замке заскрежетал ключ… Распахнулась дверь… Каплан

вскинула голову. Перед ней стоял комендант Московского Кремля Павел Мальков. Это о нем Григорий Семенов говорил боевикам:

— Чекист — большевик. Встретится на узкой дорожке — не щадить.

Мальков и рослые конвоиры с винтовками, смотрели на террористку враждебно. Шли молча длинными коридорами. Под высокими сводчатыми потолками гулко раздавались звуки солдатских сапог латышских стрелков.

— Стойте.

Каплан повернулась лицом к конвою. Павел Мальков посмотрел на часы, а затем на террористку:

— По постановлению Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, — сказал он глухо, — вы приговорены к высшей мере наказания…

Было 4 часа дня 3 сентября 1918 года.

О расстреле Каплан первой сообщила газета "Известия ВПИК" за 4 сентября 1918 года: "Вчера по постановлению ВЧК расстреляна стрелявшая в товарища Ленина правая эсерка Фанни Ройд /она же Каплан/".

Возникло было затруднение с захоронением трупа Каплан. Разрешил его Я.М.Свердлов. Он сказал: "Хоронить Каплан не будем. Останки уничтожить без следа."

И уничтожили. Писатель Юрий Давыдов утверждает, что труп Каплан был облит бензином и сожжен в железной бочке в Александровском саду. "Кремацию" проводил комендант Кремля П.Д.Мальков. Помогал ему пролетарский поэт Демьян Бедный. "Оба, кажись, не инородцы, — пишет Давыдов, — А куда было податься коменданту, ежели еврей Свердлов не хотел осквернить нашу землю погребением еврейки Каплан?"

Казалось бы, на этом можно было поставить точку. И тем не менее, нельзя игнорировать существование нескольких версий о судьбе Каплан. Встречается утверждение /правда — бездоказательное/ о ее казни ранним утром 31 августа. В то же время Брюс Локкарт видел Каплан на Лубянке рано утром 1 сентября. Нельзя исключить, что постановление о расстреле Каплан вынесли задним числом, после свершившейся казни. Во всяком случае мысль о возможном помиловании Каплан тогда ни у кого не возникала. Слишком накаленной была обстановка. Слишком одиозно звучала фамилия убийцы. Слишком велика была опасность, угрожавшая жизни Ленина, исходу революции. Каплан была не личным врагом Ленина. Она была злейшим врагом Советской власти. Рабочие и крестьяне не собирались смягчать суровую кару, не думали оберегать её от справедливого

возмездия.

Слухи о том, что Фанни Каплан осталась жива благодаря заступничеству раненого Ленина, начали распространяться в 30–40 годах заключенными тюрем и концлагерей, якобы встречавших Каплан в роли работника тюремной канцелярии или библиотеки на Соловках, Воркуте, Урале и в Сибири Теперь, когда стали доступными архивы бывшего КГБ СССР, мы располагаем документами, в одном из которых говорится, что арестованный — бывший эсер-террорист, участник покушения на В.Н.Ленина 30 августа 1918 года на заводе Михельсона В.А.Новиков встречал Фанни Каплан на прогулке в тюремном дворе Свердловской пересыльной тюрьмы в 1932 году, а заключенный Матвеев в 1937 году утверждал, что Каплан в поте лица трудилась в Управлении Сиблага в Новосибирске.

Выписка из протокола допроса арестованного Новикова Василия Алексеевича, 1883 года рождения, от 15 декабря 1937 г.

ВОПРОС: Вы называли всех бывших участников эсеровской террористической дружины, с которыми вы встречались в последующие годы?

ОТВЕТ: Я упустил из виду участницу покушения на В.И.Ленина — Ф.Каплан, которую встречал в Свердловской тюрьме в 1932 г.

ВОПРОС: Расскажите подробно, при каких обстоятельствах произошла эта встреча?

ОТВЕТ: В июле 1932 г. в пересыльной тюрьме в г. Свердловске, во время одной из прогулок на тюремном дворе, я встретил Каплан Фаню в сопровождении конвоира. Несмотря на то, что она сильно изменилась после нашей последней встречи в Москве в 1918 г., я все же сразу узнал ее. Во время этой встречи переговорить мне с нею не удалось. Узнала ли она меня, не знаю, при нашей встрече она никакого вида не показала. Все еще сомневаясь в том, что это Фаня Каплан, я решил проверить это и действительно нашел подтверждение того, что это было именно так,

ВОПРОС: Каким образом?

ОТВЕТ: В Свердловской тюрьме содержался Кожаринов, переводившийся из челябинского изолятора в ссылку. Кожаринов был привлечен к работе в качестве переписчика. Я обратился к нему с просьбой посмотреть списки заключенных, проверив

находится ли среди них Фаня Каплан. Кожаринов мне сообщил, что действительно в списках тюрьмы числится направленная из политизолятора в ссылку Каплан Фаня, под другой фамилией — Ройд Фаня…

ВОПРОС: От кого и что именно вы слышали о Каплан в 1937 г.?

ОТВЕТ: 15 ноября 1937 г. я был переведен из Мурманской тюрьмы в Ленинградскую на Нижегородской ул. Находясь там в одной камере с заключенным Матвеевым, у меня с ним возник разговор о моей прошлой эсеровской деятельности и, в частности, о Каплан Фане. Матвеев, отбывавший наказание в Сибирских к/лагерях, сказал мне, что он знает о том, что Каплан Фаня — участница покушения на В.И.Ленина — работает в управлении Сиблага в Новосибирске в качестве вольнонаемного работника…

Новиков подтвердил правильность записи протокола и то, что он им был прочитан. Допрос вели: начальник и оперуполномоченный 4-го отделения УГБ УНКВД Ленинградской области. Подписи неразборчивы. Выписка заверена II апреля 1991 года сотрудником Центрального архива КГБ СССР Ю.М.Разбоевым.

На запрос N 12916 Зам. Наркома Внутренних дел Фриновского: верны ли сведения В.А.Новикова, сподвижника Ф.Каплан в покушении на В.И.Ленина 30 августа 1918 года, из Свердловска ответили "Дмитриев N 655 от 26.XII. сообщает, что ответ задержан на сутки ввиду того, что производил тщательную проверку. Не установлено, что Ройд Фаня содержалась в Свердловской тюрьме в 1932 г. и позднее, чтобы не ошибиться проверку произвели по архивным данным Свердловской тюрьмы, по архивным материалам конвойного полка, картотеки ОМЗ, а также РКМ и ДТО. Также не установлено ни одного арестованного с фамилией, сходной с Ройд Фаней. Просит сообщить более полные установочные данные для установления. Просит телеграфировать".

На "Меморандуме N 52892" /так озаглавлена телеграмма из Свердловска/ малоразборчивые подписи, краткая резолюция Фриновского и штамп 4-го отдела ГУГБ от 30 декабря 1937 года.

Пришел ответ из Новосибирска. В нем говорилось: "Мальцев N 647 от II января 38 г. сообщает, что в числе заключенного и вольнонаемного состава Фаня Ройд, она же Фаня Каплан в прошлом и в настоящее время не имеется".

Текст заверен работниками КГБ СССР и штампом 4-го отдела ГУГБ от 14 января 1938 года.

Согласно изданной в Израиле энциклопедии, в годы массовых

репрессий в СССР, Клаплан мирно работала в библиотеке Бутырской тюрьмы и тихо умерла в 1950 году. Авторы энциклопедического текста исказили биографию Каплан. Передвинули дату рождения с 1890 на 1881 год, прибавили ей в общей сумме 42 года жизни.

В 70-х годах последовал новый всплеск сенсаций о Каплан. Некто Борис Орлов опубликовал в двух номерах журнала "Время и мы" /N 2, 1975 г; N 3, 1976 г./ пространный материал, в котором сделал попытку доказать, что покушение на Ленина 30 августа 1918 года на заводе Михельсона совершила не Фанни Каплан, а террористка Лидия Коноплева.

Дикость этой "версии" более чем очевидна. Да, Коноплева первой в Центральном боевом отряде при ЦК ПСР выдвинула идею покушения на В.И. Ленина, да, Коноплева первой пыталась осуществить его в марте 1918 года. да, Коноплева была одним из самых активных помощников Григория Семенова в организации покушений на вождя революции в августе 1918 года. Да, Коноплева была образована, хорошо владела огнестрельным оружием. Отличалась высокими бойцовскими качествами, да, Коноплева страстно хотела убрать с политической арены лидера большевиков. Да, Коноплева жаждала громкой славы, известности. Признание партий эсеров ее революционных заслуг. И все же ни Гоц, ни Донской, ни Семенов не доверили ей осуществить покушение на Ленина 30 августа 1918 года. На завод Михельсона, куда наиболее вероятно должен был приехать на митинг Ленин, главным исполнителем была назначена Фанни Каплан.

Почему? По окладу натуры Коноплева была больше человеком слова, порыва и взвинченности. 30 августа Абраму Гоцу, его партии эсеров и стоящими за ней посольствами Франции, США и Англии на заводе Михельсона нужен был человек дела, веры, фанатичной убежденности в постулаты эсеровского народовластия. Таким человеком в боевом отряде террористов оказалась Фанни Каплан. Не случайно, что опытный, прошедший школу царских тюрем, ссылок и каторги, Василий Новиков заменил на посту дежурного боевика на заводе Михельсона начавшего колебаться в праведности покушения, Федора Зубкова.

Лидию Коноплеву Григорий Семенов назначил исполнительницей в район Александровского /ныне Белорусского/ вокзала, как можно дальше от места вероятного покушения. Дисциплина в отряде была предельно строгой. Заранее все обговорено и рассчитано. И никак, ни при каких условиях не могла Коноплева бросить свой пост у

Александровского вокзала, приехать на завод Михельсона, не зная, там ли находится Ленин, подменить Каплан, стрелять в Ленина, остаться незамеченной ни Каплан, ни Новиковым.

Все дело в том, что при "сооружении" своей "версии" — стреляла в Ленина не Каплан, а Коноплева — Борис Орлов пользовался не архивами фонда ЦГАОР, КГБ СССР, не материалами предварительного следствия Революционного Трибунала по делу Ф.Каплан, а публикациями, появившимися за границей в 40 — 70 — е годы. Он пользовался — стенограммами судебного процесса правых эсеров 1922 года, но истолковал их произвольно, подчиняя главной цели: любыми штрихами, недомолвками, натяжками, противоречиями, ошибками подсудимых, доказать недоказуемое — в Ленина 30 августа 1918 года на заводе Михельсона стреляла не еврейка Фанни Каплан, а русская Лидия Коноплева. Каплан — непризнанная героиня еврейского народа, добровольно взвалившая на себя непомерный груз чужой вины — вины Лидии Коноплевой, которая не нашла в себе мужества признаться в содеянном злодейском покушении на В.И.Ленина.

Свою "версию" Б.Орлов аргументирует тем, что Лидия Коноплева еще в феврале 1918 года выбрала себе браунинг, вооружила этим оружием террористов отряда Семенова. 30 августа 1918 года браунингом был вооружен боевик Козлов, встретивший Ленина на Хлебной бирже и не ставший в него стрелять. Коноплеву де обучал стрельбе старый террорист Ефимов. Каплан же такого послужного списка не имела. Всего за две недели до покушения обсуждала с Пелевиным технику акта, что лучше применить: бомбу или револьвер? И это, дескать, не случайно. Вся террористическая деятельность Фанни Каплан началась и закончилась в 1906 году взрывом бомбы, от которой пострадала только она сама. Не умея, мол, стрелять, Каплан продолжала считать бомбу лучшим средством совершения террористического акта.

Лидия Коноплева имела браунинг. Но она его не выбирала и тем более не вооружала этим оружием членов Центрального Боевого отряда при ЦК ПСР. Браунинг ей подарил руководитель военной работы при ЦК ПСР Б.Рабинович. Он же вооружал боевиков отряда Г.Семенова. Если меткой стрельбе Коноплева училась у боевика Ефимова, то Каплан — у боевиков в отряде Семенова — Коноплевой и Зубкова. Если бы Каплан не умела стрелять из револьвера, ее никогда бы не назначили исполнителем покушения и не послали бы 30 августа 1918 года на завод Михельсона.

Каплан была последней надежной ЦК ПСР убить Ленина.

Боевики — рабочие колебались. Встречали Ленина и стрелять в него отказывались. Как они говорили: " Рука не поднялась"… Каплан оправдала надежды лидеров партии эсеров: стреляла в Ленина, хоть не убила, но тяжело ранила. Тяжкие, почти смертельные ранения преждевременно свели Ленина в могилу.

В том, что Каплан обсуждала с Пелевиным, старым эсером, за две недели до покушения, что лучше применить: бомбу или револьвер, ничего удивительного нет. Она-то знала, что плохо видела и боялась промахнуться. Бомба казалась ей более надежным средством убийства Ленина, чем револьвер. Пелевин с такой постановкой вопроса не согласился. От выстрела из револьвера гибнет только тот, в кого целишься, а от бомбя чаще всего гибнут ни в чем неповинные люди. Предмет же акта террора часто остается невредимым. Более того, вероятность гибели самого террориста стократ возрастает. Каплан согласилась с Пелевиным и решила воспользоваться при покушении на Ленина только браунингом, а бомбу передала на хранение Григорию Семенову.

В конечном итоге в результате передержек, недомолвок, искажений, некомпетентности, плохого знания фактического материала, всех нюансов предварительного следствия, результатов эксперимента воссоздания реалий покушения 30 августа 1918 года на заводе Михедьсона Э. Кингисеппом, заставляют Б.Орлова задать самому себе вопрос: "Как же все-таки объяснить сделанное Фанни Каплан признание, что именно она стреляла в Ленина?"

Причина тому /по Орлову/: напряженная обстановка, в которой была задержана Каплан; признание, вырванное толпой у больной истеричной женщины: покушавшаяся смотрела в глаза смерти, находилась в состоянии нервного возбуждения.

Заметим, что методы физического воздействия в ВЧК к Каплан не применялись. Наоборот, обыск производили женщины. Сопровождали надежные проверенные чекисты. Допрашивали не рядовые следователи, а известные революционеры, члены Советского правительства и даже второй человек в государстве — Председатель ВЦИК Я.М.Свердлов. Признание в покушении на Ленина никто из Каплан не выколачивал, она призналась добровольно. Её признание подтвердили свидетели, а их было на момент ареста не менее 15-й человек. Добивались от Каплан совершенно другого признания: кто руководил террористическим актом?

Сама по себе Каплан не представляла загадки для ВЧК. Загадка заключалась в другом — кто стоял за ее спиной? Кто направлял её руку? Кто вложил в неё револьвер с отравленными

пулями? А что они были отравлены. — доказала медицинская экспертиза и пуля, которую извлекли при операции из тела Ленина в апреле 1922 года в Боткинской больнице г. Москвы. Каплан не отвечала ни на один из этих вопросов. Почему? Находясь на пределе человеческих возможностей, она боялась проговориться, сказать что-либо такое, что могло бы навести чекистов на след Центрального боевого отряда, на его базу в Томилине, на явочные квартиры в Москве. Затягивая допросы, она давала тем самым возможность Григорию Семенову заметать следы. Перебазировать террористов на новые явочные квартиры. главное — она проявляла истеричность не из-за того, что взяла на себя чужую вину — вину Коноплевой, а потому что промахнулась. Не убила Ленина, а только ранила, не выполнила святого дела. Не спасла эсеровского народовластия. Ставка всей ее жизни оказалась фальшивой.

На что же следует обратить особое внимание? На совпадение по времени покушений: на Урицкого — в Петрограде, на Ленина — в Москве. Канегиссер, убийца Урицкого, как и Каплан, вращался в эсеровских кругах, тесно связанных с разведками держав Антанты. Он, как и Каплан, предпочел остаться в истории террористом — одиночкой. Но если миф об одиночке — террористке Каплан развеян начисто процессом правых эсеров в 1922 году, Канегиссера такие сокрушительные разоблачения не коснулись. Но они грядут. Они — не за горами. Все тайное, рано или поздно, становится явным. Это стало аксиомой, не требующей доказательств.

В назидание потомкам Борис Савинков писал: "Не мы, русские, подняли руку на Ленина, а еврейка Каплан; не мы, русские, убили Урицкого, а еврей Канегиссер. Не следует забывать об этом…"

… Генеральная прокуратура России постановила возбудить производство по вновь открывшимся обстоятельствам дело Ф.Е.Каплан /Ройдман/. Из материалов уголовного дела N Н-200 по обвинению Каплан прокуратура, якобы, усмотрела, что следствие в 1918 году проведено ВЧК поверхностно: не назначались судебномедицинская и баллистическая экспертизы, не допрашивались свидетели и потерпевшие, не производились другие следственные действия, необходимые для полного, всестороннего и объективного расследования обстоятельств совершенного преступления.

Постановление Генеральной прокуратуры РФ — это бесплодная попытка российских радикалов и стоящих за ними международного сионизма и масонства задним числом обелить террористку Каплан, сделать её жертвой политических репрессий

большевизма. Но убийца есть убийца. Покушение есть покушение, а не импровизация фанатика-одиночки. Не спонтанная прихоть неуравновешенной истерички… Не мгновенный всплеск порыва ненависти. Не проявление целомудрия и благородства. Это была акция широкого заговора контрреволюции, настойчиво и умело направляемого Западом против Октябрьской революции. Выстрелами Каплан в ее вождя реакция легализовала белый террор против Советской власти.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СНК О КРАСНОМ ТЕРРОРЕ

Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад председателя Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией о деятельности этой комиссии, находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью; что для усиления деятельности Всероссийской чрезвычайной комиссии и внесения в нее большей планомерности необходимо направить туда возможно большее число ответственных партийных товарищей; что необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их… что подлежат расстрелу все лица, причастные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам; что необходимо опубликовывать имена всех расстрелянных, а а также основания применения к ним этой меры.

Народный комиссар юстиции Курский.

Народный комиссар внутрених дел Петровский.

Секретарь Фотиева.

Москва, Кремль, 5 сентября 1918 г.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

ТИМОФЕЕВ: Произошло покушение на Ленина. Мы с Гоцем читали в газетах. Фамилия Каплан мне ничего не говорила. Я

только смутно вспомнил, что Каплан была каторжанкой. Сидевшие в Иркутской тюрьме как-то рассказывали о бессрочнице, почти слепой анархистке Каплан.

КРЫЛЕНКО: Ваше мнение о Каплан? Как вы ее оцениваете?

ТИМОФЕЕВ: Каплан для меня человек воли, которая с уверенностью непоколебимого революционера довела свое дело до конца, вплоть до своей смерти… Каплан старалась, оставшись, очевидно, без поддержки, всюду и везде найти себе поддержку.

КОНОПЛЕВА: Гоц дал честное слово Семенову, что террористический акт против Ленина будет признан. Такое же заверение Донской дал эсерке Каплан. Она, да и все боевики, были убеждены, что действует от имени ЦК ПСР. Каплан думала, что покушение на Ленина обеспечила себе особым договором. Она не только искала, но и нашла поддержку своих устремлений в лице высших руководителей ЦК ПСР — Гоца и Донского.

РАТНЕР ЕВГЕНИЯ: Я лично Фанни Каплан не знаю. Может быть, опишете ее наружность.

ПЯТАКОВ: Мы карточку покажем.

РАТНЕР ЕВГЕНИЯ: Мне не нужна карточка. Пусть гражданин Дашевский опишет ее наружность: брюнетка или блондинка, бледная или румяная?

ДАШЕВСКИЙ: Румяного впечатления у меня не осталось.

РАТНЕР ЕВГЕНИЯ: Полная или болезненная?

ДАШЕВСКИЙ: Не полная, может быть, болезненная.

РАТНЕР ЕВГЕПИЯ: Я имею основания подозревать, что вы путаете ее с другим лицом.

ДАШЕВСКИЙ: Нет, я ее хорошо помню. Встречал много раз, беседовал… Хотя описать наружность, черту за чертой, не берусь.

Берегите Ленина

Решение о расстреле эсерки Ф.Каплан принималось ВЦИК и ВЧК в исключительно накаленной обстановке. Повсюду проходили митинги. Трудящиеся требовали суровой расправы над контрреволюционерами. Так, члены казачьего комитета при ВЦИК писали: "Покушавшимся на жизнь вождя трудового народа, а следовательно, на весь народ и его завоевания, не может быть пощады".

Рабочие-металлисты Москвы требовали ареста всех контрреволюционных офицеров, объявления партии правых эсеров и идущих с ней вместе предателей революции вне закона, немедленного "истребления покушающихся на Советскую власть вообще и ее вождей, в частности".

В резолюции собрания железнодорожных рабочих ст. Тумская, Московско-Нижегородской ж.д. и крестьян окрестных деревень говорилось: "… На террор против наших вождей Ленина, Урицкого мы объявляем массовый террор против контрреволюционной буржуазии и ее приспешников — правых эсеров и их компании".

"Тебя ранила контрреволюция, — писали рабочие Тульского оружейного завода, — беспощадная же борьба и смерть контрреволюционерам…"

Крестьяне 1-й Лопуховской волости Камышинского уезда Саратовской губернии желали В.И.Ленину быстрейшей "поправки для окончательного подавления угнетателей трудящихся". Выражали глубокое чувство ненависти к обезумевшему врагу, дерзнувшему напасть на вождя угнетенных. "Мы с вами"- заявили они.

Вятские рабочие — печатники писали в ЦК партии, ВЦИК, Совнарком: "Берегите Ильича как мозг, как сердце, как волю рабочего класса".

Рабочие Московской парфюмерной фабрики "Ралле", выражая глубокое возмущение по поводу разбойничьего покушения на В.И.Ленина, требовали немедленного усиления красного террора. "Пробил час, — заявили они, — переходить от слов к делу".

"Пусть помнит ненавистная буржуазия, — писали В.И.Ленину учителя Вытелесской сельской школы, — что их гнусные поступки только оплачивают нас".

Гнусным злодеяниям врага была потрясена Красная Армия. Бойцы, командиры и политработники Восточного фронта писали, что раны Владимира Ильича — их раны и его физическая боль жжет огнем их сердца больше, чем вражьи пули.

Бойцы, командиры и политработники Красной Армии, требуя, как и все трудящиеся суровой кары для террористов, давали клятву В.И.Ленину усилить бдительность, до конца разгромить внутреннюю и внешнюю контрреволюцию.

"Помню день, — вспоминал член коллегии ВЧК М.С.Кедров, — день получения на фронте потрясающего известия о ранении Ильича. Дрогнул фронт…

Но то был миг. И вспыхнул огонь в каждом бойце, и огненной волей покатилась по необъятному фронту непоколебимая клятва… Отомстим! Победим!".

Латышские стрелки просили В.И.Ленина крепиться. "Наша беспредельная преданность Вам и готовность умереть за социальную революцию, — писали они, — да придаст Вам силы победить болезнь".

Матросы волжской флотилии заверяли В.И.Ленина: "Клянемся своей честью революционных моряков мстить предателям не из-за угла, как они, а в открытой революционной борьбе и до тех пор не сложим оружия, пока не сотрем с лица земли гнусных предателей и убийц".

— "Мы знаем, — говорилось в письме бойцов 5-й роты 3-го Московского советского палка, — что раны твои лечат самые лучшие товарищи — врачи-коммунисты…, а душу твою будем лечить мы, красноармейцы: мы знаем какие ей нужны лекарства. Первое лекарство — уничтожение буржуазии; второе лекарство — уничтожение белой гвардии, попов, правых эсеров, меньшевиков; третье лекарство — сокрушение банд, очищение Сибири от них для взятия хлеба оттуда, который нужен нам; четвертое лекарство — продолжать начатое дело до конца, до полного уничтожения своих врагов… Мы все стоим на своих постах".

12 сентября 1918 года В.И.Ленин получил телеграмму от красноармейцев 1-ой армии Восточного Фронта о взятии его родного города — Симбирска. "Это ответ на Вашу рану, а за вторую — будет Самара", — писали Владимиру Ильичу бойцы.

Комиссар Центрального телеграфа Иван Федорович Тимаков, доставивший телеграмму Владимиру Ильичу, впоследствии вспоминал: "Протягиваю телеграмму."О, совершенно замечательные вести! — восклицает Ильич. — Спасибо вам, товарищ…" — Я машинально отвечаю: "Не за что, Владимир Ильич…" — "Как так не за что? — смеется он. — Да за такое сообщение можно и расцеловать…"

В ответной телеграмме В.И.Ленина Пензенскому губисполкому и Реввоенсовету 1-й армии говорилось:

"Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив

бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы."

12 сентября 1918 года В.И.Ленин принял делегацию бойцов 38-го Рогожско-Симоновского полка.

Мандат на свидание с Лениным подписал комиссар полка С.И.Моисеев, старый партиец, которого Владимир Ильич знал по подпольной работе и в эмиграции.

В мандате указывалось, что красноармейцы товарищи Михайлов, Баумфельд, Яковлев, Кузнецов, Выскребенцев и Горохов делегируются в Кремль для передачи резолюции 38-го Рогожско-Симоновского советского полка товарищу Ленину.

Встретила делегатов Надежда Константиновна. Провела без задержки к Владимиру Ильичу. Михайлов, Горохов и Кузнецов передали горячие приветы и желание всех бойцов полка быстрее отправить их на фронт.

Вернувшись в казармы и встретив комиссара полка С.И.Моисеева, Михайлов, все еще находившийся под неизгладимым впечатлением от встречи с Лениным, взволнованно сказал:

— Ну, товарищ комиссар, сподобились! Повидали нашего дорогого Ильича, потолковали…

И неловко, по-мужски вытер повлажневшие веки.

— Уход за Владимиром Ильичем хороший. Самочувствие — на подъеме. Моисеев слушал красноармейца Михайлова и подчас затруднялся, где он передавал сказанное Владимиром Ильичем, а где излагал собственные мысли.

— Лежит Владимир Ильич во всем чистеньком, — уверял комиссара Михайлов. — Кроватка у него беленькая. И Надежда Константиновна около сидит.

И комиссар и весь личный состав 38-го пехотного Рогожско-Симоновского полка верили: со здоровьем В.И.Ленина будет все в порядке. Хирург Б.С.Вейсброд, принимавший участие в лечении В.И.Ленина вспоминал, что едва почувствовав себя сносно, В.И.Ленин стал нарушать советы и предписания врачей. Однажды Вейсброду пришлось по просьбе М.И.Ульяновой позвонить по телефону на заседание Совнаркома, чтобы заставили уйти Владимира Ильича.

— Ничего не можем сделать, — ответил Я.М.Свердлов. — Единственный выход — закрыть сейчас заседание.

Просматривая в эти дни газеты, В.И.Ленин обратил внимание на заголовки и "шапки" такого типа: "Ленин борется с болезнью. Он победит ее! Так хочет пролетариат. Такова его воля. Так он повелевает судьбе!"

В.И.Ленин говорил В.Д.Бонч-Бруевичу: *"Это что такое? Как*

же вы могли допустить?.. Смотрите, что пишут в газетах?.. Читать стыдно. Пишут обо мне, что я такой-сякой, все преувеличивают, называют меня гением, каким-то особым человеком, а вот здесь какая-то мистика… Коллективно хотят, требуют, желают, чтобы я был здоров… Так, чего доброго, пожалуй, доберутся до молебнов за мое здоровье… Ведь это ужасно… И откуда это? Всю жизнь мы идейно боролись против возвеличивания личности, отдельного человека, давно порешили с вопросами героев, а тут вдруг опять возвеличивание личности! Это никуда не годится. Я такой же, как и все."

Лечили Владимира Ильича прекрасные доктора. Чего же больше! А тут он заметил, что его стали выделять. Он поразился поднятой в прессе шумихе. Не подозревал, что причинил столько волнений и беспокойства повсюду. Распорядился сейчас же это прекратить, никого, конечно, не обижая.

Владимир Ильич попросил Владимира Дмитриевича вызвать к нему Ольминского и Лепешинского. Он решил поручить им вместе с Бонч-Бруевичем объехать все центральные журналы и газеты. И передать, чтобы они умненько прекратили "курить" ему фимиам. Заняли бы страницы печатных органов более интересными и более актуальными материалами. Б.Д.Бонч-Бруевич без возражений выслушал В.И.Ленина. И все же счел своим долгом напомнить ему, что не только редакции центральных журналов и газет, но и Управление СНК осаждается бесконечными телефонными звонками, письмами, телеграммами, депутациями от фабрик и заводов, профессиональных союзов. Все хотят знать о здоровье Владимира Ильича. Это всеобщее, всесоюзное жаление рабочих, крестьян и красноармейцев. Моряки постановили выслать с боевых кораблей воинские наряды для его личной охраны…

— Все это в высшей степени трогательно, — сказал Владимир Ильич. И когда прибыли Ольминский и Лепешинский, нетерпеливо напутствуя их, приговаривал:

— Поезжайте, поезжайте!.. Шутки в сторону. Вопрос-то серьезный: надо сейчас же прекратить это возвеличивание личности…

Несколько часов потратили Бонч-Бруевич, Ольминский и Лепешинский на поездки в редакции газет и журналов. "Вернулись в Совнарком, — вспоминал В.Д.Бонч-Бруевич. — Владимир Ильич был у себя дома. Тотчас же принял нас и очень серьезно выслушал о решениях редакций.

— А за газетами все-таки посматривайте и давайте всем, особенно фабрично-заводским, нужные указания.

На другой же день газеты были все в другом тоне, и

Владимир Ильич более не поднимал этого вопроса".

Вопрос о личной охране В.И.Ленина в те дни беспокоил всех трудящихся Страны Советов. Как таковой, официальной охраны фактически не было. Каждый раз она поручалась различным организациям и людям. Постоянно она вменялась только шоферам, которые возили Владимира Ильича.

"До ранения охрана была весьма проблематична, — вспоминала Н.К. Крупская. — Ильич был к ней непривычен, да и она еще неясно представляла себе, что ей делать, как вести себя".

Нередко вопрос о личной охране В.И.Ленина, о повышении революционной бдительности возникал на проходящих в Москве рабочих митингах.

Газетные отчеты о них сохранили для нас живое рабочее слово — прямое, смелое, порой грубоватое, проникнутое подлинно пролетарской ненавистью к врагам. Рабочее слово — полное суровой, но искренней любовью к Владимиру Ильичу, заботой о его жизни и здоровье. "Правда" так описала нелицеприятную беседу рабочих на одном из митингов с оратором МК РКП/б/.

"Пока гром не грянет, мужик не перекрестится". Так и вы: толкуете все время о белогвардейцах, контрреволюционерах, гражданской войне, о врагах, действующих исподтишка. Как же вы при всем этом выпускали Ленина на митинг? Мало ли какая сволочь может туда пробраться! Вашего брата надо было вздуть как следует…

— Что он тебе — шутка! Добровольно голову на плаху кладут…

— Мало ли ему работы. Газеты есть: два слова написал — и то довольно.

— Надо бы на чрезвычайку нажать… Уж такое разгильдяйство, прямо слов нету…

— Выбираем, выбираем, а что они там делают — неизвестно.

— Хоть иди да сам берись.

— Отчет требовать надо…

Наконец докладчику удалось перекричать:

— Да что вы на меня напали? Подите сами, запретите ему ходить на митинги — так он вас и послушает.

— И послушает!.. Как не послушает, обязан послушать. Как мы его слушаем, так и он…

— Не для себя требуем, для дела… Не двадцать человек, а один он, ну и береги…

— Поди ты, одного выпускают, черти этакие!

— …Конечно, он пойдет, к своим идет, так ты его обереги как следует.

— Не надо идти, совсем не надо, коли враг на каждом углу…"

Только после покушения Каплан на жизнь В.И.Ленина была организована его личная охрана. Ее составили бойцы — свеаборгцы из особого отряда ВЧК: братья Дунц, Цируль, Интэ, Звирбул, Звейзгнэ, Пизан, Слесарев, Стаклис, Роберт и Арвид Габалины, Рубашевский, Чебанов, Эрман, Хейфиц, Озолин и другие.

Комендант Московского Кремля П.Д.Мальков писал: "Вообще вплоть до злосчастного покушения Каплан Ильич всюду ходил и ездил один, категорически возражая против того, чтобы его сопровождала охрана". Только после покушения В.И.Ленин вынужден был подчиниться настояниям товарищей и дать согласие на организацию охраны.

В охране первоначально было двенадцать человек. Дежурство чекисты несли круглосуточно. Днем количество дежурных сокращалось, в сумерках и ночью увеличивалось.

Организацией охраны Владимира Ильича занимался Яков Христофорович Петерс. Всех чекистов, назначенных на охрану Председателя Совнаркома, он знал лично. Но счел нужным еще и еще раз с каждым побеседовать, сказать, что никто не воспрещает чекистам спросить о чем-нибудь Ильича. Он всегда ответит. Никогда не будет в претензии. Но надо помнить, что, углубившись в свои думы, он ведь продолжает работать. И никто не имеет право ему мешать. Задача и обязанность охраны — ни на секунду не упускать Владимира Ильича из виду.

Первое время чекисты не очень-то хорошо понимали, как нужно себя держать. Каждый стремился быть ближе к Ленину, маячил перед его глазами без надобности. Очевидно это вело к тому, что охрана чаще, чем это было нужно, сталкивалась с Владимиром Ильичем во время его прогулок, особенно, когда он бывал в Горках. И тем не менее он был в общении с чекистами чрезвычайно прост… И все же некоторые чрезмерно усердные члены охраны перебарщивали. Неотвязно следовали за Лениным. Он пожаловался Петерсу:

— Какое я преступление совершил, что каждый мой шаг контролируется? Вам это тоже было бы неприятно.

Петерс понимал Владимира Ильича. Не оправдывал чекистов. Сказывалось отсутствие какого-либо опыта. И все же решительно заметил, что охрана отвечает за Ленина перед партией и государством головой.

Петерса поддержал Дзержинский. Он сказал Владимиру Ильичу:

— Мы не имеем права пускать вас одного куда бы то ни было — таково постановление Центрального Комитета партии. Как

видите, нас научили.

Владимир Ильич поморщился. Примирительно махнул рукой. Ему никогда не были свойственны ни подозрительность, ни тщеславие.

"Он не оскорблял пренебрежением слабого, — вспоминала Л.А.Фотиева, — умел ценить и беречь чувство собственного достоинства каждого работника".

Несмотря на то, что ранения в полной мере давали о себе знать ежеминутно, Владимир Ильич находился в бодром настроении, был общителен. Всем своим видом он подчеркивал веру в скорое и окончательное выздоровление. Делался все смелее, все подвижнее. Часто разговаривал с чекистами. Любил молодых людей. Возлагал на них в будущем большие надежды.

Радовало Владимира Ильича начало перелома во всей окружающей обстановке. Стало резко меняться положение на фронтах гражданской войны. Так, 3 сентября 1918 года в Казани восстали рабочие против захвативших власть чехословаков и правых эсеров, 9-го — Красная Армия освободила Грозный и Уральск, 12-го — Вольск и Симбирск. 17-го-Хвалынск, 20-го — Чистополь, 7 октября — Самару. Поворот в пользу Советской власти был несомненный.

15 сентября, по сообщению газеты "Беднота", Владимиру Ильичу передали портрет Карла Маркса, нарисованный художником — самоучкой, рабочим петроградского завода "Старый Лесснер" П.Г.Лотаревым. Подарок поднесен от имени и по желанию всего Петроградского Совета. Ленин был очень рад такому подарку.

А.И.Искина, работавшая в аппарате Совнаркома сначала делопроизводителем, а затем секретарем, вела регистрационную книгу памятных подарков, поступавших в Кремль на имя В.И.Ленина, когда познакомилась с заметкой" Бедноты", сказала:

— Известно, что Владимир Ильич, все подарки, которые он получал от рабочих и крестьян, неизменно передавал в музеи, библиотеки, детские дома, санатории, рабочие клубы, школы. Только дар питерцев оставил в своем кремлевском кабинете.

История этого подарка рассказана членом КПСС с 1907 года В.П.Шуняковым. Коммунист-подпольщик Петр Лотарев сперва предназначал написанный им портрет Карла Маркса Выборгскому Совету. Но портрет так всем понравился, что было единодушно решено, как гласит дарственная надпись, преподнести его "Дорогому товарищу и учителю В.И.Ленину-Ульянову от Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов".

Портрет доставили в кабинет Я.М.Свердлова. Договорились передать его В.И.Ленину 17 сентября на очередном Заседании

Совнаркома. Но к Якову Михайловичу неожиданно заглянул Владимир Ильич. Застал Шунякова. Узнал старого питерца. Тепло поздоровался. Спросил, по каким делам он находится у Свердлова, да еще в нерабочее время. И шутливо добавил: "Если не секрет". И увидел стоящий на полу у стены позади Шунякова портрет Карла Маркса.

"Подавшись вперед, — вспоминал В.П.Шуняков. — он воскликнул: "Какой чудесный портрет!" — и вопросительно тряхнув головой, спросил, не за этим ли я приехал в Москву и не об этом ли вел таинственные разговоры с Яковым Михайловичем. Застигнутый врасплох, я ответил одним словом: "Да!"

— Ну и что же, — продолжал он, — порешили с Яковым Михайловичем" поднести эти дорогие для меня подарки петроградцев в более торжественной обстановке с выступлением на заседании Совнаркома? Так я вас понимаю.

Я ответил утвердительно.

— И, конечно, — проложил он, — все это сделать по совету и с благословения Якова Михайловича… Яков, я очень признателен за ваше ко мне сердечное отношение, но убедительно прошу вас не создавать такого рода шумных почестей, не заслуженных мною, кстати, и несвоевременных торжественных встреч… А вас, дорогой товарищ Шуняков, я буду просить передать петроградцам мою искреннюю товарищескую признательность и благодарность за проявленную дружескую и товарищескую память обо мне…"

В дни выздоровления произошла встреча с Алексеем Максимовичем Горьким. Разговор шел о классовой борьбе в стране, о роли крестьянства в революции и политике Советской власти по отношению к нему, об интеллигенции. Владимир Ильич сказал Алексею Максимовичу:

— Скажите интеллигенции — пусть она идет к нам. Ведь, по-вашему она искренне служит интересам справедливости? В чем же дело? Пожалуйте к нам…

Десницкий, присутствовавший при разговоре Ленина с Горьким, вспоминал, что Владимир Ильич был оживлен, радостно потирал руки, улыбался Горькому, торопил его:

— Ну, ну! Рассказывайте, говорите, что вас огорчает…

Зашел посмотреть на "земляков" Яков Михайлович Свердлов. Ленин спокойно рассказывал о покушении.

— Драка. Что делать? Каждый действует, как умеет. На войне, как на войне! Еще не скоро она кончится…

Горький интересовался, не отзовется ли на работоспособности Ленина рана. Владимир Ильич демонстрировал свободное владение рукой. Поднимая ее вверх, вытягивал и выпрямлял. Алексей Максимович осторожно ощупал

шею и мускулы руки Ильича.

"Казалось, что жесты Горького, жесты сомневающегося Фомы, — писал позднее Десницкий, — говорили о чем-то большем, чем о простом желании убедиться в физической мощи друга. Горький как будто хотел еще и еще раз окончательно уверить себя в том, что именно в Ленине сконцентрирована сила и воля миллионов, что из него лучится свет на завтрашний день и на весь доступный нашему зрению отрезок человеческой истории".

И Горький убедился. Когда встреча закончилась, Владимир Ильич тепло проводил желанных гостей. На прощанье сказал:

— Помните, мы взяли на себя колоссальный труд поднять народ на ноги, сказать миру всю правду о жизни…

17 сентября В.И.Ленин впервые после ранения официально председательствовал на заседании Совета Народных Комиссаров. Просматривал повестку дня. Делал на ней пометки. Записывал фамилии выступающих. Торжественного вручения подарка от Петроградского Совета не состоялось. Владимир Ильич принес портрет Карла Маркса в свой рабочий кабинет и поставил его на полочке над диваном. Это и был тот портрет кисти рабочего Петра Лотарева, о котором сообщала своим читателям газета "Беднота".

В.И.Ленин получил телеграммы от волостных комбедов Елецкого уезда Орловской губернии. В них сообщалось о ходе заготовки хлеба в уезде. Не понравились они Владимиру Ильичу: изобиловали громкими словами и общими заверениями. Не указывались ни конкретные цифры, ни реальные факты.

Владимир Ильич, не откладывая на завтра, направил во все волостные комбеды Елецкого уезда циркулярную телеграмму. В ней особо подчеркивал, что нельзя ограничиваться общими и неопределенными сведениями, "слишком часто прикрывающими полный неуспех работы", потребовал еженедельных точных сведений о том, "какие именно волости, какую именно часть излишков хлеба собрали и сколько ссыпали…, сколько именно пудов хлеба ссыпано, в каких именно элеваторах и ссыпных амбарах.

Без таких данных все остальное пустая словесность".

В ответ на полученное Владимиром Ильичем приветствие от конференции пролетарских культурно-просветительных организаций, он написал письмо президиуму конференции. Поблагодарил за доброе пожелание и поставил перед культурно-просветительными организациями задачу развития творческой инициативы масс, содействие вовлечению трудящихся в дело государственного строительства, подготовке их к делу

управления государством через Советы.

Ленин постепенно включался в государственную и партийную работу. Благотворно сказывалось на его душевном настрое "красноармейское лекарство". Газета "Красная Армия" 14 сентября 1918 года писала: "Револьверные выстрелы в Красной Москве отозвались громом пушек на Красном фронте… Враг разбит и отступает в беспорядке… Кама в наших руках. Волга, Урал, Сибирь тоже должны быть нашими…"

Среди массы телеграмм было получено и такое приветствие В.И.Ленину: "Товарищи! — писала Наташа Вознесенская в "Правду". — Я прошу вас напечатать мое письмо в вашей газете. Я очень люблю тов. Ленина и болею за него, а ему самому не могу сказать об этом. У меня нет папы, а есть только мама и Ленин! Мама не знает, что я написала вам, она очень расстроена".

Газета "Правда" поместила письмо Наташи Вознесенской. В нем говорилось: "Будь здоров, дорогой! Я расту дли твоей работы. Мама учит агитаторов на Сретенском бульваре. Я тоже буду учить, чтобы шли за тобой. Любящая дочь Наташа".

18 сентября газеты поместили последний официальный бюллетень о — состоянии здоровья В.И.Ленина, "Температура нормальная. Пульс хороший. От кровоизлияния в левую певну остались небольшие следы. Со стороны перелома осложнений нет. Повязка переносится хорошо. Положение пуль под кожей и полное отсутствие воспалительных реакций позволяют отложить удаление их до снятия повязки. Владимиру Ильичу разрешено заниматься делами".

Ленин к бюллетеню сделал приписку: "На основании этого бюллетеня и моего хорошего самочувствия, покорнейшая моя личная просьба не беспокоить врачей звонками и вопросами. 18 сентября 1918 г. В.Ульянов/Ленин/".

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

КРЫЛЕНКО: Ходатайствую перед Верховным Революционным Трибуналом ВЦИК РСФСР о допуске делегаций трудящихся на процесс для заявлений.

МУРАВЬЕВ: Отклоняю ходатайство Государственного обвинителя Крыленко.

БУХАРИН: Ввиду яркого политического процесса — допустить делегации трудящихся, выслушать мнение рабочей массы. Суд уже выслушал мнение III Коммунистического

Интернационала. Никто не оспаривал. Мнение рабочих масс Москвы и Петрограда суд обязан выслушать. Мы, защитники обвиняемых, за допуск делегаций.

ГЕНДЕЛЬМАН: Мы слова для заявления по этому вопросу не берем.

ПЯТАКОВ: Верховный Трибунал постановил: принимая во внимание, что он является органом Рабоче-Крестьянской Республики и мнение трудящихся масс имеет чрезвычайно существенное значение, хотя в своих суждениях Верховный Трибунал и независим от мнения какой бы то ни было группы товарищей, выслушать резолюции рабочих делегаций Москвы и Петрограда…

ПИСКАРЕВ: Мы, рабочие и работницы Бауманского района, следя внимательно за процессом эсеров и узнав, что эсеры хотят суд над собой превратить в суд над рабочим классом, нагло заявляют, что все их преступные деяния поддерживали рабочие и работницы — уполномочиваем наших представителей заявить Верховному Трибуналу, что всякая попытка эсеров оправдать себя перед Пролетарским Судом и пролетариатом Западной Европы тем, что преступления, ими совершенные, происходили якобы при сочувствии и поддержке рабочих, есть сплошная клевета, вымысел и ложь.

КУЛЬКОВ: От Замоскворецкого района разрешите сделать заявление. Слишком велика вина этой якобы социалистической партии, предавшей интересы рабочего класса и перешедшей на сторону наших классовых врагов. Всем памятна забастовка 16 тысяч служащих, организованная Минором и Рудневым, которая надолго разорила наше московское городское хозяйство, взрывы железнодорожного полотна, сбрасывание под откос наших продовольственных поездов, на наших глазах на заводе Михельсона стреляли в нашего любимого вождя товарища Ленина.

До сих пор эта преступная партия идет против рабочего класса. ПСР вновь хочет гражданской войны, вновь стремится разорить нашу страну, нет пощады преступникам. Весь рабочий класс, как один человек, стоит за Советскую власть, руководимую Коммунистической партией, единственной нашей партией, выражающей интересы рабочих…

ЖАРИКОВ: Я выражаю требования фабрик Хамовнического района. Эсеры заявляют, что они будут продолжать борьбу с Советской властью. Мне поручили сказать, что рабочие и крестьяне не допустят до такого момента, они будут защищать свою власть до последней капли крови.

НЕМУДРОВ: От Краснопресненского района, от

демонстрантов в 50 000 человек. Власть Советов — наша пролетарская, рабоче-крестьянская власть, так как она завоевана нами ценою миллионов жертв, то заявление членов ЦК ПСР о борьбе с этой властью силой оружия мы считаем вызовом рабочим и крестьянам Советской России и поэтому наши требования таковы: мы никому — ни внутренним, ни внешним врагам не позволим поднять руку на Советскую власть. Мы требуем, чтобы пролетарский суд стойко оберегал нашу власть, как и Красная Армия, оберегал бы величие пролетарской России от мирового капитала…

Просим членов ЦК ПСР больше на суде не говорить от имени рабочих — это требование рабочих всей Москвы.

ТАРАСОВА: Нам, женщинам, ПСР нанесла самый тяжелый удар. В эту революцию мы пережили самые критические моменты, терпели самые тяжелые несчастья. Мужей брали на фронты гражданской войны, дети помирали с голоду на глазах матерей. ПСР своими бесстыжими глазами смотрела на нас из-за углов и убивала на каждом шагу… Прошу Верховный Трибунал дать им самое строгое наказание за то, что они на нас, на женщин наложили такую тягость, что нам пришлось отбиваться от дома и сирот- детей помещать в дома и голодали эти дети, но мы усиленно работали и детей часть спасли, а вам, эсеры, не будет прощения от наших женщин и работниц города Москвы.

ПЯТАКОВ: Трибунал благодарит вас за то, что вы здесь засвидетельствовали чувство рабочей Москвы и мы просим от имени Верховного Трибунала ВЦИК засвидетельствовать пославшим Вас, что Верховный Революционный Трибунал бдительно стоит на страже Рабоче-Крестьянской Республики.

Даю слово представителю Петроградской делегации. Питерцы, просим предстать перед Революционным Трибуналом.

Представитель петроградских рабочих: Вся питерская делегация поручила сделать заявление в декларативном виде. В Делегации — 50 рабочих, 36 беспартийных. Делегаты не только от крупных фабрик, но и мелких предприятий…

Члены ЦК ПСР имели наглость заявить на суде в Москве, что Володарский был убит в результате того "возмущения" петроградских рабочих Советской властью, которое будто бы господствовало в 1918 году. От имени десятков и сотен тысяч петроградских рабочих мы клеймим позором тех предателей и убийц, с уст которых сошли эти изменнические слова. Володарский был не нашим угнетателем, а нашим лучшим другом, вождем и любимейшим товарищем. Пройдут годы и десятилетия, а рабочие Петрограда будут с любовью вспоминать имя Володарского, которого вы, господа эсеры, убили. Да, в 1918–

1919 г.г. особенно тяжело жилось рабочим Петрограда. Да, Петроградским рабочим пришлось терпеть особенно тяжело муки голода и лишений. Кладбища выросли за эти годы. Но по чьей вине, господа эсеры? Не по вашей ли? Петроградские рабочие помнят, как после первых же дней Великой Октябрьской революции господа Гоц и Компания организовали восстание белогвардейцев, юнкеров, помещичьих сынков против рабочих Петрограда и всей России. Петроградские рабочие помнят, как эсер Керенский в первые же дни после Октября с Красновым повел войска против рабочих Петрограда.

Петроградские рабочие помнят, как вождь партии эсеров Чернов разослал по всей России телеграммы о том, что он сам едет с контрреволюционными войсками, снятыми с фронта для того, чтобы утопить в крови петроградских рабочих, пролетарское восстание.

Петроградские рабочие не забудут, что в 1918–1919 г.г., когда они сидели на осьмушке хлеба, вы, господа эсеры, в Сибири и на Волге вместе с чехословацкими наемниками, контрреволюционерами и белыми генералами организовали гражданскую войну против нас, взрывали мосты, устраивали пожары хлебных амбаров и всеми силами старались увеличить муки нашего голода.

Петроградские рабочие не забудут, что партия эсеров в течение 4-х лет была главным агентом Антанты и что члены этой партии на всех фронтах вместе с бывшими царскими генералами и офицерами проливали кровь рабочих и крестьян России.

Петроградские рабочие помнят, что вы, эсеры, чуть не убили Ленина, как ваши друзья уложили в гроб Урицкого.

Рабочие и работницы Петрограда проклинают предательскую партию эсеров, как и все трудящиеся Советской России.

В рядах эсеров ныне нет честных рабочих и крестьян. Партия эсеров стала чисто буржуазной партией. Делегаты-питерцы, как партийные, так и беспартийные, бросают господам эсерам: вы убийцы Володарского, вы проданные агенты Антанты, вы — враги трудящихся и пусть карающая рука пролетарского суда обрушится на злейших врагов Великой Революции!

ВИНЕВСКАЯ /от сотен тысяч работниц Красного Питера/: Прошу вынести суровый приговор тем, кто в течение четырех лет на нашу свободу покушался, убивал из-за угла вождей пролетариата, заставлял погибать на фронтах гражданской войны наших мужей и сыновей. Знайте, предатели революции, что именно сегодня ваша партия похоронена как партия не революционеров, а гнусных убийц, поджигателей.

Вам надо сидеть не на скамье политических подсудимых, а на

скамье преступников — господа Гоцы и Компания, агенты мировой буржуазии…

ТЮЛЬПИН /рабочий, беспартийный, от металлического завода города Петрограда/: Наши рабочие меня послали сюда как беспартийного и сказали: будь беспристрастен и привези то живое слово, которое будет открыто на этом процессе.

Мы голодали не потому, что Советская власть виновата, а потому, что вы тормозили доставку хлеба в Питер. По вашей вине, господа эсеры, десятки тысяч детей остались сиротами, жены — без мужей, матери — без сыновей. Это вы боролись против Красной Армии вместе с Красновым и Дутовым, с Антантой и белыми генералами Колчаком, Деникиным, Юденичем…

Смерть социалистам-революционерам, смерть предателям, заявляю это ст беспартийных рабочих Петрограда.

ПЯТАКОВ: Представители всех делегаций присутствовали в течение 10 дней на процессе. Они вникли в ход дела. Трибунал правильно держит курс. Беспристрастно разбирает все детали. И Трибунал доведет беспристрастно дело правосудия до конца. Если ПСР окажется виновной в тяжких преступлениях перед народом России, она будет заклеймена как партия предателей рабочих и крестьян, а члены ЦК, несшие ответственность за ее преступную деятельность получат по заслугам, по законам самого справедливого революционного суда в мире. Трибунал рад, что он идет верным курсом, он будет тверже, ибо контакт с рабочими массами, крестьянами России дает ему силу довести этот процесс до исходного конца, он вынесет этот приговор, которого заслуживают его враги, враги Советской власти.

"Тихие революционеры"

Лейтенант английской разведки С.Рейли, он же Розенблюм, уроженец Одессы, бывший петербургский коммерсант, испытывал такой страх, какого не знал даже в самые тяжелые дни своей богатой приключениями жизни. После ареста Локкарта ВЧК ему удалось затаиться на квартире своей любовницы актрисы Елизаветы Эмильевны Оттен.

Рейли боялся выходить на улицу. Попросил Елизавету Эмильевну никого не принимать. Подолгу лежал на диване и тупо смотрел в потолок. Машинально раскрывал газету. Снова и снова перечитывая официальное сообщение ВЧК о раскрытии "заговора послов", который возглавляли посол США Френсис, посол Франции Нуланс, начальник британской миссии Локкарт. Видную роль в заговоре играли американский генеральный консул в Москве Пуль, английский военно-морской атташе Кроми, генеральный консул Франции в Москве Гренар.

Связующим звеном" заговора послов" являлся он — Сидней Рейли, кадровый разведчик, лейтенант британской секретной службы. Все участники "заговора послов" уличались фактами, неопровержимыми документами: письмом Андрэ Маршана французскому президенту Пуанкаре, многочисленными донесениями арестованных агентов разветвленной шпионской сети, секретными картами Генерального штаба РККА, обнаруженных на квартире французского капитана Вертмона.

Рейли про себя отметил, что ВЧК не сообщала об аресте помощника американского коммерческого атташе Ксенофонта Каламатиано и бывшего подполковника, служащего управления начальника военных сообщений Красной Армии Александра Фриде — ключевых фигур англо-американо-французской агентуры в России.

В письме личного представителя президента Французской республики Пуанкаре в России А.Маршана, опубликованном в газетах, говорилось, что союзные представители проводят в России огромную тайную и в высшей мере опасную подрывную работу. Английская агентура готовила взрыв моста через Волхов неподалеку от Званки. Французские агенты работали над взрывом Череповецкого моста. Речь шла не об изолированных намерениях отдельных шпионов и диверсантов. Просматривалась далеко идущая планомерная политика "союзников": бросить Россию во все более кровавую борьбу, обрекая ее народы на нечеловеческие жертвы и страдания.

РЕНЭ МАРШАН: В августе месяце 1918 г. генеральный

консул /Гренар — Н.К./ оказал мне, что меня предполагают оставить в России в качестве политического информатора, чтобы я мог посылать доклады о политическом положении в стране, и при этом заявил, чтобы я зашел в пять часов вечера в здание американского консульства, где он познакомит меня до своего отъезда с некоторыми людьми, которые тоже будут оставлены в России. Я туда явился. Здесь американский генеральный консул представил мне как агента по экономическим вопросам гр. Каламатиано.

… Потом здесь же были английский лейтенант Рейли и Вертймон, которые мне были представлены несколько дней тому назад во французском консульстве как агенты по разрушению на Украине, которая еще тогда была оккупирована немцами. На этом собрании, к моему большому удивлению, пришлось мне услышать совершенно для меня неожиданный план взятия Петрограда измором, путем взрыва мостов… на большой магистрали ли Москва — Петроград.

ВЧК особо заинтересовалась личностью английского профессионального шпиона Рейли. Еге работа по сбору разведывательных данных в воинских формированиях Красной Армии, об оружейных заводах, о путях сообщения, о настроении народных масс оценивалась в совокупности с акциями международной реакции: с английским десантом в Мурманске и Архангельске, с японским десантом во Владивостоке, с чехословацким мятежом в Поволжье, на Украине и в Сибири, с выступлением белогвардейской армии на Юге России, с рекомендациями Локкарта и Рейли арестовать и уничтожить Советское правительство…

Рейли-Розенблюм нервничал. Метался по мягкому ковру. Его бросало то в жар, то в холод. Не читалось. Не лежалось. Чудилось, что чекисты вот-вот ворвутся и в его конспиративную квартиру… При каждом стуке в дверь Рейли вздрагивал и хватался за пистолет… " Слишком много насолил большевикам, думал он. — Не помилуют. А как хорошо начиналось в Ярославле"…

Без особого сопротивления город захватил отряд начальника штаба "Союза защиты родины и свободы" полковника А.П.Перхурова.

Начиная мятеж, Перхуров рассчитывал на поддержку городов Поволжья. Но рыбинские большевики не дрогнули: мобилизовали рабочих, перекрыли дороги к артиллерийским складам. Когда перхуровцы попытались их захватить — напоролись на пулеметный огонь.

Провалилось восстание в Елатьме. Здесь чекисты разгромили

мятежников, многих арестовали. В ночь на 9 июля вспыхнул мятеж в Муроме, но заговорщики продержались недолго и были разбиты.

По инициативе В.И.Ленина на помощь ярославцам из Архангельска прибыл отряд окружного военного комиссара А.И.Геккера — человека решительного, волевого, хорошо знающего военное дело. Кольцо вокруг города сжималось, укрепления мятежников сметала артиллерия. Сильный удар нанесли по штабу перхуровцев московские летчики. "Главноначальствующий" бежал, бросив свои войска на произвол судьбы…

Мрачные мысли одолевали Рейли. Он беспокойно поглядывал на дверь, ожидая Елизавету Эмильевну — единственного человека, кому он еще доверял, на чью помощь рассчитывал, чьими услугами беззастенчиво пользовался.

Невеселой возвращалась из театра Елизавета Эмильевна. Москва клокотала по поводу покушения эсерки Каплан на Ленина. А тут еще и послы-заговорщики… Народ требовал кары террористам и организаторам антисоветских мятежей в Ярославле, Рыбинске, Муроме, Казани, Ельце, Елатьме и других городах страны.

ВЧК арестовала А.Пинкуса — руководителя Московского отделения "Союзам"; А. А.Виленкина — руководителя кавалерийских частей "Союза".

Последний был тесно связан с Рейли-Розенблюмом и очень многое знал в деталях из того, чем Рейли конкретно занимался в Москве и Петрограде.

Виленкин — выходец из богатой еврейской семьи. Прославился в юности тем, что лучше всех одевался. Активно работал в национальных еврейских организациях. В частности, в Московском "Союзе евреев-воинов". На Всероссийском съезде "Союза евреев-воинов был избран его председателем.

Виленкин одним из первых ушел на империалистическую войну добровольцем. За отличие в бою получил Георгия. Стал офицером. После Февральской революции 1917 года исповедовал войну до победного конца. Талант организатора и оратора выдвинул его на пост члена ЦИК Советов и председателя Армейского Комитета 5-й Армии.

ЛОККАРТ: После большевистской революции он /Виленкин — Н.К/ примкнул к Савинкову и участвовал почти во всех заговорах против нового режима. В июле 1918 года он был арестован в Москве как контрреволюционер…

Для Рейли — Розенблюма расстрел Виленкина оказался невосполнимой потерей. Он лишился незаурядного агента,

вхожего в организацию Михаила Архангела. И главное — безраздельно распоряжавшегося финансами Московского "Союза евреев-воинов". Рейли догадывался, что Виленкина кто-то предал. Ведь он был глубоко законспирирован. Легальным надежным прикрытием служило его членство в Трудовой народно-социалистической партии, и это помогало ему устраивать многих "еврев-воинов" в военную разведку Военконтроля, в Московскую продовольственную милицию, на командные должности в Красную Армию, в окружение Председателя РВС Л.Д.Троцкого. Проявил себя горячим сторонником захвата золота в Казани. И многое для этого успел сделать.

Адмирал Колчак, видимо, и не знал, что захватом золотого запаса РСФСР был обязан не столько героизму и мужеству белой гвардии и чехословакам, сколько многоходовой тайной подрывной работе шпионского Московского "Союза воинов-евреев" Виленкина- Розенблюма-Рейли.

И подробности ареста штабс-капитана А.Пинкуса для Рейли-Розенблюма остались неизвестными. Его адрес ВЧК установила при допросе арестованных членов Московского отделения "Союза защиты родины и свободы". Когда Пиннус появился в своей квартире, его препроводили на Лубянку. Пинкус во всем сознался, изъявил согласие выдать всю организацию при условии сохранения ему жизни. Это ему было обещано. Пинкус выдал всех, кого знал, и был освобожден с условием, что будет и дальше помогать ВЧК раскрытию "Союза". Но слово свое не одержал и скрылся.

Я.Х.ПЕТЕРС: Пинкус не имел возможности скрыть от меня свои контрреволюционные убеждения. Сначала он вообще отказывался давать показания, но с первого же разговора я видел, что Пинкус чрезвычайный трус, что арест и грозящее наказание его очень пугали. Поэтому, поговорив с ним несколько часов, я убедил его сознаться и рассказать все…"

Так ВЧК стало известно, что "Союз" насчитывал до 5 тысяч членов.

Строился по военному образцу. Имел отделения в Москве, Казани, Ярославле, Рыбинске, Рязани, Челябинске, Муроме и других городах. Готовил вооруженное восстание против Советской власти. Начало — в Поволжье. В Казани уже созданы склады оружия, туда посланы квартирьеры, там сосредоточены основные кадровые резервы "Союза". Подготовку вооруженного выступления направлял Центральный штаб на Остоженке. Пинкус сообщил ВЧК все пароли" Союза", назвал его руководителя — Бориса Викторовича Савинкова. Рейли хорошо знал Савинкова и его послужной список. И хотя Борису Викторовичу, как и Рейли,

удалось избежать немедленного ареста, чекистское кольцо вокруг них сжималось. Рейли пробовал даже молиться. Мучительно искал выход из трудного положения и не находил…

И вдруг его озарило…

Глубокой ночью, по-воровски, выскользнул Рейли из насиженного гнезда Елизаветы Эмильевны, ставшего теперь для него западней. С большим трудом добрался до неприметного домика на Солянке. Постучал в окно. Дверь открыл старичок в ермолке. Рейли сдержанно поклонился.

— Вы меня, очевидно, не помните?

— На память не жалуюсь, — пожевал губами старичок. — Рад видеть единоверца живым и здоровым. Проходите.

Рейли еще раз поклонился и покраснел: приходилось унижаться. Впрочем, он быстро пришел в себя. Удобно устроился в кресле. Пил кофе. Старичок пространно рассуждал о погоде и, похоже, расставаться с этой темой, не торопился. Рейли слушал старичка вполуха. Припоминал первую с ним встречу. Она произошла в загородном ресторане. Тогда старичка погода не интересовала. Он пророчил в России революцию. Ругал Плеве за увольнение со службы полковника С.В.Зубатова.

— Куда смотрел царь? — негодовал старичок. — Арестовали и отстранили от дел умнейшего работника департамента полиции. Автора проекта создания охранных отделений во всех крупных городах России. Да за один проект Зубатову надо при жизни памятник поставить!!

Рейли /тогда еще Розенблюм/ восторженно слушал старичка и решительно его поддерживал. Когда расходились, старичок крепко пожал ему руку и многозначительно сказал:

— Вы должны быть с нами, молодой человек. Запомните, на всякий случай, мой адресок. Он вам пригодится…

Кто-то сказал, что старичок — не кто иной, как доктор Е.В.Членов — один из столпов российского сионизма. Розенблюм пожал плечами. Адресок, однако, запомнил…

— Хотите верьте, хотите нет, — сказал вдруг гостеприимный хозяин. — Я был уверен, что рано иди поздно наши пути пересекутся. Я давно внимательно слежу за вашей… подвижнической деятельностью… Кое в чем вы весьма преуспели. Смею вас уверить, мистер Розенбюм, я тоже революционер. Но только тихий. Не витаю в облаках. Всегда помню, что живу на грешной земле.

Старичок подошел к Рейли.

— Вы думаете, что перед вами попросту старый чудак. А я возглавляю сионистов Московского региона. Кроме того, сионисты Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии, Поволжья —

наша, как говорится, паства. И они не обделены заботой и вниманием. Мы и о вас все знаем… Могу сообщить, что пока вы добирались ко мне, ЧК арестовало Елизавету Оттен, Марию Фриде и ее брата Александра. Задержаны Ольга Старжевская, хозяйка второй вашей конспиративной квартиры, заведующий автомастерскими Московского военного округа Трестер, возивший вас несколько раз к себе на дачу. Чекисты идут по следу Каламатиано, то бишь… по паспорту студента Петроградского университета Серповского…

— Как арестовало? — похолодел Рейли, пораженный осведомленностью Членова. — Успел! — мелькнуло в голове. О Елизавете Эмильевне он даже не вспомнил.

— Не теряйте, мистер Розенблюм, лица, как говорят китайцы.

Действовали вы смело, но без должной основательности и главное — осторожности. Передоверялись латышам… И зря ухлопали кругленькие суммы. Спешили…

Старичок открыл один из боковых ящиков комода. Извлек из него небольшой конверт. Подал Рейли.

— Здесь две фотографии. Посмотрите внимательно. Запомните. В Лондоне эти лица вас найдут. В чем появится нужда — помогут.

Рейли долго всматривался в незнакомые лица. В какое-то мгновение ему даже показалось, что он их где-то уже видел… Но старичок молчал. Не торопился восполнить провалы его памяти…

— Вы чрезмерно увлеклись авантюрой с латышами… Послушались эсеров…

— Издержки в нашем деле неизбежны, — не то оправдываясь, не то фиксируя факт, заметил Рейли.

— Эсеры после покушения на заводе Михельсона, как и после убийства Володарского прикрылись фиговыми листочками. А срам-то, простите, оказался снаружи… Не убив Ульянова, они поставили под удар все европейские посольства…

Старичок так разошелся, что уронив на пол клетчатый плед, даже не заметил этого. Продолжая пушить эсеровское руководство, выкрикивал:

— Надо убивать не только Ульянова, но и Свердлова. Если Ульянова устранить, а Свердлова оставить — немногое выиграем… Старичок прошелся по комнате и вдруг неожиданно спросил Рейли:

— Вы читали Воззвание ВЦИК о покушении на Ленина, подписанное Свердловым?

— Читал, — ответил недоуменно Рейли.

— Что в нем больше всего вам запомнилось?

— Запомнилось, что роль Ленина для рабочих России и всего

мира известна самым широким кругам всех стран…

— Не в этом суть, — досадливо поморщился старичок. — Самое важное в воззвании то, что Свердлов призвал "всех товарищей к полнейшему спокойствию, к усилению… работы по борьбе с контрреволюционными элементами".

Рейли вслед за старичком, как загипнотизированный, повторял читанные и перечитанные им слова из воззвания ВЦИК, истинный и глубинный смысл которых открылся ему только в тихом и неприметном домике на Солянке…

— Большевики, — продолжал старичок, — считают борьбу с контрреволюцией, т. е. с нами, нашими друзьями, работой!!! Вот это именно и страшно. Не временным явлением, не случайным эпизодом, а повседневной, планомерной работой — закономерностью!

Рейли одолевали противоречивые мысли. Он немало знал о сионистах Западной Европы и Америки. Но что, собственно, сделали сионисты России для усиления борьбы с Советами? Они в России — стружки на волнах революции. Пена морская на берегу после отлива.

Словно читая сокровенные мысли Рейли, старикашка заметил:

— Ай — яй — яй. Вот уж не думал, что вы такого плохого мнения о нас.

2 мая 1918 года в Москве прошла конференция нашей организации "Циере — Цион". На ней присутствовали представители Петрограда, Москвы, Воронежа, Витебска, Вологды, Рыбинска, Саратова, Астрахани, Иркутска, Калуги, Козлова, Тамбова, Тулы, Ельца, Самары, Рязани… Я слушал выступления братьев. Доктор Рысс, например, подчеркнул, что мы можем "по-своему служить" большевикам. Что касается их строя… не признаем его ни сейчас, ни после!

— Но позвольте, — подал голос Рейли. — не разъясните ли, что значит "по-своему служить" большевикам?

— Вопрос толковый, — ответил Членов. Он как-то весь взъерошился. Почти вплотную подошел к Рейли и о улыбкой, вкрадчиво продолжал:

— Служить большевикам не только можно, но и нужно. Первые шаги в этом направлении уже сделаны. Почти весь технический персонал Управления делами Совнаркома, прямо скажу — наш.

— Вы в этом уверены? — спросил Рейли. И о другом:- Ваши мыслю во многом совпадают с моими. Многие бы записал…

— Записывать не надо. Больше доверяйте памяти. У нас еще есть время и я постараюсь дать краткие характеристики

некоторых лиц из партийного и советского руководства. Доведете их до сведения нужных людей в Лондоне.

Рейли расплылся в улыбке.

— Буду вам весьма и весьма признателен. Как говорится, один ум хорошо, а два все же лучше.

— С кого начнем? — наклонился Членов к Рейли. — И сам же ответил: очевидно, с Ульянова-Ленина.

Рейли кивнул: "Согласен", а сам подумал: "Старикашка решил выложить все, ничего не оставить за душой. Неспроста…"

Членов запахнул халат. Протер отпотевшие толстые отекла очков. Глянул на стенные часы.

— Не хочу я в вас свое мнение вколачивать. Решайте по ходу рассказа, что запоминать, что отбрасывать прочь… Главное, чтобы нужная мысль не заблудилась, не пролетела мимо…

Рейли тревожно вгляделся в темноту окон. За ними играл свежий ветер. Поскрипывал какой-то доской, будто силился ее отодрать от забора. Шумел деревьями в палисаднике. Каждый звук настораживал, заставлял вздрагивать.

Старичок заметив терзания Рейли, но вида не подавал. Уверенно подошел к одному из окон, приоткрыл штору, глянул. Дал понять — никого.

— Итак, Ульянов-Ленин… Плотный светлый блондин с татарским черепом и узкими татарскими глазами. Внешность не производит ни отталкивающего, ни притягивающего впечатления. Лишь вглядевшись в выражение глаз Ленина, заметишь, что перед тобой человек большой силы воли. Гигант мысли… Гигант ума… Отсюда — неотразимая логика действий. Прозорливость. Предвидение… Точный расчет не на недели и месяцы — на десятилетия вперед.

Рейли встрепенулся. Поспешно спросил:

— Не конкретизируете ли последние слова?

— Можно. Ленин и большевики — это дети России, разрушающие чуждую им культуру Запада. Они уверены, что свет идет с Востока. России суждено явить миру образцы высшего разума и осуществить социальную справедливость. Для них переустройство общества, уничтожение буржуазии, социальная революция, немедленное прекращение войны — не пустые слова и фразы. Это их партийная программа. Они искренне верят, что еще при своей жизни увидят новых людей. Верят, что создадут общество, где не будет ни лжи, ни подлости, ни тупоумия…

Рейли слушал Членова, затаив дыхание. И все же его не покидало чувство: в мыслях о Ленине и большевиках чего-то недоставало, не было еще какой-то последней точки. И внимательно смотрел на старичка, как на пророка. Ждал. И не

обманулся. После долгой паузы Членов значительно, с каким-то тяжелым придыханием выдавил:

— Скажите в Лондоне твердо: победят большевики. Победит Ленин. Победит надолго. Поэтому мы, сионисты, останемся здесь, в России до конца. — Западу без нас не одолеть большевизм.

— Обязательно передам, — торжественно ответил Рейли.

— Теперь о Троцком-Бронштейне, — продолжал Членов. — Он среднего роста, сутулый, с большим кривым носом и огромными красными губами. Являет собой карикатуру на еврея, изображаемого антисемитскими живописцами. Темперамент южанина подчинен сильной воле. Отличный оратор, пересыщенный язвительностью, но лишенный настоящего пафоса. Первоклассный журналист, в руках которого перо может превратиться в отточенную шпагу.

Троцкий долго жил за границей. С легкостью одаренного человека заимствовал у Европы много внешнего. Пополнил образование на деньги богатого отца, очевидно единственного помещика — еврея в Российской империи. Душа Троцкого нацелена на достижение славы, высоких постов, замены Ленина, а большевизма — троцкизмом. Главное в Троцком — это честолюбие — безмерное и всепожирающее. Троцкий никогда не был большевиком. Не верил и не верит в социальную революцию. Но его силам, талантам его честолюбию надо было развернуться при каких угодно условиях и он пошел к прежним идейным врагам — к большевикам, к Ленину…

— Остальных соратников Ульянова-Ленина буду характеризовать более краткими штрихами, — заметил Членов. У нас в запасе еще целых три — четыре часа… О Каменеве — Розенфельде. Старый социал-демократ. Ему под пятьдесят. Начинал в революции меньшевиком. Проделал путь до большевизма. Поведение Розенфельда на суде по делу социал-демократической фракции 2-й Государственной Думы оттолкнуло от него многих его друзей, но после двух революций все было забыто, и он явился в Петроград в ореоле мученика, с желанием играть большую роль в событиях и жаждой мести павшему строю.

Зиновьев — Радомысльский. В течение 15 лет был исполнителем приказаний Ульянова-Ленина. Повиновался слепо. Митинговый оратор и беззастенчивый журналист. Неоднократно был скомпрометирован в делах, ничего не имеющих с партийными догмами и постулатами. Спасала близость к Ленину, который знает цену своему помощнику. Но держит при себе, как незаменимого исполнителя любых поручений, не стесняющегося в средствах.

Из женщин я бы остановил выбор на госпожи Коллонтай. Она

из хорошего рода. Получила приличное светское воспитание. Примкнула к большевикам. Когда-то очень красивая, она пользовалась шумным успехом в большом свете. О ее романтических приключениях много судачили в русских колониях за границей…

Рейли понял, что хозяин устал. Да и время, отведенное на беседу, исчерпывалось. Крепкий духом глава московских сионистов немало удивил. Потянул, казалось, за тонкую ниточку и размотал целый клубок человеческих судеб. Вот и он сам — клубок не без ниток. Годами привольно кочевал по Европе. Летом — где прохладнее, зимой — где потеплее. Упивался игрой в обаятельного, талантливого, неженатого инженера, коммерсанта, моряка, летчика, ученого, литератора…Воображал себя неуловимым м вдруг, как в кошмарном сне, очутился у этого старикашки. В сущности от него теперь зависела его жизнь или смерть. Настроение прескверное. Он слушал разглагольствования и нравоучения сиониста, раздираемый страхом. И хотя со многими мыслями Членова был не согласен — молчал. В его положении возражать было бессмысленно. И все же кто-то, как будто посторонний, дернул его за язык:

— Будут ли члены вашей организации принимать участие в вооруженной борьбе против Советов?

Членов сначала недоуменно повел глазами, а потом широко улыбнулся:

— Было бы вам известно, господин Розенблюм, что я, доктор Членов, против участия сионистов в открытых эсеро-меньшевистских контрреволюционных акциях. Против создания еврейских воинских частей в белогвардейской армии. Сионисты, в отличие от эсеров и меньшевиков, тихие революционеры. Мы должны уметь обходиться без взрыва бомб и револьверных выстрелов. Наше оружие — молитвы раввинов и деньги. На своем VII Всероссийском съездов сионистов в Петрограде мы решительно осудили Октябрьский переворот. Предложили всем сионистским организациям оказывать энергичное содействие тем возникшим на местах органам, которые придерживались преемственности власти Временного правительства…

Борьба разгорается не на жизнь, а на смерть. Ставшим у власти большевикам пришлось выдержать еще никогда неслыханный натиск буржуазии. Она сражалась не только на открытых внешних фронтах, но и в глубоком тылу. Саботируя открыто и явно, выведывая тайны Советов, подготавливая заговоры, сионисты разоружали тыл Советской Республики, уменьшали ее боеспособность и тем способствовали развертыванию борьбы Добровольческой армии и интервенции на

внешних фронтах…

— Атмосфера в Петрограде и Москве была перенасыщена конфликтами, — упивался своим красноречием старикашка. — 15 ноября 1917 года мы вовлекли в забастовку почти всех служащих кредитных учреждений. Мы помогли создать Центральный стачечный комитет. Посадили в него Теслера Кемплера, Рошаля, Даниловича. Крупные суммы в фонд стачкома выделили наши известные банкиры Гейман, Меделевич, Оркин, Кутлер. Действовали в основном через меньшевиков и эсеров. Их выдвигали на передний план. Так меньшевик Бройдо передал саботажникам из кассы первого ЦИКа 250 тысяч рублей. Как видите, деньги, которые посылались в Центральный исполнительный комитет разными провинциальными Советами для поддержки Советской власти, попадали к саботажникам.

Некоторые чиновники — саботажники оставались на работе. Через них саботажный центр списывал деньги с текущих счетов разных учреждений и обращал их в "пролетарский фонд". Этот фонд равнялся двум миллионам рублей.

Железнодорожники гоняли продовольственные грузы из одного города в другой, не направляя по назначению. Так эшелон, направленный из Саратова голодающему Петрограду, сделал два конца туда и обратно и снова очутился в Саратове. Продагенты накапливали грузы в таких пунктах, куда быстрее всего и вернее всего могли нагрянуть бандитские отряды, дезертиры и завладеть продовольствием. Продовольственная милиция, разложенная изнутри, вместо того, чтобы охранять грузы, сама поджигала товарные вокзалы. Например, Рязанский. Понятно, что дела наши пошли на убыль, когда Советы объявили красный террор. ВЧК нанесла нам целый ряд чувствительных ударов. Прямо скажем, ВЧК спасает большевизм в тылу. Рейли хотел что-то возразить Членову, но тот, словно не заметив порыва собеседника, продолжал: — По последним данным в России действует 638 групп сионистов в различных городах. Общая численность групп -150 тысяч членов. Я с вами откровенен. Верю вам как самому себе. Мы аппелируем прежде всего к эмоциям, а не к мысли. Делаем ставку в борьбе с большевиками на невежество людей, незнакомых ни с прошлым, ни с настоящим сионизма.

Вот в чем наша сила — сила "тихих революционеров".

Рейли спросил:

— Выходит сионизм возник не как национально-освободительное движение, а как капиталистическое предприятие?

Старичок взорвался:

— Вам известно, что Европейский колониальный трест,

созданный при Всемирной сионистской организации в 1902 году, представлял собой не более и не менее, как финансовый инструмент сионистского движения? Первоначальный капитал этого крупного концерна составлял 2 миллиона фунтов стерлингов — сумма, по тем временам, немалая. В его успехе, кстати, были прежде всего заинтересованы британские колонизаторы. Они видели в Европейском колониальном тресте своего рода "янычарский корпус" для охраны британских владений на Ближнем Востоке. Такими они видят сионистов и в Советской России. И не ошибаются. Уважаемый мистер Розенблюм, ваши высокие руководители прекрасно об этом осведомлены…

Рейли сухо заметил:

— Некогда мне было вникать в сионистские дела. Готовил захват Кремля…

— Конечно, конечно, я понимаю. Мне тоже пришлось потрудиться: Керенский выскользнул на свободу из-под носа у чекистов в Мурманске через наше особо законспирированное "окно". От эсеров нам помогал некто Фабрикантов… Перевалочные пункты наших переправ за кордон — надежнейшие. Вы, мистер, Розенблюм, вскоре сами убедитесь…

Рейли встал. Старикашка замахал руками:

— Сидите, сидите. Вам еще рано уходить. Кресло, в котором вы изволили сидеть, мистер Розенблюм, в некотором роде… историческое. В нем, перед уходом на вокзал, переодетый сербским солдатом, сидел Александр Федорович… Судьба, знаете ли, выкидывает иногда непредвиденные фортели

Старичок напыжился. Гордо вздернул вверх подбородок. Нервно похлопал Рейли по плечу..

— Как по-вашему, нам есть на кого опереться в России?

Глаза оживились. Он распрямился. Стал выше. Внушительней.

— Сколько же в России сионистов?

— Не менее трехсот тысяч!

"Это — сила и немалая, — подумал Рейли. — Ее надо в полной мере использовать в борьбе с большевиками. Тем более, что эсеры терпят неудачу за неудачей…"

В какой-то миг у Рейли появилось вдруг предчувствие, что за этим невзрачным, но живым и умным старичком стоит какая-то незримая и могучая сила, которой нет у него. И еще: он вдруг прикоснулся к загадочной и сложной судьбе, мимо которой уже не может пройти равнодушно. И это предчувствие все росло по мере того, как старик говорил. Говорил тихим, ровным голосом:

— Большевики говорят: "Лучше меньше да лучше. Мы

говорим: "Лучше больше да лучше". Они говорят: "Лучше быть бедным, но здоровым, чем богатым и больным". Мы говорим: "Лучше быть здоровым и богатым, чем бедным и больным". Они говорят: "Сделай по закону — это твой долг". Мы говорим: "Сделай вопреки закону, и я тебя отблагодарю".

Рейли напряженно вслушивался в глуховатый голос старикашки, а взгляд его не мог оторваться от кружка света на столе, в котором лежали его руки. Оказывается, он, один из лучших суперменов "Интеллидженс сервис", еще многого не знал, хотя и считал себя весьма осведомленным разведчиком. Словоохотливый хозяин только приоткрыл тайную завесу.

Охарактеризовал лишь часть айсберга "тихих революционеров". После Октября 1917 года сионисты не брезговали никакими союзниками, лишь бы они выступали против Советской власти. Чего стоил, например, их вояж к Петлюре! Раввин Гутман на встрече с атаманом заявил: "Я даю клятву от всех еврейских святынь, что в верующей части еврейства нет места для большевизма".

Представитель сионистов в России тогда сказал Петлюре:

— Мы, сионисты, верим в большевизм меньше, чем кто-либо вообще… Характерно, что жарким летом 1918 года, сионисты шли рука об руку с эсерами: их объединяла ненависть к Советам, общая классовая платформа, отражавшая интересы буржуазии. Значительную часть эсеровского руководства составляли выходцы из еврейских буржуазных семей…

— Для эсеров наступили трудные времена, — сказал доктор Членов. — Взбунтовались боевики летучего отряда. ЦК партии эсеров, как и в случае с Володарским, снова публично отмежевался от покушения на Ленина. Рядовые исполнители политического террористического акта оказалось в роли простых убийц с большой дороги.

— Уголовниками? — спросил Рейли.

— Хуже, — ответил Членов. — Обманутыми дураками.

Рейли молча курил папиросу. Членов, закрыв глаза, сидел в кресле. Потом вдруг энергично поднялся.

— Кто-то пришел. Вы не волнуйтесь. Это — свой.

Через несколько минут Членов вернулся. Маленькие глазки старичка лихорадочно блестели.

— Как я и ожидал, — сказал он, — Каламатиано арестовали. Из его знаменитой тросточки чекисты извлекли шифры, расписки агентов в получении денег, закодированные адреса и имена информаторов.

— Теперь у Дзержинского на Лубянке и Локкарт и Каламатиано. Это ничего хорошего мне не сулит, — тревожно

отозвался на сообщение старичка Рейли. — Не пора ли мне в путь-дорогу?

— Пора, мистер Розенблюм. Пора. Те, кому поручено посадить вас в поезд, надежнейшие люди. У меня — дело. Надо помогать Донскому спасать боевиков и оружие на даче в Хлыстово… Вам фамилия Донского о чем-нибудь говорит?

— Как же, — обрадовался Рейли. — Член ЦК, руководитель Московской организации эсеров. Особо доверенный человек Абрама Гоца.

— Гоц, — задумался на секунду Членов. — Он сейчас далеко… В Пензе… Это по его просьбе мы финансировали деятельность транспортной комиссии членов Учредительного собрания и найм двух конспиративных дач в Хлыстово и Крюково. Теперь их надо ликвидировать. ВЧК наступает эсеровским боевикам на "хвост". С минуту на минуту Донской будет здесь. А с вами, мистер Розенблюм, прощаюсь не на долго. Не удивляйтесь, если месяца через три-четыре встретимся в Лондоне.

Рейли впервые за несколько дней беззаботно улыбнулся.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

Из Протокола обыска у гражданки Леде Апполинарии Ивановны по ордеру ВЧК N 2693 7 декабря 1921 года.

> "На чердаке в кладовой на квартире Леде в сундуке в виде ящика была нами обнаружена разная с. — р. литература, газеты, переписка и документы, в том числе доклад товарища Председателя Уфимского городского Комитета П.С. -Р. о своей поездке через фронт Чехословацкий и отчеты — протоколы транспортной комиссии Учредительного собрания…"

Из краткого отчета о деятельности Транспортной комиссии членов Учредительного собрания. Октябрь, 1918 года.

> "… Главная задача комиссии — розыск и доставка членов Учредительного собрания из советской и других частей России на освобожденную территорию /в Уфу —

Н.К./. Комиссия располагала суммой в 200 000 рублей, из них было распределено для организации дела в России и на Украине — 105 тыс. рублей. 16 октября отправлено 75 тыс. рублей в Москву и II ноября — 30 тыс. рублей на Украину…

Из протокола допроса Ф.Ставской от 29 марта 1922 года

Подтверждаю доклад, подписанный товарищем председателя Уфимского городского комитета П С Р. штаб-офицером Гаевским. Он передал в Москве акт об образовании Всероссийского Временного Правительства… членам Учредительного собрания Маслову, Кондратьеву и Донскому. Устный доклад о Государственном совещании в Уфе и вообще о положении дел был сделан Гаевским непосредственно Московскому отделу ЦК П С — Р в присутствии Донского, Морозова, Горькова и др.

Донской информировал Гаевского, что по всей территории Совдепии заложены ячейки П С Р, которые могли в любое время создать различные препятствия для действия Советской власти, ее органов и армии. В широком масштабе велась подрывная работа среди крестьянства…

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

КРЫЛЕНКО: Партия с. — р. вела вооруженную борьбу против Советской власти на всем протяжении Поволжского фронта и обширной Сибири. В тесном согласии с деятелями иностранного капитала и английского командования передала в руки иностранной оккупации Север России, подготовляя оттуда войну против пролетарской Республики Советов.

На юге России ПСР вошла в сношение в лице своих партийных организаций с различными белогвардейскими и иными организациями и Добровольческой армией генерала Алексеева, а также с краевым правительством Дона и Кубани в целях вооруженной борьбы с Советским правительством.

ЕВГЕНИЯ РАТНЕР: Идя на соглашение с контрреволюционной буржуазией, мы защищали интересы русской революции. Мы искали честной буржуазии и, к сожалению, этой честной буржуазии не нашлось.

ГРИГОРИЙ РАТНЕР: Я был командирован Московский бюро ЦК ПСР на юго-восток по маршруту Киев — Екатеринослав — Ростов — Екатеринодар, с возможностью заезда в Закавказье.

Цель — выяснить положение на Дону и Кубани, установить более тесные связи с Украиной. Всюду, где находились организации партии социалистов-революционеров, они блокировались со всеми антисоветскими силами против большевиков

КРЫЛЕНКО: Союзники давали эсерам офицеров, технических руководителей, взрывчатые вещества, а по словам Давыдова, и деньги. А эсеры взрывали поезда, разрушали мосты и железнодорожные пути, разоряли народное хозяйство Советской России… Иностранное правительство в чужой стране нашло наемных слуг. Оно не хотело само пачкаться в грязных делах…

РЕНЭ МАРШАН: Французская миссия была тесно связана с ПСР. Деятельность миссии направлялась на свержение Советской власти. Генеральное консульство имело своих платных агентов во всех русских социалистических партиях, которые боролись против большевиков.

Сотрудники консульства радовались высадке японцев на Дальнем Востоке. Занимались обманом, обещая Советам хлеб, обувь, одежду, а сами готовили взрывы мостов на реках Званке и Волхове, чтобы отрезать Петроград от Москвы и взять его измором…

ТИМОФЕЕВ: Вы не можете сказать, когда, по вашему мнению, Эрлих передал для эсеров 50.000 рублей?

РЕНЭ МАРШАН: Это было в течение июня или самое позднее — начале июля 1918 года.

"Рыцари" народовластия без фраков…

На даче в деревне Хлыстово, которая затерялась среди лесов недалеко от станции Томилино, проходило общее собрание террористов Центрального боевого отряда при ЦК ПСР. Начало его было посвящено памяти расстрелянной ВЧК Фанни Каплан. Первым слово взял Григорий Семенов. Потом выступали Лидия Коноплева, Фанни Ставская, Елена Иванова.

Боевики угрюмо молчали. Сергеев ни на кого не глядел, тихо проговорил:

— Меня бы тоже надо было расстрелять… Не мучился бы теперь…

И отошел к окну. Стоял там долго, жалкий и неприкаянный.

Сергеева пытался утешить Пелевин. Насупившись, глядел в пол Зубков… Не по себе стало Усову. Испуганно моргал глазами Козлов… Он ведь мог убить Ленина раньше Каплан… И не убил… Не решился… Долгим и трудным оказался для террористов день памяти Каплан. К вечеру на даче в Хлыстово разразилась "буря". Посланный на станцию Королев принес газету и прямо с порога разразился отборной бранью в адрес своего Центрального Комитета. Потрясая пудовыми кулаками, он костерил эсеровское руководство с такой злобой и такими словами, что, видавшие виды террористы обомлели. "Пепельница" — Иванова, зажав уши, выбежала из дома во двор. Побагровела Лидия Коноплева, а Фанни Ставская сделала вид, что это ее не касается.

Зубков выхватил у Королева газету. Впился в нее глазами, а затем вслух для всех громко прочитал:

"Ввиду поступающих со стороны местных организаций запросов по поводу убийства тов. Урицкого в Петрограде и покушения на тов. Ленина в Москве, Центральный Комитет партии социалистов-революционеров заявляет, что ни одна организация партии к этим актам отношения не имеет".

— Кем подписано заявление? — резко спросил Семенов.

— Центральным Комитетом партии социалистов-революционеров, — ответил Зубков.

Семенов, поняв все, как-то сгорбился и стал ниже ростом. ЦК ПСР, как и в случае с Володарским, снова обманул и предал своих "рыцарей народовластия". Так часто называл террористов Абрам Гоц.

Рыцари народовластия… Семенов обвел боевиков тяжелым взглядом. Усов равнодушно смотрел в окно. Иванова и Ставская

вытирали слезы. У Коноплевой судорожно подергивался подбородок… Козлов ловил ртом воздух…

Первым опомнился Василий Новиков:

— Довольно в молчанку играть, доигрались, туды их…

И прорвало… Все разом вскочили. Загалдели. Задвигали стульями и табуретками.

Один Семенов не кричал и не возмущался. Когда многие выговорились и поутихли, поднял руку.

— Призываю всех к порядку! Предлагаю: для выяснения причин появления в газетах заявления Центрального Комитета…

— Чего там выяснять! — хлопнул шапкой об пол Пелевин. — Я старый эсер, участник восстания на корабле "Память Азова". Многое видел, но такой подлянки…

— Перестрелять их всех, как крыс! — снова заорал Королев.

— Предатели!

Семенов, с большим трудом успокоил боевиков. Новиков отошел не сразу: сел на табуретку, снял поношенный картуз, обнажив взлохмаченные волосы. Козлов потоптался на месте, затем сел рядом с Новиковым, выжидая, что будет дальше. Королев не отходил от Семенова, требовал пригласить на дачу в Хлыстово Дмитрия Донского. Усов вопросов не задавал: твердо решил покончить с террором. Поставить крест на партии эсеров.

— Вы знаете, где находитесь? — грозно спросил Семенов притихших боевиков.

— Знаем — за всех ответил Зубков.

— Ну, а раз так, начнем деловой разговор. Без истерики и шума.

— Есть предложение, — подал голос Ефимов.

— Какое? — насторожился Семенов.

— Послать Тисленко в Пензу.

— Зачем?

— Как зачем? Запросить ЦК о причинах его отречения от покушения на Ленина.

— Ефимов дело говорит, — поддержал Пелевин.

— Пусть Тисленко запросит Тимофеева и Гоца об образовании автономной группы террористов, — подключилась к разговору Лидия Коноплева.

— Кто как, — возразил Усов, — а я ни в какую автономную группу вступать не собираюсь. Хватит. Сыт по горло.

— Запрос в ЦК об автономной группа Тисленко сделает, а там — посмотрим, — примирительно заметил Семенов. — Есть еще предложении?

— Есть, — отозвался Новиков. — Поехать к Донскому. Узнать, в чем дело?

Предложение Новикова приняли и поручили ему и Семенову безотлагательно побывать в Москве у Донского.

— Решено, — резюмировал Семенов. — теперь обсудим — прекратить террор или продолжать?

Вопрос о терроре обсуждали уже спокойно. Продолжать его согласились Семенов, Коноплева, Королев, Пелевин, Ставская. Многие боевики колебались.

Усов, Козлов, Зубков, Ефимов прямо заявили Семенову, что не верят больше ЦК ПСР и покидают отряд, так как не хотят убивать из-за угла таких же социалистов, как и они сами.

На другой день состоялось свидание Семенова и Новикова с Донским. Пока ехали до Москвы, Григорий Иванович о многом передумал. Концы с концами не сходились. В ЦК ПСР не совсем ясно представляли положение в отряде. Из Москвы в Хлыстове ничего не видать. "Все можно понять, — думал Семенов, — только постоянно находясь среди боевиков. Нужна решительная поддержка центра, а ее нет. Каждый самостоятельный шаг дается с боем. Какая же это поддержка святого дела? Не обманываем ли мы людей".

— Никакая серьезная санкция не получит размаха, если ее не поддержит ЦК ПСР, — согласился Новиков. — Потребуем от Донского поддержки.

Едва Семенов и Новиков переступили порог явочной квартиры, как Донской спросил:

— С чем пожаловали, Григорий Иванович?

У Семенова непроизвольно задергалась щека.

— Естественно, мы пришли не в гости… Требуем объяснений…

— Требуете? — перебил Донской. Поиграл тонкой бровью. — У Центрального Комитета?

— Центральный Комитет поставил боевиков в трудное положение… В дурацкое… если угодно…

— Выбирайте выражения, сударь… Вы осмеливаетесь оспаривать решения руководства партии?!…

— Вы должны опровергнуть свою лживую публикацию в газете…

— Центральный Комитет на это не пойдет, — отрезал Донской.

— При всех условиях игра должна быть честной.

— Если сделать так, как вы предлагаете, наша партия будет уничтожена. Вы этого добиваетесь?

— Я добиваюсь того, что мне обещал Гоц, а вы — Каплан. Иначе Центральный Комитет потеряет своих "рыцарей народовластия"…

— Григорий Иванович, — сбавил тон Донской. — Вы же знаете, что я в принципе — за террор. Продолжайте работать… Но и ином качестве.

— То есть?

— Действуйте автономно, не ссылайтесь на Центральный Комитет… Держите свои связи с ним за семью замками… И хорошо бы отряду подобрать подходящее название. Что плохого, если отряд будет называться "Черные соколы".

— Мы политические борцы, Дмитрий Дмитриевич, а не "Черные соколы"… Поберегите это название для кого-нибудь другого, а не для нас.

Донской изменился в лице, но пересилив себя, глухо сказал:

— Запрошу мнение Гоца и Тимофеева…

— Не трудитесь. Мы уже послали к ним в Пензу Тисленко.

— Хорошо сделали, — примирительно сказал Донской. — Подождем его возвращения. Постарайтесь в это время занять боевиков какой-нибудь крупной экспроприацией… ЦК испытает нужду в средствах…

Донской подошел к Новикову.

— Для вас есть особое поручение. Вы единственный свидетель и участник покушения на Ленина… Постарайтесь обо всем подробно написать.

— Выходит, попаду в историю, — усмехнулся Новиков. — Только писатель я никудышный.

— Напишите… Морозов поможет. Документ нужен для партийного архива, — сухо заметил Донской. — Это решение Московского бюро ЦК ПСР.

Семенов многозначительно улыбнулся.

— Писать о покушении на Ленина?… На этот раз, Новиков, вы действительно будете работать для истории.

Семенов и Донской договорились, что пока Тисленко ездит в Пензу, боевики проведут операцию по добыче средства.

— Касса Центрального Комитета, — сказал Донской, — опустела. От безденежья — задыхаемся.

Семенов смотрел на Донского, молчаливо соглашаясь выполнить задание. Но прежней доверительности в разговоре уже не было. А деньги были нужны не только ЦК ПСР, но и боевому отряду.

Прежде, во время подготовки покушений на Володарского, Урицкого, Зиновьева, Троцкого, Ленина, у Семенова как-то не было времени дать себе отчет в своих действиях и придти к какому-нибудь решению. Оценить свою роль в белом терроре. Его взгляды на применение террора явно расходились с теми, что проводил в жизнь ЦК ПСР, с тем, к чему стремились Абрам Гоц и

Дмитрий Донской.

Если же временами и задумывался Семенов о происходящем и о перспективах народовластия в будущем, то появлялось какое-то смутное сознание преступной деятельности, закрадывались в душу сомнения в победе над большевиками, так как у них была Красная Армия, а это не что иное, как весь русский народ. Такие мысли возникали, когда он был еще в Саратове, куда хотел перебазировать боевой отряд, а потом понял — не удастся. Загубит боевиков. Загубит цвет эсеровской гвардии. В открытую выходить против Красной Армии поостерегся. Но у Гоца, Донского, Веденяпина, Чернова, Зензинова, Рабиновича, Гендельмана, Герштейна, была надежда на реванш, на развал Советов, и Семенов плелся за старыми авторитетами. За Семеновым также, видимо, бездумно, веря в него, как в проводника линии Центрального Комитета, безоговорочно шли рядовые исполнители террористических актов и экспроприаций. Следовал приказ и они его проводили в жизнь. Вот и теперь получили приказ: добыть денег. Много денег. И приказ этот надо выполнять.

Пока добирался обратно до Томилино, почти наметил план экса. Оставалось уточнить отдельные детали с Пелевиным — основным его помощником по экспроприациям. Из отряда уходили опытные боевики, участники многих рискованных акций. Зато те, которые оставались, ни о чем не спрашивали, не лезли в душу. Экспроприировать экспроприированное — на это они согласны.

— Григорий Иванович! — Королев бухнул кулаком по собственному колену. — Не мудри. Говори по-русски: грабить мол, идем. Карманы разгружать. Для партии, конечно. Для ЦК, — испугался Королев, заметив, как побледнел Семенов. С начальником отряда шутки плохи. Не терпел панибратства. Пристрелит и глазом не моргнет.

Через несколько дней Королев сообщил, что в кассе кооператива льноводов лежит немалая сумма. Взять ее ничего не стоит.

Семенов похвалил боевика за расторопность. Королев расцвел:

— Я в кооперативе разнюхал: кто когда приходит, где что лежит. Срисовал входы и выходы.

— Что-то быстро разобрался, — язвительно заметил Пелевин.

— Помощницу нашел — Ремянникову. Работает по соседству с кооперативом. С женой кассира дружбу водит. Чаи распивают.

— Хуже нет с мокрохвостками связываться, — ворчал Пелевин. — Помяни мое слово — в дураках останемся. Ты хоть

знаешь деваху-то?

— Ремянникову-то? Тю! Годов пять как обзнакомился. Не сомневайся, баба что надо. Ее муж в нашей партии в начальниках ходит. Лихач ему фамилие…

— Лихач?! — удивился Семенов. — Член Центрального Комитета?

— Чик в чик. Он самый.

— Поистине мир тесен, — засмеялась Коноплева. — Любопытный симбиоз, не правда ли?

Ограбить кооператив льноводов не удалось. Кассир уехал в командировку, а деньги сдал в банк. Раздосадованный Пелевин шумно упрекал Королева.

— Подвела твоя Ремянникова. Не могла упредить заранее, что кассир уезжает?

— Не знала Ремянникова.

Королев ругался. Семенов не огорчался: найдется что-нибудь посолиднее.

И нашлось. Однажды Пелевин возвратился из города возбужденный, веселый. Королев удивился:

— Никак у кумы на крестинах побывал, матрос.

— Вроде того. Поднимай якоря, дело есть!

С шуточками и прибауточками Пелевин рассказал Семенову, что нашел подходящий "объект", который можно и нужно выпотрошить.

Семенов поморщился:

— Оставь ты свой лексикон! Что за объект?

— Губпродком! Фирма солидная.

Боевики переглянулись.

— Крупное учреждение. Наверняка охраняется.

— Нам, Григорий Иванович, любая охрана — тьфу! Прихлопнем.

— Ворваться в Губпродком с боем? Шум поднять на всю Москву?

— Не, Григорий Иванович, мы тишком. И без всякого боя. Человек в Губпродкоме верный работает. И не писарь какой-нибудь, а начальник охраны.

— Вот это да! — Восхищенно выпалил Королев и вдруг нажмурился. — Не подведет?

— Аванс взял…

Семенов повеселел: похоже, дело выгорит.

Экспроприацию Губпродкома Семенов взял на себя. В группу захвата помимо Пелевина, включил Михайлова, Королева, Зеленкова, Красавина и Коноплеву.

Обговорили детали, распределили обязанности. Пелевин

закряхтел, завозился на табуретах.

— Братишки, пустячек забыли…

— Чего еще? Деньги твоему приятелю отсчитаем до копейки…

— Монета нужна мне.

Все дружно повернулись к Пелевину: террористы презирали деньги. Их помыслами все же двигала идея: хорошая ли, плохая ли. И вот отыскался в отряде сребролюбец…

— Так ты — за деньги? — Зеленков расстегнул кабуру пистолета.

Пелевин выкатил глаза.

— Вы что, братва?! Разве можно без денег?!

— Знаешь, Пелевин, — угрожающе придвинулся Королев. — Катись-ка ты отсюда… Поспеши, не то унесут.

— Но, но! — Полегче… Деньги нужны, чтобы за него уплатить!

— За начальника охраны? Так он получил аванс.

— Тьфу, дуроломы! Аппарат-то недешев…

— Че-го?!

— Чтобы замок в кассе открыть — специальный аппарат нужен. В Губпродкоме сейф — слону не сдвинуть. Аппаратом в момент замок выплавим. Я, конечно, расстарался, отыскал. С хояевами сторговался. А вы меня за грудки.

Боевики смутились.

— Прости, плохо о тебе подумали…

— Бывает… Чего там…

Подкупленный начальник охраны провел Пелевина, Королева и Зеленкова в Губпродком. Иванова и Коноплева остались у входа. Бойкая на словах, Иванова на деле неимоверно трусила. Это забавляло Коноплеву.

Семенов, однако, Иванову ценил. Она всегда приносила ценную информацию. Добывала ее, видимо, не без помощи брата Николая — кандидата в члены ЦК ПСР.

Бремя тянулось медленно. Женщины на улице истомились. Вроде бы и дело пустяшное. Охрана подкуплена. Оставалась черновая работа: вскрыть сейф. Коноплевой было не по себе: борцы за идею, а как уголовники стоят на стреме…

Но вот хлюпнула дверь. Вышли Королев и Зеленков. Следом за ними — Пелевин и начальник охраны. Коноплева шагнула к ним.

— Где же деньги?

— В кассе. Где же им быть, — хохотнул подвыпивший начальник охраны. Пелевин виновато развел руками.

— Замок до конца не выплавили, не хватило кислорода.

— Шляпы! — с презрением процедила Коноплева.

— Черт его знает, сколько кислороду в баллонах. Я не инженер, — смущенно оправдывался Пелевин.

Возвращались в Хлыстово раздосадованные. Пьяненький начальник охраны пуще всего боявшийся, что потребуют назад "аванс", плелся сзади, утешал:

— Ничего, ребята, разживетесь баллонами и расплавите сейф. Я проведу и выведу, не сомневайтесь.

Семенов и на этот раз не огорчался: не вышло здесь, получится в другом месте…

Гражданин Никаноров, проживающий в Подмосковье, дом пятистенку давно не ремонтировал: драночная крыша взялась ядовито-зеленым мохом. Крыльцо покосилось: гнулись, трещали половицы — вот-вот провалятся. Ограду ветром качало, а хозяин словно не замечал. Отговаривался — недосуг ремонтом заняться. В добрые старые времена постоянно по России мотался, а ныне и вовсе редко бывал дома. Служил на железной дороге то ли проводником, то ли контролером. Никаноров — бобыль, дружбы с соседями не водил, даже постирушки сам затевал. Неумело и подолгу возился с прищепками, развешивая во дворе серое, плохо прополосканное белье. Бабы жалели мужика, солдатки пробовали окрутить его — не выходило…

И никто не знал, что гражданин Никаноров вовсе не проводник и не контролер, что может запросто купить поселок со всеми потрохами. Крупный спекулянт, пустив в оборот родительские капиталы — старик — отец приторговывал по малости золотишком в Сибири — крепко нагрел руки на поставках в армию: гнал на фронт гнилые шинели, сапоги с картонными подошвами. Разбогатев — утихомирился. Присмирел, старался жить незаметно, не привлекать внимание.

Однако, привлек. Им заинтересовались уголовники, через них и вышел на подмосковного миллионера Григорий Семенов.

"Проведать" Креза отправились впятером: Семенов, Королев, Красавин, Зеленков и Пелевин. Вел Зеленков — худой как щепка, злющий, нервный. Поговаривали, что он нюхает кокаин. Семенов этого не замечал, но иногда остекленевшие глаза Зеленкова не на шутку пугали. Семенов ценил Зеленкова за обширные связи в уголовном мире. Зеленков безошибочно отыскал покосившийся дом, остановился у сорванной с петель калитки: здесь.

— Ну и хоромы, презрительно протянул Королев. — Сразу видать — "миллионщик" живет.

— Помалкивай, Король! — Семенов подянялся на затрещавшее крыльцо, постучал.

— Кого нелегкая несет?

— Милиция!

За дверью что-то упало. Загремело. Семенов постучал сильнее.

— Открывай, папаша, — пробасил Пелевин.

Кто-то тяжело вздохнул. Послышались удаляющиеся шаги. Семенов приказал:

— Высаживайте…

Дверь поддалась не сразу. Здоровяк Королев взмок, но все же справился: террористы ввалились в дом.

Вездесущий Зеленков заглянул в комнаты, по шаткой лесение взлетел кошкой на второй этаж.

— Здесь он, здесь!

Никаноров сидел в кресле, глаза закатились.

— Готов! — крякнул Королев. — Напужался, сердчишко не выдержало.

— Стало быть кишка у него тонка, — сказал Пелевин. — Обойдемся без хозяина, мы не гордые…

Семенов приказал обыскать дом, но ничего не нашли…

Обескураженные и злые возвращались в Москву. Семенов посмеивался:

— Где же твой нюх, Зеленков? Может набрехала твоя шпана?

— Да, парень, здорово тебя разыграли, — поддавал пару Пелевин. — Нашел богача. В одном кармане — вошь на аркане, в другом — блоха на цепи.

— Засохни, специалист по сейфам!

Долго не везло террористам, но вот однажды обнадеживающую новость принес сияющий Пелевин.

— Двести — триста тысченок нащупал. И ехать никуда не надо: почту на углу Камергерского переулка знаете?

На разведку сходил Семенов. Вернулся удовлетворенный: экспроприация возможна. Утром, прихватив четырех террористов, вооруженных маузерами и бомбами, начальник отряда явился на почту. Дверь заперли изнутри: у прохожих создавалось впечатление, что почта еще закрыта. Всем, кто был в зале, террористы приказали поднять руки вверх, повернуться к стене.

Перепуганные посетители и почтовые работники подчинились. Забрав в кассе сто тысяч рублей, террористы ушли.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

ЛИХАЧ: Разрешите задать вопрос Коноплевой. Вы Тисленко

послали в Пензу. Он вернулся. Дальнейшую его судьбу знаете?

КОНОПЛЕВА: Знаю. Он уехал на юг, в Крым, был офицером во Врангелевской армии. Это было летом 1920 года.

СЕМЕНОВ: В деревне Хлыстово, недалеко от станции Томилино по Казанской железной дороге, была снята дача. В ее подвале Центральный боевой отряд ЦК ПСР хранил оружие. В подвале был оборудован тайник. В нем хранились всегда готовыми к действию 6–7 бомб военного образца, 3–4 адские машины о часовыми механизмами и пара револьверов.

КОНОПЛЕВА: Чернов знал о нашей работе в 1918 году. Знал об отказах ЦК ПСР от покушений на Володарского и Ленина. Он интересовался деталями террористических актов. Я ему о них рассказывала.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ

ИЗ ПИСЬМА В.М.ЧЕРНОВА В ГАЗЕТУ "ГОЛОС РОССИИ" ОТ 18 МАРТА 1922 ГОДА

"Второй раз я встретился с госпожой Коноплевой, придя на ночлег к своему знакомому, и госпожа Коноплева очень долго и пространно рассказывала мне, что… Д.Д.Донской поступил с ними не как товарищ, а как политикан…"

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

КРЫЛЕНКО: Обвиняемый Семенов, как реагировали террористы на появившееся в газетах сообщение Московского бюро ЦК ПСР о том, что партия социалистов-революционеров к покушению на Ленина не причастна?

СЕМЕНОВ: Мы были все подавлены. Мы никак не могли понять, как могло произойти такое предательство.

КОНОПЛЕВА: Отречение от акта покушения на Ленина написал Донской по настоянию Морозова. Об этом Морозов говорил в ноябре 1918 года. Фотокарточки Каплан я передала Морозову весной 1919 года.

МОРОЗОВ: Для меня было неожиданным, что в Ленина стреляла Каплан. Я со спокойной совестью участвовал в составлении того заявления Центрального Комитета ПСР, которое мы выпустили о непричастности ни одной партийной организации к акту покушения на убийство Ленина, Урицкого.

ДОНСКОЙ: Я передавал всем партийным товарищам, что Каплан вышла из партии и сделала покушение на Ленина на свой страх и риск, как личный индивидуальный акт.

ПОКРОВСКИЙ: Все честь — честью. Отправляясь к французским министрам, надевают фрак. Отправляясь убивать Ленина, выходят из партии.

На все есть свой этикет. Если бы эсеров судил сам Вандервельде, оправдательного приговора он бы эсерам вынести не смог.

В Горках

В.Н.Розанов навещал Ленина в Кремле два раза в день. Вначале Владимир Ильич как-то не обращал на это никакого внимания, а потом забеспокоился: из-за него врач отрывался от работы и не мог уделить должного внимания другим больным. Убедительно просил Розанова сократить число консультаций и осмотров.

— Владимир Ильич, — сказал Розанов, — напрасно огорчаетесь. Вы тоже больной и очень серьезный больной..

Ленин в ответ сердито заметил:

— Почему — то все товарищи внушают мне, что я серьезный больной. Вас не переспорить.

Нелегко было установить для Ленина определенный режим. При малейшем удобном случае Владимир Ильич разговаривал по телефону, читал газеты и журналы, писал записки в секретариат Совнаркома, в Политбюро ЦК РКП/б/. Между тем, ему нужен был абсолютный покой, хороший отдых. Розанов настойчиво убеждал Ленина воспользоваться случем и на несколько недель уехать в деревню. Надежда Константиновна и Мария Ильинична просили его немедленно выполнить рекомендации врачей. После долгих колебаний Владимир Ильич согласился уехать в Горки.

Перед тем как отправиться в путь составил себе записку: "По Серпуховскому шоссе около 20–23 верст. Проехав железнодорожный мост и затем второй, не железнодорожный мост на шоссе, взять первый поворот налево /тоже по шоссе, по небольшому, узкому/ и доехать до деревни Горки. /Горки — бывшее имение Рейнбота/.

Всего от Москвы верст около 40".

В Горках Ленин прожил с 25 сентября до 19 октября 1918 года. Жил в северном флигеле. Там написал свою книгу "Пролетарская революция и ренегат Каутский".

20 сентября 1918 года Владимир Ильич, прочитав в "Правде" выдержки из статьи Карла Каутского, в которой он призывал социал-демократические партии к борьбе против большевиков, писал В.В.Воровскому в Стокгольм: "Позорный вздор, детский лепет и пошлейший оппортунизм Каутского возбуждают вопрос: почему мы ничего не делаем для борьбы с теоретическим опошлением марксизма Каутским?"

Владимир Ильич просил Воровского, бывшего тогда полномочным представителем Советской республики в скандинавских странах, прислать ему брошюру Каутского о диктатуре пролетариата, как только она выйдет и все статьи о

большевиках.

В.Д.Бонч-Бруевич вспоминал, что В.И.Ленин был особенно увлечен работой над книгой "Пролетарская революция и ренегат Каутский", он буквально "пылал гневом", "целые дни до поздней ночи писал это изумительное по силе произведение…" Из него пролетариат Англии, Франции, Германии, Италии, Швейцарии и других зарубежных стран узнал о ренегате Каутском, который "дошел до виртуозности"… быть марксистом на словах, лакеем буржуазии на деле…"

Владимир Ильич разил врагов революции железным партийным словом, враги отвечали ему предательскими выстрелами.

Однажды, когда профессор Розанов приехал в Горки, Ленин спросил его:

— Как живется москвичам?

— Трудно, Владимир Ильич, — ответил профессор. — Слишком много недругов у большевиков.

— Э, батенька, не слышу в голосе оптимизма. Потому и много, что мы — большевики.

Владимир Ильич задумался, стал серьезным. Подошел к Розанову и сказал:

— Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединялись, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами. Дорогой Владимир Николаевич! Эти строки были написаны мною в то время, когда партия только первые шаги делала. Она имела перед собой превосходящие силы старого мира. Партия преследовалась она была гонима. Ее запрещали, ее организации громили. Но партия упорно и терпеливо делала свое дело. Просвещала и сплачивала пролетариат, крестьянство. Настойчиво, изо дня в день готовила их к классовым боям. И сейчас, когда идет этот бой, нам ли, коммунистам, бояться врагов? Мы обязательно победим!

В комнате становилось душно. Большой и тучный, Розанов не успевал смахивать с лица платком выступавший пот. Заметив это, Ленин пригласил профессора на балкон. Здесь Владимир Ильич работал и отдыхал в жаркие дни.

— Поверьте, — сказал он, — народ пойдет за Советской властью до конца. Ни Колчак, ни Юденич, ни другие контрреволюционные генералы не смогут победить Республику Советов. Об этом позаботимся мы, большевики, ну, а вы нам поможете.

Ленин замолчал, а потом заметил:

— Не наша вина, что в голодной России полыхает гражданская война. Ее развязали керенские и черновы, рябушинские и корниловы. Настоящая война только еще начинается, но всякий шаг в ее продолжении приближает наших врагов к неминуемой катастрофе.

Из Горок Розанов уехал, находясь под неизгладимым впечатлением беседы с Лениным. С каждой встречей профессор все больше и больше привязывался к Владимиру Ильичу..

В Горках Ленин не переставал интересоваться текущими вопросами строительства социализма. Особенно пристальное внимание он уделял советской кооперации, высоко ценил ее роль в социалистическом преобразовании страны. Владимир Ильич подолгу беседовал на эту тему с профессором Розановым, не однажды говорил, что кооперативы кормят республику, но что частники все еще пользуются на селе большим влиянием, что темнота деревни мешает решительному укреплению потребительских обществ. И рассказал Розанову случай.

Пошел как-то Владимир Ильич на прогулку в окрестностях Горок. Встретил девочку лет двенадцати — тринадцати. Спросил, куда она идет. Девочка ответила, что мать послала ее к лавочнику Горбачу за мукой.

— Зачем же ты идешь за мукой к Горбачу? — сказал Ленин. — Иди в кооператив, там мука намного дешевле.

Девочка не знала, где находился кооператив. Владимир Ильич показал ей, а сам пошел дальше.

Дня через два Ленин встретил девочку в Горках и поинтересовался, где она брала муку. Девочка ответила:

— В кооперативе.

Девочкой, повстречавшейся с Лениным, была Наталья Константиновна Суслова, жительница деревни Малое Брянцево Подольского района Московской области. Долгое время она жила в совхозе "Путь Ильича", являлась депутатом сельсовета.

Во время консультаций в Горках Владимир Ильич бывал оживлен, подолгу беседовал с Розановым, проявлял обычный интерес ко всему, что происходило вокруг него. Беспокоился о том, что не устранены трудности с отоплением корпусов Солдатенковской больницы. Заломил что-то записать. И долго смеялся, когда не нашел у себя в кармане даже маленького клочка бумаги.

— Вот что значит быть председателем! — воскликнул он.

На вопрос Владимира Николаевича, не беспокоят ли его пули, ответил:

— Пока не беспокоят. Ну, а когда начнут беспокоить — удалим.

По окончания курса лечения Владимир Ильич горячо поблагодарил профессора, спросил, не нуждается ли он в чем-нибудь. Владимир Николаевич ответил, что лично он ни в чем не нуждается, но просит Ленина, как Председателя Совнаркома, помочь отвоевать для солдатенковских медиков Петровский огород, территориально примыкавший к больнице.

Однажды, приехав на короткое время по срочному делу в больницу, Владимир Ильич не преминул спросить у Розанова:

— Ну, а огород-то как?

— Кряхтит, — ответил Владимир Николаевич.

— Почему так?

— Да хозяев уж очень много, все совещаемся.

Владимир Ильич тяжело вздохнул:

— Мы еще все так много совещаемся.

Владимир Ильич умел решать самые сложные вопросы "деликатно

и великолепно". Не простым оказался и вопрос о гонораре.

Дело в том, что ЦК партии несколько раз предлагал Розанову плату за лечение Ленина. Однако профессор попросил товарищей из ЦК не поднимать вопроса о деньгах. Владимир Ильич, видимо, знал об этом, но не соглашался, чтобы его лечили даром, без всякого вознаграждения. Однажды, когда В.Н.Розанов и В.М.Минц закончили свою очередную консультацию, Владимир Ильич позвал их в спальню. Протягивая Розанову и Минцу конверты, он сказал:

— Это — за лечение. Я глубоко вам благодарен, вы так много на меня тратили времени.

Врачи растерялись. Потом Розанов собрался с духом и ответил:

— Владимир Ильич, можно без этого… Поверьте, все мы, врачи, рады тому, что вы выздоровели…

Владимир Ильич подошел к хирургам, крепко пожал им руки и взволнованно произнес:

— Спасибо… Еще раз благодарю…

В Полном собрании сочинений В.И.Ленина, в Ленинских сборниках можно найти много документов, которые свидетельствуют об исключительном внимании Владимира Ильича к окружавшим его людям. И что характерно: заботясь о товарищах, он всегда делал это через других, сам оставаясь в тени настолько, что многие даже и не догадывались, чем они обязаны Ленину.

Особенно чуток и внимателен был Владимир Ильич к своим ближайшим помощникам, которые выдерживали колоссальную нагрузку в работе Совнаркома. Так, узнав, что А.Д.Цюрупа

нуждается в продолжении лечения, он пишет записку, в которой сообщает, что его отпуск продлен на три месяца. "Бодритесь, — наказывал Ленин наркому, — и непременно выдерживайте полный курс лечения, будете прекрасным работником".

В другой записке Ленин предупреждает Цюрупу, что вид у него больной и если он не уйдет в отпуск — Владимир Ильич будет жаловаться в ЦК.

Живя в Горках, Владимир Ильич поддерживал регулярную связь с Кремлем. Получал оперативные сводки Наркомвоена, телеграммы и другие материалы, а также информации о текущих делах от Я.М. Свердлова и секретаря СНК Л.А.Фотиевой.

Обстановка в Горках для Владимира Ильича была непривычной. Н.К.Крупская говорила, что они всегда жили в скромных квартирах, в дешевеньких комнатах и дешевых заграничных пансионах и не знали "куда сунуться в покоях Рейнбота". Выбрали самую маленькую комнату. В ней и поселились. Все внутреннее убранство и обстановку большого барского дома Владимир Ильич просил сохранить в неприкосновенности..

Больше всего Владимира Ильича заинтересовала в доме большая библиотека генерала Рейнбота. В восторге он был и от прекрасного тенистого парка с окружающими его рощами и лугами. Вполне устраивала близость живописной реки Пахры. И до Москвы было недалеко — не более 40 минут быстрой езды на автомобиле. Это, видимо, было для Владимира Ильича наиболее важным.

Нравилось Владимиру Ильичу высокое расположение рейнботовской усадьбы. От большой сосны виден был железнодорожный мост и город Подольск. Мария Ильинична замечала, что Ленин вообще любил живописные места с широким горизонтом.

В Горки непрерывно приходили вести о назревавшей в Германии революции. 1 октября Владимир Ильич писал в Москву Я.М.Свердлову, что "надо созвать… соединенное собрание ЦИК, Московского Совета, Райсоветов и Профессиональных союзов и сделать ряд докладов о начале революции в Германии". Просил дать ему слово на 1/4 часа вступления. Он приедет из Горок, выступит и уедет обратно.

"Согласия на приезд Ильич пе получил, — вспоминала Крупская…

— Берегли его здоровье… Ильич знал, что машины не пришлют, а все же в этот день сидел у дороги и ждал… "А вдруг пришлют!"

В Горки пришло печальное известие о смерти Веры

Михайловны Величкиной /Бонч-Бруевич/. Проболев всего два дня, она скончалась от свирепой "испанки" в два часа ночи 30 сентября 1918 года.

Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич не решился сразу сообщать Владимиру Ильичу о смерти жены. Боялся его расстроить. Но на другой день по телефону сообщил Надежде Константиновне. Она сочла нужным сказать Владимиру Ильичу, который откликнулся на горе осиротевшей семьи В.Д.Бонч-Бруевича задушевным письмом. Надежда Константиновна сделала к нему приписку: "Дорогие Владимир Дмитриевич и Лилинька, не знаю, что и сказать. Берегите друг друга. Крепко, крепко жму руку. Как-то ужасно трудно верится.

Ваша Н.К.Ульянова".

Отойдя на время от сутолоки повседневной оперативной работы в СНК, Владимир Ильич тем не менее не упускал из виду продовольственных вопросов. По его распоряжению Наркомпрод отправил в адрес Тверского губпродкома 2 тысячи пудов хлеба. Два вагона хлеба получил Костромской губпродком. Владимир Ильич радовался, когда узнал от политкомиссара 4-й армии Г.Д.Линдова о том, как после освобождения Самары там быстро и энергично коммунисты приступили к налаживанию советской работы. Ленин увидел "в этом еще раз подтверждение той мысли, что Советская власть пустила слишком глубоко корни в самые недра рабочего, городского и сельского классов, чтобы какая-нибудь сила в состоянии была бы вырвать эти корни".

День ото дня здоровье Владимира Ильича крепло. Он стал постепенно удлинять маршруты своих прогулок. Часто выходил даже за пределы парка. Это сильно беспокоило чекистов. В парке были замечены неизвестные лица. Я.Х.Петерс изменил порядок охраны: один из чекистов стал постоянно находиться поблизости от Ленина. Надежда Константиновна одобрила это решение. Кроме того, чекисты стали дежурить ночью около дома с винтовками, а днем, под видом охотников, с ружьями прохаживались по парку… Владимир Ильич разговаривал с чекистами. Иногда наблюдал, как они занимаются гимнастикой на спортивной площадке.

Свободные от дежурства чекисты стали помогать Надежде Константиновне регистрировать в библиотеке книги. Нашли несколько брошюр В.И.Ленина, написанных в 1905 году. Видимо, владелец имения "приобрел" их в результате обысков на квартирах революционеров. Ведь он был градоначальником Москвы. Когда чекисты показали Владимиру Ильичу находку, он был очень доволен и сказал:

— Вот это хорошо! У меня у самого они не сохранились

больше. Регистрируйте дальше, может быть найдется что-либо еще.

На одной из прогулок Ленин стал расспрашивать чекиста П.Н.Пташинского, откуда он, кто его родители, как он попал в ВЧК, сколько ему лет. Пташинский помалкивал про свои шестнадцать лет, опасался, что пошлют на кухню картошку чистить, и потому везде писал и всем говорил, что ему восемнадцать лет. Владимиру Ильичу он не мог сказать неправды, но шестнадцать, как ему казалось, было маловато, и он ответил:

— Семнадцатый.

Присутствовавший при разговоре чекист Геннадий Хейфиц поддержал товарища. Стал говорить, что Пташинский был на австрийском фронте, награжден Георгиевским крестом, в Одессе был ранен. сжег немецкие самолеты на аэродроме…

Взъерошив на голове Петра Пташинского волосы, Владимир Ильич спросил:

— Как там оккупанты, лютуют?

— Лютуют, — ответил чекист.

— А как себя ведут рабочие, население?

Петр Пташинский, как мог, рассказал Ленину о положении в оккупированной Одессе. Выслушав Пташинского, Владимир Ильич поинтересовался, чем он думает заняться, когда закончится война?

Владимир Ильич горячо любил молодежь. Он возлагал на нее большие надежды. При малейшей возможности подчеркивал ее величайшую способность на самопожертвование. Призывал смелее выдвигать молодых товарищей на ответственные посты. Не боялся их неопытности. Говорил, что если они ошибутся, их всегда можно поправить.

Не так-то просто оказалось удержать Владимира Ильича за городом. Он буквально рвался в Москву, к работе. Однажды, когда Мальков появился в Горках, Ленин первым делом спросил:

— Ну как, товарищ Мальков, ремонт в моей квартире скоро закончите? Мальков, помня наказ Свердлова, как мог отговаривался: дело идет туго, материалов строительных нет. То того, то другого не хватает…

Владимир Ильич неопределенно улыбался, а потом посуровев сказал, что дипломат из Малькова получился никудышний. Ремонт в квартире уже два дня как закончен. Об этом ему сказал приезжавший в Горки перед Мальковым В.Д.Бонч-Бруевич.

— Завтра же возвращаюсь в Москву, — сказал Ленин. — передайте об это; Якову Михайловичу Свердлову. Я ведь знаю, кто вас инструктирует…

На следующий день Владимир Ленин вернулся из Горок в Кремль и приступил к работе.

Злодейское покушение эсерки Каплан на В.И.Ленина 30 августа 1918 года вызвало ликование в стане врагов Советской власти. Буржуазные газеты многих капиталистических стран поместили телеграммы из Ревеля, Гельсингфорса, Риги, Варшавы, в которых черным по белому было написано: "Ленин убит".

Слухи о смерти Ленина будоражили не только Москву, но и всю страну. Совнарком осаждали представители фабрик, заводов, профсоюзов, кооперативных обществ. Всех интересовано одно: что с Ильичем? Сыпались запросы с переферии. И вот управляющему делами Совнаркома В.Д.Бонч-Бруевичу в голову пришла мысль: показать Ленина на экране. Но как? Ясно, что Владимир Ильич сниматься не станет.

Владимир Дмитриевич посоветовался с киноработниками. Решили снимать тайно.

"Кинозаговор" вскоре осуществился. День, как по заказу, выдался яркий, солнечный. Кремль словно помолодел. Выбрав удобный момент, Бонч-Бруевич зашел к Ленину, завел деловой разговор и как бы невзначай заметил:

— Погода сегодня отменная. Помнится, Владимир Ильич, врачи обязали вас чаще бывать на воздухе. По-моему, сейчас самое подходящее время…

Ленин согласно кивнул головой. Встал из-за стола, взял кепку.

— День, говорите, прекрасный? Пойду без пальто. Минут на десять — не больше. — И показал на стол, заваленный бумагами.

Прогулка по Кремлю заканчивалась, когда Ленин увидел кинооператоров.

— Кого они здесь снимают?

— Вас…

— И вы меня не предупредили, Владимир Дмитриевич?

— Зачем? Вы наверняка не согласились бы сниматься.

— Следовательно, вы решили меня надуть?

— Рабочие хотят увидеть вас на экране, Владимир Ильич. Совнарком завален письмами…

— Ну, если нужно… Но сперва ленту покажите мне.

Вскоре фильм "Прогулка Владимира Ильича в Кремле" вышел на экран. Ленин жив! Вождь мирового пролетариата в скромном костюме и кепи шел по Сенатской площади мимо Арсенала и Никольской башни. Усиленно двигал левой рукой. Показывал спутнику.

При появлении Владимиры Ильича на экране зрители долго рукоплескали, многие плакали от радости, видя его живым и

бодро шагающим по солнечным дорожкам Московского Кремля.

Вспоминая о киносъемках в Кремле, В.Д.Бонч-Бруевич писал: "Кинооператоры, видя, что "заговор" раскрыт, как и полагается им, выскочили со всех сторон и засняли всю сцену этого разговора.

Помню, эти кадры были особенно удачны, там был заснят Владимир Ильич весело смеющимся и другие моменты, которые были очень жизненны и интересны".

Кинооператоры А.Винклер, его помощник В.Беляев и руководивший их работой Г.Болтянский с помощью Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича навеки запечатлели образ Владимира Ильича Ленина, стоявшего в Кремле на асфальтовой дорожке, в кепке, опустив правую руку в карман…

Однажды Владимир Ильич принимал в Кремле американскую журналистку Бесси Битти. После часовой беседы о внешней политики Советского государства и международном женском движении она спросила у Ленина: "Что вы делаете, когда останетесь наедине с самим собой?" Владимир Ильич полушутя, полусерьезно ответил:

— У меня так много работы, и я так устаю, что как только освобождаюсь, поскорее ложусь спать.

Многое слышится в словах Владимира Ильича… Во всем, чего ни коснись, в те суровые годы первых лет становления Советской власти требовались ленинский глаз, ленинская мысль, ленинский совет, ленинская поддержка или ленинский отпор. Какую бы работу Ленин ни выполнял, он стремился обязательно довести ее до конечного результата. "Поменьше пышных фраз, побольше простого, будничного дела".

Ленин учил: начали, уперлись в тупик — начинайте сначала, и так до тех пор, пока не добьетесь цели. И не только учил, но и личным примером постоянно показывал, как настойчиво надо добиваться поставленной цели. Он резко порицал и высмеивал, вспоминала Л.А.Фотиева, разгильдяйство, небрежность, легкомысленное отношение к делу, склонность за все на свете браться и ничего не доводить до конца, склонность заменять дело разговором, работу — дискуссией.

После выхода фильма "Прогулка Владимира Ильича в Кремле" приток писем и телеграмм в адрес выздоравливающего Ленина усилился.

Характерно, что даже те рабочие, которые отнюдь не были на стороне большевиков, вдруг внутренне почувствовали, что нападение на вождя коммунистов есть нападение на весь рабочий класс. Классовая солидарность заставила всколыхнуться даже самых пассивных и отсталых. Призывала их на передний край

борьбы за Советскую власть.

В самые тяжелые минуты, часы и дни своей многотрудной жизни Ленин показал необычайную твердость, самообладание, революционное мужество. Трудящиеся знали об этом и выражали свою горячую любовь к самому лучшему из лучших задушевными словами: "Дорогой товарищ Владимир Ильич", а то еще проще: "Дорогой Ильич". Так говорят только те, кто связан с человеком судьбой, мыслями, сердцем.

Почти в каждом письме, телеграмме, послании, резолюции, постановлении выражалась радость, что В.И.Ленин приступил к работе, снова стал у руля Страны Советов.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ

Из биографической хроники В.И.Ленина, 1918, Сентябрь, 25.

"Ленин живет в Горках… работает над книгой "Пролетарская революция и ренегат Каутский".

Ленин, вспоминая это время в марте 1923 г. в беседе с М.И. Ульяновой, говорил: "В 1917 г. я отдохнул в шалаше у Сестрорецка благодаря белогвардейским прапорщикам; в 1918 г. — по милости выстрела Каплан. А вот потом — случая такого не было".

Конец сентября

"Ленин приезжает из Горок, чтобы показаться лечащим врачам В.М.Минцу, В.Н. Розанову и Н.Н.Мамонову. По воспоминаниям Розанова, Ленин "выглядел прекрасно: бодрый, свежий, со стороны легких и сердца — полная норма, рука срослась прекрасно, так что протез свободно можно бросить; жалоба только одна: неприятные, порой болевые ощущения в большом и указательном пальцах больной руки — результат ушиба лучевого нерва". На вопрос, беспокоят ли пули, "из которых одна на шее прощупывалась очень легко и отчетливо", Ленин ответил отрицательно".

В Бутырке

Солнце уже повисло где-то за деревней, над темневшим лесом. Приближались сумерки. Семенов стоял у окна и смотрел на тащившуюся по улице подводу, на которой возвращался со станции Зеленков. Он отвозил архив Центрального боевого отряда. Отправлял его в Москву — Донскому.

— Борьбу мы не прекратим, — твердо сказал Семенов террористам, сидевшим за столом. — Будем действовать… Отрядная касса пуста. Денег — ни копейки. Следовательно, придется…

— Выходить на большую дорогу? — обрадовался Королев и хлопнул по спине Пелевина.

Семенов строго посмотрел на Королева.

— Чтобы я этого больше не слышал! Будем экспроприировать золото, предназначенное Германии по условиям Брестского мира! Тогда будет о чем докладывать Центральному комитету. Обеспечим партию валютой.

Коноплева с восхищением смотрела на Семенова. Он стоял раскачиваясь на носках, грозный и решительный.

Золото — могучая сила, в ней нуждалась партия эсеров. И Семенов активно готовил операцию. Отбить у конвоя вагон с золотом не просто — большевики не ротозеи. Каждодневно он изматывался, как лошадь, совершавшая непосильный пробег, вернувшись домой, валился на диван, закуривал.

Кто он? С кем? Куда стремился? Куда идет партия? Террор, кровь, убийства, гибель товарищей. Во имя чего? Высшей справедливости? Может раньше так было, а теперь? После выстрелов Каплан?

Семенов расплющил окурок, достал новую папиросу. Чиркнул спичкой. Своих дум он не поверял даже Лидии, а ближе ее пока никого нет. Похоже, и она переживает кризис.

Усилием воли Семенов заставил себя думать о предстоящей акции. Дело продвигалось успешно. Удалось установить точный маршрут эшелона. Время его отправки. Семенов с двумя террористами уже проехал вдоль железной дороги. Выбрал место для нападения… Собрав "экспроприаторов" на конспиративной квартире, Семенов коротко обрисовал задачу:

— На перегоне взорвем рельсы. Штурм вагона — по моему сигналу. Первая группа уничтожает конвой, вторая вытаскивает ящики и грузит в автомобиль. Повторяю, только быстрота действий позволит нам добиться успеха. Промедление недопустимо. Промедление — гибель…

— Какая будет форма одежды? — спросил Королев.

— У кого сохранилась — оденьте милицейскую или красноармейскую, — ответил Семенов. — Сбор — в Сыромятниках…

Семенов и террорист Томашевич зашли пообедать в кафе у Никитских ворот. Посетителей было мало. Официант, поставив на стол еду, удалился. Проголодавшиеся Семенов и Томашевич с наслаждением хлебали вкусный борщ.

— У кого золото, у того и власть, — философствовал вполголоса Томашевич. — Партия, получив валюту, снова расправит плечи…

И вдруг оттолкнулся от стола. Выронил ложку. Медленно поднял руки. Семенов круто повернулся. Выхватил пистолет и выстрелил, не целясь. Метнулся в сторону. Опрокинул стул. Сведенным пальцем дергал спусковой крючок пистолета. Тяжелый удар сбил его с ног…

В тюрьме Семенов узнал: чекисты арестовали Гладкова, Скурихина и жену видного эсера Ивана Гвозда — хозяйку квартиры. На другой конспиративной квартире взяли Николая Иванова, Рудакова, Михайлова. Ускользнула только одна Коноплева.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

СЕМЕНОВ: Одновременно с террористической работой Центральный боевой отряд ЦК ПСР занимался экспроприациями. Еще в мае 1918 года в Петрограде мы изъяли из Михайловского манежа автомобиль и на нем совершали налеты на советские учреждения, особенно на вокзалы, куда прибывали хлебные эшелоны. Мы их, попросту говоря, грабили, обкрадывали питерских рабочих.

КОНОПЛЕВА: Гоц и Донской горячо поддерживали экспроприации.

СЕМЕНОВ: Донской лично изъявлял желание пойти с боевиками на какую-либо экспроприацию.

Мы произвели экс на частной даче под Москвой, по рязано-уральской железной дороге. Взяли у торговца 15–20 тысяч рублей. Сдал их по указацию Донского члену ЦК ПСР Ракову.

КОНОПЛЕВА: Особое место в планах ЦК ПСР отводилось захвату вагона с золотом, которое отправлялось из Москвы в Германию по Брестскому договору.

ШУБИН: Подрыв поезда с золотом всплывает в показаниях Тимофеева и Донского. Они решали, какую работу дать Семенову после неудавшегося покушения на Ленина.

КОНОПЛЕВА: Семенову не удалось захватить вагон с золотом. Он был арестован в кафе у Никитских ворот вместе с Томашевичем. При аресте Семенов оказал чекистам вооруженное сопротивление.

СЕМЕНОВ: В тюрьме я пробыл девять месяцев. Все это время у меня происходил глубокий внутренний процесс. Шла коренная переоценка эсеровских постулатов. В результате мои политические взгляды изменились коренным образом. Я пришел к признанию социалистической революции, к признанию необходимости диктатуры пролетариата…

Провал конспиративных квартир мог обескуражить и повернуть в уныние кого угодно, но только не Коноплеву. Тридцатилетняя женщина, прошедшая "академию" терроризма, самостоятельно создала террористическую группу и решила любой ценой освободить Семенова из тюрьмы. Трудности не смущали: задача поставлена и должна быть решена, чего бы это ей ни стоило.

"Кадры" пришлось перевоспитывать. Собрав разношерстное, разящее винным духом "воинство", Коноплева держала речь, предельно лаконичную, но убедительную…"

— Побриться, подстричься, переодеться, принять человеческий облик. Пить запрещаю! Первого, нарушившего приказ — пристрелю, как собаку.

— Круто берешь, хозяйка…

— Кому не нравится — может немедленно убираться!

Однако, никто не ушел — на горизонте маячило германское золото. Поворчав, бандиты подчинились "атаманше". Утром Коноплева их не узнала: выбриты, аккуратны, немногословны.

Но Коноплева не только занималась "перевоспитанием" экспроприаторов. Используя связи, она тщательно изучала тюрьму, где томился Семенов. Одевшись поскромнее и изменив прическу, она явилась в Бутырку и добилась свидания.

Семенов ахнул — смелости Лиде не занимать! Не побоялась придти в тюрьму, хотя ее усиленно разыскивает ВЧК!

— Напрасно рискуешь. Больше не приходи.

— К кому приходить? Скоро ты убежишь. Все подготовлено. Осечки не будет. Все будет хорошо, — торопливо шептала Коноплева.

— Напрасно, стараешься, Лида. Я не воспользуюсь побегом.

— Как?! Ты не хочешь…

— Да. Бежать не желаю.

— Ты просто устал. Отдыхай. Завтра приду и тогда поговорим…

— Я предпочитал бы открытый бой с большевиками, — сказал Семенов, глядя на Коноплеву. — По крайней мере, было бы честно. Мы, Лида, давно потеряли высоту, господствующую на местности. Она — у большевиков. Она — у Советской власти.

— Григорий, ты отказываешься от побега? Тебе же грозит "вышка"?

— Это меня не очень волнует, — тихо обронил Семенов. — Главное — высоту потеряли. Высота… Посмотришь с нее и обстановка проясняется. А у нас?..

Кончилось свидание. Коноплева ушла обескураженной: Семенов от побега отказался.

Когда железная дверь камеры захлопнулась, Семенов устало опустился на койку, еще не сознавая того, что он наделал — отказался от побега! Больше такой возможности не представится. Значит, он сознательно обрек себя на гибель? — Семенов не жалел, что отказался от побега. Время в тюрьме проходило не даром. Он много думал, подводя черту под пережитым. Много читал. Уступая просьбам арестанта, администрация тюрьмы исправно снабжала его газетами и книгами. Семенов получал даже крестьянскую газету "Беднота". Искал в ней статьи Ленина. Убеждался — крестьянство, опора эсеров, идет теперь за большевиками, за Лениным.

Эсеровские лидеры — Чернов, Гоц, Тимофеев утверждали, что Ленин создал партию большевиков для захвата власти. Они не раз повторяли это с трибун. Ложь! Злонамеренная ложь. Ленин в статьях и устных выступлениях указывал неоднократно: власть завоевать — не главная, не самая трудная задача большевиков. Значительно труднее завоеванную власть удержать. Предлагал эсерам и другим демократическом партиям строить новое общество совместно с большевиками. Управлять страной сообща. Партия большевиков отвоевала Россию у богатых для бедных, и теперь она должна научиться ею управлять.

У богатых для бедных… Как глубок смысл этих слов! Они заставили Семенова в тюрьме по-новому взглянуть на ЦК ПСР. Кто они, цекисты, посылавшие его на преступления и смерть? Группка, присвоившая себе право вершить судьбами рядовых членов партии. Способных низовых работников цековская элита подавляет, шельмует, требует слепого подчинения. Низы обязаны только подчиняться! Члены эсеровского ЦК высокомерны и эгоистичны… А жажда денег? За деньги эта публика готова на все. К деньгам льнут. Перед деньгами пресмыкаются. А с тех пор,

как Центральный Комитет эсеров стал получать в свое распоряжение большие денежные суммы, в особенности после совершенных экспроприаций, к революционному карьеризму, который был направлен на получение власти и влияния в партии или через партию, прибавился еще и другой вид карьеризма с экономической подкладкой, со стремлением пристроиться к партийной бюрократии получением платной работы в высших эшелонах самой партии. Периферия, низовой аппарат беспрекословно принимает теории и мнения, декретированные сверху. Верхи перестали считаться с моральными качествами людей, принимаемых в партию.

Права гражданства получили генеральство и карьеризм, лакейство и угодничество. В глазах рядовых эсеров, партия — это преимущественно центр и близкие к центру люди. К ним причислял себя и Семенов. И от того становилось в камере — одиночке еще горше, еще тоскливей. А ведь как начинали! Первые месяцы после февраля семнадцатого принесли эсерам небывалый взлет. Чем это объяснялось? Конечно, не достоинствами партии, а ее недостатками: путанностью программы, теоретическим эклектизмом, политической неразборчивостью. В ПСР господствующие классы и их лакеи видели последнюю возможность спасения. Все можно было валить на широкий эсеровский двор, увенчанный знаменами революции.

Семенов с горечью сознавал, что партия эсеров перестала быть монолитом. Отсюда — сосредоточение власти в руках бюрократической касты, которой не чужды мздоимство, удар в спину, выстрел из-за угла…

Память вернула Семенова к лету 1917 года. Временное правительство отдало недвусмысленный приказ: арестовать Ленина. Эсеровские и меньшевистские газеты оправдывали Керенского, прозрачно намекая, что Ленин, мол, спровоцировал июльское вооруженное выступление рабочих и солдат в Петрограде.

Бюро ЦИК назначило комиссию по расследованию обвинений, выдвинутых против большевистского ЦК Временным правительством. В комиссию вошли Гендельман, Гоц, Либер, Крохмаль и Дан. Собраные материалы комиссия передала Временному правительству. Вожди эсеро-меньшевистских Советов предоставляли ему свободу действий по физическому устранению большевистских лидеров.

А позорные похороны убитых казаков, разгонявших участников июльской демонстрации в Питере? За гробами шли члены ЦИК, министры В.М. Чернов, и М.И.Скобелев, Исполком Петроградского Совета прислал венок: "Защитникам революции,

павшим жертвами при исполнении революционного долга". Венок возлагал Гендельман.

Фракция эсеров в Петроградском Совете потребовала, чтобы пролетариат подчинился приказам Временного правительства и сдал оружие.

После июльских событий эсеры и меньшевики поставили вопрос о переизбрании Петроградского Совета, чтобы удалить большевиков из Совета. Противники перевыборов вдруг стали их горячими сторонниками. Надеялись таким способом ослабить большевиков. Решение о перевыборах явно неправомочное, принималось не Исполкомом Петроградского Совета, а совместным заседанием ЦИК Советов рабочих и крестьянских депутатов и Исполнительного Комитета крестьянских депутатов. Решение носило антибольшевистский характер. Враждебной была и обстановка заседания. Меньшевик Дан потребовал суда над В.И.Лениным, а от большевистской фракции ЦИК немедленного, категорического осуждения тех, кто уклонился от суда.

— Это провокация! Меньшевики и эсеры хотят выдать большевиков контрреволюционерам, чтобы их руками нас уничтожить! — заявил большевик В.Н.Ногин.

Большевики покинули зал заседания.

24 июля 1917 года кадеты, эсеры и меньшевики сформировали Временное правительство, состоявшие из 15 человек: 4 кадета, 2 члена радикально-демократической партии, 7 меньшевиков и эсеров и 2 беспартийных.

Ленин тогда сказал:

— Правительство Керенского, Авксентьева и К есть лишь ширма для прикрытия контрреволюционных кадетов и военной клики, имеющей власть в руках.

Точная характеристика!

Семенов считал /и это ему настойчиво внушал Гоц/, что революционеры не должны отталкивать недемократические элементы. Советам не следует брать власть в руки ради самой власти. Власть — тяжкий крест в этой отсталой, темной стране…

Гоц уверял, что народ после июльских событий отвернется от большевиков. Советы займут подобающее место в новом фазисе общенациональной революции, в фазисе народовластия. Однако этого не произошло.

В июльские дни 1917 года большая группа эсеров резко критиковала официальную политику своей партии. Это было первое открытое выступление левых эсеров. Какой поднялся переполох! Фракция эсеров Петроградского Совета потребовала от левых эсеров пересмотреть свое решение. Не вносить раскола в партию. За это предложение голосовало 52 человека, 21 —

воздержался!

Началось брожение, размежевание различных политических течений в партии. Эсеровские верхи теряли связи с низами, разочарованными в псевдосоциализме своих лидеров. Семенов, увлеченный военной работой, всего этого не замечал, но сейчас понимал: эсеры теряли, а большевики укрепляли связи с массами, завоевывали новые позиции. В конечном итоге не эсеры добились изменения состава Петросовета, а большевики.

… Унылы тюремные ночи. Бесконечны тревожные думы. Допрашивали редко… Где родился? Где крестился? Чем занимался до и после революции?..

Продолжались попытки вырвать Семенова из тюрьмы. Лидия Васильевна разыскала Гоца и уговаривала его навестить Семенова в тюрьме. Гоц категорически отказался — его самого разыскивали повсюду, в любой момент могли опознать и схватить.

— Я сэкономлю чекистам транспортные расходы, — шутил Гоц. — По вашей милости, Лидия Васильевна.

Гоц уступил. Он тревожился. Семенов — человек осведомленный, если не выдержит — обеспечит чекистов первостепенной информацией. Этого допустить нельзя. Нужно поговорить с Семеновым и заставить его либо бежать, либо молчать.

— Сам в тюрьму иду — мрачно иронизировал по дороге Гоц.

На свидании Гоц долго уговаривал Семенова согласиться на побег, но безрезультатно. Расстроенный, раздосадованный непонятным упрямством, проклиная в душе взбалмошную Коноплеву, втравившую его в эту опасную историю, член ЦК ПСР вышел на улицу. Коноплева, ожидавшая его за углом, бросилась навстречу.

— Не хочет бежать, — злобно буркнул Гоц. — Наотрез отказался. В таком случае пусть пеняет на себя — пулю для него большевики давно отлили…

По Бутырской тюрьме прокатился слух: заключенным будут показывать фильм: "Прогулка Владимира Ильича в Кремле". Ленин жив! Семенов верил этим слухам и не верил. Как никак — сам лично надрезал по три пули для каждого террориста — исполнителя, посыпал их порошком яда кураре.

Тюремное начальство не обмануло заключенных. В один из вечеров их пригласили в просмотровый зал. Включили свет. Застрекотал киноаппарат.

У Семенова перехватило дыхание. Ленин в скромном костюме и кепи шел по Сенатской площади мимо Арсенала и Никольской башни. Семенов хорошо знал Кремль. Тщательно изучал его, когда готовил покушение на Ленина.

Много раз Семенов видел Ленина в Петрограде. С тех пор он не очень сильно изменился. Все та же подвижность, открытость, общительность. Плотная фигура. Веселые, с хитринкой глаза. Лишь вглядываясь внимательно, можно заметить, как сильно Ленин чем-то озабочен… И вот он, кумир питерских рабочих и крестьянских ходоков, кажется, сошел со экрана и устремился к нему, Семенову, — организатору злодейского террористического акта…

После просмотра фильма Семенов долго не мог придти в себя, сосредоточиться… Из головы не выходили слова киномеханика, комментировавшего кадры съемки:

— Ленин, в разговоре с Управляющим делами Совнаркома — предложил для детей, потерявших в революцию родителей, оборудовать дачи в Сокольниках.

Большевики строят для детей больницы и школы, думал Семенов, а мы взрываем железнодорожные мосты, эшелоны с хлебом, склады с обмундированием и оружием… Далеко разошлись дороги большевиков и эсеров. А ведь были времена, когда наиболее самоотверженным рабочим-марксистам не раз и не два приходилось с оружием, рука об руку со столь же самоотверженными рабочими-эсерами отбиваться от царской полиции и казаков.

Целая пропасть разделяла молодого питерского ткача-эсера, готового в любой момент отдать свою жизнь за дело рабочего класса, от интеллигентов типа Гендельмана-Грабовского.

Война, а затем революция внесли ускорение в разложение партии эсеров. А верхушка цекистов этого не хотела замечать. Большие события требовали ясных и точных ответов, не допуская виляния. Ленин, большевики давали такие ответы. Не виляли перед массами. Чернов, Гоц, Тимофеев и другие вожди эсеров отрекались от союза с левыми эсерами, делали чудовищные зигзаги в политике, отступали на рубежи прямой конфронтации с большевиками, которых поддерживал народ.

Эсеровских лидеров спасало то, что в их партии сохранялось еще славное историческое прошлое: казни, жертвы, каторга, ссылка, побеги. Они гипнотизировали эсеровские низы. И в то же время, растерявшиеся и изболтавшиеся "учредиловцы" вполне созрели для прямого прислужничества контрреволюции.

В тюрьме Г.И.Семенов еще не осознал, какую безобразную игру вел ЦК ПСР с боевиками Центрального боевого отряда. Игра же эта падала как раз на самую острую грань перелома: низы принимали свою партию и ее лозунги всерьез. Шли по страшному пути мужественно, до конца. Боевики еще не видели, не оценили гигантского перелома всей обстановки в России и за ее

пределами. Цекистам это было виднее. Чернов и Гоц, Гендельман и Донской хорошо знали, что террор против Советской власти и ее вождей оплачивался из тех же самых источников, которые финансировали генералов Алексеева и Деникина, Колчака и Краснова. На верхах партии действовали не под влиянием традиции или инерции, а по расчету, в сговоре с интервентами и белогвардейцами. Эксплуатируя героизм Созонова и Каляева, Черновы и Гоцы отдавали честных боевиков в распоряжение Локкарта и Рейли, Алексеева и Деникина. И когда боевики начали осознавать это, они с ужасом отшатнулись от преступных дел. Покинули Центральный боевой отряд при ЦК ПСР, чтобы больше в него никогда не вернуться…

Однажды, когда Семенов сидел уже в общей камере, вошел заместитель начальника Бутырской тюрьмы.

— С вещами на выход.

Семенов ждал этой минуты, готовился, к ней и все же побледнел: вот, очевидно, и конец…

Медленно собрал скудное барахлишко. Сокамерники — публика разношерстная: белые офицеры, саботажники, бандиты, сочувственно вздыхали: отгулял парнишка. Стенка.

Семенов взял узелок.

— Не поминайте лихом…

В гулком, холодном коридоре остановился.

— Подождем конвой?

— Конвой не требуется. Амнистия.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

ПЯТАКОВ: Переходим к экспроприациям. Просим обвиняемого Донского изложить позиции ЦК ПСР по вопросу десятка экспроприаций, имеющихся в обвинительном акте.

ДОНСКОЙ: Впервые я, как член ЦК ПСР, встретился с вопросом об экспроприациях в мае 1918 года… Самое главное, что мы готовили взрыв поезда с золотом, которое обязаны были уплатить комиссары по контрибуции Германии. Взорвав этот поезд, мы хотели поссорить Советскую Республику и Германию. Сорвать Брестский мирный договор.

ТИМОФЕЕВ: Это был мой проект помешать вывозу золота в Германию. Я его выдвинул в качестве демонстративного действия.

ПЯТАКОВ: Вы взрываете вагоны с золотом. Республика

терпит ущерб. Вы почему-то умалчиваете о том, что остатки разграбленного Колчаком золота оказались в распоряжении ЦК ПСР?

ТИМОФЕЕВ: Когда мы вели борьбу за свержение вашей власти для утверждения нашей государственности, то все имущество, находящееся в в вашем владении, в руках незаконной власти, нам можно было реквизировать на цели этой борьбы. Это ясно, как апельсин…

ПЯТАКОВ: Напоминаю вам о резолюции II съезда ПСР, где говорится, что экспроприации приняли эпидемический размах. Под видом экспроприаторов ПСР начали орудовать различного рода реакционные элементы, маскируясь революционными флагами, прикрываясь именем ПСР. Так?

ТИМОФЕЕВ: Так.

ВЕДЕНЯПИН: В Самаре мы захватили огромный склад Будинского. Он был набит казенным имуществом, свезенным сюда во время мировой войны… Свезено было туда и частное имущество. Одних только вагонов, нагруженных мануфактурой, насчитывалось 600. Часть этого имущества мы пускали в продажу, когда нужны были деньги…

Во время военного переворота Колчака я взял из кассы Государственного банка 9 миллионов рублей для передачи съезду членов Учредительного собрания…

Голоса подсудимых с места: "Часть пропала!"

ВЕДЕНЯПИН: Пропали деньги у Моисеенко — миллиона два.

ИЗ СТАТЬИ В.ЛЕБЕДЕВА И Б.ФОРТУНАТОВА "ПОДРОБНОСТИ ВЗЯТИЯ КАЗАНИ", ОПУБЛИКОВАННОЙ В КАЗАНСКОЙ ГАЗЕТЕ ЭСЕРОВ "ДЕЛО НАРОДА" 14 АВГУСТА 1918 ГОДА

"…. Нами захвачена неисчислимая добыча: весь золотой запас России на номинальную стоимость 657 млн. рублей. Огромные суммы денег в 100 млн. только разменными знаками; бесконечное количество имущества инженерного, артиллерийского, интендантского, аэропланы, академия Генерального штаба…"

Единственный хлебный путь, оставшийся за Советской властью, в наших руках. Нами нанесен смертельный удар Советской России и Советская власть отдает себе в этом отчет…"

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

КЛАРА ЦЕТКИН: Российская революция, — это огромный, обильный источник революционного познания, который пролетариату необходим прежде всего, как источник горячего одушевления, твердой воли, высокого самоотвержения, короче говоря, как источник всех тех революционных качеств, которые проявляются в русской революции… Позиция и политика эсеров находятся во враждебном противоречии к условиям русской революции… Они слепы к тому, что каждый выстрел оружия, отравленного ядом кураре, которым они борются, попадает через головы носителей Советской власти в русских рабочих и крестьян и за ними в весь всемирный пролетариат…

КРЫЛЕНКО: Какой смысл политический и исторический имеет… тот шум, который поднят вокруг процесса… Преступлением и непоправимой ошибкой будет…. если в настоящий момент, когда буржуазные воротилы и их приспешники в Западной Европе полагают, что под их дудку будет плясать Советская власть, если в этот момент государственная власть не обрушится со всей тяжестью на головы подсудимых…

ЛУНАЧАРСКИЙ: Говоря о левых социалистах-революционерах, я имею в виду тех левых социалистов — революционеров, из которых набирались главным образом боевики, и правых, которые характеризуются именами Авксентьева, Бунакова и других, и центра, которые характеризуются именами Чернова и Гоца.

Здесь товарищ Усов сообщил необычайно живописное выражение, что в партии два крыла, а в середине Виктор Михайлович Чернов без крыльев… Боевики готовят бомбы, оружие, кураре при активном одобрении Чернова…

ПОКРОВСКИЙ: Эсеровские правительства падали, но партия эсеров не отказывалась от борьбы с Советской властью…

Г.РАТНЕР:… Чрезвычайно характерной в партии эсеров была система отдельных членов партии шантажировать партию, ставить ее перед свершившимся фактом. Эта система практиковалась везде и всегда. Керенский, Гоц, Чернов, с другой стороны, Камков, Спиридонова ставили партию перед свершившимся фактом, чтобы она не могла предвидеть его и должна была бы так или иначе его санкционировать. Кто знал из нас, москвичей; о том, что в "Союзе Возрождения" работает такое лицо, как Гоц? А о сношениях ЦК ПСР с союзниками? О них не

знал даже член Центрального Комитета Ракитников.

ИГНАТЬЕВ: В 1918 г. мы вместе с эсерами поднимали знамя борьбы против Советской власти — объединились с кадетами и другими буржуазными группировками в форме "Союза возрождения России". Мало того, мы считали необходимым получить помощь Антанты для начала наших вооруженных действий против Совнаркома.

КРЫЛЕНКО: В первые же дни кровавой гражданской войны, которую повела против пролетариата буржуазия, эсеры оказались в первых рядах этих сил, за которыми шли тяжелой поступью батальоны буржуазии… Эсеры оказались в этой войне в качестве вождей и застрельщиков на стороне буржуазии.

КЛАРА ЦЕТКИН: Контрреволюционные преступления эсеров не прошлое, а настоящее. Элементарная обязанность коммунистов по отношению к революции, — это ее защита.

В логове польской охранки

Кто бы мог предположить! В партии социалистов-революционеров образовалась оппозиционная группа. В лице видных эсеров Святицкого и Шмелева, Вольского и Ракитникова, Буревого и Дашевского, она выступила за сотрудничество с большевиками. После занятия Красной Армией Уфы так называемая Уфимская делегация правых эсеров предложила начать переговоры с Уфимским ревкомом и совместных действиях против Колчака.

Ревком запросил Совнарком о полномочиях. В.И.Ленин и Я.М. Свердлов немедленно отреагировали. 0ни телеграфировали члену Реввоенсовета Восточного Фронта С.И. Гусеву, чтобы он начинал переговоры, приняв все меры для предупреждения попыток провокации и охраны фронта. Предлагали гарантировать "абсолютную личную неприкосновенность парламентерам от эсеров…"

Переговоры проходили в январе 1919 года. Завершились они принятием соглашения. Делегация членов партии с. — р. и президиума съезда членов Всероссийского Учредительного собрания призывала "всех солдат народной армии прекратить гражданскую войну с Советской властью, являющейся в настоящий исторический момент единственной революционной властью эксплуатируемых классов для подавления эксплуататоров, и обратить свое оружие против диктатуры Колчака".

Уфимский ревком со своей стороны заявил, что Советская власть не будет подвергать преследованием войсковые части, отдельных лиц и группы, "добровольно отказавшиеся от дальнейшей войны", а также тех из них, которые пойдут против Колчака, и социалистов-революционеров за их принадлежность к партии.

Во время переговоров ревком предложил Уфимской делегации выступить о признанием Советской власти не от имени съезда Учредительного собрания, а от имени руководства партии. Но никто из членов делегации не принял на себя эту миссию. ЦК РКП/б/ предложил продолжить переговоры с эсерами на основе Уфимского соглашения в Москве. Но переговоры не состоялись из-за резко отрицательной позиции ЦК ПСР.

Ракитников, Буревой, Вольский, Святицкий и другие сторонники Уфимского соглашения образовали особую группу, получившую по названию издававшиеся ими газеты, наименование "Народ". Она обратилась к членам партии эсеров с

письмом, в котором осуждалась тактика ЦК ПСР по отношению к Советской власти и вообще борьба на два фронта, которая привела партию к вооруженным выступлениям против большевиков, против Советов.

В письме группы "Народ" говорилось: "Будем неустанно и с оружием в руках бороться с реакцией, ничего не прося и не требуя за это от большевиков… Призовем к этой борьбе всех наших многочисленных товарищей и сочувствующих нам, находящихся в рядах Красной Армии. Призовем тех, кто находится в рядах "белых" войск Колчака, Деникина, наступающих на Центральную Россию, обратить_ свое оружие против своих реакционных узурпаторов".

Активными членами группы "Народ" стали Григорий Семенов и Лидия Коноплева. Они все более и более убеждались, что Советская власть — власть серьезная. Она смело решала кардинальные проблемы страны: громила интервентов и белогвардейцев, уничтожала внутреннюю контрреволюцию, ликвидировала разруху.

Партию правых эсеров охватил кризис. Местные организации, следуя примеру группы "Народ", одна за другой отвергали курс своего Центрального Комитета. Бакинская организация эсеров прямо заявила, что считает советскую форму диктатуры рабоче-крестьянских масс единственно реально осуществимой и целесообразной организацией государственной власти.

Херсонская организация призывала эсеров честно работать в советских органах, учреждениях, в Красной Армии. Николаевская организация в принятой резолюции отмечала: "Советская власть сделалась центром собирания всех революционных сил, противостоящих буржуазно-помещичьей реакции…

Группа "Народ" гораздо реалистичнее, чем ЦК ПСР, оценивала конкретно историческую обстановку: признала Октябрьскую революцию, руководящую роль большевиков, осуществляющих ее завоевания. Осознала бессмысленность вооруженной борьбы с Советской властью. Отказалась выполнить решение ЦК ПСР о своем роспуске. Заявила, что выходит из партии. Оставила за собой право аппелировать к очередному партийному съезду. Она присвоила себе название "партия социалистов-революционеров меньшинства".

Григорий Семенов по собственной инициативе и с одобрения группы "Народ" готовил покушение на Колчака, а затем — на Деникина, но осуществить их не успевал: белых генералов быстро разбивала Красная Армия.

Членам группы "Народ" разрешили служить в Красной Армии. В ее ряды вступил и Григорий Семенов. Реввоенсовет Западного

фронта направил Семенова со специальным заданием для подрывной работы в тыл Польской армии. Одновременно ему поручили проникнуть в организацию Савинкова, войти в доверие закоренелого врага Советской власти, ознакомиться с программой и планами савинковцев, узнать пароли и явки на территории Советской России.

Семенов перешел линию фронта со своей помощницей — женой Натальей Богдановой в августе 1920 года. Красная Армия отступала от Варшавы. Обстановка не благоприятствовала осуществление задания и вскоре польская охранка арестовала Семенова и Богданову как "большевистских шпионов". Польский язык ни Семенов, ни Богданова не знали. Документы их вызывали подозрение. Однако показания Семенова и Богдановой вполне сходились. "Легенда" оказалась превосходной. Поляки медлили: может, и впрямь схватили не большевистских шпионов, а беженцев, гонимых огненным вихрем войны?

Арестованных отправили в Варшаву, в распоряжение 2-го отдела польской контрразведки. Здесь Семеновым и Богдановой занялись всерьез: точная экспертиза определила, что их документы — фальшивые, а изготовлены мастерски.

Время военное — красным разведчикам грозил расстрел. Семенов решил использовать последний шанс…

В Польше Семенов не исключал встречи с Савинковым, которого хорошо знал. Теперь он решил использовать знакомство с Борисом Викторовичем и заявил польским контрразведчикам, что Савинков может гарантировать его лояльность к Польскому правительству и подтвердить, что ои не "большевистский шпион", а непримиримый противник Советской власти.

— Назовите еще раз фамилию вашего знакомого.

— Савинков.

— Борис Викторович?! Мы не ослышались? Вы не шутите?…

— Мне сейчас не до шуток. — ответил Семенов. Тюрьма — не пикник. "Стенка" — не берег Женевского озера.

Контрразведчики громко расхохотались.

— Если пан Савинков поручится за вас — "стенка" не понадобиться…

Семенов ждал… Захотят ли контрразведчики сообщить о нем Савинкову? Приедет ли Борис Викторович? Возможно, пошлет секретаря? Кто у него секретарь? Ах, да, в Реввоенсовете о нем упоминали — Смолдовский. Если он — удача. Приятелем был в эмиграции. Всегда ладили, понимали друг друга.

Семенов стал готовиться к поединку с Савинковым. Впервые он его встретил в эмиграции. Шапочное было знакомство и все же… Потом Петроград. Здесь встречались частенько. Вполне

дружески. Семенов состоял тогда членом комиссии Петроградского бюро ЦК ПСР. Был председателем комиссии бюро исполнительного Комитета Петроградского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Совместные поездки на фронт — сблизили. Да и по хватке, по характеру они чем-то напоминали друг друга. Только Семенов был значительно моложе. Он только-только входил во второй эшелон эсеровской элиты, а Савинков давным-давно представлял ее на самых высоких постах до и после Февральской революции.

Семенов тоскливо смотрел в "копеечное" окно тюремной камеры. Мутное пятно. Серый клочок неба. Серый… Серые… Мелькало что-то далекое, полузабытое… Слова "серый", "серые" когда-то имели для него иной смысл. "Серыми" назывались социалисты-революционеры, а социал-демократы — "седыми".

Как это было давно! И было ли? Муторно, ох как муторно на душе. Газет читать не дают… На допросы не вызывают. И от Савинкова — никаких известий… Семенов всегда немного завидовал Борису Викторовичу. Завидовал по-хорошему. Знал его жену — дочь писателя Глеба Успенского — Веру Глебовну, которая в порыве откровенности говорила:

— Борис лучше, чем его слова.

Блестящий рассказчик и собеседник, Савинков писал недурные стихи. Умел очаровывать окружающих. Слыл знатоком Маркса. Русская интеллигенция тогда болела социализмом. Савинков тоже причислял себя к "больным".

Семенову импонировало, что во всех террористических акциях Савинков играл первую скрипку. Часто рисковал жизнью. Казалось, что она у него не одна, а десять. Великолепно владел собой. Не давал волю чувствам. Оставался спокойным, приветливым к подчиненным, в деле — строгим. Принимал, как должное, удачи. Легко переносил промахи, считая их временными. Семенов в чем-то даже подражал Савинкову. Ему, как и Борису Викторовичу, за какое бы дело он ни брался — везло. Совершая террористические акты гибли Созонов, Каляев, уходили в небытие Герщуни и Азеф, а Савинков оставался, как однажды назвал его Виктор Чернов, "кавалергардом революции". Не забывал старого девиза эсеров? "В борьбе обретешь ты право свое!"

Больше всего Семенова поражало в Савинкове умение перевоплощаться из лакея в министра, из немца в англичанина, из офицера в купца, из чиновника в парикмахера, из крестьянина в рабочего. Он быстро "вживался" в избранный для боевой акции образ. Готовясь убить министра внутренних дел Плеве, Савинков снял шикарную квартиру в Петрограде и поселился там под

видом богатого англичанина с "женой" — красавицей — эсеркой Дорой Бриллиант, с "лакеем" Егором Созоновым и "кухаркой" — старой революционеркой Прасковьей Ивановной — Волошенко. Все отлично играли свои роли, но лучше и талантливее всех — Борис Савинков. И это в значительной степени обеспечило успех террористического акта — Плеве был убит.

Шли годы. Савинков и Семенов оставались в одной партии социалистов-революционеров. Боролись с самодержавием, а на идейном фронте — с Владимиром Ульяновым-Лениным и созданной им партией большевиков. Правда, в 1907 году из-за разногласий с эсеровским руководством, Савинков вышел из партии. В 1911 году уехал за границу и объявил себя "независимым" социалистом. Во время первой мировой войны стал активным оборонцем и даже вступил во французскую армию, чтобы сражаться против Германии.

Семенов был убежден, что Савинков не случайно объявил себя "независимым социалистом". Террор умирал, и он не хотел присутствовать на его похоронах. Гроза самодержавия — партия эсеров мельчала. Члены ЦК ПСР колебались. Плелись в хвосте у кадетов, Жили конституционными иллюзиями. В ночь на 10 апреля 1907 года была арестована группа боевиков, готовившая, покушение на Николая II. ЦК партии эсеров заявил, что их партия не имеет к покушению никакого отношения…

Семенов потер лоб. Шаблонная фраза. За нее ЦК партии социалистов-революционеров прятался как за бетонную стену.

Савинков покинул партию, которой уже не боялось самодержавие. Медленно, со скрипом, но она переходила на службу либеральной буржуазии. Над партией эсеров уже иронизировали в царских дворцах и хоромах, в канцеляриях министерств и Департаменте полиции. Дошло до того, что газеты, комментируя сложившиеся между кадетами и эсерами отношения, изображали либерала, почтительно склонившегося перед монархом со словами: "Ваше величество! Дайте конституцию, а то эсеры стрелять будут!"

Савинков объявил себя "независимым социалистом". И опять был на пьедестале, воздвигнутом им самим.

В Россию "независимый социалист" Савинков вернулся в начале Февральской революции. Активно включился в политическую борьбу на стороне Временного правительства. Керенский назначил его комиссаром Временного правительства на Юго-Западном фронте, а затем управляющим военным министерством.

Октябрьскую революцию Савинков встретил враждебно. Совершил целый ряд тягчайших преступлений против Советской

власти. Для спасения Временного правительства пытался поднять казачьи полки в Петрограде. В первом часу ночи пошел в Совет союза казачьих войск, членом которого состоял. Ему удалось убедить представителей казачьих: полков и военных училищ собрать небольшую вооруженную силу, чтобы попытаться дать бой осаждавшим Зимний дворец большевикам. 0днако в два часа ночи Зимний пал. Членов Временного правительства арестовали.

Но Савинков не растерялся. Переодевшись рабочим, пробрался к генералу Краснову, идущему с казаками на Петроград. Там он застал в панике верховного главнокомандующего Керенского. Тщетно пытался побудить его к активным и решительным действиям. Керенский же не верил уже никому. Все надежды возлагал только на свое ораторское искусство. Обозленный Савинков согласился с монархическим ядром казачьего офицерства на арест главковерха. Но его спасли Абрам Гоц и Григорий Семенов. Красновские войска потерпели крах, а самого генерала арестовали и доставили в Смольный.

С первых шагов Октябрьской революции Савинков стал ее убежденным противником. Глубокая, ярая ненависть к "толпе", к "массам", к их защитнице — Советской власти — заслонила в глазах Савинкова высокую правду принципов нового строя, его идеалов, он лихорадочно искал силы, способные выступить против рабочих и крестьян. Такие силы он нашел у Корнилова и у контрреволюционного казачества на Дону.

"Почему же я тогда пошел к Каледину и Корнилову? — спрашивал Савинков. — Что же мне было делать: один бороться не мог. В эсеров я не верил, потому что видел их полную растерянность, полное безволие, отсутствие мужества… А кто боролся? Да один Корнилов! И я пошел к нему".

…В конце 1918 года Савинков оказался в Париже, представителем

Колчака за границей. Посетил Ллойд-Джоржа и Черчилля. Получил для белой армии огромные партии обмундирования и снаряжения. Возглавил бюро печати "Унион" и стал распространять заведомо ложную информацию о Красной Армии. Агитировал за продолжение вооруженной борьбы капиталистических государств против Советской России.

После разгрома армии Колчака Савинков уехал в Варшаву и был принят Пилсудским. Возглавил "Русский политический комитет". Организовал так называемую "Русскую народную армию". Верховодить ею поставил генерала Перемыкина и братьев — Булак-Балаховичей… Лично участвовал в разбойничьем бандитском походе на Мозырь. Не после этого ли похода Савинков написал: "Человек живет и дышит убийством,

бродит в кровавой тьме и в кровавой тьме умирает. Хищный зверь убьет, когда голод измучит его, человек — от усталости, от лени, от скуки… Я стреляю на выбор, слева, по очереди и в лоб. Я целюсь медленно, внимательно, долго…"

В походе на Мозырь Савинков и савинковцы дышали в полном, а не в переносном смысле убийствами, грабежами, казнями, бродили по советской земле в кровавой тьме, убивали безвинных от усталости и лени, от безделья и тоски. Стреляли на выбор. И слева, и справа, и в лоб. По очереди. Куда было торопиться. Захваченные были безоружны. В большинстве — старики, старухи и дети. Те, кто не смог убежать и скрыться в лесах. Потому и целились внимательно и долго. Продлевали удовольствие. Жертвы падали безмолвно. Они же были крестьянами. Красными крестьянами.

Савинковские набеги и рейды… Руководил ими полковник С.Э.Павловский. В городе Холм убито 250, ранено 130 человек. В районе Пинока — убито 14 человек. Ограблены банки и разгромлены учреждения в уездных центрах Духовщина, Белый, Поречье, Рудня. Повешена беременная жена — начальника погранзаставы. В Опочке живым сожжен директор банка Г.И.Хаймович. Близ Полоцка пущен под откос пассажирский поезд, на железнодорожной станции расстреляно 15 коммунистов…

И все же поход на Мозырь и другие разбойничьи рейды в Белоруссию закончились полным разгромом воинства Савинкова, Перемыкина и братьев Булак-Балаховичей. Тогда Борис Викторович организовал на территории Советской России военно-разведывательную деятельность. Создал под эгидой польского генерального штаба и французской военной миссии специальное "Информационное бюро". Во главе его, для надежности, поставил своего брата Виктора Савинкова. Часть полученных сведений "бюро" передавало польскому генеральному штабу, а часть — французской военной миссии в Варшаве. Деньги, получаемые за шпионаж, шли на организацию подрывной работы в Советской Республике.

Кроме работы разведывательного характера, "Информационное бюро" занималось также посылкой людей для ведения агитации и пропаганды среди сельского населения. Цель — убедить крестьянство, что Октябрьская революция и победа социализма в России не оказала, якобы, никакого влияния на извечное течение жизни мужика, ее специфического уклада. Как была, мол, лапотная мужицкая Русь — матушка темной, невежественной и отсталой, такой она и осталась. Страшно хотелось Савинкову заставить крестьянские массы поверить в то,

что социальные революции ничего не меняют в жизни простых людей. А раз так, зачем совершать такие революции, зачем проливать за них кровь. Крестьянам лучше вернуться к прежней протоптанной дорожке. Незачем свергать своих заботливых хозяев — помещиков, денно и нощно пекущихся о благополучия мужика. Естественно, для подобных идей в первые годы Советской власти кое-где почва оказывалась благодатной: зерна "савинковщины прорастали мятежами, восстаниями, заговорами, бандитизмом и терроризмом. Пылали украинские и белорусские села. Дети оставались без отцов. Отцы — без матерей. Внуки — без дедушек и бабушек. Рекой лилась кровь. Закипала вражда. На погостах по ночам кричали совы, выли бездомные собаки и надрывно мычали чудом уцелевшие бродячие бесхозные коровы. Надвигались анархия и хаос.

Савинков же тешил свое политическое честолюбие. Уроков из ошибок не извлекал. Упорствовал в заблуждениях. Угрожал и устно, и печатно большевикам историей. Так угрожал и устрашал, будто история была ему послушна. Будто он был на земле ее чрезвычайным уполномоченным. Он позировал перед лицом истории и продолжал совершать тяжкие преступления, считая их героическим вкладом в русскую революцию. Юную, новую Россию — единственную надежду всех угнетенных, Савинков стремился облить грязью, разрушить, спалить до тла, оклеветать, поставить на колени перед мировым капиталом.

…Обо всем этом Григорий Семенов был хорошо осведомлен. В какой-то мере это были его козырные карты в задуманной игре. И все же тревога не покидала. Неужели Савинков откажется от встречи? Не протянет руку помощи? Не откликнется.

Семенов еще и еще раз вспомнил все, что знал о нем. Мысленно отвечал на предполагаемые вопросы. Выстраивал одну версию ответов за другой. Далеко Москва. Далеко ВЧК… Далеко Реввоенсовет Западного фронта. Не посоветуешься о Натальей. Каково-то ей в тюремных застенках. Скольких бы ошибок можно было избежать, знай он заранее, что Красная Армия отступит от Варшавы… Не возьмет ее лихим ударом… Этого в ВЧК не предвидели… Так получилось.

Кто же приедет? Сам Борис Викторович или секретарь? Уже пять дней его не беспокоили контрразведчики. Не грозили "стенкой". Пять дней… Не спешит его спасать Савинков. Едва Семенов подумал об этом, как звякнула тяжелая задвижка… Должно быть от Савинкова. Или опять начинаются допросы? Дверь широко распахнулась и на пороге возник собственной персоной Борис Викторович Савинков. Семенов улыбнулся. Подбодрил сам себя — не робей. Ты же бывший начальник

Центрального боевого отряда при ЦК ПСР! Не спеши говорить… Спеши слушать. Собеседник не из простых. И образован. И начитан. И говорун — поискать. На крайний случай держи в запаси "клятвы", "честное" слово.

Семенов вспомнил о "честном" слове Абрама Гоца — и стало легче на душе. Он — в стане неприятеля. Дать "честное" слово врагу, обмануть его — призвание разведчика, его кредо. Не для спасения собственной жизни, а во имя высших интересов русской революции.

Борис Викторович взволнованно, как показалось Семенову, обнял арестанта. Окинул взглядом с ног до головы.

— Заморили шляхтичи голодом… Могли бы и в расход пустить. Большевиков ненавидят больше, чем мы с вами.

Семенов отметил конец фразы. Выжидал, что еще скажет Борис Викторович. Стареет "серый". Весь какой-то поблекший. Уже и лысина просвечивает на макушке. Под глазами — мешки. Нет той одухотворенности, респектабельности что-ли, которыми он так блистал, когда занимал высокие посты у Керенского. Чего хорошего — быть на побегушках у 2-го отдела военной разведки Польского генерального штаба. Пожаловался: дерьмовое окружение. Кадры переводятся: одни — истреблены, другие — расстреляны, третьи — ушли в глухое подполье, выжидают, четвертые — на откупе у международного и российского капитала — в резерве.

— Тюремная встреча, — сказал Савинков с наигранным пафосом. — но я рад. Мне нужны люди из старой эсеровской гвардии. Дел — по горло. Найдется подходящее и для вас. Кстати, кто такая Богданова?

— Жена. Взял с собой. Думал, пригодится в нелегких делах…

— Так, так… Поляки о ней высокого мнения. Можно сказать, из-за нее тянули с расстрелом. А когда узнали, что ты знаком со мной… Хорошо, что так вышло. Могло все кончится иначе….

В этот же день у Семенова побывал в камере секретарь Савинкова — Смолдовский. Излучая улыбку, охая и ахая, он мимоходом задавал довольно каверзные вопросы, уйти от ответа на которые просто не удавалось… Пришлось рассказывать о себе и о Богдановой, даже более подробнее, чем Борису Викторовичу. Это злило Семенова, но он крепко держал себя в руках, понимал, что одно-два неосторожно сказанных слова погубят жизнь, а вместе с нею рухнет и то, ради чего он с Наташей решились стать красными разведчиками. Невыполненным останется задание Реввоенсовета Западного фронта и ВЧК, санкционированное самим Ф.Э.Дзержинским.

Завершая разговор, Смолдовский неожиданно спросил:

— Даешь ли ты, Григорий, честное слово друга, что действительно приехал не от большевиков?

— Даю, — твердо ответил Семенов и ему показалось, что внутри что-то оборвалось. Лицо же оставалось деловито озабоченным и только под мышками выступил холодный пот.

— Ждите вестей от Бориса Викторовича, — пожимая руку Семенову, сказал Смолдовский. — Сейчас он в генеральном штабе. Ведь на столе у Пилсудского — ваши приговоры… Но я уверен — все кончится благополучно…

Кажется, беда миновала, подумал Семенов, когда Смолдовский ушел. Осталась самая малость — ждать. Как там Наталья? Не дрогнула бы в последние минуты… Коварно действуют подлецы. Зачитали ей смертный приговор, а потом начали допросы. Сначала решили убить психологически, а уж затем — физически. Раскусила ли их Наталья? Надо полагать, иначе давно бы уже была расстреляю.

Савинков вытащил Семенова и Богданову из тюрьмы. Спас от смерти. Надеялся использовать бывшего начальника Центрального боевого отряда при ЦК ПСР в своих целях. Поместил "красных шпионов" в шикарный отель, снабдил документами и деньгами. Бывал у них ежедневно. Рассыпал комплименты Наталье. Подолгу беседовал с Семеновым.

Когда Савинков уходил, Семенов говорил жене:

— Жмется Борис Викторович. Не раскрывается до конца.

Семенов решил бросить на кон последний козырь: рассказал Савинкову о покушении на Ленина 30 августа 1918 года. Борис Викторович жадно ловил каждое слово. Семенов представал перед ним в образе террориста, не понятого ни эсерами, ни меньшевиками, ни кадетами. Такой и нужен был Савинкову — сомневающийся романтик народовластия. Как ни странно, Семенову удалось внушить Борису Викторовичу, что чуть ли не все члены ЦК ПСР завидовали ему, пытались отстранить от руководства боевой организацией. Вот он и подался с женой на Запад, к Савинкову — одному из признанных вождей белой эмиграции.

Савинков долго молчал. Как человек наблюдательный, Семенов не мог не видеть, что его рассказ произвел на Бориса Викторовича впечатление. А тут его еще и Наталья крепко поддержала. Подвела Савинкова к мысли, что все это, видите ли, внешние факты. Они лежат на поверхности — грубая действительность. Но все же и ее необходимо учитывать и борьбу за мужика с большевиками продолжать. Жертвовать всем и всеми. Даже Ульяновым-Лениным.

— Я старый террорист, — глухо отозвался Савинков. — Знаю

террор не по одним только книгам…

— Вы, Борис Викторович, не старый, а великий террорист, — сказала Наталья Богданова, стараясь быть предельно искренний.

Савинков благодарно кивнул.

— Народ запуган большевиками. Его надо заново встряхнуть… Разбудить…

Посетовал Савинков на то, что в Совдепии люди измельчали. С какой-то внутренней гордостью и сдержанностью рассказал о "Союзе защиты родины и свободы". Вот где были отборные кадры. Погибли в большинстве за понюшку табаку. Недооценил он тогда большевиков. Не придал значения ВЧК. Гвардейские и гренадерские офицеры. Монархисты. Кадеты. Анархисты. Сионисты. Все рвались в бой. Все горели белой идеей сокрушить комиссародержавие. Присягу принимали. И Савинков блеснул своей феноменальной памятью. Легко, без запинки процитировал: "Клянусь и обещаю, не щадя ни сил своих, ни жизни своей, везде и всюду распространять идею "Народного союза защиты родины и свободы"; воодушевлять недовольных и непокорных Советской власти, объединять их в революционные сообщества, разрушать советское управление, уничтожать опоры власти коммунистов, действуя, где можно, открыто с оружием в руках, где нельзя — тайно, хитростью, лукавством".

Такой была программа союза, защищающего "родину и свободу", написанная, по признанию Савинкова, им самим.

Допоздна засиделся в номере Борис Викторович. Прощаясь с Семеновым и Богдановой, потеплевшим голосом сказал:

— Завтра отправитесь в Финляндию. Оттуда переберетесь в Москву. Будете готовить новое покушение на Ленина. Начатое вами дело в августе восемнадцатого надо довести до логического конца… Ни пуха вам, как говорится, ни пера…

Борис Викторович остался верен себе. Не сказал Семенову, что неделей раньше послал в Москву полковника В.Свежевского. И задание у него — убить Ленина. Снабдил агента оружием, деньгами, подложными документами, а главное — явками. Семенову же и Богдановой явок не дел: сами с усами. У начальника боевой организации своих явок не пересчитать. Прозрачно намекал, чтобы с ним, Савинковым, поделился… Пришлось Семенову тряхнуть стариной. Назвал не в Москве, а в Петрограде. Благо, явки были трех-четырехлетней давности и он не рисковал.

Савинков внушал: если не удастся убить Ленина, надо во что бы то ни стало добыть секретные сведения о Красной Армии. Хорошо бы завладеть копией мобилизационного плана. Окажется в руках — не держать ни часу. Немедленно переслать в Варшаву.

Адресат один — Савинкову.

Возвратившись в Москву, Григорий Семенов и Наталья Богданова побывали в разведуправлении РККА. Потом их пригласили в ВЧК. С ними беседовал Дзержинский. Прибыли из Польши. Кто лучше Феликса Эдмундовича знал польские дела? Он долго и весело сеялся, когда Семенов доложил о своём "конкуренте" в охоте на Ленина — полковнике Свежевском. — Узнал о полковнике не от Савинкова, — заметил Семенов. — Борис Викторович проявил выдержку. Информацию получил от Смолдовского.

— Мы Свежевского уже арестовали, — сказал Дзержинский. — Он пришел на явку, которая уже давно находилась под нашим наблюдением.

Семенов облегченно вздохнул: еще один матерый враг оказался изолированным. Не так, оказывается, страшен черт, как его малюют. ВЧК успешно обезвредила одного из опаснейших террористов Савинкова. А скольких он еще зашлет в страну? До конца будет вредить большевикам, мечтать о реванше. Хвататься за террор и диверсии, как утопающий за соломинку. Тем более, что все они там, за границей, не смирившиеся с победой Октябрьской революции, — утопающие. И потому непредсказуемо опасны.

Однажды, когда Григорий Семенов пришел в ВЧК на Лубянку, его там ждала Лидия Коноплева. Ф.Э.Дзержинский предложил им готовиться для совместной работы за границей.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

ПЯТАКОВ: Свидетель Смилга. Тов. Смилга, ваше имя, отчество?

СМИЛГА: Ивард Денисович.

ПЯТАКОВ: Ваш возраст?

СМИЛГА: 30 лет.

ПЯТАКОВ: Ваше общественное положение?

СМИЛГА: Я заместитель председателя Высшего Совета Народного Хозяйства.

ПЯТАКОВ: Ваша партийная принадлежность?

СМИЛГА: Коммунист.

ПЯТАКОВ: Тов. Смилга, вас вызвала защита по вопросу об обвиняемом Семенове. Что известно вам о поручении, данном Семенову военными властями во время польской войны?

СМИЛГА: В конце июля или начале августа 1920 года, даты не могу сейчас точно припомнить, тов. Семенов был из Москвы направлен в распоряжение Реввоенсовета Западного фронта, членом которого я тогда состоял, и мною был направлен к тов. Мазалову, который тогда занимался отправкой товарищей для закордонной работы. Для работы, следовательно, за фронтом.

ПЯТАКОВ: А конкретно вы не знаете о тех поручениях, которые давались Семенову?

СМИЛГА: Самый характер поручений, мне, конечно известен. Это — дезорганизаторская работа в тылу противника, но более конкретно, какое на него было возложено поручение, это я сказать затрудняюсь. Я этим делом не ведал.

ПЯТАКОВ: У защиты вопросы есть?

ЗАЩИТА: Нет.

ПЯТАКОВ: У Семенова вопросы есть?

СЕМЕНОВ: Нет.

ПЯТАКОВ: У государственного обвинителя вопросы есть?

КРЫЛЕНКО: Я не вызывал.

СЕМЕНОВ: Тов. Смилга, вам не известно, выполнил ли я то задание, которое было поручено Реввоенсоветом, отчитался ли я перед вами?

СМИЛГА: Этого я не могу сказать, потому что с ликвидацией тех работ, которые были возложены Западным фронтом на отдельных сотрудников, я уже не встречался… С Западного фронта был переведен на Южный.

ПЯТАКОВ: Вы с Западного фронта когда уехали?

СМИЛГА: Я с Западного фронта уехал в октябре месяце 1920 года.

ГОЦ: Гражданин Председатель, разрешите мне вопрос. Гражданин Семенов был командирован для дезорганизации работы в тылу противника, а скажите, были ли даны ему какие-нибудь террористические задания или нет?

СМИЛГА: Я уже суду докладывал, что насчет конкретных поручений, какие именно были даны тов. Семенову, я ничего доложить не могу, ибо этим делом близко не интересовался.

ГОЦ: А вам было известно, что Семенов был арестован за кордоном?

СМИЛГА: Нет..

ГОЦ: Гражданин Семенов не докладывал вам о том, что он был арестован, что он вошел в сношения с Савинковым? Он не докладывал о том, что взял от него определенные поручения?

ПЯТАКОВ: Тов. Смилга говорил, что он не знает…

ГОЦ: Вам известно, после вашего отъезда он доклад Реввоенсовету Западного фронта делал?

СМИЛГА: Не могу сказать. Я этим делом не интересовался…

ПЯТАКОВ: Свидетель Мазалов. Ваше имя, отчество?

МАЗАЛОВ: Алексей Антонович.

ПЯТАКОВ: Ваш возраст?

МАЗАЛОВ: 24 года.

ПЯТАКОВ: Ваше общественное положение?

МАЗАЛОВ: Слушатель академии Генерального штаба.

ПЯТАКОВ: Скажите, свидетель, во время польской войны какую должность вы занимали?

МАЗАЛОВ: Во время польской кампании я работал в Реввоенсовете Западного фронта. В период 1920 года занимал должность начальника отдела, ведающего военной разведывательного характера работой Западного фронта.

ПЯТАКОВ: Вот скажите, вам, как должностному лицу, тогда известно было что-либо о посылке Семенова на фронт?

МАЗАЛОВ:… Известно. Семенов был командирован из Центра в Реввоенсовет Западного фронта. Реввоенсоветом Западного фронта он был непосредственно направлен в отдел, которым я руководил.

ПЯТАКОВ: В ваше распоряжение?

МАЗАЛОВ: Да… Для использования его по линии той работы, которую он вел… Это было приблизительно в конце июля 1920 года…

ПЯТАКОВ: Имейте в виду, от Реввоенсовета Республики есть указание, что вам разрешено оглашать здесь о заданиях Семенова в общих чертах, не говоря точно и конкретно, какие именно поручения он имел.

МАЗАЛОВ: Следует оговорить. В период наступления Красной Армии на польском фронте, в тылу наших частей чувствовалась работа Савинкова из-за рубежа. Нужно было установить, как она построена. И вот с этой целью установления связи с организацией Савинкова от меня Семенов получил указания — расшифровать суть и принципы организации Савинкова, ее работы в нашем тылу. Это было первое задание. Теперь второе задание. Нас интересовала и военно-разведывательная работа противника. Кроме того, Семенов должен был производить целый ряд разрушительного характера работ — подрыва железнодорожных мостов и узлов. Это в общих чертах.

КАТАНЬЯН: Будьте добры, скажите, по окончании работы отчет денежный или какой — либо другой был сделан Семеновым?

МАЗАЛОВ: Я в этот момент был в академии Генерального штаба.

КАТАНЬЯН: Семенов один получил такую работу или с кем-нибудь другим?

МАЗАЛОВ: С Семеновым была его жена Наталья Богданова… Она находилась в отношении исполнения функций, которые были даны…

СЕМЕНОВ: В середине июля 1920 года я был отозван Центральным бюро меньшинства ПСР /группа "Народ" — Н.К./ из Одессы. По соглашению Реввоенсовета Южного фронта я был откомандирован в Москву. В Москве я получил от Центрального бюро меньшинства ПСР предложение: взять на себя работу в тылу польского фронта… Меньшинство ПСР дало мне свои задания. Я отправился на Западный фронт… Как правильно указал тов. Мазалов, я получил задание. Причем, основным заданием была подрывная работа, а на втором плане стояла работа по организации Савинкова… Отправляясь на задание, я учитывал тот факт, что мне Савинков лично знаком. Что благодаря этому я смогу облегчить выполнение своих заданий. И тот план, который я провел потом, я его наметил в общих чертах заранее… По этому вопросу у меня была беседа с товарищем по работе Натальей Богдановой и одним из работников РВС фронта. В частности не помню, с Мазаловым или другим, который работал в его отделе.

Через фронт переправился в начале или в середине августа. Как раз началось отступление Красной Армии от Варшавы. Приблизительно через день после этого я и был арестован. Причем, во время ареста мои документа вызвали подозрения и меня чуть-чуть сразу же не расстреляли. В показаниях с Богдановой мы сходились и возникло сомнение, что, может быть, мы не большевики, а помещики. Нас решили отправить в Варшаву… Там выяснилось, что нам угрожает расстрел. У меня возникла мысль о приведении в исполнение того плана, который был намечен ранее — о встрече с Савинковым. Савинков приехал. Мы с ним договорились. Пришлось рассказать, что в период 1918 года я руководил в Москве Центральным боевым отрядом при ЦК ПСР и Каплан, покушавшаяся на Ленина, состояла боевиком этого отряда. В Польшу приехал, чтобы продолжать террористическую работу. Савинков мне поверил. Добился моего освобождения из тюрьмы. После освобождения я приступил к выполнению своих основных заданий…. Именно благодаря тому, что я вошел в контакт с Савинковым, мне удалось выполнить задания, полученные от РВС Западного фронта. По указанию Реввоенсовета Республики не имею возможности остановиться на деталях…

ПЯТАКОВ: Это все?

СЕМЕНОВ: Нет, я еще хочу продолжить. Савинков предложил

мне возвращаться в Россию через Финляндию. Я же через Данциг переправился в Германию и явился в нашу миссию, оттуда — в Москву. По возвращении дал самый подробный отчет Реввоенсовету с указанием всех перипетий ареста и т. д. Реввоенсовет признал, что все мои действия в Польше были правильными. Все возможное я выполнил.

Постольку поскольку я получил мандат на работу в тылу польской армии, я считал нужным отчитаться перед Центральным бюро меньшинства ПСР. На докладе присутствовали Вольский и Смирнов. Я сказал, что стремился проводить в действие позицию меньшинства ПСР, но убедился что она совершенно не жизненна. Ни в Польше, ни в Европе позиция меньшинства ПСР не имеет никакого фундамента. В своем докладе а указал, что мне пришлось проводить линию поведения, противоположную той политической линии, которую предписало меньшинство ПСР.

Я сказал меньшинству ПСР: вот я отчитался перед вами. Сделал то и то. Логический вывод из моих поступков таков, что я должен с вами расстаться. Моя политическая линия с вами расходится. Я от вас ухожу. И ввиду того, что я в основных положениях вполне солидарен с Российской Коммунистической партией, я попытаюсь вступить в нее. Причем я тут же сказал Смирнову, что допускаю возможность, что Российская Коммунистическая партия меня не примет, ибо за мною слишком больших преступления перед революцией. Центральное бюро постановило исключить меня из меньшинства ПСР.

УТГОФ: Вы указали, гражданин Семенов, что вы познакомились с Савинковым вторично в Петрограде, когда он проходил через ваши руки в качестве комиссара фронта. На какой должности вы были?

СЕМЕНОВ: Я был председателем комиссии бюро Исполнительного Комитета Петроградского Совета Рабочих, Солдатских и Красноармейских Депутатов

Из стенограммы заседания Верховного Революционного Трибунала 27 июня 1922 года

РАКИТНИКОВ: Центральное бюро исключило из партии Семенова и Коноплеву за связи за границей с Савинковым. Они действовали вразрез с данными поручениями меньшинства ПСР. Формулировка: за трусость после ареста в Польше.

СТАВСКАЯ: Ракитников дает ложные показания. Семенов, делая доклад о поездке за кордон, сам заявил, что уходит из

меньшинства ПСР. Вопрос о Семенове обсуждался на конференции меньшинства ПСР в отсутствии Семенова. Исключались они с Коноплевой в различное время, а не вместе. Я и Коноплева поднимали вопрос на конференции о пересмотре дела Семенова.

Ракитников все перепутал. Жена Семенова не Коноплева, а Наталья Богданова.

КОНОПЛЕВА: Вы видели меня в комиссии, гражданин Ракитников?

РАКИТНИКОВ: Нет, я просто спутал имена. Это были не вы. Я пользовался слухами, утверждая, что Коноплева — жена Семенова.

ГЕНДЕЛЬМАН: Скажите, обвиняемый Семенов, Коноплева не была арестована вместе с вами?

СЕМЕНОВ: Я был арестован вдвоем со своей женой. Я не считаю возможным без разрешения РВСР говорить о чем-либо подробно.

СМИРНОВ: В состав комиссии группы "Народ" — меньшинства ПСР, исключавшей Семенова из партии, входили Буревой, Вольский, Смирнов. В состав комиссии по расследованию дела: Ракитников, Горностаев, Шмелев.

Семенов был переброшен за кордон с Натальей Богдановой. Она тоже вышла из организации меньшинства ПСР. Заявила, что всецело разделяет позиции Семенова.

ГОЦ: Вам известно, что Коноплева сопровождала Семенова?

СМИРНОВ: Нет, она была в другом районе. Арестована отдельно. Но Семенов помог её освободить через Савинкова.

ГРИГОРИЙ РАТНЕР: Какое впечатление у вас было о личности Семенова?

СМИРНОВ: Активный, энергичный — это факты, которые я не отрицаю.

РАКИТНИКОВ: Когда Семенов был в Польше, в советских газетах появилась заметка, что ПСР вместе с Савинковым готовит террористические акты против советских руководителей. Прозрачно намекалось на Семенова, хотя фамилия не упоминалась. О том, что Семенов в Польше вступил в сношения с Савинковым узнали польские коммунисты и сообщили ВЧК. Дзержинский был в курсе, был осведомлен о поездке Семенова на фронт, совершенно об этом позабыл или, может быть, просто от его внимания ускользнула информация и он пропустил эту заметку, которая явно имела Семенова в виду.

КАТАНЬЯН: Когда было дано задание относительно установления связи с савинковской организацией, были даны какие-нибудь конкретные задания, более точные?

МАЗАЛОВ: Более точные задания я сообщить не могу.

ТИМОФЕЕВ: Можете ли вы, свидетель, если это допустимо со служебной точки зрения, сказать, что ваще задание Семенову мешать Савинкову в его дезорганизаторской работе нашего тыла, включало в себе необходимость вхождения в савинковскую организацию и к самому Савинкову?

МАЗАЛОВ: Я говорю, что ему было конкретно поручено установить связь с этой организацией. О способах установления этой связи конкретных указаний быть не могло, ибо они могли быть связаны исключительно с той обстановкой, с которой мог столкнуться тот или иной работник Западного фронта.

ГЕНДЕЛЬМАН: Скажите, мог ли сочетать Семенов выполнение задания по дезорганизации тыла, куда входила и подрывная работа, с установлением связи с организацией Савинкова? Не исключало ли одно задание другого?

МАЗАЛОВ: Мы лично полагали, что эта работа может быть совместима… Удастся ли ее выполнить или нет — это будут диктовать обстоятельства.

ГЕНДЕЛЬМАН: А отделу, которым вы заведовали, было известно, что Савинков лично знал Семенова по прежней работе?

МАЗАЛОВ: Это не было известно.

СЕМЕНОВ: Я прошу дать мне слово для объяснениями затем, так как я дал отчет Реввоенсовету Западного фронта, то я хотел бы, чтобы вы запросили РВСР — сделал ли я отчет о своей работе?

ДЕЛО ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА ВЦИК РСФСР

Приложение

ПЯТАКОВ: Зачитываю документ: "В Верховный Трибунал при ВЦИК. Реввоенсовет Республики по поводу работы Г.И.Семенова в Польше сообщает:

1. Реввоенсовет Республики через соответствующие свои органы счел возможным дать в свое время т. Семенову столь ответственное и рискованное задание только потому, что на основании всех тщательно собранных сведений пришел к выводу, что т. Семенов искренно порвал со своим антисоветским прошлым и в

интересах обороны рабоче-крестьянской республики готов принять всякое, в том числе и самое трудное ответственное и рискованное поручение.

2. Работа т. Семенова в Польше вполне отвечала заданию и свидетельствовала о личной добросовестности и революционной преданности т. Семенова делу обороны Республики.

3. Работа, выполненная т. Семеновым, имела конспиративный характер, требовала величайшей осторожности и находчивости, и разумеется, основывалась на введение в заблуждение врагов Советской России, в том числе и Савинкова как одного из наиболее продажных и бесчестных агентов иностранного империализма. Отсюда совершенно ясно, что завязывание т. Семеновым контакта с Савинковым вытекало из существа данного ему поручения и представляло собой военную хитрость, продиктованную интересами обороны революции..

Пред. Революционного Военного Совета Республики Л.Троцкий.

Управделами Предреввоеноовета… 1 июля 1922 г."

ПЯТАКОВ: Приложено дело Семенова, извлеченное из Реввоенсовета. В этом деле содержится: 1/ Заявление ответственного руководителя от 1 августа 1920 года; 2/ Задание Семенову от ответственного руководителя в письменном виде 3/ Рапорт члена Реввоенсовета Западного фронта от 2 декабря 1920 года; 4/ Удостоверение личности Семенова; 5/ Анкета Семенова с портретом; 6/ Анкета Богдановой с портретом; 7/ Три шифрованные телеграммы. Затем запрос в Москву, пароли, отчет Семенова, собственноручно написанный 17 января 1921 года. В нем подробное описание работы Семенова. Затем финансовый отчет Семенова. Дело Семенова возвращается обратно, а отношение Реввоенсовета прилагается к протоколу.

ГОЦ: Решительно настаиваю на вызове в Трибунал подписавшего документ, ибо вижу разноречия в показании начальника разведки Западного фронта Мазалова и данным документом, подписанным Троцким.

ПЯТАКОВ: Вам угодно внести путаницу в совершенно ясный вопрос. Для всякого, кто понимает, как ведется нелегальная агентурная работа ясно, что один дает поручение, а другой дает разъяснение..

ГОЦ: Я думаю вы и прокурор Крыленко не сможете отрицать разноречие, которое получилось… Пусть военнный комиссар

назначит лицо, достаточно компетентное в делах Реввоенсовета Западного фронта.

КРЫЛЕНКО: Это официальняе документы. Они не могут быть заподозрены… Мазалов давал показания в определенно поставленных рамках, в которые ставили его должность и Председатель Трибунала. Большего он не мог сказать. Трибуналу судить те мотивы, по которым свидетели говорили "да" или "нет". Документы же неоспоримы. В проверке не нуждаются.

СЕМЕНОВ: Я хотел отметить, что как раз те документы, которые были прочитаны здесь Председателем Трибунала, полностью подтверждают то, что я говорил. Я говорил, что кроме товарища Мазалова было и другое лицо, которое было в курсе моей работы и которое занимало более ответственный пост.

ПЯТАКОВ: Говорите по существу.

СЕМЕНОВ: Поскольку есть документы, которые подтверждают полностью то, что я говорил, я считаю вопрос вполне ясным. Относительно товарища Мазалова я считаю, что он более менее осведомлен в этой области.

ГОЦ: А Смилга?

СЕМЕНОВ: Он совсем не был в курсе дела.

ПЯТАКОВ: В виду того, что Верховный Трибунал не усматривает между свидетельскими показаниями Мазалова и оглашенным документом, извлеченным из Военного архива по делу Семенова, разноречивости, Трибунал считает дальнейший вызов свидетелей не нужным.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ

ИЗ СЛЕДСТВЕННЕГО ДЕЛА N 11401 ОТ 3 °СЕНТЯБРЯ 1937 ГОДА ПО ОБВИНЕНИЮ Г.И.СЕМЕНОВА В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. СТ. 58/8 и 58/11 УК РСФСР

11 февраля 1937 года, сотрудник разведупра РККА бригадный комиссар Г.И.Семенов был арестован. Следствием по делу устанавливалось, что он в 1923 году примкнул к антисоветской организации правых и был лично связан с одним из ее руководителей — Н.И.Бухариным. По его заданию создал ряд террористических групп в г.г. Москве, Ленинграде, Колпино из числа бывших эсеров-боевиков и был назначен Бухариным

руководителем террористической организации правых. Силами имевшихся в его распоряжении террористических групп подготовлял совершение нескольких террористических актов против руководителей ВКП/б/ и Советской власти. С этой целью проводил наблюдение за т.т. Сталиным, Молотовым, Ворошиловым, Орджоникидзе.

Виновным себя признал полностью. Кроме того, был изобличен показаниями обвиняемых Яковлева В.А., Цейтлина Е.В., Астрова В.Н., Реймера А.К, Наумкина В.П., Васильева Ф.В., Ставской Ф.Е., Юдина Н.К., Хазанова Б.А., Бухарина Н.И., Усова К.А. и очной ставкой с последним.

Вследствие изложенного Г.И.Семенов подлежал преданию суду Военной коллегии Верховного Союза ССР с применением закона от 1 декабря 1934 года.

Документ подписан оперативным уполномоченным 5-го отделения 4-го отдела ГУКБ НКВД СССР, сержантом государственной безопасности Подобедом. Утвержден — прокурором Союза ССР А.Вышинским.

ИЗ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ОТ 22 АВГУСТА 1961 ГОДА

"Рассмотрев в заседании 22 августа 1961 года заключение /в порядке ст. 387 УПК РСФСР/ заместителя Главного военного прокурора по делу Г.И.Семенова, осужденного 8 октября 1937 года Военной коллегией Верховного Суда СССР — отменить, дело о нем /1937 г./ производством прекратить за недоказанностью.

Решение было принято Военной коллегией Верховного Суда СССР в составе: председательствующего: генерал-майора юстиции Лихачева, членов: подполковников юстиции Дмитриенко и Иваненко.

Трудные двадцатые, тридцатые и сороковые годы… Почти все члены ПСР были уничтожены. Только несколько человек из них пережили сталинские репрессии и террор. Среди них оказались Екатерина Олицкая, Мина Свирская и врач — педиатр Сара Гоц — жена Абрама Гоца. Олицкая была арестована в 1924 году и освобождена лишь после смерти Сталина. Она успела написать мемуары и опубликовать их за рубежом. Мину Свирскую арестовали в 1921 году. Она была в числе свидетелей защиты на процесс правых эсеров 1922 года. Ее выпустили из концлагеря в 1956 году. В 1963 году она уехала на жительство в Израиль, где в

конце 1978 года умерла.

Сроки тюремного заключения большинству приговорённых на процессе 1922 года социалистов-революционеров первой группы истекали в 1925 году. После их освобождения ГПУ определило каждому место ссылки.

Взрыв в Леонтьевском переулке

Что бы ни делал Владимир Ильич, он все делал увлеченно. И работу, и природу, и, главным образом, людей, любил не пассивно, не созерцательно, а действенно и активно. Ничто человеческое не было ему чуждо.

Не успел он вернуться из Горок в Москву, как уже 23 октября 1918 года в газете "Правда" появился отчет, в котором говорилось, что 22 октября состоялось чрезвычайное соединенное заседание высших органов Центральной власти совместно с представителями рабочих организаций Москвы. Обсуждалось международное положение и положение Советской Республики. Впервые после своего выздоровления в заседании принимал участие В.И.Ленин, Я.М.Свердлов огласил порядок дня и сообщил, что с докладом о международном положении выступит Владимир Ильич. На трибуну поднялся Ленин. Он почти не изменился после болезни. Правда, чуть-чуть похудел. Было еще заметно, что Ленин не вполне свободно владеет левой рукой. Но речь его была так же ясна и проста. Так же остроумны и ярки были его сравнения. Так же глубоко убедительными были его слова. Словом, это был прежний Владимир Ильич…

В первые же дни после возвращения из Горок Ленин усиленно занимался вопросами создания массовой регулярной Красной Армии. Он поставил задачу довести ее численность до трех миллионов человек. В связи с поставленной задачей ознакомился с докладами "Программа работ Коммунистической партии по созданию трехмиллионной армии" и "Формирование трехмиллионной армии", полученных от председателя Высшей военной инспекции Н.И.Подвойского.

Рабочие завода Михельсона, того самого, где Владимир Ильич был тяжело ранен 30 августа 1918 года, как только узнали, что он на пути к выздоровлению, что врачи разрешили ему приступить к работе, собрались на митинг и решили на месте ранения Владимира Ильича поставить обелиск. Открытие его приурочили к годовщине Октябрьской революции.

6 ноября 1918 года во дворе завода заканчивались работы над деревянным обелиском."… Мы построили, — вспоминал Н.Я.Иванов, — деревянную пирамиду, метра в четыре высотой, а наверху поставили глобус, обитый красной материей, и над ним водрузили пятиконечную звезду".

Было около восьми часов вечера. Работали при факелах: Иванов стоял наверху пирамиды на стремянке и обивал материей глобус.

Вдруг во двор въехала машина. Из машины вышел Владимир Ильич вместе с Емельяном Ярославским. Иванов быстро спустился со стремянки. Посмотрев на памятник и на Иванова, Владимир Ильич укоризненно сказал:

— Не делом занимаетесь. — И направился в корпус, где выступал 30 августа.

В.И.Ленин выступил на митинге перед михельсоновцами с небольшой речью. Говорил о предстоящем празднике — первой годовщине Октябрьской революции, о трудностях ожидающих рабочий класс и весь народ на пути к победе социализма. Выразил твердую уверенность в том, что, несмотря ни на какие преграды, Советская власть одолеет своих внутренних и внешних врагов.

Рабочие, перебивая друг друга, тепло провожая В.И.Ленина к выходу, задавали ему вопросы:

— Как вы себя чувствуете, Владимир Ильич? Почему не бережете себя? Почему ездите без охраны?

— Я чувствую себя очень хорошо, — отвечал Ленин. — И охрана мне не нужна. Я куда еду? К рабочим, на рабочие собрание. Зачем же охрана? Бойцы на фронте нужны.

"По рассказам, — вспоминал Н.Я.Иванов, — Владимир Ильич приехал на наш завод вот как. Врачи запрещали ему выступать. За ним смотрел Ярославский, чтобы он не принимался за работу, пока не выздоровеет. Поехал Владимир Ильич с Ярославским на прогулку…^ Знал по газетам, что в этот день должно быть собрание у нас, и говорит шоферу:

— Сегодня собрание на заводе Михельсона. Поворачивайте, Гиль, к михельсоновцам".

На заводе Михельсона Ленин выступал перед рабочими шесть раз. В своей первый приезд весной 1918 года он обратился к рабочим с призывом организовать производство боеприпасов для Красной Армии. /По воспоминаниям некоторых товарищей, это посещение завода В.И.Лениным состоялось 12 апреля 1918 года/.

В память по обеспечению Красной Армии снарядами рабочие завода подарили Ильичу зажигалку. Она хранится в кабинете В.И.Ленина в Кремле. Чертеж этой зажигалки сделал мастер К.А.Тихонов, выточил ее па токарном станке С.М.Разуваев, собрали слесари С.В. Читаев, М.В.Волохов, Г.Г. Буданов. И несмотря на то, что Владимир Ильич никогда не курил, он очень ценил этот подарок рабочих.

Случайно ли Владимир Ильич обратился с призывом к михельсоновцам? Коллектив старейшего завода Москвы был известен председателю Совнаркома как опора большевиков в Замоскворечье. Рабочие понимали, что теперь их снаряды, от

изготовления которых они отказались год назад, нужны не для продолжения империалистической грабительской войны, а для защиты социалистического Отечества.

"После выступления на митинге, — вспоминал инженер Е.В.Ярупин, — Владимира Ильича пригласили зайти в заводской комитет. Но он сказал:

— Нет, товарищи, я лучше пройду по заводу.

Несколько рабочих пошли сопровождать Ленина по заводским цехам. По пути он задавал им различные вопросы. Интересовался их жизнью, условиями работы. — Скажите, пожалуйста, — спросил Владимир Ильич, — для чего здесь пруд?

— Это резервуар воды для котлов, — ответил один из рабочих. — Бывшие хозяева предпочитали работать по старинке.

Владимир Ильич направился в механический цех. Здесь он присматривался буквально к каждому станку. И, выяснив, что в цехе очень устаревшее оборудование, спросил:

— Неужели вы могли изготовлять паровые машины на этом старье?

Рабочие рассказали Ленину о том, что бывшие заводчики не заботились о замене устаревшего оборудования. Они перекладывали всю тяжесть работы на плечи пролетариев. На заводе не было отопления и зимой многие угорали от жаровен.

— Не будем так работать, товарищи, не будем! Выстроим новые корпуса… Оборудуем завод по последнему слову техники! Продержитесь только надвигающуюся тяжелую зиму…"

Зима 1918–1919 года была исключительно трудной. Помимо интервентов и белогвардейцев на истощенную и голодную страну наступал тиф, эпидемия беспощадно косила людей. В тяжелом положении находились все больница Москвы, в том числе и Солдатенковская. Врачи, фельдшера, медицинские сестры, санитарки работали без устали, днем и ночью. Не унывали, не теряли веры в будущее.

В январе 1919 года Ленин подписал декрет "О мероприятиях по сыпному тифу". Вводилась трудовая повинность для медицинского персонала. Предусматривалось: первоочередное снабжение инфекционных больниц, развертывание новых госпиталей в лучших помещениях, строжайший учет и распределение медицинского имущества.

Создавались санпропускники на вокзалах, прачечные, дезинфекционные установки, банно-прачечные отряды и поезда-бани. Проводились санитарно-просветительные лекции и беседы, выпускались листовки и памятки о сыпном тифе. В борьбу с эпидемией вступили видные ученые: микробиолог Л.А.Тарасович, инфекционист Е.И.Морциновский, терапевт Д.Д.Плетнев.

По указанию В.И.Ленина дворцы, роскошные дачи, санатории были переданы комиссариату здравоохранения. Осуществлялось на практике требование большевиков: "Курорты — для трудящихся". Миллионы простых тружеников впервые получили возможность бесплатно лечиться и отдыхать.

Борьба с охватившей страну тифозной эпидемией велась непрерывно, и нередко медики за помощью и поддержкой обращались непосредственно к Ленину. И он, загруженный до предела в Совнаркоме, в ЦК РКП/б/ и в Коминтерне, никогда не отказывал работникам здравоохранения. Гремела война, не хватало лекарств, бинтов, ваты. Врачи так же, как все, голодали, но трудились геройски. На Всероссийском съезде медико-санитарных работников Ленин говорил:

— Быть может, после военного фронта никакая другая работа не давала столько жертв, как ваша…

Владимир Ильич постоянно советовался с Н.А.Семашко, В.А. Обухом, В.Н.Розановым и многими другими врачами, как организовать военно-санитарную службу Красной Армии. В отатье "Как помочь раненому красноармейцу", Ленин призывал трудящихся всемерно помогать раненым и больным воинам Красной Армии. Встретив Розанова в Кремле — Владимир Николаевич работал тогда в Красном Кресте — Ленин посоветовал ему не ослаблять контроля за состоянием санитарной работы в полевых госпиталях Красной Армии.

Владимир Ильич напряженно трудился. По субботам и воскресеньям, как правило, бывал в Горках. Ему нравилось бродить в густом тенистом парке, совершать прогулки по спускающейся к пруду аллее, сидеть в беседке на краю откоса, откуда открывался чудесный вид на раскинувшиеся окрестные поля и деревни. 15 июля 1919 года он писал Н.К.Крупской: "Вчера 3-го дня были в Горках с Митей / он здесь дня 4/ и Аней. Липы цветут. Отдохнули хорошо".

Особенно любил Владимир Ильич ездить на автосанях в Горки зимой. Дорогу заметала поземка. Ветер кружил снежные вихри. Но автосани скользили легко. Лихо выметывали на невысокие увалы. Ныряли в сугробы. Мирно гудел мотор. Под его монотонную песню хорошо думалось. Не утихала боль невосполнимой утраты Владимира Михайловича Загорского. Ленин знал его тогда, когда он был еще Лубоцким. Какого человека потеряли… Какого бойца лишились.

Ушел из жизни в расцвете сил — в 35 лет. В революционном движении участвовал с 1902 года. Революционную работу вел в Нижнем Новгороде, Сормове. В 1904 году эмигрировал в Женеву. В 1905–1908 годах — на партийной работе в Москве. После

двухлетнего пребывания в Лондоне, в 1910 году вернулся в Россию, но вскоре был вынужден снова уехать за границу. Живя в Лейпциге, работал по заданиям большевистского центра. Во время первой мировой войны был немцами интернирован. После подписания Брестского мира, прямо из концлагеря приехал в Берлин. Поднял над бывшим царским посольством Красный флаг и до прибытия посла официально исполнял его обязанности.

Летом 1918 года В.М.Загорского избрали секретарем МК РКП/6/. Как развернулся… Как уверенно повел партийные дела… Как встряхнулась и ожила Москва… Все понимал с полуслова. Везде успевал. Ростки нового подмечал и поддерживал. Брал на вооружение гласность и демократию. Не шарахался из одной крайности в другую. Обладал завидной выдержкой и партийным магнетизмом. Проявил такое бесстрашие 25 сентября 1919 года… Ленину тоже грозила неминуемая смерть. Отвел случай, стечение обстоятельств.

О взрыве в Леонтьевоком переулке Ленину первой сообщила Инесса Арманд. О гибели Загорского умолчала. Поберегла здоровье Ильича. Знала, как он любил секретаря Московского Комитета партии. Какие возлагал на него надежды…

Подробно доложил Ленину о гнусном преступлении левых эсеров и анархистов Дзержинский. Ознакомил с показаниями одного из организаторов террористического акта — бывшего члена левоэсеровского ЦК Д.А.Черепанова. Цель эсеров оставалась неизменной: уничтожить Советское правительство, убить Ленина. Отпев неудачницу Каплан, враги революции готовились взять реванш во что бы то ни стало.

По мнению Ф.Э.Дзержинского, в контрреволюционных организациях собралась разношерстная публика: эсеры, анархисты, меньшевики. Анархисты — руки организации, эсеры — ее мозг, меньшевики — обслуживающий персонал, подсобные рабочие. На подмогу прибыли с Украины махновцы. Толковали больше с анархистами. Снабдили их оружием и взрывчаткой.

Донат Черепанов сколотил террористическую группу и назвал ее "Всероссийский повстанческий комитет революционных партизан". "Комитет" нацеливался исключительно на террор. К Черепанову примкнул известный анархист Казимир Ковалевич. Он сразу же поехал в Харьков подбирать "кадры". Навербовал таких же головорезов, как и он сам, вернулся в Москву,

— Будем бить по Центру, — сказал он Черепанову. — Большевистская голова здесь!

Настроение у анархистов было невеселое: сидели на мели. Ковалевич ломал голову, как раздобыть деньги и оружие, но ничего не мог придумать. Цинципер, прозванный /не без

причины/ Живорезом, предложил:

— Айда грабить. Разживемся на хлеб с маслом.

Ковалевич отказался. Как-никак — "идейный" анархист. Выходить с ножом на большую дорогу не с руки.

— С эксами пока повременим. Не хочется улей расшевеливать, — покривил душой Ковалевич.

— Как знаешь, — помрачнел Цинципер. — У меня живот к позвоночнику прирос. Долго не протянем.

И вдруг все изменилось: Ковалевича разыскал старый друг — приятель Петр Соболев. Сидели в тесной квартире на окраине. "Раздавили" шутя бутылку спирта. Соболев, слушая жалобы собутыльников, широко улыбался.

— Стало быть живете без радости.

— Хуже не куда, — прохрипел Цинципер.

Соболев картинно поставил на стол пузатый баул, лихо подмигнул:

— Сейчас фокус покажу. Держитесь братки за землю — не упадете!

И на глазах остолбеневших террористов выложил на мокрую клеенку толстые пачки денег.

— Триста тысяч, как одна копейка. Получайте на обзаведение. Ну, чего уставились? Берите!

Цинципер полез целоваться.

— Друг! Да мы теперь…

— Не трогать ни одной пачки, — отрезал Ковалевич. — Деньги пойдут на экипировку.

Довольный и радостный Ковалевич доложил Черепанову:

— Понимаешь, Донат, теперь мы на коне! Закрутим шарманку. Денег — с избытком… Триста тысяч!

— Мелочь!

— Как?!

— А так! Нам нужны миллионы.

— Но… где их взять?

— Пойдешь на эксы.

Ковалевич возражать не решился. С тяжелым сердцем вернулся к сообщникам, те от радости чуть его не задушили — наконец-то!

— Слава-те, — облегченно вздохнул Цинципер. — За настоящее дело беремся. А то все политика да политика…

Начались "настоящие дела". 12 августа Ковалевич и подручные ограбили 9-ое отделение Народного Госбанка, 18 августа — отделение банка на Большой Дмитровке. 29 августа взяли кассу Тульского патронного завода — 3480 тыс. рублей. -

— "Лимончики" пошли, — ликовал Цинципер. —

"Лимончики"!!

Радовались бандиты преждевременно. Донат Черепанов отбирал всю добычу. Деньги шли на содержание конспиративных квартир и дач, на оборудование лаборатории для изготовления бомб, на типографию, где печатались листовки, на закупку оружия. Из Брянска Азаров и Шестеркин привезли пять ящиков пироксилина и припрятали на даче в Одинцово.

Черепанов, обычно осторожный, приказал Ковалевичу собрать всю банду на конспиративной квартире в Красково. Ковалевич удивился: раньше Донат предпочитал встречаться только с ним. Черепанов объяснил:

— Пора действовать. Хочу поговорить с людьми.

— Разве это люди, Донат?

— Не все же уголовники, Казимир. Есть "идейные" анархисты. Впрочем, велика ли разница? Но они должны знать, на что идут.

— Они пойдут на все — лишь бы деньги платили…

Черепанов обстоятельно обрисовал политическую обстановку. Цинципер недовольно сопел: опять политика. Подведут начальники под монастырь.

— Нас в отряде — тридцать, — говорил Черепанов. — Время собирания сил прошло. Пора разговаривать с Советской властью языком динамита! Нужен в большом количестве пироксилин. Только для взрыва Кремля требуется шестьдесят пудов.

— Вот ахнем, — восторгался Шестеркин. — На всю Москву!

— На всю Россию! — сердито поправил Ковалевич.

Московская левоэсеровская группа, куда входил Черепанов, собиралась взорвать Кремль.

— Мы должны довершить дело, начатое Фаней Каплан.

— Эту мысль, между прочим, подал батько Махно, — заметил Ковалевич.

Черепанов сердито набросился на Ковалевича.

— Кто такой Махно? Закоренелый бандит. А мы — политические борцы!

"Идейный анархист" Ковалевич вынул из кармана записную книжку, полистал и протянул Черепанову:

— Вот те, кто подлежит ликвидации в первую очередь.

— Почему Ленин у тебя стоит в списке на четвертом месте? — спросил Черепанов.

— Проще простого, — снисходительно проговорил Ковалевич. — Поначалу убьем Дзержинского, Петерса и Лациса. Словом, руководителей ВЧК. Они у нас — поперек горла.

— Хм! Не лишено смысла. Не лишено, — одобрительно кивнул Черепанов.

Польщенный Ковалевич зарделся.

Черепанов узнал, что 25 сентября в Московском комитете РКП/б/ должно состояться совещание ответственных партийных работников города. Террорист заволновался. Такой случай упускать нельзя. Вызвал Ковалевича.

— Казимир, пора! На совещании будет Ленин. Разом покончим со всеми!

— Не гони лошадей. Что за спешка?

Ковалевич привык делать все обстоятельно и не терпел импульсивных решений. Возможно, именно поэтому его редко постигали неудачи.

— Экспромты всегда рискованны, Донат.

Черепанов побагровел:

— Русским языком тебе говорю: на собрание приедет Ленин! Вместе с ним ликвидируем весь штаб большевиков!

— Тебе с твоей колокольни виднее, Донат.

— Да, мне виднее!

Черепанов помолчал и добавил уже откровенную ложь: Деникин уже под Москвой, Юденич — на окраинах Петрограда. Кстати, тебе известно, зачем большевики собирают свой актив?

— Понятия не имею…

— Будут обсуждать вопрос о сдаче Москвы Деникину.

— Не может быть! — Ковалевич мог поверить чему угодно, но только не этому. И все же поверил. Ведь Донат Черепанов — птица высокого полета. Недаром был членом левоэсеровского ЦК, решал вопросы вместе с Марией Спиридоновой. И какие вопросы!

— Что ж, коли так — пойду готовить боевиков…

— Подожди. Акцию проведу я сам…

Бомбу изготовил Петр Соболев. На нее, ушло почти полтора пуда динамита. Поместили бомбу в круглую коробку, в какие обычно упаковывали модные платья в дамских конфекционах. Необычный вид бомбы и ее тяжесть вызвали неудовольствие у Черепанова. Выслушав его, Соболев вытер рукавом мокрое лицо.

— Не печалься, Донат Андреевич. Не тебе ее на горбу таскать.

— Тяжелый груз, упакованный в легкомысленную коробку, может заинтересовать первого встречного чекиста.

— Бог не выдаст, — бормотал Соболев. — Свинья не съест.

Террористы двинулись в путь: Черепанов, Соболев, Барановский, Гречаников, Николаев, Гланзон.

Черепанов шел первым. Держал руку в кармане. Позади кряхтел под тяжестью бомбы, Соболев. На Спасской башне пробило девять. Вышли в намеченное место. Соболев спустил тяжкую ношу на землю.

— Кажись, прибыли?

— У особняка пожарная лестница. Долезешь по ней до окна

и… Соболев, проявив недюжинную силу и смелость, поднялся по лестнице. Прячась в ветвях тополя, заглянул в окно. Зал набит битком. За столом президиума стоит Загорский. Что-то говорит. Может выкликает очередного оратора.

Соболев, привел в действие "адскую машину". Подумал злорадно: сейчас будет вам очередной оратель. Держите!

Бомба хряснулась недалеко от стола президиума. Загорский поднял руку.

— Спокойно, товарищи.

Загорский бросился к шипевшей бомбе и поднял ее с пола. Секунды не хватило, чтобы выбросить ее обратно в окно…

Заряд оказался настолько мощным, что рухнула крыша дома. Погибло 12 коммунистов, в том числе и Загорский. 55 человек получили ранения. Среди них оказались А.Ф.Мясников, М.С.Ольминский, Ю.М.Стеклов, Е.М.Ярославский, М.Н.Покровский и многие другие видные деятели партии и государства.

В работе собрания МК РКП/б/ должен был участвовать В.И.Ленин. К счастью, он задержался в Моссовете…

СВИДЕТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ

Из биографической хроники В.И.Ленина Октябрь. 1918, 22.

"Ленин впервые после ранения выступает /не ранее 17 час.40 мин. — не позднее 20 час./ на Объединенном заседании ВЦИК, Моссовета, фабзавкомов и профсоюзов /Б.Дмитровка, д.1, Дом союзов, колонный зал/ с докладом о международном положении Советской России… Ленин подчеркивает, что на первое место выдвигается вопрос о войне, об укреплении армии: "… Пусть каждая организация Советской России не перестает ставить на первом месте вопрос об армии… Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться…"

Из обвинительного заключения…

"Будучи разбитой в открытой борьбе, партия с. — р., приняв на конференции в феврале 1919 г. постановление

об отказе от вооруженной борьбы с Советской властью, и в обман и явное нарушение принятого постановления, подготовила и организовала повсеместно на территории Советской России ряд мятежей и восстаний, оказывала им всяческое содействие в целях свержения Советской власти и восстановления буржуазных порядков.

Партия с. — р. оказывала содействие и помощь Кронштадскому мятежу и контрреволюционному движению, возникшему в связи с ним на территории Республики, и в то же время, в лице своих заграничных ответственных членов ЦК и других вождей, входила в сношения с представителями капиталистических государств и русской контрреволюционной эмиграции в Париже на совещании бывших членов Учредительного собрания и для своей деятельности пользовалась средствами, исходящими из империалистических источников, в том числе от чехословацкого правительства, от американских капиталистов и других империалистических держав.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

ЛУНАЧАРСКИЙ:… Естественно, что Советская власть в годину голода, разрухи и окруженная со всех сторон врагами в высшей степени может опасаться всякой внутренней смуты, которая нарушает план хозяйственного восстановления жизни страны. И одним из самых главных обвинений, которое выдвигается здесь против социалистов-революционеров в последней формации их политического существования, является, конечно это обвинение: вы сеете постоянную смуту, где только можете. Поскольку рабочий устал или голоден или недоволен чем-нибудь, сейчас же является эсер и кладет сюда свои яйца, как отравленная муха. Как каждая рана, каждая царапина, которая на здоровом теле излечивается очень скоро, превращается в зловредный гнойник, если есть микроб в окружающей атмосфере, так и эсеры в Советской России являются отравителями всякого пустякового по существу недоразумения, которое в тканях Советской России оказывается имеющим место… Эсеры играют роль микробов, что не было случаев в нашем опыте, чтобы где-нибудь мы, встречаясь с трудностью, не обнаружили бы там эсера…

ПОКРОВСКИЙ:… Постыдная роль партии социалистов-революционеров в голодной компании нисколько не изменилась… Чрезвычайно выразительно вступление к извещению о 16-м Совете партии… Оно чрезвычайно выразительно по тому цинизму, я бы сказал, который в этом вступлении звучит. Оно начинается так: "Странное время переживает Россия. Голод и мор охватили ее. Разрушена промышленность. Разорено сельское хозяйство. Замирает транспорт. Нет топлива. Останавливается добыча угля, нефти и металлических руд. Города перестали работать и умирают. Опустели поля больше чем трети России". Пропустите то, что идет непосредственно дальше и перейдите к заключению: "Силой и бодростью веяло на Совете. Чувствовалось, как выросла и окрепла партия, как уверенно идет она по своему пути, как твердо решила бороться до конца за народные права, за Землю и Волю против большевиков и против реакционеров. И голос ее, раздающийся в объятой голодом и мором, закабаленной комиссарами и чекистами стране — есть голос жизни". Вкратце можно резюмировать так: слава Богу, голод наконец пришел, можно наконец вздохнуть свободнее, иметь некоторую надежду.

К.ЦЕТКИН: Партия эсеров поддерживалась не только собственными штыками, но оружием государств Антанты, располагающих лучшей в мире военной промышленностью. И все же она смогла только на короткий срок удержаться у власти. Сбросив путы кровавого насилия и коварства эсеров, рабочие, крестьяне и солдаты с бранью и позором изгнали их из правительства. Советское же правительство и советский строй существуют почти пять лет, поддерживаемые доверием масс… Эсеры стали делать все, чтобы воспрепятствовать процессу оздоровления, воспрепятствовать проведению в жизнь энергических мероприятий революционного правительства, имевших целью преодоление капитализма. Они саботировали все мероприятия в области строительства народного хозяйства… Они заключили союз с богом и дьяволом. С царскими генералами, с черной сотней, с тамбовским бандитом Антоновым, с самарским Поповым, с державами Антанты…

СВИДЕТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ

Из дневника контрреволюционера Д.С.Пасманика

"Мы у черты. Никто теперь не говорит об активной борьбе с Советской властью. Вся заграничная русская пресса занимается тем, что на разные лады критикует политику комиссаров и раскрывает картину распада России…На банкетах разных демократическо-республиканских и реакционно-монархических кружков назначается даже срок, когда Ленин начнет упаковывать свои чемоданы… Все это уже не ново. Мы уже обогнали все сроки… а Ленин, даже больной, продолжает управлять Россией…

Лишь активной борьбой можно упразднить большевиков. К сожалению, в русской эмиграции теперь отсутствует пафос борьбы с большевиками. В последнее время лишь правые эсеры высказались за революционную борьбу с ними…"

В Солдатенковской больнице

Тяжелое ранение 30 августа 1918 года не могли не сказаться отрицательно на состоянии здоровья В.И.Ленина, и в конце 1921 года он серьезно заболел."…Надо знать Ильича, — писал В.Карпинский, — никогда не щадившего своих сил: он не обращал никакого внимания на свою болезнь". Ничто не могло отвлечь Владимира Ильича от дела, которому он отдавал себя без остатка.

Ленина донимали сильные головные боли. Мучила по ночам бессонница. Надежда Константиновна с огорчением и глубокой душевной болью замечала на энергичном, живом и подвижном лице Ильича неимоверную усталость. Иногда по целым дням она не видела в глазах дорогого ей человека веселости и доброй озорной лукавинки.

Владимир Ильич нуждался в продолжительном отдыхе. Однако он об этом не хотел и слышать, отделывался шутками. Говорил, что пока еще довольствуется "текущим ремонтом". А болезнь прогрессировала. М.И.Ульянова позвонила В.Н.Розанову. Попросила повлиять на Владимира Ильича. Попугать его как следует, чтобы он немедленно взял длительный отпуск.

При первой же встрече с Лениным, как только речь зашла о работе правительственной медицинской комиссии по обследованию руководящих работников Совнаркома, ВЦИК и ЦК РКП/б/, Розанов обратил внимание на то, что Владимир Ильич работает без ограничения, не считается ни с возрастом, ни со своими физическими возможностями.

— Лицо у вас бледное, усталое, — говорил Розанов. — Следовало бы отдохнуть, подлечиться….

В ответ услышал:

— Нет, нет, я совсем здоров, — засмеялся, пожал руку и почти убежал, а на пороге обернулся и сказал:

— Правда, правда, здоров, скоро по тетеревам!

20 апреля 1922 года Н.А.Семашко позвонил В.Н.Розанову и просил его приехать к В.И.Ленину на консультацию.

— Из Берлина прибыл хирург профессор Борхардт, — сказал нарком. — Стоит вопрос об удалении пули у Владимира Ильича.

Розанов откровенно удивился и спросил:

— Почему?

Семашко рассказал Розанову о том, что все беды Владимира Ильича, по мнению профессора Клемперера, от оставшихся в организме Ленина пуль, якобы вызывающих своим свинцом его отравление.

Мысль эта Розанову показалась довольно странной и на следующий день он в решительной форме на консультации с профессором Борхардтом отверг мнение Клемперера.

— Опыт хирурга, — сказал Розанов, — решительно противоречит предположению Клемперера. Свинцовые пули обросли плотной соединительной тканью, через которую в организм ничего не проникает.

Пуля, лежавшая на шее под грудино-ключично-сосковой мышцей, легко прощупывалась, удаление ее не представляло значительной сложности. На удаление этой пули Владимир Николаевич согласился, в то же время категорически возражал против удаления пули, глубоко лежавшей в области левого плеча Владимира Ильжча и ничем ему не мешавшей. Ленин поддержал мнение профессора Розанова.

— Ну, одну-то давайте удалим, — сказал Владимир Ильич, — чтобы ко мне не приставали и чтобы никому не думалось.

Положение пуль было проверено рентгенологически в институте академика П.П.Лазарева. Пули были хорошо видны. Они немного сместились со своих прежних мест сравнительно с тем, что было зафиксировано на рентгенограммах после ранения.

После того, как были сделаны снимки положения пуль с различных направлений, Владимир Ильич пошел с академиком П.П.Лазаревым осматривать физический институт. Однако осмотр не удался. Ленин заинтересовался материалами по Курской магнитной аномалии и попросил академика познакомить его с этими материалами самым подробным образом. Ко всему, о чем рассказал ученый, Ленин проявил живой интерес, и, уезжая, просил держать его в курсе дела.

Ленин посетил Институт биологической физики 22 апреля 1922 года. Этот день был днем его рождения. Ему исполнилось 52 года. Характерно, что Владимир Ильич впервые не сделал ни одного приема. Не провел ни одной беседы. Не подписал ни одного документа. Видимо, врачам, родным и друзьям удалось уговорить его отдохнуть перед операцией. Не в этот ли день произошла у Надежды Константиновны памятная "Беседу с Ильичем", о которой рассказала "Правда" 22 апреля 1935 года.

У тех, кто близко знал Ленина, кто работал с ним рядом, к чувству радости всегда примешивалось чувство острого сожаления: Владимир Ильич рано сгорел. "Не мог он не сгореть, — писала Н.К.Крупская. — Напряженно все время работала его мысль. Помню, когда стала надвигаться последняя, погубившая его болезнь, врачи настаивали на строгом режиме, велели лежать по два часа после обеда. Ильич режиму подчинялся, но относился к требованию врачей скептически: "Не

могут они сделать так, чтобы я не думал", — сказал он как-то".

В день рождения Владимира Ильича они уходили куда-нибудь подальше в лес. И на прогулке говорили о том, что их особенно занимало в данный момент. "Весенний воздух, — писала Крупская, — начинающий пушится лес, разбухшие почки — все это создавало особое настроение, устремляло мысль вперед, в будущее хотелось заглянуть. Остался в памяти один такой разговор в последние годы его жизни… Сначала он говорил о разных текущих делах, но когда мы глубже зашли в лес, он замолчал, а потом стал говорить — в связи с одним изобретением — о том, как новые изобретения в области науки и техники сделают оборону нашей страны такой мощной, что всякое нападение на нее станет невозможным. Потом разговор перешел на тему о том, что когда власть в руках буржуазии, она направляет ее на угнетение трудящихся, что когда власть в руках сознательного организованного пролетариата, он направит ее на уничтожение всякой эксплуатации, положит конец всяким войнам. Ильич говорил все тише и тише, почти шёпотом, как у него бывало, когда он говорил о своих мечтах, о самом заветном".

На 23 апреля 1922 года В.И.Ленину была назначена операция по извлечению пули. В Солдатенковскую больницу он приехал в сопровождении Н.А.Семашко. Едва переступив порог хирургического кабинета, стал подшучивать над торжественным видом врачей. Над их облачением в белые накрахмаленные халаты и высокие колпаки.

Когда за Лениным пришла хирургическая сестра и увела его в раздевалку, Борхардт вдруг сказал Розанову:

— Делайте операцию вы, а я вам буду ассистировать…

Борхардт волновался и не мог этого скрыть. На какое-то мгновение Розанов дрогнул, хотел было уже согласиться, но подумал о Владимире Ильиче, о его реакции на перемену ролей хирургов и твердо, но деликатно ответил:

— Я думаю, профессор, мы будем действовать с вами, как условились. Позвольте мне быть вашим ассистентом.

Когда операция закончилась, врачи приступили к составлению специального медицинского бюллетеня.

— И это все нужно? — спросил Ленин. — И здесь писанина…

— Очевидно, Владимир Ильич, нужно, — ответил Розанов.

— Очень много у нас пишут, — вздохнул Ленин.

К Ленину подошел профессор Борхардт и они перешли в беседе на немецкий, а Семашко и Розанов стали редактировать медицинский бюллетень. В нем говорилось: "23 апреля 1922 г. в 12 час. дня, профессором Борхардтом при ассистенции В.Н.Розанова в присутствии главного врача больницы

В.И.Соколова, Народного Комиссара Здравоохранения Н.А.Семашко и д-ов Е.Д.Рамонова и Я.Р.Гольденберга председателю Совета Народных Комиссаров В.И.Ленину произведена операция…"

С текстом бюллетеня Владимир Ильич согласился. Розанов сунул руку в карман, достал оттуда вату, вынул из нее продолговатый кусочек свинца и положил на стол. Это была одна из тех отравленных ядом кураре пуль, которыми эсерка Каплан пыталась убить Ленина. На всех дохнул тот зловещий августовский день, когда Владимир Ильич чудом остался жив…

Положив пулю на ладонь, Розанов сказал:

— Видите надрезы… Разрывная… Если бы ударилась в кость — распалась бы! Благодарность случаю — застряла в мягких тканях. На ниточку прошла от крупных сосудов. Мы, врачи, так и говорили тогда: счастливый ход пули.

Ленин мельком взглянул на серый кусочек металла и стал собираться домой.

— Хочу напомнить вам, доктор, — сказал он Розанову, — что вы обещали после операции отпустить меня на все четыре стороны…

— Нельзя, нельзя! — решительно запротестовал профессор Борхардт. — Послеоперационный период — это не шутка. Необходимо квалифицированное наблюдение!

После долгих уговоров Владимир Ильич с большой неохотой остался в больнице на одни сутки. Пришлось "попугать" его тем, что после операции может появиться тошнота и рвота, не исключены головные боли или повышение температуры..

На Розанова свалилась целая куча забот. Куда положить Владимира Ильича? Как организовать его обслуживание, питание, охрану? Решили положить Ленина в 44-ю палату, так как она была небольшой, отдельной, к тому же изолированной. Окнами выходила в сад. Узнав о том, что Владимир Ильич оставлен в больнице, навестить его приехали Надежда Константиновна и Мария Ильинична.

Как всегда и везде, Владимир Ильич при своем кратковременном пребывании в больнице проявил обычную деликатность и внимание к другим. Он беспрекословно подчинялся порядкам, очень охотно отвечал главному врачу В.И.Соколову, который заполнил историю его болезни, на все вопросы, дал себя выслушать, выстукать, хотя явно сознавал всю незначительность произведенной операции.

Дежурила и наблюдала за состоянием Владимира Ильича медицинская сестра Екатерина Алексеевна Нечкина.

Владимир Ильич Ленин все время беспокоился о том, чтобы

из-за чрезмерного внимания к нему не были обижены другие больные. Он решительно воспротивился, когда старый санитар Николай Устинов /"Устиныч"/ пытался помочь ему снять штиблеты. Отказался от второй подушки на том основании, что ее, наверное, забрали у другого больного, а ему дали, "как Ленину".

В больнице не обошлось и без курьеза. Когда утром 24 апреля принесли завтрак и стали наливать кофе, Владимир Ильич довольно сердито сказал, обращаясь к медсестре:

— Почему вы наливаете мне кофе? Вы ведь сами сказали, что больных кормят бурдой!

Нечкина сразу не нашлась, что ответить. Подоспевший Розанов пояснил, что завтрак и кофе присланы его супругой, Анной Павловной. Только после этого разъяснения Ленин стал пить кофе.

В Москве на улице Зорге еще недавно жила дочь В.Н.Розанова — Ирина Владимировна. Когда происходили все эти события, ей было двенадцать лет. Она хорошо помнила, как по просьбе своей матери Анны Павловны они с братом Игорем носили в 44-ю палату кофейник. Как пытались "прорваться" к Владимиру Ильичу и как их туда не пускал сотрудник охраны..

— Здравствуйте, — сказали ребята, — мы к Владимиру Ильичу.

— Здравствуйте, — ответил чекист. — Кофе принесли? Давайте. Передам товарищу Ленину..

— А можно нам в палату? — с тайной надеждой спросил Игорь.

— Сегодня никак нельзя, — сочувственно ответил чекист. — Приходите завтра. Если доктор Розанов разрешит, Так и быть, пропущу вас к товарищу Ленину.

Увы, тогда побывать ребятам у В.И.Ленина в 44-й палате не пришлось. Ирина Владимировна увидела Владимира Ильича тогда, кои он приехал к ним на квартиру. Она помнит, как открыла ему дверь, смутилась, хотела убежать, но Владимир Ильич остановил ее.

— Постой, постой, — сказал он. — Это не ты ли мне кофе приносила? Я крепко отругал товарища Беленького за то, что он не пропустил вас с братом в палату. Тебя как зовут?

— Ира, — ответила девочка.

— А брата?

— Игорем.

— Вы с ним дружно живете?

— Жили дружно, а вчера поссорились из-за товарища Буденного.

— Погоди, погоди, — удивился Ленин. — При чем тут Семен Михайлович?

— Я лошадей люблю, — с достоинством заявила Ира. — Хочу стать кавалеристом. А Игорь сказал, что девочек в конармию Буденного не берут. — Ира тяжело вздохнула. — Вот и поссорились…

— Почему не берут? В коннице Буденного служит не один десяток храбрых и мужественных женщин. Без их участия ни одна революция не обойдется. — И добавил: — Так что у тебя, товарищ Ирина, все впереди.

— Меня поразило, заметила Ирина Владимировна, — что Ленин ни разу не назвал меня в разговоре "Ира", "Ирочка", а подчеркнуто говорил "товарищ Ирина". Он обращался со мной, как со взрослой и это мне импонировало. Встреча с Владимиром Ильичем, беседа с ним так повлияли на меня, что, когда подросла, начала заниматься верховой ездой и стала мастером конного спорта.

… Пробыв сутки в больнице, Владимир Ильич укоризненно сказал Владимиру Николаевичу:

— Как же это так? Вчера около меня была сестра, ночью та же сестра и сегодня она же опять осталась. Разве так можно?

Розанов согласился, что действительно сестра Нечкина дежурит целые сутки..

— Извините, Владимир Ильич, только Екатерину Алексеевну. Узнала, что вы задерживаться у нас не собираетесь, и решила дежурить одна, без смены.

Выписывая Ленина из Солдатенковской больницы, Розанов сказал:

— Вам, Владимир Ильич, необходимо хорошенько отдохнуть. Бросить на время всякое дело. Пожить растительной жизнью.

— Вам, товарищ Розанов, самому-то надо отдохнуть. Вид у вас тоже скверный. Поезжайте за границу, — неожиданно заявил Ленин.

— Спасибо, Владимир Ильич. Но в Германию ехать — не отдохнешь. Невольно побежишь по клиникам, по больницам. Если ехать, то разве что на Рижское взморье.

Владимир Ильич посмотрел на Розанова, тяжело вздохнул и озабоченно сказал:

— Я о себе все-таки думаю и стараюсь отдыхать. Меня больше беспокоит здоровье Надежды Константиновны, которая, стала мало слушаться Федора Александровича Гетье. Я бы просил вас сказать ему, чтобы он с ней был понастойчивей, а то она всегда говорит, что ей хорошо.

— Так же, как вы, Владимир Ильич, — заметил Розанов.

Ленин засмеялся и, пожимая Розанову руку, проговорил:
— Работать нужно. Работать!

СВИДЕТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ

"Правда", 3 февраля 1921 года

"Русскому народу нужно знать на все времена: в час, когда он изнывал в тисках нищеты, учредительские" герои" натравливали на него иностранный капитал, в час, когда русскому народу был дорог каждый гвоздь, они мешали ему получить этот гвоздь".

Из речи В.И.Ленина на собрании партийного актива г. Москвы 24 февраля 1921 г.

"… Мир с Польшей до сих пор еще не заключен, внутри — рост бандитизма и кулацкие восстания… В бандитизме чувствуется влияние эсеров. Главные силы их за гриницей; они мечтают каждую весну свергнуть Советскую власть. Недавно Чернов писал об этом в одной русской заграничной газете. Эсеры связаны с местными поджигателями. Связь эта видна и из того, что восстания происходят как раз в тех районаж, из которых мы берем хлеб".

Из директивы Политбюро ЦК РКП/б/ для печати /до 15 мая 1921 года/

"…. Организованные и руководимые эсерами банды, действуя по заранее намеченному плану, грабили государственные ссыпные пункты и маршрутные поезда с продовольствием, портили железнодорожные путИ, имеющие продовольственное значение, и, наконец, систематически истребляли продовольственную агентуру. По неточным сведениям эсеровскими бандитами разграблено около 6 млн. пудов хлеба; в действительности количество расхищенного бандами хлеба значительно больше…

Из протокола N 14 вечернего заседания Пленума ЦК РКП/б/ 28 декабря 1921 г.

Слушали:

14. Об эсерах и меньшевиках. /т. Дзержинский/.

Постановили:

14. а/ Предрешить вопрос о предании суду Верховного Трибунала ЦК партии социалистов-революционеров.

б/ Поручить комиссии в составе, т.т. Дзержинского, Каменева и Сталина определить момент опубликования.

"Правда", 17 мая 1922 года

"Вместо хлеба, необходимого нам сегодня, партия эсеров предлагает… восстание против власти Советов. Враги советуют ударить на власть. Мы ответим врагам: смерть тому, кто советует хотя бы малейшее колебание власти! Смерть тому, кто путем передвижки власти хочет открыть дорогу реакции!"

ИЗ ПИСЬМА В.И.ЛЕНИНА К V ВСЕРОССИЙСКОМУ СЪЕЗДУ ПРОФСОЮЗОВ 17 сентября 1922 года

"Дорогие товарищи!

Мне первый раз приходится после долгой болезни выступать хотя бы и письменно перед съездом… Наше положение особенно трудно, потому что нет средств для восстановления основного капитала, машин, орудий, знаний и т. п.… Пусть каждый сознательный крестьянин и рабочий, которому случится прийти в уныние под влиянием тяжелых условий жизни или чрезвычайной медлительности нашего государственного строительства, припомнит недавнее прошлое, с господством капиталистов. Такое воспоминание вернет ему бодрость в работе. Всеми силами, со всех сторон усилить и улучшить работу — в этом единственное спасение рабоче-крестьянской власти".

Суд над убийцами

Владимир Ильич не забыл о своем обещании и добился отправки В.Н. Розанова на отдых в Ригу. Здоровье самого Владимира Ильича, казалось, не предвещало никаких тяжелых осложнений. Розанов уже давно вернулся из Риги и для него тревожный звонок Марии Ильиничны из Горок был совершенно неожиданным…

— Владимиру Ильичу стало очень плохо, — глухо сказала Ульянова. — Володя просил Вас приехать…

"Напоминают о себе выстрелы Каплан", — огорченно подумал Владимир Николаевич, а Марии Ильиничне бодро ответил:

— Ждите, выезжаю.

В Горки Розанов приехал в тот момент, когда Ленина переселяли из маленького домика в главное здание усадьбы. Осуществляли это чекисты из группы охраны, шоферы Петр Космачев и Лев Горохов.

Розанову непривычно было видеть Владимира Ильича на носилках. Словно угадывая мысли доктора, Ленин сказал:

— Ничего, товарищи, скоро это пройдет…

Приподнялся на носилках и заговорил в вопросительном тоне:

— Неудобно получается. Несете здорового человека. Разрешите, товарищи, я пойду сам.

Шофер Лев Горохов строго заметил:

— Нельзя, товарищ Ленин.

Розанов решительно поддержал шофера, сказав Владимиру Ильичу, что он обязан выполнять все требования медперсонала.

Владимира Ильича подняли на второй этаж. У дверей в комнату он проворно встал с носилок и сам лег в постель. Розанов сокрушенно развел руками. Владимир Ильич примирительно сказал:

— Не стоит сердиться.

Поблагодарил чекистов и шоферов. Обращаясь к Розанову, сказал:

— Часика через два отлежусь. Непременно съездим в вами в лес за грибами.

В середине июня в состоянии здоровья В.И.Ленина наступило заметное улучшение. Врачи разрешили ему читать газеты и работать. Особый интерес Владимир Ильич проявлял к процессу над Центральным Комитетом и отдельными членами организаций партии социалистов-революционеров, обвинявшихся в вооруженной борьбе против Советской власти, организации

убийств, вооруженных ограблений, в сношениях с иностранными государствами.

Судили вождей эсеров Гоца и Донского, Тимофеева и Веденяпина, Герштейна и Лихача, Е.Ратнер и Федоровича, Гендельмана и Ракова, Иванова и других руководителей ПСР, а на деле — изменников революции, политических банкротов.

Как это ни парадоксально, в защиту правых эсеров выступил А.М. Горький. 3 июля 1922 года он послал французскому писателю Анатолю Франсу письмо, в котором характеризовал процесс как приготовление "к убийству людей, искренне служащих делу освобождения русского народа", и просил А.Франса обратиться к Советскому правительству "с указанием на недопустимость преступления". "Может быть, — писал Горький А.М., - Ваше веское слово сохранит ценные жизни социалистов".

Письмо А.М.Горького было опубликовано 20 июля 1922 года в выходившем в Берлине "Социалистическом Вестнике". 7 сентября 1922 года В.И.Ленин писал Н.И.Бухарину: "Я читал /в "Социалистическом Вестнике"/ поганое письмо Горького. Думал было обругать его в печати /об эсерах/, но решил, что, пожалуй, это чересчур. Надо посоветоваться. Может быть, вы его видаете и беседуете с ним? Напишите, пожалуйста, Ваше мнение.."

О ходе судебного процесса над эсерами Владимир Ильич продолжительное время беседовал с Надеждой Константиновной. Она рассказала Ленину о том, как шаг за шагом, звено за звеном, узел за узлом, ниточку за ниточкой распутывал Революционный Трибунал гнусную историю предательств и убийств, совершенных партией социалистов-революционеров…

Надежда Константиновна сказала Владимиру Ильичу:

— Процесс подтвердил, что пули, которыми в тебя стреляла эсерка Каплан, были отравлены ядом кураре.

Абрам Гоц, Дмитрий Донской, Лев Гернштейн, Евгений Тимофеев и другие члены ЦК ПСР пытались это отрицать. Подсудимым предъявили крестообразно надрезанную через всм толщу оболочки пулю. Они стали отмахиваться, просить побыстрее унести ее от них подальше. Елена Иванова закатила истерику, а Евгения Ратнер затопала ногами. Гендельман кидал "громы" и "молнии" в председателя суда Верховного Революционного Трибунала Г.Л.Пятакова, читавшего заключение экспертизы.

Гоц смотрел как завороженный на серый кусочек свиица. Потрогать не решился. И когда это сделал Гендельман, Гоц закрыл глаза и почему-то ждал взрыва… Но пуля не взорвалась. Гендельман покрутил ее и равнодушно протянул Веденяпину. Тот отшатнулся…

В зале стояла мертвая тишина. Такое на процессе случилось впервые. Тимофеев растерянно моргал глазами. Гоца раздирало. Тоже мне дипломат… Зачитал на суде "Декларацию" и сразу же "утопил" подсудимых первой группы, своих соратников, цекистов. "Липовой" оказалась "Декларация". А для суда — документ. И немаловажный — от имени всей партии. Обращение к мировой общественности. А с чем собственно, обратились? С призывом к новой интервенции, к новым "кронштадтам", антоновщине, махновщине и белогвардейщине…

Гендельман? Кичился до процесса знаниями юриспруденции. Уверял, что досконально изучил новые советские законы. Обещал потешиться над Крыленко, загнать Государственного обвинителя в угол. А вышло все наоборот. Крыленко быстро поставил "законника" на место. Тогда Гендельман начал просто-напросто скандалить. Крыленко на провокацию не поддается. Не получилось из Гендельмана ни стойкого борца за идеалы ПСР, ни адвоката "пострадавших". Переходил в полемике на личности. Разменивался на мелочи. Наносил булавочные уколы. Вступал в спор по каждой незначительной оплошности и упускал главное. Вызывал враждебность и глубокую отчужденность переполненного зала. Психологический проигрыш предопределил и политический. Да и просто человеческий.

Неуютно сиделось Гоцу на скамье подсудимых, когда Гендельман занимался "ловлей блох" или неуклюже плел очередную "паутину" для Коноплевой или Семенова.

Дмитрий Донской потерял ориентировку. Стал все чаще и чаще попадать впросак. Пал духом. Евгения Ратнер от душившей ее злобы порой становилось просто неуправляемой. Веденяпин скис и завял. Потускнела боевитость Николая Иванова. Он не решался уже выступать с открытым забралом. Более того, оборонялся — неклюже и жалко. И наоборот, обвиняемые Семенов, Коноплева, Зубков, Дашевский, Усов, Ефимов, Ставская и другие вырастали на глазах, держались спаянно. Наступали дружно. Гоц, Тимофеев, Донской и К¦ избрали своим оружием клевету, двурушничество и обман. Говорили не то, что думали и делали не то, что говорили. Открещивались даже от того, от чего нельзя отказаться по элементарному кодексу человеческой чести. Семенов, Коноплева, Дашевский, все рядовые боевики отстаивали правду. Боролись за установление истины. Говорили то, что думали, не вели никакой двурушнической игры. Не "гримировались", не "переодевались" в зависимости от "холода" или "жары" в зале суда Верховного Трибунала. Не стремились уйти в "кусты" от ответственности за содеянное против Советской власти.

В ответ на "Декларацию" Тимофеева, написанную в наглых тонах и выражениях, вторая группа обвиняемых зачитала Трибуналу свою декларацию. Сделал это Григорий Ратнер.

— Мы не лицемеры, ни фразеры, — уверенно звучал голос Ратнера. — Мы делали самые тяжкие дела, но никогда их не скрывали, никогда не двурушничали, а действовали открыто и решительно. Мы не понимали тактику наших верхов и, к счастью, не научились тому, чему они на протяжении длительного времени учили нас — обману трудящихся масс.

Мы слышали, как на процессе любители пышных фраз признавали себя виновными только в том, что не смогли свергнуть Советскую власть. "Декларация" же Тимофеева, вдребезги разбила остатки уважения к идеалам, за которые мы когда-то боролись. Мы признаем все преступления партии социалистов-революционеров. Фразерство, лицемерие и двурушничество — категорически отвергаем!

Вслед за декларацией "боевиков", обвиняемых первой группы ждал новый удар, неожиданный даже для самых дальновидных из них. До заключительных заседаний обвинение Трибунала держало в резерве полученные уже в ходе процесса материалы "Административного центра" из парижского архива А.Ф.Керенского. Как они оказались в Трибунале, — для Гоца и КО осталось загадкой. Правда, и Год, и Тимофеев, и Донской, и Евгения Ратнер, и все, кто сидел на скамье цекистов, еще отчужденнее, еще ненавистнее стали поглядывать в сторону Семенова и Коноплевой.

Материалы "Административного центра" из парижского архива А.Ф. Керенского вскрыли сконцентрированную, густонасыщенную эсеровщину чистейшей марки. Они показали всю закулисную сторону заграничной организации эсеров на протяжении с февраля 1921 года по апрель 1922 года, т. е. фактически за период, когда ведущие члены ЦК ПСР, находившиеся в Советской России, были арестованы и сидели в Бутырской тюрьме. Если бы тайна эсеровского архива была вскрыта до составления обвинительного акта, то подсудимые — цекисты, пожалуй, не имели бы возможности произнести девяти десятых тех речей, которыми они заполнили стенографические отчеты.

"Административный центр". В начале 1921 года эсеры перестроили свою организацию за границей. Придали ей характер "беспартийного объединения", действующего, якобы, на свой страх и риск, не пачкая "вывеску" эсеровской партии. На самом же деле "Административный центр" являлся строго законспирированной, заговорщической организацией. Когда надо,

члены ПСР "превращались" в беспартийных, натягивали на себя тогу "беспартийного объединения".

Фактически же "Административному центру " за границей принадлежала вся эсеровская печать от "Воли России" до "Современных записок", все фонды и средства эсеровских общественных и партийных организаций.

Подлинники писем Чернова, Зензинова, Керенского отрезали Гоцу, Тимофееву, Донскому и Веденяпину путь отрицания наличия за границей "Административного центра" и его контрреволюционной сути. С первых шагов "беспартийное объединение" опекали чешский министр иностранных дел Эдуард Бенеш и бывший царский посол в Вашингтоне Б.А.Бахматьев. У Бенеша была конспиративная кличка — "Роман", а у Керенского — "Олег". Все это говорило само за себя и весьма красноречиво.

Финансировался "Административный центр" странами Антанты — из Праги и Вашингтона. Особенно щедр был заморский "дядюшка" эсеров, который давал им деньги для террора, мятежей, восстаний, диверсий — экономических, политических, идеологических.

> "Административному центру" помогали и отечественные капиталисты, бежавшие на Запад. Особенно это наглядно проявилось в дни Кронштадского мятежа. 8 марта 1921 года Зензинов писал из Праги: "В Амстердаме, в расположении Центрокомиссии/ торговый отдел одного из членских банков/ имеется сейчас 50.000 пудов муки. По простой телеграмме весь этот груз может быть направлен в Ревель, и через две недели эта мука могла бы быть уже в Кронштадте, но для этого необходима гарантия в 6 миллионов рублей… Нам кажется, что за это дело должны здесь вплотную взяться Олег /Керенский/, в Париже с официальными кругами и русскими толстосумами и в Лондоне /с русской конфедерацией/… Когда Советская Россия узнает, что освободившийся от большевиков Кронштадт немедленно получил из Европы продовольствие, эта весть будет искрой в бочку пороха".

Эсеры хотели организовать в дни Кронштадского мятежа грандиозный подкуп изголодавшегося в результате империалистической блокады населения Советской России.

К сейфам черносотенных толстосумов и монархистов России Зензинов пробрался на гребне "кронштадского энтузиазма". Снедаемый желанием найти, наконец, искру, чтобы "взорвать бочку пороха" на советской земле, Зензинов сообщал своему

единомышленнику Е.Ф.Роговскому:

> "Я вам телеграфировал, чтобы Вы постарались обеспечить гарантию для отправки хлеба… Вчера мы получили из Нью-Йорка от Бахметьева 25.000 долларов. Бахметьев кроме того телеграфирует, что в ближайшею будущем надеется послать нам еще".

Девятый совет ПСР принял решение о временном прекращении борьбы с Советской властью. Зензинов в знак протеста вышел из состава ЦК ПСР, но… возглавил "беспартийное объединение" — "Административный центр", — тайную заговорщическую организацию эсеров всех оттенков и всех течений.

Виктор Чернов не вступил в "Административный центр", но не боролся против него. Наоборот, стремился усилить эту организацию своими сторонниками, чтобы под ее прикрытием получать средства от иностранных правительств для борьбы с Советской Россией. Эта причина политическая.

Личная заключалась в той борьбе тщеславий, которая с первых дней Февральской революции пробежала черной кошкой между соперниками, претендовавшими на роль первого "любовника" ПСР — Черновым и Керенским. Чернов не любил Керенского, а Керенский, как о том свидетельствует его переписка с Зензиновым, платил "циммервальдцу" той же монетой.

Чернов и Керенский подозревали друг друга в утаивании и присвоении денег, идущих на "Кронштадское дело". Особенно был недоволен Керенский тем, что" деньги, бросаемые в Ревель, посылались в адрес Чернова. "Я не хочу, — писал он, — чтобы вся организация превратилась в "технический аппарат при В.М."

В материалах "Административного центра" речь шла о фактах позорных даже с точки зрения самых умеренных соглашателей. Само существование "беспартийной организации" тщательно скрывалось, ибо она полностью была на содержании буржуазии и выполняла ее заказы.

Гоц чувствовал, что организаторы "Административного центра" уготовили ему на суде "волчью яму". Из нее не выбраться. Он не мог признать наличия связей с "беспартийным объединением" и не мог не признать. Это отняло бы всякое право на защиту в пролетарском суде. Ни на то, ни на другое Гоц не решался. Не решались и остальные цекисты. И в этом был трагизм их положения. Окончательно цекистов добило секретное письмо Виктора Чернова, опубликованное в "Известиях" после разгрома Кронштадского мятежа. Оказывается, Чернов поддерживал

регулярную связь о российской организацией эсеров, когда находился в Ревеле. Помогал в Ревеле "внепартийному объединению" издавать газету "Народное дело". Наладил транспортировку оружия в Питер, Псков, Москву. Был полностью в курсе всех подрывных акций "Административного центра". Активно способствовал получению находящихся в руках чехословаков средств, оставшихся от комитета членов Учредительного собрания — организации формально тоже "беспартийной".

И после опубликования письма В.М.Чернова в "Известиях" цекисты продолжали упорно отмалчиваться. Они ждали опровержения в "Голосе России", что никакого "Административного центра" нет и не было. И вдруг им подали на одном из заседаний приобщенный к делу номер эсеровского официоза, где в письме Авксентьева и Керенского официально признавалось наличие "беспартийной организации" и подлинность тех документов, которые исчезли из архива Керенского и фигурировали в Трибунале.

Гоц дрогнул. Сказался "больным" и несколько заседаний Трибунала пропустил. Болел ли он на самом деле или был так травмирован своими заграничными друзьями, что потерял всякий интерес к дальнейшему ходу процесса?

После оглашения материалов "Административного центра" стало ясным: правые эсеры братались о любыми противниками Советской власти. Дух Гоца витал над юнкерским восстанием, дух Чернова — над Кронштадским, Брушвита — над Карельским мятежом, Вороновича и Роговского — над Черноморским бандитизмом, дух Авксентьева и Зензинова — над кулацкими восстаниями в Сибири, на Тамбовщине и Украине, в Поволжье. И тем не менее ПСР устами Тимофеева говорила: "Мы не ведем вооруженной борьбы с Советской властью". Пусть это только фраза, пусть только лицемерие, но в области политической лицемерие — это признание банкротства своей политики и стремление уйти от ответственности за нее.

Петр Ефимов, показывая на скамью, где сидели Гоц, Тимофеев, Донской и другие цекисты, с которыми он был связан работой и ссылкой, каторгой и тюрьмой, сказал:

— Гражданин Гендельман на протяжении многих дней работы процесса старался исказить сущность моих показаний. А ведь людям с такими моральными качествами доверяли тысячи членов нашей партии! Кому они доверяли?!

Зубков начал свое выступление с того, что поставил Трибунал в известность: он уже четыре года, как выбыл из партии эсеров.

— Помимо мелких издевательств со стороны Гоца и

Гендельмана над рядовыми членами ПСР, — говорил Зубков, — я услышал от Елены Ивановой: "Я вам все прощаю".

Может, прощает меня за то, что четыре года — вне партии — я мучился за прошлое свое преступление перед революцией?

Если за эти дела она меня прощает, то я вам, бывшие мои друзья, за все это, за муки, принятые по вашей вине, не прощаю и не прощу никогда. Я не принимаю вашего прощения. Возьмите его себе.

Я сижу на скамье подсудимых, вместо того, чтобы сражаться за революцию… Будущее я узнаю из приговора Верховного Трибунала моей родины.

Попросила слова Фанни Ставская. Видно было, что она сильно волновалась. Комкала в руках листок бумаги. Видимо, заготовила тезисы своего последнего слова. Но, не заглядывая в них, сказала:

— Я выслушала последнее олово своих бывших руководителей. Какое же это страшное болото! Какие мелкие обыватели! Вот Елена Иванова… Ведь на самом деле она не прощает Зубкова.

Она осуждает старого революционера за то, что он, наконец, своим классовым чутьем понял всю гнусность политики и действий ЦК ПСР. Она осуждает Зубкова — он не стал эсеровским убийцей! Процесс мне раскрыл глаза, я поняла какую преступную деятельность мы вели, в какой грязи сидели…

Константин Усов заявил, что рядовые члены ПСР не знали о том, что заговором против революции руководил ЦК ПСР.

— Я ушел из ПСР в конце 1918 года, — сказал Усов. — Примкнул к коммунистам, помогал рабочему классу бороться за Советскую власть.

Григорий Ратнер поведал Трибуналу о том, что ЦК ПСР исключал из партии всех тех, кто добровольно вступал в Красную Армию, чтобы вместе со всем народом защищать свою новую Родину от внешних и внутренних врагов. Так были исключены из ПСР Григорий Семенов, Дашевский, сам Ратнер и многие другие.

— И сейчас, — сказал Ратнер, — здесь, на суде, наши бывшие руководители совершают последнее предательство своей собственной партии. Они отрекаются от того, что делали партийные боевики по их директивам.

Иосиф Дашевский обратил внимание Трибунала на то, что наиболее тяжелые схватки на процессе шли не столько между обвинением и обвиняемыми, сколько между двумя группами обвиняемых.

Обвиняемые первой группы — цекисты — демонстрировали на суде самые грязные приемы, опускались до личных выпадов,

как это сделал, например, обвиняемый Тимофеев по отношению к свидетелю Рейзнеру: "А известно ли вам, свидетель, что еще в апреле 1919 года ЦК ПСР объявил вас предателем?" Заявление Тимофеева — голословное. Тимофеев хотел любыми — средствами опорочить неугодного свидетеля перед судом Революционного Трибунула.

Чернов, Гоц, Тимофеев, Веденяпин — были для нас людьми авторитетными, уважаемыми. Для многих из нас Чернов был не только идеологом партии, ее вождем, но и учителем. И когда Чернов лжет, вынести это нелегко. Когда лжет Гоц, одно имя которого было для нас святым — это невозможно слушать. Когда Веденяпин и Раков, которых я сейчас не считаю порядочными людьми, вынуждены во имя спасения остатков чести партии молчаливо прикрывать эту ложь — это тяжело пережить.

Слушая бывших членов Центрального боевого отряда, Гоц словно на минуту затаил дыхание и задержался в этой далекой, но уже не реальной жизни, попрощался со всем, что было привычным и любимым. Но только на минуту. Действительность — скамья подсудимых. — отрезвляла. Выступал Григорий Семенов. Каждое слово "перевертыша" буквально выбивало Гоца из равновесия, доводило до тошноты. Он стал даже плохо видеть: не мог разглядеть лица говорившего.

Семенов говорил о своей книге "Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917–1918 г.г.", выпущенной в Берлине, в 1922 году. Этой разоблачительной книгой он хотел предать гласности истинную сущность партии эсеров, моральные убожество ее ЦК. Все основные факты его книги судебный процесс полностью подтвердил. Цель достигнута: сорвана маска с партии социалистов-революционеров. Она предстала перед трудящимися всего мира как партия антисоциалистическая, мелкобуржуазная. В этом и видел свой долг Семенов как революционер и коммунист.

В одном винил себя Семенов — затянул разоблачение преступной деятельности ЦК ПСР. В этом он признавал себя виновным и готовым нести ответственность. Он не сразу осознал мелкобуржуазную, антисоциалистическую сущность партии социалистов-революционеров. Долго не замечал, что она уже находилась в стане врагов рабочего класса.

— Процесс моего политического прозрения, — сказал Семенов, — ускорило пребывание за границей, где мне открылось многое в деятельности ПСР и ее руководства. Тогда я счел своим долгом выступить…

Семенов долго молчал. Слышал, как напряженно затаились люди в зале, в президиуме Трибунала, на скамье подсудимых.

Слова застревали где-то внутри. Он произносил их, понизив голос почти до шёпота, склонив голову на бок и опустив глаза:

— Тяжело сознавать, что мы — убийцы Володарского. Что, может быть, выстрелы Каплан на многие годы укоротили жизнь вождя мирового социализма — Ленина…Владимира Ильича…

Сказал немного, а речь казалась томительной и длинной. По одному рождались слова. И каждое стоило раздумий и мучений. Он забыл, что положено обращаться только к суду. Ведь это было бы и для него легче.

Судьи обязаны быть беспристрастными. Он же обращался к залу, к людям, которые, — он знал — отдали бы десяток жизней Семеновых за одну жизнь Ленина.

Будто целый груженый состав товарного поезда тащил Семенов и останавливался отдыхать. Было физически трудно переносить его отчаянные, надрывные паузы. Они гипнотизировали, заставляли напряженно ждать: чем они разразятся?

По мужественному лицу Семенова прошла судорога. Он в несколько приемов с трудом проглотил удушающий комок в горле.

— Я хочу указать, что суд надо мной начался раньше, чем этот процесс. Этот суд начался в 1919 году, когда я осознал преступность своей прежней деятельности в партии социалистов-революционеров. Этот суд революционной совести…

И снова умолк. Не из желания что-то утаить. Нет. Отказывался повиноваться язык. Слишком чудовищной была правда, о которой он рассказывал.

— Приговор моей революционной совести суров, — выдохнул Семенов. — Он меня осудил…

Последняя фраза гулко отдалась под высоким потолком и надолго зависла в воздухе…

Государственный обвинитель Крыленко дал оценку преступных деяний подсудимых первой и второй групп обвиняемых. Более подробнее охарактеризовал закулисные контрреволюционные махинации членов ЦК ПСР Гоца, Тимофеева, Веденяпина, Донского, Е.Ратнер, Гендельмана, Лихача и других, проявивших особое упорство в достижении той цели, которую они себе поставили — свержение Советской власти, убийство ее руководителей и в первую очередь — В.И.Ленина.

Ф.Каплан, как показал суд, — не герой партии социалистов-революционеров, не рыцарь "народовластия", а жертва, сознательно подстрекаемая на злодейское покушение, бесчестно и подло обманываемая своими "высокими" руководителями из ЦК

ПСР, а затем отвергнутая и оклеветанная ими на процессе. Именно эсеровские лидеры поощряли белый массовый и индивидуальный террор, тайно руководили им и намечали для убийства очередных кандидатов из ближнего окружения В.И.Ленина.

На первое место Крыленко поставил подсудимого Гоца как одного из наиболее ответственных и видных руководителей партии эсеров. Гоц пользовался в партии наибольшим авторитетом. Для его спасения и освобождения из-под ареста партия признала возможным пожертвовать другими своими членам и, в частности, из боевой группы Семенова. Гоц принимал непосредственное участие или руководил всеми действиями обвиняемых, начиная от юнкерского восстания в Петрограде и кончая постыдными экспроприациями в советских учреждениях. Участие Гоца в преступной работе партии эсеров с самого начала и до конца полностью доказано.

Член ЦК ПСР А.Р.Гоц лично агитировал в войсках после переворота октябрьских дней. Выступал на митингах в Царском Селе, Могилеве, Пскове. Призывал войска к противодействию Советской власти. Подготовлял и участвовал в организации юнкерского восстания 29 октября 1917 года в Петроградце. Был осведомлен о готовящемся покушении на Володарского и фактически им руководил. После свершения убийства дал директиву о немедленном переезде членов Центрального боевого отряда из Петрограда в Москву. В конце июня и начале июля 1918 года дал санкцию на подготовку покушения на Ленина.

Д.Д.Донской, член ЦК ПСР, руководил военной комиссией после разгрома Учредительного собрания. Присутствовал на совещании военной комиссии в связи с разоружением Преображенского полка. Входил в сношения с реакционными организациями М.М.Филоненко, П.П.Иванова и о германским штабом Э.Людендорфа. В июле 1918 года находился в Москве в качестве ответственного члена ЦК ПСР. Руководил деятельность Центрального боевого отряда Г.И.Семенова. Незадолго до покушения на Ленина имел свидание о исполнительницей террористического акта Ф.Каплан. От имени ЦК ПСР разрешил Семенову готовить покушение на Володарского, Урицкого и Ленина.

Н.Н.Иванов, кандидат я члены ПК ПСР вел личные переговоры и объяснения с членом ЦК партии народных социалистов В.И.Игнатьевым по поводу распределения денег, переданных от "Союза возрождения" для финансирования работы военной комиссии при ЦК ПСР. По личной инициативе поставил вопрос о применении террора против Советской власти на

обсуждение ЦК партии с. — р. в феврале 1918 года. Высказал свою точку зрения на допустимость террора против большевистских руководителей начальнику Центрального боевого отряда Г.И.Семенову, чем подстрекал последнего к свершению террористических актов на Володарского, Урицкого, Троцкого и Ленина.

Л.Я.Герштейн, член ПК ПСР, уполномоченный ЦК при военной комиссии по подготовке вооруженного восстания в Петрограде. Лично агитировал против Октябрьского переворота в Могилеве и командировал для такой агитации Паевского в Везенберг. Выступил инициатором организации боевых дружин. Санкционировал получение денег от "Союза возрождения" для финансирования военной комиссии при ЦК ПСР. В качестве делегата ЦК ПСР и особоуполномоченного вел военную работу по формированию вооруженных сил против Советской власти и переговоры с Радой по вопросу о заключении договора на предмет совместных действий против Советского правительства и сносился по тому же вопросу о французской миссией.

Е.М.Тимофеев, член ЦК ПСР, в московский период работы через Дашевского вел сношения с военными работниками по переброске на антисоветский фронт белогвардейского офицерства. Через Илью Минора был непосредственно связан с союзными миссиями в Москве и Петрограде. Поддерживал связь с подрывниками М.А.Давыдова. В начале 1918 года встречался с Коноплевой и Ефимовым, которые готовили покушение на Ленина в Москве.

М.А.Веденяпин, член ЦК ПСР. Специально выехал в Самару с директивой ЦК партии с. — р. для участия в вооруженном восстании против Советской власти. В Самаре вступил в контакт с чехословацким командованием. Знал, что Коноплева и Ефимов готовили покушение на Ленина в марте 1918 года. После неудавшейся попытки террористического акта снабдил Ефимова и Коноплеву деньгами на проезд из Москвы в Петроград.

М.А.Лихач, член ЦК ПСР. Заведовал военным отделом ЦК. В качестве члена ЦК присутствовал на заседаниях военной комиссии. Участвовал внесете с Семеновым в объединенном заседании военного отдела "Комитета родины и революции". Руководил подготовкой вооруженного выступления боевых эсеровских дружин в момент открытия Учредительного собрания и в момент его разгона. Получил лично деньги от Игнатьева, поступившие из английских источников, на поездку из Вологды в Архангельск. В качестве уполномоченного ЦК ПСР принял участие в формировании контрреволюционного правительства в Архангельске и вошел в него после контрреволюционного

переворота.

Н.И.Артемьев и С.В.Морозов вели активную работу в Москве. Морозов лично участвовал в совещании, на котором с докладом выступил председатель Уфимского Комитета ПСР по вопросу о формировании антисоветского фронта в Поволжье.

Е.М.Ратнер-Элькинд, член и казначей ЦК ПСР. В мае 1918 года получила от Семенова деньги, экспроприированные у артельщика комиссариата продовольствия. Знала об их источнике. Была в курсе подготовки покушений на Володарского, Урицкого и Ленина.

Е.А.Иванова-Иранова, арестованная за военную работу в Москве и перевозку из Петрограда в Москву белогвардейских офицеров, амнистированная в 1919 году Верховным Трибуналом, вошла в Центральный боевой отряд при ЦК ПСР, приняла участие вместе с Коноплевой, Рабиновичем и Ефимовым в организации террористического акта против Ленина в феврале 1918 года. В июне 1918 года вела слежку за Володарским. В качестве исполнительницы ездила на линию железный дороги на станцию Томилино с целью вызвать крушение поезда, в котором следовали ответственные военные работники Реввоенсовета Республики. Знали о готовящемся покушении на Ленина.

А.И.Альтовский вел военную работу в Саратове. Снабжал документами и явками направляемых к нему белогвардейцев и членов ПСР.

В.В.Агапов вел военную работу и организовал подрывную группу. Являлся связным между подрывниками и членом ЦК ПСР Д.Д.Донским.

Г.Л.Горьков-Добролюбов вел военную работу в Москве, способствовал переправе за Волгу членов Учредительного собрания. Участвовал в заседании при докладе Уфимского представителя в Московском бюро ЦК ПСР.

Д.Ф.Раков, член ЦК ПСР, принял от Семенова экспроприированные у торговца на Лесном в Петрограде деньги, заведомо зная об их источнике.

Ф.Ф.Федорович, член ЦК ПСР, находился в непосредственных сношениях о агентом савинковской организации Калининым.

М.Я.Гендельман-Грабовский, член ЦК ПСР, был членом фракции Учредительного собрания. Участвовал в сношениях о иностранными миссиями. Выехал по заданию ЦК ПСР в Поволжье для контрреволюционной работы. Принимал участие в Уфимском совещании, как сторонник группы Н.Д.Авксентьева.

Во второй группе подсудимых государственный обвинитель Н.В.Крыленко выделил бывшего начальника Центрального боевого отряда при ЦК ПСР Г.И.Семенова /Васильева/. Отметил,

что эсеровские боевики состояли членами различных организаций ПСР и разновременно, начиная о 25 октября 1917 года по день ареста или выхода из партии, совершали контрреволюционные действия, направленные на свержение Советской власти или убийство руководителей Советской республики.

Г.И.Семенов в марте 1918 года организовал Центральный боевой отряд при ЦК ПСР с целью производства террористических актов и экспроприаций. В мае и июне 1918 года организовал и подготовил покушение на Володарского. Отдал приказания эсеру Сергееву убить Володарского пулями, отравленными ядом кураре. В целях производства террористического акта в мае — июне 1918 года организовал слежку за Урицким, привлек к этой работе Коноплеву. В июле 1918 года руководил подготовкой покушения на Ленина. Лично произвел отравление пуль, которыми Ф.Каплан стреляла в Ленина 30 августа 1918 года на заводе Михельсона в Москве,

И.С.Дашевский в мае 1918 года содействовал Семенову в передаче в кассу ЦК ПСР денег экспроприированных у артельщика комиссариата продовольствия на станции Буй; в июне 1918 года ввел эсерку Каплан в Центральный боевой отряд для использования ее в качестве одного из главных исполнителей покушения на Ленина,

Л.В.Коноплева состояла в бюро военной комиссии при ЦК ПСР. Вместе о Семеновым и Леппером готовила вооруженное восстание против большевиков в Петрограде. В феврале 1918 года решила организовать покушение на Ленина. Вместе с Ефимовым вела за ним слежку в Москве. Получила от члена ЦК ПСР В. Рихтера яд кураре для отравления пуль, предназначавшихся для убийства Ленина. Покушение на Ленина в марте 1918 года не состоялось. Коноплева вступила в Центральный боевой отряд, состояла в числе исполнителей террористического акта на Ленина 30 августа 1918 года.

П.Т.Ефимов в феврале 1918 года, по предложению особо уполномоченного ЦК ПСР Б.Н.Рабиновича и члена ЦК ПСР А.Р.Гоца согласился, принять участие в подготовке покушения на Ленина под руководством Коноплевой. Знал об убийстве Володарского эсером Сергеевым.

К.А.Усов принял участие в организации боевых дружин в Колпинском районе под руководством Семенова. Принял участие в организации террористического акта против Ленина в июле-августе 1918 года. Был в числе исполнителей покушения.

Ф.Ф.Федоров-Козлов состоял организатором боевых дружин в Невском районе Петрограда под руководством Семенова. В июне

1918 года принял участие в организации террористического акта против Володарского. Скрывался от ареста вместе с убийцей Володарского и уехал в Москву для продолжения террористической работы. Был в числе исполнителей покушения на Ленина.

Ф.В.Зубков был членом боевой дружины, сверх того в июле-августе 1918 года принял участие в организации террористического акта против Ленина. Пытался произвести крушение поезда, в котором следовали работники Реввоенсовета РСФСР.

П.Н.Пелевин в июле 1918 года вместе с Каплан вступил в Центральный боевой отряд и принял участие в организации террористического акта против Ленина. Принял участие в нескольких экспроприациях советских учреждений и частных лиц.

М.И.Львов состоял членом ПСР, в сентябре 1918 года снабдил Лидию Коноплеву (через Елену Иванову) явкой к эсеру, служившему в Калужском губпродкоме, который оказал Коноплевой содействие в осмотре губпродкома в целях его ограбления.

Ю.В.Морачевский организовал боевые дружины в Василеостровском районе в Петрограде и сверх того был хозяином явочной квартиры Центрального боевого отряда. В июне 1918 года скрыл у себя убийцу Володарского эсера Сергеева.

Ф.Е.Ставская состояла членом ПСР и приехала в Москву в сентябре 1918 года. Вошла в Центральный боевой отряд по рекомендации члена ЦК ПСР Д.Д.Донского. Выехала на Самарский фронт для связи с контрреволюционным центром на Волгой.

Г.М.Ратнер, член Московского бюро ЦК ПСР. Вел политичеокую работу в Москве среди рабочих. Председательствовал от МК партии с. — р. в военной группе при Бюро членов Учредительного собрания. Присутствовал при докладе связного Хреновского члену ЦК ПСР Д.Д.Донскому о переговорах с генералом Алексеевым. Вел военную работу на Украине, Кубани, о чем впоследствии доложил Донскому. Со слов сестры Е.М.Ратнер-Элькинд знал об убийстве правыми эсерами В.Володарского.

Государственный обвинитель Крыленко сделал вывод, что члены ЦК ПСР, обвиняемые по делу правых эсеров социально опасны и нет никакой надежды на то, что их действия в будущем изменятся. В самом деле, X Совет ПСР, состоявшийся в августе 1921 года, поставил вопрос о свержении Советской власти: "X Совет партии, — говорится в резолюции, — заявляет, что вопрос о

революционном низвержении диктатуры Коммунистической партии со всей силой железной необходимости ставится в порядок дня".

5 сентября 1921 года находившиеся под стражей члены ЦК ПСР Гоц, Генделкман, Веденяпин, Донской, Лихач, Раков, Е.Ратнер, Тимофеев и другие отправили вновь избранному Центральному Бюро ПСР письмо по поводу вышеуказанного Совета и его решений, в котором писали: "С радостью узнали мы о благополучном исходе X Совета партии… X Совет партии совершенно правильно заявляет, что главным заданием является преодоление диктатуры правящего правительства". Этим письмом обвиняемые члены ЦК ПСР не только солидаризировались с тактикой X Совета, но и доказали, что и в тюрьме они были связаны со своей партией, и в качестве ее членов ЦК продолжали на нее оказывать свое влияние.

— Товарищи судьи, — заявил Крыленко. — Политика ПСР приобретает вое более и более авантюристический и заговорщический характер. Надо блюсти, чтобы Республика Советов не потерпела вреда. Надо блюсти, чтобы во всяком случае интересы государства были выше всего. Что бы ни говорили, ни кричали в России или в Западной Европе представители соглашательских организаций. Мы выстрадали право самозащиты и самообороны от наших врагов… Я требую высшей меры наказания.

Во время процесса эсеров В.И.Ленин находился в Горках. Следил за его ходом. Особенно возмущался клеветническими выступлениями Гендельмана-Грабовского. Он с самого начала заботился о том, чтобы этот процесс стал максимально справедливым и смог установить истинную роль ПСР в русской революции. По его мнению, на процессе должны были торжествовать гласность, равноправие обвиняемых и обвинителей. Процесс должен был показать трудящимся Советской России, кто подлинные враги и друзья.

Процесс достиг цели: изучил действия каждого из обвиняемых на основании законодательства Республики Советов. Он не дискредитировал подсудимых как первой, так и второй групп. Не покушался на те социальные истины, которые отстаивали обвиняемые. Он судил их за конкретные преступления против рабочих и крестьян РСФСР. Трибунал не нарушал закон. Даже публике в зале заседаний не разрешалось проявлять сверх меры свои пристрастия и антипатии. Трибунал стремился сосредоточиться на том, что оказывалось абсолютно доказанным. Одна из задачи была главной — прояснять истину. Суждения судей подтверждались фактами. Если требовалось — факты

перепроверялись, подтверждались документами и свидетельскими показаниями. Подсудимые смело защищали свой взгляды и критиковали политику большевиков. И по всем аспектам борьбы потерпели сокрушительное поражение.

Русский народ отверг мелкобуржуазное эсеровское "народовластие" и решительно встал под знамена Советской России. Пошел не за Гоцем и Рабиновичем, а за вождём Октябрьской революции В.И.Лениным, на которого эсеры совершили злодейское покушение 30 августа 1918 года.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

КРЫЛЕНКО: По отношению к сидящим на скамье подсудимые суд должен определить, были или не были их действия направлены на свержение Советской власти.

БУХАРИН: Куда бы мы ни взглянули, на какое угодно белое правительство, на какую угодно контрреволюционную силу, мы находили там партию с. — р., которая идет с любой силой, если острие этой силы направлено против Советской власти.

КЛАРА ЦЕТКИН: Можно ли оправдать отравителя тем, что он обладает высокой интеллигентностью и культурностью? Эсеров я считаю политическими, общественными отравителями…

Письмо А.М.Горького А.И.Рыкову 1 июня 1922 года

Алексей Иванович!

Если процесс социалистов-революционеров будет закончен убийством — это будет убийство с заранее обдуманным намерением — гнусное убийство.

Я прошу Вас сообщить Л.Д.Троцкому и другим это мое мнение. Надеюсь, оно не удивит Вас, ибо Вам известно, что за все время революции я тысячекратно указывал Советской власти на бессмыслие и преступность истребления интеллигенции в нашей безграмотной и некультурной стране.

Ныне я убежден, что если эсеры будут убиты — это преступление вызовет со стороны социалистической Европы моральную блокаду России.

1. VII.22 М.Горький"

Резолюция А.И. Рыкова. Разослать через Секретариат всем членам Политбюро

19. VII- 22 г. А.И.Рыков

Приписка Л.Д.Троцкого. Предлагаю: поручить ред. "Правды" мягкую статью о художнике Горьком, которого в политике никто всерьез не берет; статью опубликовать на иностранных языках.

Троцкий.

Пометки: За — Томский, Рыков.

18 июля 1922 г. в N 158 газеты "Правда" была опубликована статья О.Зорина "Почти на дне" /о последних выступлениях М.Горького/. В статье упоминается письмо А.М.Горького к А.И. Рыкову и подчеркивается, что истребления интеллигенции в стране не было, были "жертвы с обеих сторон баррикад". В статье также отмечалось, что "своими политическими, заграничными выступлениями Максим Горький вредит нашей революции. И вредит сильно…"

ИЗ ПРИГОВОРА ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

"… Верховный Трибунал ПРИГОВОРИЛ:

Абрама Рафаиловича ГОЦА, Дмитрия Дмитриевича ДОНСКОГО, Льва Яковлевича ГЕРШТЕЙНА, Михаила Яковлевича ГЕНДЕЛЬМАН — ГРАБОВСКОГО, Михаила Александровича ЛИХАЧА, Николая Николаевича ИВАНОВА, Евгению Моисеевну РАТНЕР — ЭЛЬКИНД, Евгения Михайловича ТИМОФЕЕВА, Сергея Владимировича МОРОЗОВА, Владимира Владимировича АГАПОВА, Аркадия Ивановича АЛЬТОВСКОГО, Владимира Ивановича ИГНАТЬЕВА, Григория Ивановича СЕМЕНОВА, Лидию Васильевну КОНОПЛЕВУ, Елену Александровну ИВАНОВУ — ИРАНОВУ — РАССТРЕЛЯТЬ.

Принимая во внимание, однако, что ИГНАТЬЕВ бесповоротно порвал со своим контрреволюционным прошлым, добросовестно служит Советской власти и является элементом социально безопасным, Верховный Трибунал обращается… в президиум ВЦИК о ходатайством об освобождении его, ИГНАТЬЕВА, от наказания.

В отношении СЕМЕНОВА, КОНОПЛЕВОЙ, ЕФИМОВА, УСОВА, ЗУБКОВА, ФЕДОРОВА — КОЗЛОВА, ПЕЛЕВИНА, СТАВСКОЙ и ДАШЕВСКОГО… Верховный Трибунал находит: эти подсудимые добросовестно заблуждались при совершении ими тяжких преступлений, полагая, что они борются в интересах революции; поняв на деле контрреволюционную роль ПСР, они вышли из нее и ушли из стана врагов рабочего класса, в каковой они попали по трагической случайности. Названные подсудимые вполне осознали всю тяжесть содеянного ими преступления, и Трибунал, в полной уверенности, что они будут мужественно и самоотверженно бороться в рядах рабочего класса за Советскую власть против всех ее врагов…ходатайствует перед Президиумом ВЦИК об их полном освобождении от всякого наказания.

… Трибунал приговорил сверх того, обвиняемых: АРТЕМЬЕВА, ВЕДЕНЯПИНА, ГОРЬКОВА, ЗЛОБИНА, ЛЬВОВА, РАКОВА, ФЕДОРОВИЧА, УТГОФТА, ЛИБЕРОВА, БЕРГА к поражению прав… сроком на 5 лет.

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОВЕТОВ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ

8 августа 1922

"…Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета постановляет:

1. Приговор Верховного Трибунала в отношении к подсудимым: Гоцу, Донскому, Герштейну, Гендельману — Грабовскому, Лихачу, Н.Иванову, Е.Ратнер-Элькинд, Тимофееву, Морозову, Агапову, Альтовскому и Е.Ивановой-Ирановой, приговоренным к высшей мере наказания, утвердить, но исполнение приостановить.

Если партия социалистов-революционеров фактически и на деле прекратит подпольно — заговорщическую работу против власти рабочих и крестьян, она тем самым освободит от высшей меры наказания тех своих руководящих членов, которые в прошлом этой работой руководили и на самом процессе оставили за собой право ее продолжать.

Наоборот: применение партии социалистов-революционеров методов вооруженной борьбы против рабоче-крестьянской власти неизбежно поведет к

расстрелу осужденных вдохновителей и организаторов контрреволюционного террора и мятежа.

Как приговоренные к высшей мере наказания, так и присужденные к долгосрочному заключению остаются в строгом заключении.

В отношении Семенова, Коноплевой, Ефимова, Усова, Зубкова, Федорова-Козлова, Ставской, Дашевского и Игнатьева ходатайство Верховного Трибунала о полном освобождении их от наказания удовлетворить."

14 января 1924 года Президиум ЦИК Союза ССР вновь рассмотрел вопрос об осужденных эсерах и заменил им высшую меру наказания — расстрел — лишением свободы сроком на 5 лет, а остальным сократил сроки лишения свободы наполовину.

Эпилог. Белый флаг

Абрам Рафаилович Гоц находился в местах "не столь отдаленных" — в далекой Сибири. Президиум ЦИК Союза ССР 14 января 1924 года заменил ему высшую меру наказания — расстрел — пятилетним заключением. Два года он уже отсидел, осталось еще три. Работал то на лесопилке, то на разгрузке железнодорожных вагонов, то переписывал какие-то ведомости и наряды в тюремной канцелярии. Скучать не приходилось. Но едва Гоц оказывался в камере, ему становилось не по себе. "Так долго продолжаться не может…". Едва успел подумать — звякнула тяжелая задвижка. В дверной глазок просунулась газета. Гоц жадно схватил ее, развернул. Номер августовский. На первой полосе выделялось правительственное сообщение, набранное крупным шрифтом: "В двадцатых числах августа, — говорилось в нем, — на территории Советской России ОГПУ был задержан… Савинков Борис Викторович, один из самых непримиримых и активных врагов Рабоче-Крестьянской России. /Савинков задержан с фальшивым паспортом на имя В.И.Степанова/".

Гоц замер. Перехватило дыхание. Не верилось, не укладывалось в голове. Перечитал снова. Да, все верно. Савинков Борис Викторович… "Последний из могикан" попался! Гоц знал Савинкова. Вместе начинали работать на революцию. Из одного гнезда вылетали. Можно сказать, из одного эсеровского яйца вылуплялись. Согретого бабушкой Екатериной Брешко-Брешковской. Азы террора проходили в школе Евно Азефа и, как впоследствии оказалось, под зорким оком Департамента полиции. Горькая эта пилюля не забывалась.

…И этот человек у большевиков на Лубянке! Наверняка, не обошлось без Григория Семенова. Гоц не позавидовал Борису Викторовичу. Еще и еще раз перечитал правительственное сообщение. Стал прикидывать, как бы следовало Савинкову вести себя на предстоящем процессе. А в том, что процесс состоится — Гоц не сомневался. Далеко до Москвы — не докричишься. Не услышит. Писать? Куда? Ах, если бы это было возможно! Скольких бы ошибок Савинков избежал… И все же Савинкову хотелось верить. И, словно отвечая настроению Гоца, выглянуло солнце, ударило в "пятикопеечное окно", и на обшарпанной стене камеры замельтешил "зайчик".

Фанатичные люди всегда рассчитывают на чудо. И Гоц встряхнулся. Повеселел. Возможно то, чего не удалось достигнуть ему на своем процессе, сделает Савинков. Самолюбив. К тому же — удачлив. Опытный политик, талантливый писатель,

изощренный полемист… Не обойдет его фортуна стороной. И на скамье подсудимых не ударит в грязь лицом перед Западом…

А вдруг большевики побоятся? Предпочтут избежать огласки? Савинков есть Савинков. Проведут закрытый процесс. Без лишнего шума. Без посторонних глаз. И чтобы ни говорил Савинков, навсегда будет похоронено в архивах. Со временем и от них ничего не останется. Трухлявой станет бумага. Выцветут буквы и прощай — прости зажигательные речи "кавалергарда революции" — идеолога белой эмиграции…

Вопреки прогнозам Гоца, процесс по делу Б.В.Савинкова был открытым. О суде над знаменитым террористом подробно писалось в газетах. Гоц недоумевал. Ничего не мог понять. Савинкова ли допрашивали? Он ли на суде произносил такие речи? В своем ли он уме? Неужели поднял белый флаг?

Савинков предстал перед Военной коллегией Верховного Суда СССР. В лице закоренелого контрреволюционера и террориста весь мир снова увидел за "работой" эсеровскую партию — левый фланг русской белогвардейщины.

Весьма примечательно: Савинков пояснил на следствии, что прибыл в Советский Союз не для организации подрывной работы, а "чтобы узнать правду о России". Умел Борис Викторович, при случае, ввернуть нужные слова.

Столько лет он держал в напряжении чекистов, слыл знатоком "русского вопроса" и вдруг — Лубянка. Как же это случилось..?

… Летом 1922 года ОГПУ разработало план секретной операции. Цель — "выманить" Савинкова из-за границы на советскую территорию. Ф.Э.Дзержинский и В.Р.Менжинский, используя информацию задержанного адъютанта Савинкова, бывшего царского офицера Л.Д.Шешени и Григория Семенова, ставшего к этому времени уже членом РКП/б/, поручили осуществить операцию контрразведывательному отделу ОГПУ, возглавляемому А.Х.Артузовым.

ОГПУ, через подставных лиц, внушило Борису Савинкову в существовании крупной и влиятельной антисоветской "Московской организации". Террориста соблазнили поехать в столицу возглавить "москвичей". Ему была обещана триумфальная "царская" встреча…

Границу Борис Савинков перешел нелегально, с фальшивым паспортом, ночью. Спешил на встречу о руководителями "Московской организации" и других контрреволюционных групп.

Чекисты позволили Савинкову и его сподвижникам добраться до Минска, здесь, 16 августа 1924 года арестовали. Савинков не смог скрыть замешательства.

— Чисто сделано, — сказал он подчеркнуто небрежным тоном, — Разрешите продолжать завтрак?

Крупные судебные процессы над савинковцами, прошедшие в СССР в 1921–1924 годах разоблачили Савинкова как платного агента нескольких империалистических разведок.

К удивлению Запада, Савинков не отрицал обвинений. В отличие от членов ЦК ПСР Гоца, Тимофеева. Донского и других, не пытался прятаться в эсеровские "кусты", рядиться в пресловутые ризы "народовластия". Если на процессе Гоц, Тимофеев и вся их компания пытались обелить партию эсеров, беззастенчиво лгали, то Савинков мучительно рассказывал суду, как постепенно убеждался в том, что белое движение направлено против трудящихся, а иностранные империалисты, поддерживая и финансируя русскую контрреволюцию, преследуют свои собственные цели, идущие в разрез с интересами России, а на него и ему подобных "вождей" смотрят, как на своих покорных слуг. "Кто платит — тот заказывает музыку".

Савинков рассказал суду, как военный министр Англии Уинстон Черчилль, ткнув пальцем в обозначенное на карте расположение войск Деникина, сказал:

— Вот это моя армия!

ИЗ СТЕНОГРАММЫ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА НАД САВИНКОВЫМ

УЛЬРИХ: Вы что-нибудь ответили на эту фразу?

САВИНКОВ: Я ничего не ответил… Я хотел выйти, но тогда представил себе, что вот я сижу в Париже, а там, на далеком фронте русские добровольцы /белогвардейцы-Н.К./ ходят разутые, и, если я хлопну дверью, выйду со скандалом из этого кабинета, они будут ходить без сапог…

УЛЬРИХ: Что вы еще можете сказать о целях "союзников"?

САВИНКОВ: Англичане очень упорно, очень много говорили со мной о том, что желательно образовать "независимый" юго-восточный союз из Северного Кавказа и Закавказья. Союз этот должен быть только началом. К нему должны присоединиться Азербайджан и Грузия. Я в этом чувствовал запах нефти… Они хотели видеть Россию истощенной, разоренной, своей колонией.

Савинков признает /в который раз,!./, что его борьба с Советской властью субсидировалась иностранцами. Он прямо заявил:

— Без опоры на иностранцев мы воевать не могли.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА

САВИНКОВ: Я думаю, что все иностранцы, каковы бы они ни были, в этом отношении равны; что Пуанкаре и Мильеран равны Эррио, что Черчилль и Ллойд-Джорж равны Макдональду, а Муссолини — Пилсудскому. Все они очень приветствовали ослабление России, этим, собственно, и объясняется их политика по отношению тех, кто борется с большевиками.

Не оспаривая своей враждебной деятельности против Советской страны /с фактами спорить трудно/, Савинков вместе с тем попытался найти себе оправдание с точки зрения нравственности и морали. "Я, Борис Савинков, — патетически восклицал он, — бывший член боевой организации ПСР, друг и товарищ Егора Созонова и Ивана Каляева, участник убийства Плеве и великого князя Сергея Александровича, участник многих других террористических актов, человек, всю жизнь работавший только для народа и во имя его, обвиняюсь ныне рабоче-крестьянской властью в том, что шел против русских рабочих и крестьян с оружием в руках. Как могло это случиться?"

Ни больше, ни меньше — "слуга народа", всю жизнь работавший только для народа! А на кого списать разрушенные села и города, сотни убитых партийных и советских работников, повешенных на телеграфных столбах рабочих и крестьян, взорванные мосты, склады с продовольствием, разрушенные заводы и фабрики?

САВИНКОВ: Моя невольная вина перед русским народом, вольной вины за мной нет.

В показаниях Савинков пытался объяснить, почему стал бороться против коммунистов. Во-первых, по своим убеждениям он пусть плохой, но эсер. Следовательно, обязан защищать Учредительное собрание. Во-вторых, думал, что преждевременно заключенный Брестский мирный договор губителен для России. В-третьих, ему казалось, что если не бороться с коммунистами демократам, то власть захватят монархисты. И в — четвертых, кто мог бы в 1917 году сказать, что русские рабочие и крестьяне пойдут за РКП/б/?

САВИНКОВ: Будущее мне показало, что я был неправ во всем. Учредительное собрание выявило свою ничтожность. Мир с Германией заключила бы любая дальновидная власть.

Наконец — это самое главное, — РКП(б) была поддержана рабочими и крестьянами России, т. е. русским народом.

Заветным словесным коньком Савинкова являлась его "любовь" к крестьянству. Это она, видите ли, заставила его заблуждаться, жертвовать всем и всеми. Во имя мужика, он, Савинков, готов был шествовать по колено в мужицкой крови.

Как человек наблюдательный, Савинков не мог не видеть подлинное отношение крестьянских масс в вождям контрреволюции.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА

САВИНКОВ: Я помню, как зашел в белорусскую деревню где-то в лесу, ко мне подошли крестьяне…

Савинков задал старику вопрос: "Керенского помните?

— Да, — ответил старик. — Помню.

— К Керенскому как относитесь?

Старик махнул рукой и сказал:

— Пустозвон.

— И не то меня ранило, — говорил Савинков. — что я шел походом, что я посылал русскую пулю и надо мной свистели тоже русские пули, меня глубочайше, до конца ранили вот эти беседы с крестьянами…

И что же? Савинков после этого сложил оружие? Прекратил борьбу против Советской России? Примирился с русским мужиком?

С каждым днем суда становилось ясным, что Савинков — слуга буржуазии, исполнитель воли империалистов, приказчик белой контрреволюции, сторожевой пес врагов Советской власти. Таков ответ на заданный Савинковым самому себе вопрос: "Как это случилось?"

На суде Ульрих спросил Савинкова, почему ни один из террористических актов, замышлявшихся им против Ленина, не был осуществлен?

САВИНКОВ: Готовилось покушение на Ленина. Знал, где и как живет Ленин, но дальше этого не пошло. Не потому, что мы не хотели, а потому, что не смогли… Был случай, когда я послал Свежевского убить Ленина. Снабдил террориста оружием, деньгами, подложными документами. И все же я не верил Свежевскому. Понятно, из этого ничего не вышло.

Борис Савинков сказал Свежевскому, что если не удастся

убить Ленина, он должен во что бы то ни стало добыть секретные сведения о Красной Армии. Найти надежного курьера, через которого сообщить в Варшаву свой адрес и результаты разведывательной работы.

На суде Борис Савинков умолчал о своих "заслугах" в деле освобождения из Варшавской Центральной тюрьмы Григория Семенова и Натальи Богдановой. Они ведь тоже были направлены Савинковым в Советскую Россию убить Ленина. Только верил им значительно больше, чем Свежевскому. Все же как никак Семенов был начальником Центрального боевого отряда ЦК ПСР, имел опыт организации покушения на Ленина, совершил десятки виртуозных экспроприаций после Октября, прошел царские и советские тюрьмы…

Савинков признал, что в 1918–1921 годах руководимая им организация готовила террористические акты против В.И.Ленина, вместе с тем отрицал какую-либо личную связь с Фанни Каплан.

Ульрих зачитал выдержку из книги Б.Савинкова "Борьба с большевиками". В ней террорист писал, что заслуги в деле покушения эсерки Каплан на жизнь вождя революции В.И.Ленина принадлежат ни кому-либо, а именно ему — Борису Викторовичу Савинкову, его боевой организации.

"План этот удался отчасти, — писал Савинков… — Покушение на Ленина удалось лишь наполовину, так как Каплан, ныне расстрелянная, только ранила Ленина, но не убила".

Савинков с большим смущением пояснил суду, что фраза эта не точна, брошюра писалась им наспех, фактически же он ничего не знал о готовящемся покушении на Ленина в августе 1918 года и даже не был знаком с Каплан.

Почему же Савинков решил пожать эсеровские "лавры" в деле покушения Каплан на Ленина? Вполне объяснимо. И с точки зрения террориста логично. ЦК ПСР от покушения отрекся. Публично. Через газету. Но ведь кто-то же руководил покушением? Кто-то же стоял за спиною Каплан? Почему бы ни Савинков — всем известный и всеми признанный мастер провокации и террора? Почему такому историческому акту быть безымянным? Разве не украсит оно имя Бориса Савинкова? И разве кто-нибудь усомнится в этом? А польза? Выгода? Громадные. Откроются кредиты российских и европейских толстосумов. Возрастет популярность. Поправится пошатнувшийся авторитет. Все остальное — спишет история. Спишет и никогда не вспомнит. История делается и пишется людьми, а люди склонны к забывчивости.

УЛЬРИХ: Убийство Мирбаха и восстание левых эсеров было с вами согласовано?

САВИНКОВ: Нет. Это явилось для нас полной неожиданностью.

УЛЬРИХ: Но ведь время совпадает.

САВИНКОВ: Да. В данном случае, я выскажу только свои соображения. Я предполагаю, что французы знали о том, что левые эсеры будут выступать. Поэтому французы, зная, что левые эсеры будут выступать в Москве, наши силы перебросили сознательно на верхнюю Волгу, стараясь приурочить время нашего выступления к восстанию левых эсеров… Французы обманули нас, и мы до известной степени являлись игрушкой в их руках.

Шло время. Менялась обстановка в мире. Мятежи в России были подавлены, армии Колчака, Деникина, Юденича, Красноа, Шкуро, Семенова, Врангеля разгромлены. Пилсудский запросил мира. Напуганные революционным подъемом, буржуазные политики уже не рисковали отправляться в новый поход, поговаривали о переговорах, о признании, об установлении торговых и дипломатических отношений со Страной Советов.

Что же Борис Савинков? Он — в Париже. Занимает скромную квартиру. Ведет мирную жизнь обывателя. Встает в 8 утра, отправляется бриться в парикмахерскую. Возвращается домой, завтракает. Присутствует полковник Павловский, иногда — Любовь Ефимовна Дикгоф-Дерентaль. После завтрака часов до двух работает в кабинете, затем перед обедом совершает прогулку. После обеда пишет корреспонденцию и роман из современной жизни… И все это изо дня в день, без изменений, после бурной, полной приключений жизни недавнего прошлого! Он, Савинков — на обочине.

Умный человек не мог этого не сознавать. Жизнь шла мимо него. Его неохотно принимали вчерашние друзья и правители. Слишком одиозная фигура: это может стоить популярности, карьеры, а самое главное — доходов, прибылей от нового послевоенного бизнеса. С Россией начинали серьезно торговать.

Можно предполагать, что именно в этот период после стольких шишек, плевков и подзатыльников Савинков, возможно, начал осознавать обреченность дальнейшей борьбы против Советской власти. В статье "Почему я признал Советскую власть?", опубликованной в начале сентября 1924 года в "Правде" он писал:

"Когда при царе я ждал казни, я был спокоен. Я знал: я послужил, как умел, народу, народ со мной и против царя. Когда теперь я ожидал неминуемого расстрела, меня тревожили те же сомнения, что и год назад, за границей: а что если я для них — враг, враг России? А что если, борясь против красных, я, в невольном грехе, боролся с кем? — С моим, родным мне народом? С этой мыслью тяжело умирать. С этой мыслью тяжело жить".

Борис Савинков, один из самых непримиримых и коварных врагов, открыто заявил, что вся его жизнь была ошибкой и заблуждением. Он отказался от дальнейшей борьбы с Советской властью. Безоговорочно признал ее законы. И не только признал сам, но призывал своих бывших союзников последовать его примеру.

На этот раз Борис Савинков был искренен.

В записках, речи Савинкова на суде находим такие весьма выразительные высказывания:

"Я признаю безоговорочно Советскую власть и никакой другой…" "Если ты русский, если ты любишь свой народ — преклонись перед рабоче-крестьянской властью и признай ее безоговорочно".

"Что делать, судьба дала мне неукротимую энергию и сердце революционера. Вот я и шел до тех пор, пока не убедился в своей ошибке".

Рисуется Савинков? Рисуется — безусловно. И все же признает свои ошибки. Незаурядные организаторские способности, личная неустрашимость и то качество, которое Луначарский охарактеризовал, как умение вжиться в свою роль и заставить поверить в нее других, позволяли Савинкову все время находиться на гребне контрреволюционной волны, на самой ее вершине. И можно только посочувствовать ему: спускаться с вершины такой волны — не легкий, а зятяжной и болезненный процесс. Трудно признавать ошибочными авантюрные планы, трудно расписываться в собственной несостоятельности.

Весь мир видел — процесс не инсценирован, Савинков — настоящий, а его разоблачительные показания — не "выдумка Кремля", не продукция красной пропаганды. И, несмотря на всю очевидность состава преступлений, смысл которых раскрывался в свидетельствах самого подсудимого и массе документов. Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР пришлось в течение всего процесса, строго соблюдая советское уголовное законодательство, вновь и вновь выяснять дополнительные подробности и подтверждать материалы следствия.

Подсудимый Б.В.Савинков полностью признал свою вину. Подводя итог своей борьбы против Советской власти, он

вынужден был оказать:

— Для меня теперь ясно, что не только Деникин, Колчак, Юденич, Врангель, но и Петлюра, и Антонов, и эсеры, и "савинковцы", и грузинские меньшевики, и Махно, и Григорьев, и даже кронштадцы не были поддержаны, русским народом и именно поэтому и были разбиты, что, выбирая между всеми разновидностями бело-зеленого движения, с одной стороны, и Советской властью — с другой, русский народ выбирает Советскую власть… Всякая борьба против Советской власти не только бесплодна, но вредна…

29 августа 1924 года в 1 час 15 минут ночи председатель огласил приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР.

Суд признал Б.В.Савинкова виновным и по совокупности преступлений приговорил к высшей мере наказания — расстрелу.

Одновременно суд постановил возбудить ходатайство перед Президиумом ВЦИК СССР о смягчении приговора.

Президиум ВЦИК СССР постановил: "… Удовлетворить ходатайство Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР и заменить осужденному Б.В.Савинкову высшую меру лишением свободы сроком на десять /10/ лет".

Савинков заслушал приговор внешне — бесстрастно. В зале суда находились супруги Дикгоф-Деренталь. Савинков, обычно обменивавшийся с ними приветствиями, на этот раз не глядел в их сторону. Дикгоф-Деренталь напрасно пытались ободрить его всем своим видом, взглядом, жестами. Он на это никак не реагировал. Лицо казалось неподвижным, глаза как-то отрешенно смотрели в пол.

Удалось ли судебному процессу полностью раскрыть все факты многочисленных преступлений Б.Савинкова против Советского государства и народа? Нет, к сожалению, не удалось. На суде, оказывается, он ни словом не обмолвился о своих преступных сношениях с английской разведкой, о координации своих планов с агентам "Интеллидженс сервис" Сиднеем Рейли / Розенблюмом/ и "дипломатом" Локкартом.

На суде Савинков путано рассказал о своем пребывании на Дону в конце 1917 и начале 1918 годов. Документы же свидетельствуют, что он активно сотрудничал с генералами Алексеевым, Корниловым, Калединым. Убеждал их в необходимости расширить и ужесточить вооруженную борьбу против большевиков, помогал формировать белую Добровольческую армию. Предпринял даже попытку привлечь на сторону контрреволюционного казачества… Г.В.Плеханова, посадить его за один стол с Корниловым, Калединым и Красновым.

Из письма Р.М.Плехановой в редакцию "Известия ВЦИК" от 4 сентября 1924 года

Плеханов всегда и неизменно отстранял всякое практическое предложение, с которым к нему обращался Савинков. Так было в апреле месяце 1917 года, когда он явился к Плеханову с предложением войти в редакцию затеваемой им ежедневной газеты. Георгий Валентинович сказал мне после ухода огорченного Савинкова: "Не желаю быть редактором органа перепугавшейся мелкой буржуазии". Такой же отказ от участия в проектированном Б.В.Савинковым и Е.А.Ляцким органе продиктовал мне Георгий Валентинович Плеханов в сентябре 1917 года, в эпоху демократического совещания.

Судебный процесс по делу Савинкова прошел без каких-либо заметных инцидентов и помех, не удалась вражеской агентуре ни одна из намеченных провокаций. Подсудимый остался жив и невредим, но 7 мая 1925 года он покончил с собой…

Савинков обратился к Дзержинскому с письмом относительно своего досрочного освобождения. Утром был весел. Энергичен. Шутил с чекистами, выводившими его на прогулку. Ничто, казалось, не предвещало беды. На какое-то время охрана оставила Савинкова в комнате без оконных решеток, и он выбросился из окна пятого этажа прямо во внутренний двор тюрьмы.

Врачи констатировали моментальную смерть…

"Что толкнуло Бориса на этот шаг?" — думал Гоц, прочитав о смерти Савинкова в газете. Прошлое ли довлело над ним? Не давало покоя? Подтачивало больную психику и расшатывало нервы? Возможно и другое. Мог ли он примириться с лишением свободы на столь длительный срок? Рассчитывал, что советские люди сразу простят все его кровавые преступления и он получит свободу. Или осознал, что после освобождения не может "вписаться" в панораму новой России? Или, быть может, в нем все-таки победил прежний Савинков — "артист авантюры", "независимый социалист", лидер "белой" и "зеленой" эмиграции? Или восторжествовало сиюминутное желание эффектно уйти с "поля боя" непобежденным и загадочным?

В жизни Савинкова самый частый знак не восклицательный, а вопросительный. Грех ли свершенное убийство? Костры? Пытки?

Казни? Но ради чего? Ради России? Какой России? Этого не знал ни сам Савинков, ни его разношерстное террористическое воинство. Савинков не задумывался над тем, что люди могут жить, не убивая, не расстреливая, не вешая, не проливая безоглядно море крови безвинных. А когда задумался — перед ним разверзлась бездна. И он в нее прыгнул…

РОБЕРТ БРЮС ЛОККАРТ: "По какой-то причине, я так и не смог понять, по какой, Борис Савинков всегда казался англичанам человеком действия и в силу этого героем. Савинков даже в большей степени, чем большинство русских, был прожектером… Он потерял всех своих друзей и, когда вернулся в Москву и предложил свои услуги большевикам, я этому не удивился. У меня нет сомнений, что в его измученном мозгу созрел какой-то план нанесения последнего удара во имя России и совершении эффектного государственного переворота. То была ставка игрока /всю свою жизнь он играл в одиночку/, и хотя противники большевиков утверждают, что он был убит — отравлен и выброшен из окна, — я нимало не сомневаюсь что он сам выбрал свою смерь".

…Поезд в будущее со станции Лубянка ушел без Савинкова. Теперь мы уверенно можем сказать, что он не всегда и не во всем был "кавалергардом революции". Зияющая трещина в его душе существовала с самого начала террористической деятельности. Он пел в Боевой организации ЦК ПСР с чужого голоса — голоса изменника и провокатора Евно Азефа. И фальшивая мелодия азефовской песни сопровождала его до могилы. Это — ПРАВДА, которая, как вода, увлажняет землю для хороших всходов.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ

Из книги Марка Янсена "Суд без суда"

"В декабре 1939 года Гоц был переведен из Орловской тюрьмы в лагерь в Нижнем Ингаше /Красноярский край/ и летом 1940 г. он там умер от инсульта. Дочери А. Р.Гоца, Ольге, удалось встретиться с отцом в Нижнем Янгаше. Она живет /лето 1991 г./ в Евпатории, в Крыму. Жена Гоца, Сара Николаевна, последние годы своей жизни жила с дочерью. Умерла в 1967 году.

Е.М.Тимофеев в 1925 году был выслан в Среднюю Азию, в Коканд. После второго ареста в том же году его выслали в

Казахстан, в Уральск, а в 1929 году ему разрешили переехать в Казань. В начале 1930-х г.г. его отправили в Самарканд. Он был расстрелян 11 сентября 1941 г. в Медвежьем лесу близ Орловской тюрьмы, так же как и В.А.Чайкин и более 150 других заключенных.

М.Я.Гендельман не дожил до1939 г… 3 октября 1938 года Верховный Суд приговорил его к расстрелу, и приговор был приведен в исполнение…

Е.С.Берг во второй половине 20-х г.г. отбывал ссылку в Буйнакске /Дагестан/, потом попал в тюрьму и в 1938 г. был расстрелян.

Д.Д.Донской, по двум свидетельствам, покончил с собой… Это случилось в 1937 г. в Парабеле близ Нарыма, где он отбывал ссылку и работал врачом…

Н.Н. и Е.А.Ивановы в 30-е гг. отбывали ссылку в Самарканде, а Н.Н. там, вероятно, в 1937 г. дали 10 лет "без права переписки".

Д.Ф.Раков в 1926 г. отбывал ссылку в Уфе, где работал экономистом…

А.И.Альтовский отбывал ссылку в Вятке и в Дагестане, а в 30-е годы попал в лагерь Коми АССР. После второй мировой войны он отбывал ссылку в Ухте, где работал старшим инженером… Умер 15 августа 1975 г.

Из обвиняемых второй группы К.А.Усов в 20-е и 30-е годы работал в учреждениях. В ночь с 15 на 16 марта 1937 года его арестовали в Москве. После приговора Военной коллегии Верховного суда от 13 июля того же года он был расстрелян.

В.И.Игнатьев 27 июля 1935 г. Военной коллегией Верховного суда ССС по т. н. Кремлевскому делу был приговорен к 3 годам ссылки…

Н.И.Ракитников в 20-е и 30-е годы жил в Москве и работал в Обществе политкаторжан… Тройка НКВД 15 апреля 1938 г. приговорила его к расстрелу".

После ареста сотрудника разведупра РККА бригадного комиссара Г.И.Семенова всех, кого удалось разыскать / Дашевского, Козлова, Усова, Зубкова, Коноплёву, Ставскую, Пелевина, Г.Ратнера и др./, привлекли к ответственности как "пособников террористической организации правых" /Бухарина-Рыкова/, "готовивших убийство" Сталина, Молотова, Ворошилова, Орджоникидзе.

БРИТАНСКИЕ СПЕЦСЛУЖБЫ ПЛАНИРОВАЛИ УБИЙСТВО ЛЕНИНА И ТРОЦКОГО

"Новые известия", 13 октября 1998 г. Ровно 80 лет понадобилось для того, чтобы мир узнал об одном из главных секретов британской службы военной разведки МИ-6. Оказывается, летом 1918 года руководство спецслужбы планировало убить руководителей РСФСР Ленина и Троцкого, а затем уничтожить большевистский режим в России…

По плану МИ-6 около пятнадцати британских агентов, вооруженных револьверами и ручными гранатами, должны были проникнуть в зал Большого театра, где проходил Всероссийский съезд Советов. Во время выступления Ленина террористы вплотную подходят к трибуне и стреляют в председателя Совнаркома в упор. Одновременно с этим президиум, в котором заседал Лев Троцкий, закидывается гранатами…

Феликс Дзержинский знал о заговоре и принял решение перед самым открытием съезда заменить латышских стрелков на отряд чекистов. План британцев провалился.

МИ-6 помогли Рейли скрыться и уехать из России. Заочно он был приговорен московским нарсудом к смертной казни, а в 1924 году его нашли мертвым в отеле в Хельсинки.

ИЗ ОТКРЫТОГО ПИСЬМА ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ М.А.СПИРИДОНОВОЙ, 1919 ГОД

"Правые эсеры и меньшевики были разбиты наголову не редкими репрессиями и стыдливым нажимом, а своей предыдущей соглашательской политикой. Массы действительно отвернулись от них. Губернские и уездные съезды собирались стихийно, там не было ни разгонов, ни арестов, свободная борьба мнений, спор партий и результаты выборов обнаруживали всюду полное презрение масс к соглашательским партиям правых эсеров и меньшевиков. Они погасли в пустоте."

Примечания

1. Название созданной В.И.Лениным партии менялось несколько раз. 1898 г.(1 съезд) — РСДРП; 1917 г. — РСДРП(б); 1918 г.(VII съезд) — РКП(б); 1925 г.(XIV съезд) — ВКП(б); 1952 г. (XIX съезд) — КПСС.

2. ВРК (военно-революционные комитеты) — боевые органы при Советах рабочих и солдатских депутатов в октябре 1917 — марте 1918, руководившие подготовкой и проведением Октябрьской революции.

3. ВЦИК (Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет) — высший законодательный, распорядительный и контролирующий орган государственной власти РСФСР в 1917–1937 г.г.

4. ВЧК (Всероссийская Чрезвычайная Комиссия) — специальный орган по борьбе с контрреволюцией и саботажем (1917–1922 г.г.).

5. РКИ, Рабкрин (Рабоче-крестьянская инспекция) — орган государственного контроля в 1920-193О г.г.

6. ВСНХ — Высший совет народного хозяйства по управлению промышленностью в 1917–1932 г.г.

7. ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление) — орган по охране государственной безопасности в 1923–1934 г.г.

8. НКВД — народный комиссариат внутренних дел.

9. МОПР — Международная организация помощи борцам революции. Создана в 1922 году. Оказывала помощь жертвам белого террора, борцам против фашизма. В международном масштабе действовала до второй мировой войны. В СССР секция МОПР существовала до 1947 г.

10. ИККИ — Исполком Коминтерна, руководящий орган Коммунистического Интернационала в период между его конгрессами.

11. Бунд ("Всеобщий еврейский рабочий союз" в Литве, Польше, России) — оппортунистическая мелкобуржуазная националистическая партия, основанная в 18097 г. С 1900 г. — автономная организация в РСДРП. Поддерживала "экономистов", меньшевиков, ликвидаторов, троцкистов. В конце 1918 г. в Бунде возникли левые группы. Их усиление и дискредитация оппортунистического руководства Бунда привели его к расколу, а затем к самоликвидации (1921 г.). Часть членов Бунда вступила в партию большевиков.

12. РВС (Революционный военный совет) — орган высшей

военной власти в 1918–1934 г.г.

13. СНК (Совет народных комиссаров) — высший исполнительный орган советской власти в 1917–1940 г.г.

14. СТО (Совет труда и обороны) — орган по руководству хозяйственным строительством и обороной (1920–1934 г.г.).

15. ЦКК (Центральная контрольная комиссия) — высший контрольный орган партии (1920–1934).

16. ЗСФСР(Закавказская социалистическая федеративная Советская республика) — объединение советских республик Азербайджана, Армении и Грузии (12.03.1922 -05.12.1936 г.г.).

17. Истпарт — Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б).

18. ВОКС — Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (1925 г.)

19. ВЦСПС (Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов) — руководящий орган профсоюзов в СССР.